

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
принц-консорт

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Ригард Длинные Руки
Ригард Длинные Руки — воин Господа
Ригард Длинные Руки — паладин Господа
Ригард Длинные Руки — сензор
Ригард де Амальфи
Ригард Длинные Руки — властелин трех замков
Ригард Длинные Руки — виконт
Ригард Длинные Руки — барон
Ригард Длинные Руки — ярл
Ригард Длинные Руки — граф
Ригард Длинные Руки — бурграф
Ригард Длинные Руки — ландлорд
Ригард Длинные Руки — пфальцграф
Ригард Длинные Руки — оверлорд
Ригард Длинные Руки — коннетабль
Ригард Длинные Руки — маркиз
Ригард Длинные Руки — троссграф
Ригард Длинные Руки — лорд-протектор
Ригард Длинные Руки — майордом
Ригард Длинные Руки — маркграф
Ригард Длинные Руки — гаугграф
Ригард Длинные Руки — фрейграф
Ригард Длинные Руки — вильдграф
Ригард Длинные Руки — раугграф
Ригард Длинные Руки — конунг
Ригард Длинные Руки — герцог
Ригард Длинные Руки — эрцгерцог
Ригард Длинные Руки — фюрст
Ригард Длинные Руки — кунифюрст
Ригард Длинные Руки — троссфюрст
Ригард Длинные Руки — ландесфюрст
Ригард Длинные Руки — принц
Ригард Длинные Руки — князь
Ригард Длинные Руки — эрцфюрст
Ригард Длинные Руки — рейхсфюрст
Ригард Длинные Руки — принц

Ригард Длинные Руки —
принц-консорт

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
принц-консорт

ЭКСМО
Москва

Оформление серии *А. Старикова*

Серия основана в 2004 году

В оформлении переплета использован
рисунок *В. Коробейникова*

Орловский Г. Ю.

О-66 Ричард Длинные Руки — принц-консорт : фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — М. : Эксмо, 2012. — 416 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-59068-1

Впереди — великая и благородная цель. Даже — грандиозная. И дорога к ней прямая. И как же легко и быстро нам к ней пройти, даже пробежать...

...если бы не всякие досадные камешки на пути! Женщины, монстры, колдуны, маги, чародеи, короли, соперники, коварные недруги, эльфы и драконы...

Вся наша жизнь из мелочей, увы. К счастью, не для принца Ричарда. Хотя, конечно...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-59068-1

© Орловский Г.Ю., 2012
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2012

Часть первая

Глава 1

Граф Меркель вошел с крайней почтительностью и предельной осторожностью, словно нес на подносе большую горку сырых куриных яиц, выложенных пирамидой.

Гигантский воротник растопырился в обе стороны, как жабры рассерженного игуано-дона, я почти услышал злое шипение. Красно-голубой костюм первого советника королевы расшит золотом и украшен различными бляхами, на груди толстая золотая цепь, вся в рубинах, а держит она с важностью тяжелый диск, изображающий то ли луну, то ли солнце.

— Граф, — произнес я, не дожидаясь, пока он остановится и поклонится, а то в самом деле гора сырых яиц посыплется на идеально чистый пол, а тут и без них скользко.

— Ваше высочество...

— Что у вас, граф? — поинтересовался я.

Он шагнул и вместо поклона, пусть даже церемоннейшего, станцевал нечто с подскоками и размахиванием шляпой во все стороны и сметанием пыли с выставленного вперед сапога.

— Ваше высочество...

— Впечатляет, — признался я. — Уже заметил, в Мезине весьма причудливые ритуалы.

Он сказал с удовольствием:

— А как же, мы страна высокой культуры!.. Только ритуалы не причудливые, а церемониально усложненные. Разве сложность условностей не растет с облагораживанием человека? У грубых, как скот, простолюдинов никаких церемоний, вы правы. Но чем выше человек, тем строже и достойнее он держится, с этим спорить не будете?..

— Да-да, — согласился я, — помню, как воспитательница наставляла юных барышень: дескать, даже когда входите в пустую комнату, все должны держаться и вести себя так, словно вдоль всех стен сидят джентльмены и наблюдают за вами.

— Вот-вот, — подхватил он с удовлетворением, — ваше высочество! Это простолюдину все равно, как и любому животному... Ваше высочество, я принес на рассмотрение во всех подробностях церемониал коронавания, это весьма пышное и строгое... гм... ибо, как вы понимаете, все-таки не каждый день, так сказать.

Я спросил весело:

— Сколько угрожали на такое? Половину бюджета страны? Или весь?

Он ответил с достоинством:

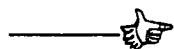
— Пришлось даже занять, ваше высочество, но оно того стоит.

— Ого, — сказал я, — хорошо, что не каждый день. Королевство и недели бы не выдержало.

Он посмотрел с укором и ответил с еще большим задирианием носа и раздуванием жабр:

— Ваше высочество, это коронавание, а не простой пир, пусть даже всекоролевского значения! Ее величество Ротильда изволит, чтобы народ всей страны от Хребта и до Грангепта увидел, рассмотрел, проникся и запомнил.

— Ужас, — сказал я, — весь народ Мезины съедется?

— Почти весь, — подтвердил он. — А простолюдинам на местах будут разбрасывать монеты. Этот день останется в памяти даже людей черного звания!

— Ух ты.

— Хочу сразу предупредить, — сказал он и страдальчески развел руками, — по протоколу все располагаются не по богатству, размеру земель или воинской мощи, а по титулам...

— Ну да, — согласился я, — почему Мезина должна быть лучше других?

Он не понял, потому проигнорировал и продолжал с той же настойчивой важностью:

— Потому вы, ваше высочество, в начале церемонии будете стоять рядом с сэрами Лаутгардом и Хольмстронгом. Они герцоги...

Я изумился:

— Уже?

Он ответил с поклоном:

— За преданность и особые заслуги ее величество пожаловали им обоим титул герцога.

— Круто, — сказал я. — А графу Табарду Вустерскому?

Он ответил с небольшой заминкой:

— Ему... возможно, позже. Не стоит забывать, что он был основным преследователем королевы, а на сторону королевы перешел только по вашему внушению... Так вот, ваше высочество, по рангу вы должны находиться с ними в одном ряду.

Я отмахнулся.

— Да пустяки. Могу даже сзади, я гусь не гордый.

— Нет-нет, — воскликнул он поспешно, — это было бы умаление вашего достоинства, а это недопустимо. Если вы и допускаете — но ее величество будут весьма ущемлены. Еще больше будет нарушен этикет, что яв-

ляется совершенно вопиющим нарушением и допустимым быть не может!..

— Хорошо, — сказал я, — встану там, где укажете.

— Прекрасно, — ответил он. — Вы предстанете в церемониальном наряде принца-консорта высшей категории.

— Польщен, — сказал я.

Он замотал головой.

— Я имею в виду костюм высшей категории, это знаете ли, самый лучший мужской костюм королевства! Он украшен рубинами, размер которых определен для лиц, допущенных в самый близкий круг, но для отличия от них носится с большой золотой цепью на груди, что держит золотую звезду, украшенную алмазами.

— Звезда размером с тарелку? — уточнил я деловито.

Он ответил виновато:

— Увы, всего лишь с блюдце.

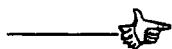
— А-а-а, — сказал я, — ну ладно, я не капризный. С блюдце так с блюдце. Авось дослужусь и до тарелки.

— Ваше высочество, — продолжал он, тактично оставляя без внимания мои завышенные требования, — еще нужно будет...

Я слушал длинное перечисление требований ко мне внимательно, а он начал объяснять не быстро, но и не слишком медленно, но так журчаще, что я ощутил, как охватывает гипнотическое состояние, вот-вот брякнушь на пол, а затем пойду сомнамбулировать по крышам.

— Простите, граф, — прервал я, — но вы настолько четко и ясно излагаете мысли в документах, что я рассчитываю разобраться на досуге, чтобы не отрывать вас от несомненно важнейших дел. Если не пойму, позову церемониймейстера, он у вас тут рядом с герольдмейстером просто невероятный эрудит.

— Тогда я откланяюсь, — сказал он и начал было склонять голову и отводить руку в сторону для замыс-

ловатого танца прощания с принцем-консортом, но я прервал:

— Граф, вы лучше расскажите о ваших стратегических запасах меди, железной руды, серебра. Я хотел бы помочь вашей молодой экономике, что после ужасного засилья узурпатора Голдвина в упадке и разрухе, а подниматься всегда лучше с помощью надежных закордонных друзей и умело поданных инвестиций.

Он взглянул с укором.

— Ваше высочество, идет подготовка к коронации...

— Великолепно идет, — сказал я бодро, — я даже и не сомневаюсь, что все будет с иголочки, только потому и отвлекаюсь на такую ерунду, как экономика, повышение уровня валового дохода, добыча полезных ископаемых и отношения с вооруженными до зубов соседями, что спят и видят.

Он подумал, я видел, как с его чела ушли глубокие государственные морщины крупного деятеля, согбенные заботами плечи расправились, а глаза блеснули чуть ли не весельем.

— С этим у нас терпимо, — сказал он.

— Как я безумно рад! — воскликнул я.

— Как вы, несомненно, помните, — продолжил он, — наше королевство упирается в Большой Хребет точно так же, как и соседняя, процветающая под вашей дланью Армландия, которой так повезло в ее мудром выборе себе правителя.

— Спасибо.

— Только у Мезины нет Туоннеля, — сказал он со вздохом, — зато есть очень хорошие копи в том же Великом Хребте. Там добывают медную руду, есть запасы железной, олова, а также найдены богатые жилы серебра и золота.

— Это прекрасно! — воскликнул я с чувством. — Вашей стране необходимо все из добываемого! Кроме зо-

лота, конечно, его пока что использовать негде, кроме как в виде основной единицы для платежей.

Он светски улыбнулся, показывая, что шутку оценил, и сообщил с той же улыбкой:

— Вы совершенно правы, медь настолько ценная штука, что даже такие слова, как медаль или медальон, пошли от нее. У нас, кстати, медь по большей части встречается в виде самородков. Во всяком случае, намного чаще, чем золото, серебро и железо вместе взятые.

— Это везде так, — заверил я.

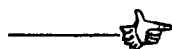
— У нас, — пояснил он, — обычно берут малахитовую руду, смешивают с древесным углем, засыпают в глиняный горшок и ставят на огонь. А у вас?

— Увы, — ответил я, — тот же примитив, но пока что нужды зачатков промышленности покрывает. И хотя меди намного меньше, чем железа, возможности ее велики, потому нужно стараться развивать добычу, потому что бронза и латунь — это тоже медь, хоть не вся. Мы можем заключить с вами долгосрочные контракты на закупку больших объемов в течение, скажем, десяти лет! Или даже получить у вашего правительства лицензии на разработку собственными мощностями... естественно, с отчислением надлежащего процента в казну Мезины...

— Это решит королева, — ответил он осторожно, — такие вопросы только в ее компетенции.

— Гм, — сказал я, но не стал говорить о грядущей реформе. Даже он, занятый с головой подготовкой к коронации, не предполагает, что понятия «королева» и «правительство» очень скоро разойдутся весьма и даже весьма-весьма. — Ну ладно, отложим. В общем, я с головой погружусь в изучение ритуала коронации.

— Спасибо, ваше высочество.

— Да пустяки, — заверил я. — Я всегда интересовался этнографией и тутанхамонией... Э-э, погодите, граф, еще минутку!

— Ваше высочество?

— Что это за зеркало? — спросил я. — На мой изысканно-простецкий вкус эстета-демократа оно несколько выбивается из стиля этой комнаты. Самую малость, но все же...

Он взглянул на меня с удивлением и, как мне показалось, даже с уважением.

— Вы... заметили? Странно, обычно никто не обращал внимания.

— Так что с ним не так? — спросил я. — Простите, граф, но у меня слабость к зеркалам. Я такой красавец, что не могу не полюбоваться собой так и эдак, а потом еще и вот так, видите?.. В них я еще красивше и умнее, особенно когда щеки вот так, будто у Борея на картах...

Он покачал головой.

— А вот этого я бы вам делать не посоветовал.

— Почему? Разве я не красавец? Или вы оспариваете вкус королевы?

Он сказал испуганно:

— Что вы, мой лорд, это было бы государственной изменой!.. Но это зеркало, в которое нельзя долго смотреть. Если подойти ближе и начать всматриваться, то оно либо начнет делать вас моложе, либо намного старше, что бывает чаще.

— Ого!

— Но бывает, — продолжал он, — смотрящий в него становится выше ростом или ниже! И никак нельзя угадать, что получится...

— А переиграть нельзя?

— Это как?

— К примеру, — сказал я, — человек начинал становиться короче, а все мы, понятно, желаем быть крупнее

и страшнее. Но если прервать процесс, а потом прийти завтра, то будет ли то же самое? В смысле, уменьшение размеров?.. Допустим, будет уменьшение снова. И на третий день. И на четвертый. Но если на пятый вдруг пойдет вверх, то можно задержаться перед зеркалом подольше, чтобы наверстать все потери за предыдущие дни!

Он посмотрел на меня внимательно.

— Вы рискованный человек, ваше высочество. Никому почему-то и в голову такое не приходило! Как только кто-то начинал укорачиваться хоть на полдюйма, тут же с криком убегал.

— И больше не подходил?

Он вздохнул.

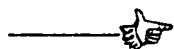
— Нет... Простите, мне нужно идти подготавливать процесс коронования. Ваше высочество...

— Граф...

Глава 2

С обширным списком, что нужно знать и уметь принцу-консорту, я перешел в соседнюю комнату, мне по рангу мужа королевы положены весьма обширные и, как я обнаружил, достаточно богатые покои. Много золота на стенах, потолке и украшениях, но странно обходятся без аляповатой роскоши, чувствуется вкус, изящество, словно архитектор все же перекричал заказчика и сумел навязать свое видение прекрасного.

В центре этой комнаты круглый стол с букетом ярких цветов в хрустальной вазе, а еще из нее торчат длинные горящие свечи в дополнение к тем, что полыхают в низкой люстре. На столе несколько пустых тарелок и сверкающие мелкими камешками кубки.

Стены комнаты отделаны дорогими породами дерева, одна из сторон отдана камину, а в противоположной от входной стене зияет широкий арочный проем, через который виден другой зал, побольше и поярче.

Кресла легкие, с мягкими подушками в спинках и под задницами, словно здесь я хоть и принимаю гостей, но то ли дряхлых старцев, что уже не могут без удобств, либо дам с изящными жопами, что не могут сидеть на твердом.

Хотя для дам вряд ли, у меня же здесь весьма своеобразные обязанности, и дам принимать наедине мне почему-то не положено, хотя не могу понять, почему вдруг.

Ничего, сказала я себе привычно, разберемся, словно и в самом деле собираюсь оставаться и разбираться с такими жизненно важными вопросами, как прием мезинских дам в интимной обстановке.

Пару раз выглянул в окна, воинов сэра Дарабоса почти не видно, они в отличие от пышно разноцветных попугаев мезинцев все в серо-зеленой одежде, ее через века назовут маскировочной, а сейчас просто удобна тем, что в походе не видно, насколько испачкалась.

Да и, что верно, то верно, лазутчиков в траве или в ветвях дерева не так просто заметить, когда наблюдают за вражеским лагерем.

Сейчас они несут охрану как дворца, так и важнейших объектов вроде арсенала, городских врат или моста через реку. Граф Меркель пробовал выразить недовольство, но я мягко заверил, что это временная мера, ибо Ротильда еще не законная королева и вообще не королева, а потом, разумеется, все эти функции перейдут к местной власти, баба с воза — кобыле легче.

Мои покои охраняют Джон и Агельд, их Норберт взял еще из Армландии. За эти годы они стали начальниками отрядов, показав умение распоряжаться.

Джон охраняет дальние подступы, Агельд смотрит за коридором, откуда можно войти ко мне. А еще их люди бдят во дворе, одни поглядывают на мои окна, другие тщательно присматриваются к прогуливающимся придворным.

Я усмотрел среди немногих рыцарей Зигфрида, того самого, что пришел с Хруртом и Ульманом из далекого и почти позабытого замка Амальфи, спешно выглянул в коридор и велел Агельду:

— Позови сэра Дарабоса!

— Будет исполнено...

Он умчался, а я вернулся к окну и некоторое время рассматривал прибывающих гостей. Знамена, знамена, знамена... Редко увидишь воинов или рыцарей без знамени, если их больше двух. Если же десяток, то знамен бывает штук пять, они дают знать, кто идет, какому лорду принадлежат и кто за них будет отвечать, если что натворят не то или запятнают свою честь.

А в самом деле, снова мелькнула мысль, пора завести эполеты или аксельбанты, а то и погоны. Хотя нет, погоны появились намного раньше, чем эполеты и аксельбанты, но пережили своих пышных собратьев.

Так что можно сразу погоны. Но, конечно, не здесь, начнем все-таки с Сен-Мари...

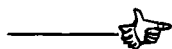
В коридоре послышались приближающиеся шаги. Я узнал по уверенной поступи телохранителя, которого посылал за Дарабосом, и его самого, собранного и такого же четкого, как и поступь.

Быстро переступив порог, он коротко поклонился и замер в ожидании.

— Сэр Дарабос?

— Ваше высочество?

Я подошел к окну, Зигфрид снова появился в поле зрения. Не подозревая, что за ним наблюдают, с двумя воинами уверенно двигается по боковой аллее сада, хо-

хочет, обнимает их за плечи, шлепает по спинам, оглядывается на хорошеньких женщин.

Когда один из воинов поднял голову, я узнал Гетеля, моего телохранителя, сегодня свободного от дежурства.

Я подозревал Норберта кивком и указал взглядом на Зигфрида.

— Видите вон того, широкомордого?.. Ему можно поручить охрану всего этого корпуса.

Дарабос окинул оценивающим взглядом богатыря, на котором и доспехи, казалось, трещат и вот-вот лопнут.

— Он... в самом деле рыцарь? — спросил он с сомнением.

— Самый подлинный, — заверил я. — Из рода великих Нибелунгов, младший сын владетельного сеньора Кунинга! Хотя, если честно, там все владения состоят из хатки и пары сараев, но в бедном краю и это богатство.

Он сказал задумчиво:

— Младший сын? Которому ничего после смерти батюшки: ни титула, ни имущества?

— Верно, — сказал я. — Потому и пошел сперва на службу к одному владельцу замка, а потом как-то вот попался мне...

— После того, — сказал он понимающе, — как вы захватили тот замок?

Я спросил в удивлении:

— Откуда вы знаете? Это было так далеко от этих земель...

Он усмехнулся.

— Достаточно знать вас, сэр Ричард.

— Ох, — сказал я.

— Он выглядит честным и открытым, — заявил Норберт успокаивающе. — Такие не предают.

Зигфрид прошел прямо под нами, у Гетеля под мышкой кувшин, явно полный, направляются в сторону дворцовых покоев. Зигфрид за это время ничуть не изменился, в лице все так же ни следа арийскости, только рост и могучее сложение, в плечах широк, выпуклогрудый, толстошей, с мускулистыми руками, напоминающими бревна. Он еще по прибытии сразу сдружился как с армландцами, так и со всеми остальными благодаря незлобивому и открытому характеру, а у Норберта оказался из-за страсти к приключениям.

Норберт сказал деловито:

— Я сейчас же сообщу ему о новых обязанностях.

— Отлично, — одобрил я. — Как чувствуете себя в Мезине?

Он посмотрел на меня с суровым интересом.

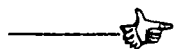
— В Мезине? Это Мезина? Ваше высочество, с вами я чувствую себя всегда в родной Армландии!

Он откланялся и вышел, я прислушался к уверенному стуку подошв рыцарских сапог, снова вернулся к окну. Из грозовых туч образовалось на полнеба жуткое лицо с огненными глазами, а когда пасть чуть приоткрылась, стало видно бушующий ад багровых молний.

Раздвинув тучи, лицо наклонилось, всматриваясь в землю, я с ужасом ощутил спинным мозгом, что ищет именно меня, и от такого не спастись ни в шкуре незримника, ни в личинах оборотников.

С сильно стучащим сердцем я сдвинулся в сторону, чтобы между мной и лицом была каменная стена. Но даже тяжелые глыбы из гранита сейчас для такой мощи не прочнее кленового листа.

В небе некоторое время громыхало, а когда затихло, я осторожно выглянул, небосвод чист, от грозы не осталось и следа. И непонятно, успело ли это небесное страшилище меня увидеть...

Но сердце продолжает колотиться учащенно в предчувствии неприятностей. Такой, наверное, может смортреть и сквозь стены, так что прячясь, не прячясь...

От безделья прошелся по этажу, восемь только больших залов, уйма маленьких, все с анфиладами, множество комнат между ними, а также в башенках. Но даже самые мелкие с мозаичным полом, резными полуколоннами, выступающими из стен, а в залах так и вовсе позолота, статуи в нишах, портьеры из красного бархата, шелка и парчи...

Здесь роскошь не только присутствует, но бросается в глаза, как будто у местных королей не было возможности вложить деньги в хорошую армию и бросить ее на завоевание соседних земель.

В комнату заглянул старший слуга, церемонно поклонился, приложив одну руку к груди, а вторую закидывая за спину.

— К вам лорд Теоден Фолькийский...

Я нахмурился, не до местных лордов, но вспомнил, как Ротильда еще во время бегства из Мезины жаловалась, что могущественные роды Голдвина Адорского и Теодена Фолькийского с помощью канцлера Фреальфа начали интриговать, собирать силы и наконец пригрозили, что если не выйдет замуж за кого-то из их вождей, то свергнут, что и случилось, когда попыталась сохранить власть. Голдвин сел на трон, а Теоден тут же принес ему присягу верности.

— Зови, — сказал я и поправил себя: — Проси!

Вскоре через порог переступил высокий и крупный человек, а если «человек», то это, конечно, мужчина, хотя женщина тоже вроде бы человек, и, естественно, если лорд, то обязательно крупный, могучий и свирепый, это же мир бури и натиска, мир мужчин, когда правит сила, время от времени опираясь на мудрость...

Я рассматривал его быстро и внимательно, стараясь успеть оценить и выстроить стратегию разговора, а то верховные лорды иногда перехватывают инициативу, пользуясь опытом в этих делах.

Лицо крупное, спина ровная, не сразу и поймешь, что стар, по крайней мере для того, чтобы горбиться и шаркать подошвами. Лицо, при всей крупности, сильно обвисшее, мощный нос клювом, под глазами многоярусные мешки, а еще и темно-коричневые подпалины на желтой нездоровой коже, но глаза из-под набрякших толстых век смотрят настороженно и без старческого равнодушия к делам мирским.

— Лорд Теоден, — произнес я холодно.

Он чуть-чуть наклонил голову.

— Ваше высочество.

Еще минуту мы рассматривали друг друга. Мне понравилось, что не чувствую ни страха, ни заискивания, даже его поклон — от человека, признающего мою власть, но в то же время не забывающего, что и по возрасту он и старше, и опытнее, и вообще у него больше земель и владений, чем у королевы Ротильды.

— Чему обязан, лорд? — спросил я. — Как я понял, вы не в восторге от предстоящей коронации.

— Очень, — ответил он ровным голосом. — Даже с пониманием, что реальная власть останется у вас.

— Почему?

— Плохой пример, — объяснил он.

— Чем же?

— В других местах, — произнес он, — могут возникнуть подобные настроения. А это чревато.

— Насколько?

Он пожал плечами.

— Не угадать. И благородные люди, и чернь бьются...

— Непредсказуемыми?

— Верно, ваше высочество. Трудно гадать, какая именно шлея попадет им под хвост. И когда.

— А в чем опасность видите вы? — спросил я.

Сесть я ему не предлагал, пусть чувствует, что я не только хозяин положения, но и не собираюсь поступаться хотя бы толикой.

Он все понимает, судя по его неподвижному лицу, но ни жестом, ни словом не выдает своего недовольства.

— Все-таки власть короля, — объяснил он терпеливо, — основывается на том, что лорды королевства соглашаются ее принять!.. Любая власть основана именно на согласии. К примеру, в Мезине отыщется немало лордов, у которых больше земель и воинской силы, чем было у Генгента, короля Мезины, и чем теперь у королевы... если не считать, естественно, вашей армии.

— Но ее придется считать, — произнес я жестко. — Хотя вы правы, власть основана как раз на согласии.

— Спасибо за понимание, ваше высочество.

В его ровном голосе проскользнула ирония, но я проигнорировал, добавил сравнительно мирно:

— А подчиняться женщине мужчины с оружием в руках пока что не готовы...

— Счастлив, — произнес он сухо, — что вы это понимаете. А еще мне кажется, что подчиняться женщине мужчины никогда не будут готовы.

— В этом мире, — согласился я, — никогда. Но если наступит мир и благоденствие, когда мечи можно будет повесить на стены и не снимать ни разу за всю жизнь... гм... тогда может наступить совсем другой мир... Лорд Теоден, почему-то мне кажется, вы уже прочли мою Хартию...

Он вскинул брови в подчеркнутом изумлении.

— Какую Хартию?

— Вы опытный лжец, сэр Теоден, — одобрил я. — А я, к вашему сведению, достаточно опытный наблюдатель. Так что не пытайтесь так уж... слишком просто хитрить.

Он поклонился.

— Простите, ваше высочество. Я не буду хитрить... слишком просто.

— Да уж постарайтесь, — сказал я. — Я не хочу терять квалификацию.

Он произнес учтиво:

— Можно поинтересоваться вашими планами, ваше высочество?

Я уточнил:

— Вас интересует строительство флота или новые методы стрижки овец в Армландии?

Он коротко усмехнулся, сказал еще учтивее:

— Ваше высочество, у правителя таких масштабов и должны быть планы... всеобъемлющие. Но меня интересует моя Мезина.

— Патриот, — сказал я. — Вы так и останетесь патриотом... Мезины?

Он спросил опасливо:

— А кем можно быть еще?

— Можно подрасти, — пояснил я, — ведь мы, мыслящие, всю жизнь растем?... и быть патриотом уже некой Всебезинии.

— Простите?

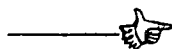
— Образования, — сказал я с осторожностью, — что включает Мезину, Турнедо, Армландию, Сен-Мари, Варт Генц... возможно, и другие королевства.

Он смотрел внимательно.

— Это серьезно?

Я беспечно улыбнулся.

— А это уже сами решайте. Я вам ничего не говорил. А если что-то вам послышалось, то это ваша проблема.

— Однако...

— Однако вы можете, — произнес я небрежно, — уже сейчас не только мыслить масштабнее, но и... предпринимать некоторые шаги. Вы стали верховным лордом потому, что быстрее других реагировали на происходящие перемены. Неужели чутье вам изменит?

Он покачал головой, не сводя с меня пристального взгляда.

— А насколько это... устойчиво? Я с каждым годом веду себя все менее рискованно.

— Да, — сказал я ему в тон, — поддержка Голдвина тому пример.

— Никто не мог предположить, — возразил он, — что Ротильда сумеет вернуться с огромной чужестранной армией!.. Но, ладно, пусть это был мой промах, тем более не хочу повторить его снова.

Я понизил голос:

— Лично я посоветовал бы вам вести дела так, словно все эти королевства стали единым экономическим пространством. С едиными законами, без пошлин на границах.

— Я это и предположил, — ответил он тоже негромко, — читая вашу Хартию, но решил по своей врожденной осторожности перепроверить...

— Рад, — произнес я церемонно, — что вы все так же отважны и готовы идти на оправданный риск.

Он отступил, поклонился.

— Ваше высочество...

— Лорд, — ответил я.

Когда он вышел, я перевел дыхание, с этими верховными магнатами приходится держать ухо востро, в их руках огромная власть и влияние. Вроде бы удастся, тьфу-тьфу, его исполинскую энергию перенаправить в другое русло. Сам не знаю, чем он займется, однако жажда авантюры и добычи во всех ее вариантах должна

заставить вострепнуться и оглядеть жадным взором новые земли.

Галл и Крестер, сменившие Джона с Агельдом, прохаживаются по коридору, оба крепкие, подтянутые, почти одинаковые, хотя Галл, по словам Норберта, никогда не спит, а Крестер ко всему еще и никогда не отдыхает.

Они замерли при моем появлении, я отмахнулся.

— Вольно-вольно... А это кто вышагивает на том конце лестницы?

— Ободрит, — ответил Крестер, отпуская для краткости «ваше высочество», им такие сложности выговаривать не обязательно, и так понятно, что я по титулу выше, подчеркивать не надо.

— А-а-а, — сказал я, — это у него в холодных ножнах всегда раскаленный меч?

— Он самый, — заверил Крестер. — Хотите взглянуть? Позвать?

Я покачал головой.

— В другой раз. Когда все дела переделаю.

— Все на свете? — спросил он, смелея.

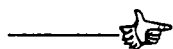
— И на том тоже, — уточнил я. — А потом вернусь и... отдохну. Выползень тоже здесь?

— Он внизу у главных дверей!

Я покачал головой, Норберт в самом деле для моей безопасности задействовал лучшие силы, потому что Выползня характеризовал как лучшего разведчика, и луну с неба достанет, были бы приказ и поощрение.

Глава 3

Внизу в центре зала граф Меркель поворачивается во все стороны и размахивает руками, изредка покрикивая, а вокруг него, как в набирающем скорость водо-

вороте, носятся слуги, таская мебель, ковры, цветные портьеры...

Заметив меня, насторожился, а щека заметно дернулась, чем-то я ему не очень нравлюсь, ну как, скажем, гроза, что может полить теплым дождем засушливые поля и заодно сжечь пару хат со всеми сараями.

— Граф, — сказал я весело, — кстати, вы все еще граф?..

Он чуть поклонился.

— Ваше высочество?

— За вашу преданность, — обронил я, — верность и те услуги, которые вы оказали вашей королеве, пора бы как-то отметить...

Он зыркнул по сторонам и ответил сдержанно, понизив голос:

— Я делал только то, что обязан, как верный слуга ее величества.

— И все же, — сказал я настойчиво, — это же вы втянули меня в этот странный брак, из-за чего все и закрутилось...

Он ответил еще тише:

— После коронации ее величество обещают мне титул герцога.

— Это самое малое, — сказала я, — что она может для вас сделать! Не хмурьтесь, но вам она обязана и возвращением королевства. Ладно-ладно, скажите тогда, что здесь за маги?.. В королевском дворце они должны быть. Я помню, Ротильда что-то кричала про Керенгеля... Мол, он с ними, все пропало...

Он ответил осторожно:

— У нас церковь, ваше высочество!.. Ворота храма Господнего всегда раскрыты, служба идет, священники о пастве не забывают и всячески бдят насчет козней врага рода человеческого...

Я отмахнулся.

— Да ладно вам, я сам воин Христа! И цель наша — строительство Храма Небесного здесь, на грешной земле, чтобы освятить ее, а уцелевших людей сделать праведниками.

— Истинно так, ваше высочество!

— Но в процессе строительства, — уточнил я, — мы позволяем таскать камни не только святым, но и грешникам. Иначе будем строить вечность, не так ли? Не поверю, что при королевском дворце, где столько музыкантов, певцов, поваров, псарей и сокольничих, нет хотя бы с полдюжины магов!

Он повздыхал, помялся, наконец проговорил с неохотой:

— Ну есть, хоть и не полдюжины, а всего двое. Я и не знаю, как бы ужились полдюжины, они ж такие сварливые, склочные...

— Двое? — изумился я. — Обычно они терпеть друг друга не могут и всегда селятся поодиночке.

Он посмотрел на меня с укором.

— Так зачем же...

— Про дюжину? — спросил я. — Так я ж поэт, могу и про десять тысяч курьеров!.. У меня воображение. И где они?

— Маги?

— Ну не курьеры же! Где те, я знаю.

— Один в отъезде, — сообщил он, — поговаривают, тайком сопровождает Голдвина, а второй здесь. Позвать?

— Не нужно, — ответил я. — У меня такая демократическая манера, что вошла в привычку. Как захвачу замок или королевство, сразу или почти сразу пружу к местному магу и шарю по сундукам по праву грубой силы на основе привнесения демократии и базовых либеральных ценностей.

Он смотрел ошалело.

— И... как?

Я ответил грустно:

— Обычно спереть ничего не удастся, но вдруг да на этот раз...

Он все еще стоял с открытым ртом, я улыбнулся очаровательно, мол, разрешаю понимать как шутку, хотя мы многие вещи делаем шутя, еще как шутя, это пусть другие от наших шуточек наплачутся, повернулся и пошел к выходу, но со спины догнал его встревоженный голос:

— Ваше высочество... еще один деликатный вопрос!

Я обернулся, спросил с интересом:

— Ну-ну, люблю деликатные... О бабах?

Он поморщился, сердитым жестом отогнал подбежавшего суетливо управителя.

— Нет, ваше высочество, — произнес он так чопорно, как говорят только о государственном гимне или королевском знамени. — Никак нет! Я о весьма важном, так сказать...

— Ну-ну?

— Это насчет исполнения супружеского долга, — сказал он с таким холодным застывшим лицом, что даже стенам было видно, насколько сконфужен и как ему неловко такое выговаривать.

— А-а-а, — сказал я громко и радостно, — так все-таки о бабах!.. Это я люблю! Давайте, дорогой друг, просвещу в этих вопросах. В чем у вас затруднения?

— Не у меня, — ответил он свистящим шепотом и взглянул почти ненавидяще.

— А у кого?

— У вас!

— Правда? — обрадовался я. — Наконец-то!.. А то мне эта функция так мешает, так мешает в государственных делах и задумках!..

Он посмотрел на меня высокомерно, как степенный слон на кривляющуюся макаку.

— Он потому и называется долгом, — сообщил он свысока, — что его выполнять необходимо!

— Да я не против, — ответил я, — еще как не против! Если бы только не последствия.

Он покачал головой.

— Однако вы не смаете предлагать это венценосной супруге, а должны терпеливо дожидаться, когда она сама изволит изъяснить свое высочайшее расположение и позволит вам приблизиться с такими намерениями.

— Гм, — сказал я в сомнении, — а спать нам инструкция велит в одной постели или, по-современному, в разных?

Он произнес гордо:

— Ваши спальни рядом, а между ними будет дверь.

— Не запираемая?

Он покачал головой.

— Запираться может только с одной стороны.

— Догадываюсь, — сказал я, — с какой стороны.

— Ротильда Дрогонская, — произнес он со слоновьей важностью, — Ее Величество королева! Потому вы должны постоянно помнить о ее приоритете во всех делах.

Я кивнул и сказал:

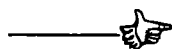
— Да-да, мальчики снизу, девочки сверху, бантики сбоку... Я поразмышляю по дороге, хорошо?

— А куда ваше высочество направляется? — спросил он с важностью уполномоченного и по делам кон-сорт.

— К вашему магу, — сообщил я послушно, — посоветуюсь, как лучше послужить вашей королеве.

— И вашей, — напомнил он строго, — и вашей!

— Да-да, — согласился я, — особенно моей... гм... повелительницы.

— Хорошо, — разрешил он милостиво, — хотя наилучшие советы по качеству и разумной продуманности могут дать три человека в королевстве: генеральный церемониймейстер сэр Мюррэй Сандерсон, генеральный герольдмейстер сэр Энтони Гринвуд и, разумеется, я, ваш покорный слуга, в первую очередь как знающий все желания и возжелания блистательной королевы Ротильды Дрогонской.

— Той самой, — сказал я важно и значительно, подняв палец кверху. — Спасибо, дорогой граф.

— Всегда к вашим услугам, ваше высочество.

— Обязательно воспользуюсь, — пообещал я.

Помещение мага в том же крыле, где располагаются слуги, только на самом верху и с такими стертыми ступеньками, что не всякий взберется, не поскользнувшись.

Я толкнул дверь, заперто, хотел вежливо постучать, но пересилил в себе недостойную для мужчины слабость и мощно пнул ногой. С той стороны скрежетнуло, на пол слетела железка, а дверь распахнулась во всю ширь.

Воздух приятный, просторная комната вся в темно-желтом свете, словно залита свежим медом. Особенно когда смотришь на толстые свечи, торчащие из гор оплывшего воска, что с астрономической неспешностью стекает мощными валиками ниже и ниже. Свечи, как я понимаю, просто втыкают на место сгоревших в еще теплый воск, и сколько их тут прогорело, даже вообразить трудно.

На полке под такими наплывами, что залили ее всю и образовали мощный сталагмит внизу на полу, как я понял, подставками для свечей служат песочные часы,

судя по размеру, с запасом хода не меньше чем на пять-восемь часов.

Воск укрыл оба конуса полностью, только с одной стороны восковая корка слишком уж высохла, треснула, и кусок воска вывалился, открыв блестящую поверхность стекла, что и не стекло, но нечто настолько прозрачное, что и не увидел бы, не играй на нем яркие блики.

Между двумя такими подсвечниками, теперь похожими на слабо работающие вулканы, удобно и домашнему расположилась стопка фолиантов в переплетах из красной меди, справа солидный шкаф в желтом подрагивающем свете, а посреди комнаты такой же стол медового цвета с раскрытой книгой в половину ярда в длину, толстой, с расцвеченными киноварью заглавными буквами.

Справа у верхнего угла массивная чернильница из желтого колчедана, а ниже, чтоб всегда под рукой, медный стаканчик с гусиными перьями.

Я повел по сторонам сумрачным взором правителя и лорда, задействовав тепловое зрение. Пальцы мои легли на рукоять меча.

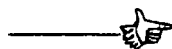
— От меня, — сказал я насмешливо, — не спрятаться так примитивно. Хошь, проткну именно печень?

Я обнажил меч и, держа острием вперед, сделал два шага к свободному участку стены между двумя массивными шкафами.

Там моментально появилась фигура человека в халате, одна рука выставлена ладонью вперед в защитном жесте, вторая заранее зажимает правый бок.

— Ну что вы, — сказал он плачущим голосом, — ваше высочество!.. Я же простой исследователь...

— Какая скромность, — сказал я одобрительно.

— Сижу тут в норке, — продолжил он упавшим голосом, — никого не трогаю...

— Самый опасный человек, — определил я. — Все великие войны начинаются именно с тихих келий.

Он почти на полголовы ниже меня, сухой и сгорбленный, несмотря на то, что до старости еще далеко-далеко, смотрит снизу вверх испуганно и с беспомощной злостью на дурака с мечом в руке.

— Ваше высочество!

— Не возражать, — велел я. — Короли, ведущие армии в бой, лишь исполнители, хотя об этом не знают. Итак, какие преступные замыслы вынашиваем?

Он взмолился, вздрагивая всем телом:

— Ваше высочество!.. То, что пытался спрятаться, говорит лишь о моей врожденной трусости, а не о преступности!..

— Преступники все трусы, — изрек я, а подумав, уточнил: — Ну, конечно, не все.

— Да и как спрятался? — спросил он уныло. — Вы сразу увидели... хотя не понимаю как...

— Неважно, — ответил я с небрежностью даже не принца, а повелителя стихий, — я знаю столько, что хотя еще больше забыл, но мудрость меня просто переполняет, как я постоянно убеждаюсь. Итак, какую новую гнусность задумал? Ведь колдуны — зло!

— Я не колдун, — возразил он, — я вообще-то лекарь.

— Который, — сказал я понимающе, — пользуется нетрадиционными методами? Очень нетрадиционными?

— Да, — ответил он и посмотрел почти с ненавистью, — потому что другие ничего не понимают!.. Все есть яд, все есть лекарство. Вот вы сейчас стоите на том

месте, что гибельно, и только я удерживаю, чтобы вас не испекло на месте!

Я прислушался к ощущениям, мое чувство опасности молчит, а так бы уже давно орало и требовало отпрыгнуть, спасая шкуру.

— А мне кажется, — произнес я с расстановкой, — ты блефуешь. И это не просто кажется, я так сказал из чувства вежливости, которую в меня вбили с детства, но здесь ее считают почему-то признаком слабости, так что могу сказать иначе.

Он дернулся, спросил отрывисто:

— А если не блефую?

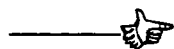
— Люди просты, — сообщил я ему новость, — я вижу их так, будто читаю раскрытую книгу, где вообще-то одна страница, если честно. Крупными буквами!.. Здесь каждый, даже великий мыслитель, просыпаясь, долго чешется, зеваает и еще дольше соображает, кто он такой и что ему надо бы сделать за сегодня.

Он спросил с сарказмом:

— Вы не такой?

Я покачал головой.

— Не представляешь... королевство, где нужно всегда быть начеку? Все люди всегда начеку? Это настолько вошло в плоть и кровь, что они и не знают, что постоянно начеку! Даже выходя из дому, можно погибнуть десятки раз по простой неосторожности, а на улице стоит только перейти дорогу, не позаботившись о безопасности, как соьют, искалечат, а то и убьют, размажут по земле... Я из очень жестокого мира, колдун, и он у меня в крови. Потому среди простых людей... а они здесь все простые, я как волк среди ягнят. Так что можешь блефовать и дальше, но я, видя все твои карты насквозь — весьма мелкие, скажем прямо, — поступлю по-своему.

Он сказал торопливо:

— Постойте! Да, я блефовал. Но кто бы на моем месте поступил иначе?

— Ладно, — сказал милостиво, — понимаю и прощаю. Теперь рассказывай. И не бреши!

Он рассказывал, я слушал и думал, что везде одно и то же, маги мелкие, цели мелкие, а если кто-то из магов каким-то чудом или случаем сорвет куш, то чего могут ему оставаться в услужении? Он и без королей проживет.

— Понял, — прервал я, — скучно живешь, если звезд с неба не хватаешь. Даже не знаю, предлагать ли тебе повышение?.. Гм... Впрочем, ладно, в Сен-Мари, это королевство по ту сторону Большого Хребта, в столице Геннегау есть корпус Великих Магов начального уровня. Правда, в целях конспирации он называется иначе и работает под прикрытием.

— Э-э... ваше высочество?

— Под эгидой церкви, — объяснил я. — Эгида — это... нет, тогда лучше не эгидой, а дланью. За раменами церкви и под дланью. Конечно, придется принять некоторые правила, но это так, внешние признаки, а внутри будете наслаждаться полнейшей свободой! Ведь внутренняя свобода — самое высшее завоевание просвещенного общества, не так ли?

— Ну, — сказал он в сомнении, — это как сказать...

— К тому же у человека, — подчеркнул я высокопарно, — всегда есть выбор. Или сотрудничать, или... сам понимаешь, мы начинаем очищение и возрождение, а это значит, инквизиция хорошо здесь поработает при полной поддержке ликующего народа.

— Куда именно идти, в Геннегау? — спросил он.

Глава 4

Вернувшись в кабинет, я раздумывал, не смотаться ли куда-нить, коронация назначена лишь на послезавтра, в это время в дверь стукнули.

Я оглянулся, в кабинет с виноватым видом заглянул Агельд.

— К вам женщина, — сказал он загадочно и добавил: — Ваше высочество.

— Гони, — ответил я автоматически и тут же спохватился: — Нет-нет, скажи что-нить вежливое! У меня голова болит, месячные, примеряю шпоры с новым дизайном, корплю над проектом Всеобщего Щастя, в общем — безумно занят!

Он предложил задумчиво:

— Может, сказать, у вас другая женщина?

— Я тебе скажу, — пригрозил я. — Да за такие шуточки...

Он сказал кротко:

— Ваше высочество, вообще-то она успела сказать, что пришла не совсем как женщина. И что вы ее знаете. Мне кажется, что...

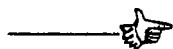
Я прервал:

— Ладно, проверим твое чутье. У телохранителей оно должно быть на высоте!

Он вышел за дверь, а через пару мгновений одна створка приотворилась. В комнату проскользнула миниатюрная женщина в плаще с настолько низко надвинутым капюшоном, что я видел только краешек упрямо выдвинутого подбородка.

Она сделала несколько шагов и смиренно остановилась, не поднимая головы и сложив внизу ладони ковшиком.

Я принялся, вчувствовался и сказал почти уверенно:

— Астрида!.. Вообще-то не совру, когда скажу, что рад тебя видеть.

Она медленно подняла голову. Я обеими руками взялся за края капюшона и неторопливо поднял, наслаждаясь зрелищем, как открываются полные чувственные губы, красиво вылепленные и похожие на созревшие вишни, подрагивающие нежные ноздри, тонкий нос и, наконец, сияющие, темные как агат, глаза, блестящие и радостно влажные.

— Ваше высочество, — проговорила она нежным голосом, — у вас способность видеть?

— Тебя да не узреть? — ответил я и откинул капюшон ей за спину. Густые черные волосы убраны в тугой узел, а дальше опускаются толстой косой, как я помню, они у нее до поясницы. — Это ж совсем ослепнуть! Ты просто чудо.

Она радостно смотрела снизу вверх, я наклонился и нежно поцеловал ее в губы.

Она не шелохнулась, губы даже не дрогнули, но каким-то образом я ощутил, что ей понравилось, и даже как бы ответила, хотя я по чисто мужской толстокожести не ощутил.

— Все равно, — сказала она с прежним удивлением, — меня никто бы не узнал даже из знакомых!

— Я помню каждую частичку твоего тела, — сказал я, смутился и уточнил торопливо: — Правда, только с одной стороны.

Она улыбнулась.

— Да, вы меня тогда очень удивили.

— Я сам себе удивился еще больше!

— Ваше высочество, — проговорила она смиренно, — я знаю, что отрываю вас от дел, но слыхала, вы умеете запрячь в работу других, а сами только по-свистываете да кнутом помахиваете.

Я сказал с недоверием:

— Что, у меня такая репутация?

— Да вот кто-то сказал такое.

— Значит, — проговорил я довольно, — из меня уже выклеывается успешный управленец! То ли еще будет.

Она заверила сладким голосом:

— Но это пока видят немногие.

— Уф, от сердца отлегло.

— Потому, — сказала она чуточку другим тоном, уже деловым, — я примчалась к вам с просьбой.

— Что угодно, — ответил я бодро. — Ночевать останешься? А то у меня такая кровать огромная, одному страшно.

Она улыбнулась, но глаза засияли ярче.

— Спасибо за предложение, но мы оба знаем, что принцу-консорту нужно блюсти. Потому, если мне будет позволительно...

— Эх, — сказал я сокрушенно, — а я как раз хотел доказать на практике, что фригидных не бывает!.. Ладно, с чем прибыла?

— В опасности моя лучшая подруга, — сказала она, — с которой мы росли вместе. У нее неделю тому очень странно и необычно погибли муж, ее служанка, а потом один за другим сенешаль, помощник управителя и конюх.

Я сказал посерьезневшим голосом:

— А что говорит городская стража?

— Ваше высочество, — сказала она, — они не были убиты мечом или топором. Так что стража тут бесполезна.

— Ого! А чем, кинжалом?

— Их сожгли на месте, — сказала она с нажимом. — Мгновенно! Это было колдовство, я уверена. И очень сильное.

Я пробормотал:

— Я не слишком большой специалист по колдовству. Я больше как бы лекарь... В смысле, колдунов излечиваю от их способностей. С пожизненной гарантией, хотя «пожизненной» не совсем адекватный термин.

— Точность в словах, — одобрила она, — признак врожденного мага. Возможно, придется разбираться вам, потому что сегодня туда явился по вызову начальник стражи и... на том месте, где стоял, остались только горстка пепла и выжженное пятно на мраморном полу.

Я спросил с недоверием:

— И что, никто ничего не видел?

Она покачала головой.

— Никто. Я говорила с Гельвецией, так ее зовут, она бьется в истерику, боится, что кто-то придет и за нею, умоляет меня помочь...

— Почему тебя?

— Городские власти только разводят руками, — объяснила она. — Она считает, что кто-то из колдунов уничтожает ее людей и вот-вот доберется до нее. Она сейчас не выходит из комнаты, все там залито слезами.

— Ты промочила ноги? — спросил я с сочувствием.

— Нет, у меня хорошие сапожки.

— Все равно промой чистой водой, — посоветовал я, — и просуши, а то соль разъедает кожу. Ладно, если в постели нам подраться не светит, тогда что ж... Выйдем поодиночке, это так романтично, так романтично, пусть моя стража иззавидуется...

Она рассмеялась, блестя озорными глазами и белыми зубками.

— Чему завидовать? Я такая мелкая.

— Зато сиськи крупные, — сказал я восхищенно. — Ну почему меня восторгает такая диспропорция?.. Наверное, я в самом деле, стыдно признаться, эстет высшей категории и демократ, кто бы подумал!

— Ваше высочество?

Я сказал шепотом:

— Жди меня за городскими воротами, что выходят на север. А еще лучше — иди по дороге. Я догоню.

Она кивнула, лицо стало серьезным, подняла капюшон и надвинула на голову, слова пряча лицо.

— Ваше высочество...

— Астрида, — ответил я так же серьезно.

Зайчик обрадованно рванулся навстречу, по рассеянности сокрушив пару яслей и переломив толстый столб, на котором держится край крыши над нами.

Там затрещало, Бобик весело подпрыгнул, готовый поймать обломок бревна и совать мне в руки с просьбой бросить ему, да как можно дальше.

Но крыша лишь чуть просела, осыпав нас мусором. Я поспешно вскочил в седло, мы втроем выметнулись наружу. Испуганные конюхи метнулись было навстречу, потом в стороны, я крикнул весело:

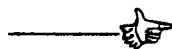
— Хорошая погодка, правда?.. Надо прогуляться.

— Но, ваша светлость!

— Что, — спросил я с веселой злостью, — уже и конюхи будут мне говорить, что надо делать?

Они опешили, я хоть и всего лишь муж всесильной и властной королевы, но тоже не совсем с боку бантик, а Бобик, уже угадав своим собачьим или каким-то другим чутьем направление, понесся вперед к воротам.

Запоздавший на старте Зайчик скаканул, как кузнецик, стараясь не отстать. Дальше двигались через город где рысью, где грунью, а где и вовсе шагом, наконец выбрались за ворота, и почти сразу я увидел далеко впереди знакомую маленькую фигурку в не по росту длинном плаще и с большим капюшоном на голове.

Она смиренно идет по обочине, давая дорогу телегам, хотя никого нет поблизости, справа тянутся глубокие колеи в глинистой почве, а по обе стороны послушно извиваются, повторяя все зигзаги, протоптанные паломниками тропки.

— Зайчик, — шепнул я, — наддай... но не слишком!

Он с удовольствием резко ускорился. Я чуть свесился в сторону, напрягся, вытягивая руки. Астрида, заслышав быстро настигающий топот копыт, начала поворачивать голову.

В этот момент я и ухватил ее, вздернул к себе и прижал к груди, испуганно вспискнувшую и дрожащую.

Бобик на бегу весело оглянулся, Зайчик пошел еще быстрее. Астрида с трудом проговорила:

— Ну... ваше высочество... у вас и манеры...

— Я знал, что будешь в восторге! — сказал я.

— Не то слово...

Вместо ответа я потуже закутал ее в плащ, поправил капюшон и прижал к груди, ибо встречный ветер все усиливается.

— Ваше высочество! — сказала она протестуяще.

— Астрида, — остановил я. — Я не твой сюзерен, а ты не мое существо, что должно приседать или кланяться. У нас с тобой... особые отношения. Высокие!.. Я к тебе отношусь как к равной, ты тоже должна, ясно?

Я не видел лица колдуньи, но почудилось, что по ее губам пробежала слабая улыбка.

Из-под капюшона донесся слабый шепот:

— Хорошо, ваше высочество.

— Ричард, — сказал я. — Просто Ричард. Я же сказал, у нас особые отношения!.. Или хочешь в постель залезть?

Она вздрогнула.

— Ни за что!.. Хорошо-хорошо... Ричард. Да, Ричард!

— Ну вот, — сказал я, — и небо не рухнуло.

— Я бы и так сказала, — огрызнулась она, — не обязательно было подталкивать, так нечестно.

— Да это чтоб быстрее, — объяснил я. — Теперь не вертись, а то с коня свертишься.

Она затихла и затихала все больше, постепенно ползаясь по моей груди, как сытая и разнеженная медуза.

Я уже придерживал Зайчика, он тоже ржанул и насторожил уши, а у меня вообще мороз пошел по коже. Первая мысль была: нет, это невозможно, а вторая — ну и строили наши предки.

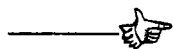
Чудовишный катаклизм разломил в прошлые времена земную кору, и большой участок каменного плато поднялся и застыл, накренившись под углом градусов в тридцать-сорок к поверхности земли.

Целый город на этом плато, дома высоченные, в несколько этажей, в самом центре торжественно-строгий костел, самое высокое здание, да еще увенчанное множеством шпилей, готовых пронзить низкое небо...

И все это на такой высоте, что никакой искатель сокровищ не рискнет туда забраться, а в любой момент все это великолепие может обрушиться... хотя, конечно, простояло несколько веков, с чего вдруг именно сейчас...

Но что за строители, сумевшие выстроить такое чудо, что за сцепление между камнями, что за камни и на какую глубину все вбили, если эта рукотворная машина не падает под своим весом, выворотив землю?

Я стиснул челюсти, преодолевая страстное желание вот прямо щас обратиться в птеродактиля и помчаться туда шарить, вынюхивать, мародерничать, объясняя это чем-нибудь высоким, у нас для любой гнусности найдутся объяснения и даже оправдания, а здесь всего

лишь невинная... ну, так говорят, жажда обогащения на халяву, все равно же оно уже ничье, тутанхамонье...

Небо за это время стало грозно-синим, на западе разгорается величественный закат, солнце начало склоняться к темному зубчатому краю земли.

Зайчик выметнулся из-за леса, когда багровый огненный шар опустился за горизонт, на землю пала прозрачная тень, а страшным победным огнем вспыхнул впереди на холме замок из красного камня, огромный, монументальный, с полудюжиной высоких башен и башенок, сгрудившихся настолько тесно, что я невольно подумал: а зачем?

Закатное солнце освещает замок целиком, но с каждым конским скоком тьма ползет по стенам вверх, гасит блеск в окнах, наконец в небесном огне остались только башни, словно бы зависшие в темном мире и постепенно сгорающие, как свечи.

Бобик первым взбежал на холм и домчался до ворот, когда последний багровый луч соскользнул с острого шпиля самой высокой башни.

С ворот нас увидели, стучать не пришлось, грубый голос крикнул с высоты:

— Кто?

Я вздохнул с сожалением и сказал над головой Астриды:

— Просыпайся, малютка... Мы прибыли.

Пока она открывала чудесные глаза, Бобик с такой скоростью обежал вокруг замка, что здание на миг показалось опоясанной у самого основания полупрозрачной черной лентой, подбежал к нам и доложил вилянием зада, что кухня, судя по всему, расположена внутри здания.

Зайчик требовательно ржанул и мощно ударил в землю копытом. Прокатился легкий гул, из боковой

двери торопливо вышли двое вооруженных короткими пиками мужчин, оба без доспехов и даже без кирас.

Застыли, в ужасе глядя на огромного черного пса, хотя тот лишь мазнул по обоим взглядом и дальше смотрит с нетерпением на меня.

Один спросил робко:

— Милорд?

Астрида откинула капюшон и сказала властно:

— Меня вы должны помнить, если не совсем новенькие!

Второй воин проговорил вздрагивающим голосом:

— Мы как раз новенькие. Из старых кто погиб, кто бросил копье и ушел. А это с вами...

— Лорд Ричард, — ответила Астрида. — Да-да, тот, который освободил из плена и привез на родину королеву Ротильду. А теперь позаботьтесь о коне, а то он сам о себе позаботится, не обрадуетесь. А хозяйке доложите о нас.

Один поклонился.

— Будет сделано, леди.

Оба торопливо вернулись через дверцу, а вскоре медленно отворились ворота.

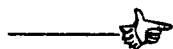
Бобик не успел сделать мощный прыжок, я сказал властно:

— Рядом!.. Сперва нужно познакомиться. Здесь тебя самого примут за чудовище.

Он посмотрел обиженно и удивленно: как это, его еще не все в мире знают?.. но опустил уши и пошел покорно у стремени.

Внутри замка, построенного в виде цельного квадрата, небольшой двор, хотя издали выглядит все единым зданием, во дворе колодец, коновязь.

Я снял Астриду, такую громадную в плаще и такую легонькую, задержал на мгновение в воздухе, ощутил

ее смутное желание побыть в моих руках, с сожалением опустил на землю.

Сопровождающий нас воин сказал тихо:

— Позвольте, я проведу вас.

— Я жила здесь, — сказала Астрида, — и знаю каждый уголок. Впрочем... веди.

Она распоряжалась довольно уверенно, маленькая, хрупкая, но жизнь заставила самой принимать решения, и потому, как вижу, умеет собраться и действовать решительно.

В холле, где все веет суровой простотой, даже подчеркнутой, как мне показалось, легкий сумрак, сверху свисают красные полотнища, в противоположных углах — светло от напольных светильников по шесть свечей в каждом.

Замок настолько чист, ухожен и обустроен, что у меня сама собой мелькнула мысль об армии Карла, что прошла здесь всего несколько лет назад. По слухам, всю Мезину опустошили, однако же на самом деле огромная армия, что постоянно двигается, всего лишь грабит все, что удастся пограбить, да забирает скот на прокорм этой огромной массы, но никто не берется за такую бесцельную работу, как разрушение крепостей и замков. А прятавшиеся в лесах и пещерах местные тут же все отстраивают, как только армия, а с нею и война, прокатывается дальше.

Астрида тяжело вздохнула.

— Красиво? — спросила она.

— Весьма, — согласился я.

— Мне казалось, — сказала она печально, — в таких местах никогда не бывает горя.

Все слишком красиво, мелькнуло у меня, чтобы в таком месте могли происходить убийства.

Сверху на лестнице послышался легкий женский крик, радостный и беспомощный. По ступенькам к нам

навстречу торопливо спускалась, почти бежала, волоча за собой длиннейший шлейф платья, милая молодая женщина с бледным лицом и трагически расширенными глазами.

Глава 5

Я охватил ее быстрым взглядом и отнес в группу консервативных леди, чистых и верных, что гордятся целомудренным поведением и стараются быть примером нравственности для других. Уж не знаю, по натуре они такие или же просто страшатся преступать черту, за которой могут быть неприятности, но таких, к счастью, немало, и они едва ли не самые лучшие женщины мира, за которых дерутся, которых добывают, которыми гордятся.

На их лицах с детства застывает выражение радостного удивления жизнью, светлого и чистого. Такие всякий раз освещают мир вокруг себя своим теплом.

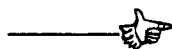
Но сейчас я впервые увидел, как выглядит такая женщина, когда глубоко несчастна. На милом чистом личике держится выражение обиды чудовищной несправедливостью, она же никого никогда не обижала, за что ее так...

Астрида бросилась ей навстречу, они обнялись и застыли на некоторое время в клинче.

Я не шевелился, давая им время наобниматься, а когда наконец отодвинулись друг от друга, скромно подошел, опустив голову.

Астрида повернулась ко мне.

— Гельвеция, — сказала она, — это Ричард. Да-да, тот самый.

Баронесса охнула, торопливо присела, наклонив голову и обнажая тонкую белую шею и такой незащищенный затылок.

Я быстро взял ее за плечи и вздернул на ноги.

— Поднимитесь, леди Гельвеция. Я искренне сочувствую вашему горю. И, как видите, мгновенно бросил все дела...

Она охнула:

— Ваше высочество!

— Как только, — пояснил я, — ваша подруга велела мне следовать за нею.

Она с недоверием покосилась на Астриду, та смотрит на нее с состраданием и любовью, а на мои слова не обратила внимания.

— Ваше высочество, — произнесла баронесса дрожащим, как крылья мотылька, голосом, — это слишком высокая честь, что вы посетили наш замок...

Я указал взглядом на ее подругу.

— Астрида, вы должны понимать...

— Хотя, честно говоря, — добавила баронесса все еще с ноткой недоверия в голосе, — я представляла вас гигантом покрупнее любого огра...

— Почему?

— Так о вас рассказывают!

— Это мне льстит, — признался я, — но насчет чести оставьте. Просто Астрида велела, вот я и прибежал.

— Но я просто не понимаю, — сказала она жалобно, — как Астрида... как вы... принц...

— Астрида у нас чистейшая душа, — пояснил я мягко. — Сперва она ринулась платить долг за сестру, где мы сперва подрались, потом познакомились, теперь вот рвется помочь подруге. А я как правитель обязан карать зло и поощрять благородные порывы души, даже если она совсем женская.

Она перевела взгляд изумленных глаз на Астриду, что все еще не выпускает ее руки.

— Ваше высочество, — сказала она торопливо, — позвольте проводить вас на отдых.

— Отдых? А как насчет ужина?

Она сказала жалобно:

— Простите, у меня совсем голова... не такая. Сей-час слуги подадут ужин...

— Спасибо, — сказал я, — а то Астрида уже начала было меня грызть по дороге.

— Сюда, — сказала баронесса торопливо, — я открою для вас покои барона.

Астрида ткнула меня в бок локтем.

— Когда это мы дрались?

— Еще нет? — спросил я. — Значит, все впереди.

Баронесса провела нас на четвертый этаж, покои барона занимают всю левую половину, но зал довольно уютный, несмотря на чудовищные размеры. Залы бывают концертные, выставочные, пиршественные, тронные, а этот именно для отдыха и сна, потому что богатому барону даже для спальни полагается именно зал.

У противоположной от входа стены роскошное ложе с высоким балдахином на четырех резных ножках, пуховая перина, покрытая одеялом из лебяжьего пуха.

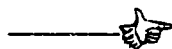
У баронессы прекрасные глаза сразу наполнились слезами, но она мужественно приподняла подбородок и сказала вздрагивающим голосом:

— Это ваши покои, ваше высочество.

— Благодарю за чуткую заботу, дорогая леди.

— А милая Астрида, — сказала она, — расположится рядом, там почти такие же покои.

В стене слева от двери в коридор еще одна малозаметная дверь, соединяющая покои барона и баронессы

так, чтобы при желании пообщаться они могли ходить друг к другу напрямую.

Астрида сказала:

— Гельвеция, это же твоя спальня!

— Я расположусь в комнате у покойного сене-
шала, — сказала баронесса.

Она еще выше и надменнее задрала подбородок, но не помогло, слезы переполнили запруды и хлынули двумя блестящими ручейками.

— Нет-нет, — запротестовала Астрида.

Я прервал:

— Баронесса, мы с Астридой в пути и привыкли к неудобствам. Прекрасно разместимся вдвоем в этих по-
коях. Как обычно: Астрида поперек в двуспальной кро-
вати, а я на полу на коврике.

Баронесса, соблюдая достоинство, попробовала улыбнуться, но лицо кривилось, а губы подпрыгивали.

— Ваше высочество...

Астрида обняла ее и властно повела к выходу.

— Пойдем, — сказала она, — тебе надо успокоиться. Ляг, полежи, слуги свое дело знают, ужин приготовят без тебя.

Я остался осматриваться в спальне, но в первую оче-
редь проверил решетки на окнах и простучал стены —
не люблю сюрпризы в виде потайных ходов.

Нет, все чинно и просто, если не считать пышности
самой спальни, что делает ее несколько выставочным
залом, не слишком большим, а так, вернисажным.

Пока готовят ужин, вышел на двор, слуг мало, все
пугливые, но смотрят с надеждой, словно при виде
большого начальника нечисть сама разбежится. Кланя-
ются низко, торопливо разбегаются, чтобы не попасть
под горячую руку.

Двум я успел задать пару вопросов, пока не удрали,
молоденькую служанку милостиво подержал за грудь,

но так, для дела, чтобы челядь знала, что я в хорошем расположении духа и все будет хорошо, ибо не встревожен, а это значит, что решал задачи и посложнее. Скоро здесь снова будет мирно и спокойно.

Бобик исследовал весь замок, пошарил по кладовкам, кухне посвятил особое внимание, излезил сверху донизу, а потом еще выбежал и долго носился вокруг замка, пока не вытащил из норы толстого барсука и не принес, к восторгу поваров, на кухню.

Я тайне надеялся, что сразу же отыщет спрятавшегося монстра, однако Бобик вел себя так, словно нет вообще ничего подозрительного, прыгал и дурачился, совал всем в руки обломок бревна и уговаривал бросать ему, да еще как можно дальше.

Астрида, которая даже не пыталась взять эту палочку, по мнению Адского Пса, сказала язвительно:

— Мне как-то чудилось, этот песик любого зверя отыщет!

— Это не охотничья собака, — возразил я. — Это вообще не собака.

— А кто?

— Пес, — сказал я гордо, — друг человека. А человек здесь я. Ты тоже, кстати, мой друг.

— Ну, спасибо!

— А я разве не твой друг? Ну вот.

Она фыркнула и удалилась, высоко задирая нос, а я неспешно осмотрел места, где погибли барон, служанка и сенешаль, но зацепок пока никаких, ибо происходило все не только в разных местах, но и в разных локациях: барон в зале, сенешаль во дворе, выложенном брусчаткой, начальник охраны между конюшней и кузницей, где земля все еще влажная после короткого, но сильного дождика, а служанка в покоях баронессы...

Потом был ужин, достаточно короткий, обе женщины почти не ели, а я быстро побросал в себя все, что

было на тарелке, и сказал, что задам еще пару вопросов слугам.

Когда вернулся, Астрида, уже проводив баронессу, деловито приподнимает гобелены, какие-то камни даже простукивает костяшками пальцев и прислушивается, хотя, на мой взгляд, в такие глыбы даже если кувалдой, отклик услышит только сумасшедший.

— Я уже проверил, — сообщил я.

Она фыркнула.

— Что, мужчины делают правильно?

— Бывает, — ответил я мирно.

Она обернулась, лицо встревоженное, а глаза распахнулись шире.

— Что-то стряслось?

— Пока нет, — ответил я. — Может быть, зло затаилось с нашим появлением. Во всяком случае, будем спать настороже... Ты сова или жаворонок? Ладно, спи первой, потом разбужу, будешь сторожить ты.

Она посмотрела исподлобья.

— Здесь одна кровать.

— Я не буду тебя сталкивать, — заверил я. — А ты только не лягайся... по возможности. И не храпи очень громко.

Она сказала сердито:

— Я вообще не храплю!

— Тогда нет проблем, — заверил я. — Я тоже не храплю. Раздевайся, ложись, а то, думаю, завтра день будет потруднее.

Она поколебалась, наконец буркнула:

— Хорошо, отвернитесь... сэр.

Я отвернулся, но заметил невинно:

— Вообще-то я уже видел тебя... без одежды. И мои ладони еще помнят твою кожу на ощупь. Даже сейчас по ним бегут мурашки, только представлю.

— Не вспоминайте!

— Я не вспоминаю, — сообщил я. — Это они сами... чешутся.

Она сказала сердито:

— Тогда мы были... на работе! И не надо говорить... всякое.

— Не надо, — согласился я. — Тем более что мы сейчас тоже на работе.

За спиной шелестело, звякало, наконец зашеле-стели простыни, но кровать под ее заячьим весом даже не скрипнула.

— Вы можете повернуться, — донесся голос.

Я повернулся, она уже под одеялом до самого под-бородка, и начал неспешно раздеваться.

Она возмущенно хрюкнула и почти подпрыгнула, разворачиваясь в другую сторону. Я сложил одежду рядом на стул, меч привычно занял свое место у изголовья, а когда я опустился на ложе, то сразу проверил, чтобы до рукояти не нужно было даже особенно тянуться, пальцы тут же должны ощутить привыкший к ним рифленый металл.

— Хорошо, — сказал я и потянулся до хруста суставов, — теперь спи, пигалица. Под утро растолкаю.

Она пискнула из-под одеяла:

— Почему пигалица?

— Это такая пичужка, — объяснил я. — Мелкая птичка. Но хорошенькая. И писклявая.

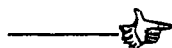
Она чуть повернула в мою сторону голову.

— Я не писклявая!

— Не писклявая, — согласился я великодушно, — а что временами... то не в счет.

Она сердито блынула на меня большими и блестящими в полутьме глазищами.

— И никакими временами!.. Ты меч поставил поближе, думаешь, ночью кто-то нападет?

— Вряд ли, — ответил я, — это так, на всякий случай. Бывает всякое.

Она осторожно повернулась в мою сторону, но держась на расстоянии протянутой руки.

— А что бывает? Расскажи.

— Ну вот, любопытная.

— Не любопытная, — возразила она сердито, — а хочу знать, против чего надо подготовиться и мне!

— Бывают привидения, — объяснил я, — что выходят из стен в полночь, а то и вовсе призраки. Иногда появляются через скрытые проходы, что открывает нечистая сила опять же в полночь, всякие жуткие твари...

Она прошептала испуганно:

— И... что? Тебе приходилось?

— Еще бы, — сказал я гордо, — я же такой дивный цветок, на который все мухи летят. Даже оборотни пару раз ко мне проламывались! Но ты не трусь, я уже руку набил.

— Я не боюсь, — огрызнулась она дрожащим голосом, — просто хочу знать, против чего...

— Не угадать, — ответил я, — мне кажется, это какой-то особый василиск.

— Что за особый?

— Урод, — объяснил я, — вместо того, чтобы в камень, как все нормальные, он сжигает дотла. Хотя это может быть и не василиск.

Она сказала сердитее:

— Ну так не сбивай с толку! А то я начала готовить заклинание против всех ящеров на свете.

— Молодец, — сказал я, — живучая.

Она замедленно придвигалась ко мне, пока я рассказывал, наконец коснулась сильно выступающей грудью, мордочка все еще настороженная, осторожно закинула на меня ногу. Я все так же лежу на спине, ла-

дони за голову, смотрю в потолок, и она, выждав чуть, положила на предплечье голову.

Я все еще не шевелился, и она поскребла там кожу ресницами, умостила уже со всеми удобствами, затихла.

— Тебе как, — спросил я, — удобно?

Она огрызнулась:

— Не мешай. Я сосредоточиваюсь.

— Хорошее занятие, — одобрил я, — передвинь харьку ближе, лучше на грудь. Так пойдет быстрее.

— Сама знаю, — буркнула она и присунулась ближе, щекой опустила на мои грудные мышцы, я их недавно наконец-то сумел подрезать сверху, сам не могу насмотреться, снова затихла, прислушиваясь, прошептала строго: — Только ничего не выдумывай, ладно?

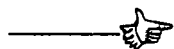
— Ладно, — согласился я. — Хотя фантазия у меня еще та.

Глава 6

Она еще пару раз поерзала, устраиваясь удобнее. Ее маленькое мягкое тело все больше приникает к моему, в полной мере приникает. У меня между грудными пластинами всегда была глубокая выемка, из-за чего страдал в детстве, у всех друзей широкие пластины, палец не просунешь, а между моими хоть кулак клади, так вот сейчас она прильнула так, что заполнила своим мягким женским теплом все мои выемки.

Я закрыл глаза и наслаждался этим странным чувством, медленно переходящим в сладостный жар. Астрида после долгой неподвижности осмелела, на что я и рассчитывал, ее тонкие трепетные пальчики сперва пугливо проверили, на чем это ее щека, ощупали все окрестности, причем — сперва едва-едва касаясь, а

потом пару раз слегка царапнули острыми коготками, будто проверяя, близко ли к поверхности нефть.

После некоторого напряженного ожидания, когда то ли ждала моей реакции, то ли чем-то там в спине перерабатывала полученную информацию, снова шелохнулась: сперва подвигала согнутой в колене ногой, там что-то сильно мешает или беспокоит, потом с мучительной неспешностью пустила в свободный поиск разогретую ладонь по моему пузу.

Я инстинктивно задержал дыхание, ее тело как будто налито горячим молоком, а мое так и вовсе горит и плавится. Ее грудь стала горячее и, наполнившись тяжелым жаром, погружается в меня, как я сладостно чувствую всеми фибрами. Ее дыхание вдруг оборвалось, целую вечность мы не двигались и не дышали, хотя мое сердце бьется так, что подбрасывает ее голову, а у нее колотится часто-часто, как у пойманной любопытной мелкой птички, пугливой и жалобной.

А затем ее пальцы сжались, я слышал резко учатившееся дыхание, но это не мое, стараюсь даже отворачивать голову, чтобы мое шло в сторону от ее лица, все-таки аромат вина и закуски с луком и чесноком...

По ее телу пошла неспешная волна, затем еще одна и еще, сперва такие же медленные, еще не знающие, угаснут ли тут же, потом быстрее, жар наполнил ее тело и пытался перелиться в мое, но я весь как раскаленная плита, мое ответное пламя встретило ее огонь на полдороге. Я услышал сдавленный вздох, по ее телу прошла судорога, я ухватил и пытался прижать к себе, но спазм выгнул ее дугой, она страшно вскрикнула, лицо перекошилось, некоторое время ее тело трепетало, как крылья бабочки под сильным ветром, затем силы покинули, и она безжизненно рухнула мне на грудь.

Я прислушивался к ее хриплому надсадному дыханию, затем ее затуманенные глаза приоткрылись, в них проступило дикое изумление.

— Я... жива?..

— Еще как, — ответил я, — а вот я... не знаю, выживу ли...

Она застыла, на лице проступил ужас, затем отчаяние, она прошептала упавшим голосом, полным горечи:

— Ах ты, гад... что ты... наделал...

— Что? — спросил я.

Она прошептала с болью:

— Я столько магической силы набрала!.. Я столько... никогда раньше... Я бы могла такое сделать...

Я пробормотал:

— Прости...

— Гад волосатый, — сказала она с отвращением и отчаянием, — как же я, дура, могла столько набрать... а потом так глупо все выпустить разом? Впустую!

— Зато мне, — пробормотал я, — удалось сохранить... как ты и говоришь... магическую силу... в неприкосновенности.

Она посмотрела люто.

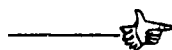
— Что?

— Ну...

— Не дам! — крикнула она. — Не позволю!.. Ни мне, ни тебе!

И вцепилась в меня, как коршун в цыпленка.

Все-таки мы оба зря гордились своим самообладанием, верностью интересам дела, отстраненностью от всякого такого, чистым разумом Гегеля, потому что за остаток ночи успели еще не раз зарядить магической мощью друг друга и так же бесцельно и глупо, если с

точки зрения Гегеля, а то и самого Иммануила Канта, разрядить.

Когда наступил рассвет, мы встретили его не только выжатые и обессиленные, но и стыдившиеся взглянуть друг на друга.

Я все-таки сумел подняться, бледное тело Астриды осталось на ложе с раскинутыми в разные стороны конечностями, как у Леонардо в золотом сечении.

Далеко за окном прокричал петух, уже в третий или какой-то там раз, а снизу со двора доносится бодрый скрип колодезного ворота и негромкие голоса возчиков, что привезли свежее молоко, сыр и зелень.

Когда я облачился поверх одежды в легкие доспехи, за спиной послышались пристыженный стон и шелест одежды.

— Не поворачивайся, — донесся слабый голос.

— Не поворачиваюсь, — ответил я.

— Я постараюсь все это забыть, — сказала она мне в спину, — и ты забудь, хорошо?

— Попробую, — ответил я с сомнением. — Попытаюсь. Хотя сие забыть непросто... Думаю, если сумел пережить такое, теперь меня ничего не убьет.

Она прошла мимо меня к окну, бросив на ходу с сердцем:

— Свинья!

— Еще какая, — ответил я гордо. — Позавтракаем здесь или с баронессой?

Чтобы выглянуть в окно, ей пришлось привстать на цыпочки и лечь животом на широкий из-за непомерной толщины каменной стены подоконник.

Я посмотрел на нее, ощутил, что во мне снова зашевелилась и начинает накапливаться магическая мощь, но, увы, такую научились использовать для магии только эти хитрые существа, а не мы, честные и прямые мужчины.

Я отвел взгляд, а она ответила, не поворачиваясь:

— Конечно, я бы тоже... лучше здесь... но это еще хуже... потому выйдем.

Она не добавила «...и не будем прятать взгляды», но это ощутил даже я при своей мужской толстокожести и потому сказал подчеркнуто бодро:

— А чего прятать?.. Подумаешь!.. Пойдем, а то все без нас пожрут.

Она слезла с подоконника и, бросив на меня только один короткий взгляд, сказала коротко:

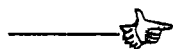
— Дурак.

Странно, как быстро и безошибочно женщины улавливают момент, когда можно отбросить всякие титулы. У мужчин такого чутья нет, мы еще долго раскланиваемся и вашевысочествуем, хотя можно давно без церемоний, а вот они — да, у них чутье и рефлекс, как у кобр, что бросаются на мышей.

И вот эта притихшая кобра идет, изображая смиренную мышку, хотя, может быть, она и есть мышка, кто женщин поймет, а кто говорит, что понимает, — врет нагло и беспардонно.

В столовой слуги тут же принялись заносить блюда, сразу же жареных кур, пренебрегая всякими салатами, но когда передо мной опустили вкусно пахнущую тушку, оранжево-желтую, словно политую медом, а в ноздришибанул сногшибательный запах, я понял, что сожру и даже нежные косточки погрызу.

Кожа треснула и обнажила белое лакомое мясо, аромат ударил отчетливо заметной струйкой, у меня руки затряслись, а челюсти сами собой чавкнули. Из глубокого надреза в боку побежал нежный сок, почти прозрачный, я грубо разорвал тушку пополам и начал пожирать, как волк, сразу с середины, оставив ноги и крылышки на потом.

Астрида ела степенно, демонстрируя власть духа над плотью. Баронесса почти не притронулась к мясному, а когда подали пироги, с трудом одолела до половины самый маленький.

Как я понял, слуги руководствуются вкусами погибшего барона, а его нежная супруга наверняка вскоре переориентирует их на сладости и фрукты.

Через распахнутые двери в холл было видно, как слуги спускают по лестнице половинку массивной, как большая катапульта, кровати с двумя торчащими колоннами балдахина, обломанными так, словно их перегрызли посередине.

Астрида тоже заметила, спросила:

— Что-то случилось?

Баронесса посмотрела на нее несколько странно.

— Служанки сообщили, — произнесла она чуточку смущенно, — что одеяло и простыни на вашем ложе изорваны, и попросили у меня позволения их заменить. Я решила проверить не врут ли, и увидела, что дело не только в простынях.

Астрида смутилась, я спросил в удивлении:

— Что, правда?

— Еще и ножки подломились, — сообщила баронесса, сильно покраснев и глядя в тарелку, — кровать вот-вот рухнет на пол, а еще появились трещины в стене... хотя, помню, ее делали из выдержанного мореного дуба.

Астрида за это время пару раз взглянула на меня исподлобья и украдкой, всякий раз заливаясь багровостью, даже кончики ушей начинали светиться.

— Ах, это, — сказал я с непринужденностью бывшего воина, — я иногда сплю беспокойно, если снится что-то боевое... Ну там сражения, крики мертвецов, ржание... сами понимаете чье... кони тоже ржут еще как... Иногда даже размахиваю конечностями, вроде

рублю... Хотя вообще-то, если ложе из дуба, то его могли прогрызть жуки-дроворубы...

— Дровосеки, — поправила Астрида.

— Правда? — изумился я. — А почему не дроворубы? Хотя вообще-то древогрызы...

Баронесса сказала торопливо:

— Я так и подумала, что вам что-то снилось. У милой Астриды кровоподтеки по всему телу, хотя она их и прячет.

Я охнул.

— Правда?

— Правда, — заверила баронесса. — У меня есть способность видеть такое. Ничего, уже проходят, она умеет залечивать быстро. Вы вот свои уже залечили.

Я посмотрел на Астриду зверем.

— Что, и у меня были?

— Меньше, — ответила баронесса, — чем у Астриды, когда она пыталась удержать ваше буйство.

— Бедная Астрида, — проговорил я с чувством сквозь зубы, — кроткая Астрида.

Астрида сказала с оживлением:

— Ой, как вкусно!.. Как это приготовлено? Неужели в этих пирогах ничего, кроме мяса, сыра и соуса?

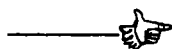
— Смотря какого соуса, — победно ответила баронесса. — Я сама его составляла! Если хочешь, расскажу секрет. Сперва нужно взять...

Астрида слушала с подчеркнутым вниманием, даже кивала в нужных местах, хотя иногда и невпопад.

Я дослушал до паузы, сказал оживленно:

— Баронесса, если вы не против, мы допьем это вино... это же вино?.. и займемся поисками. Ибо мы все-таки выпались прекрасно и полны решимости.

Лицо баронессы выражало недоверие, и Астрида сказала церемонно:

— Его высочество благородно взял на себя первую половину ночи, а вторая половина была за мной.

Баронесса в недоумении вскинула брови.

— Это, — поинтересовалась она, — в каком смысле?

Астрида покраснела и прикусила губу. Я сказал быстро:

— Сперва я дежурил с мечом наготове, а потом Астрида бдила, но за ночь никто и не появился.

— Странно, — проговорила баронесса в задумчивости, — а мне говорили, что из ваших покоев доносится адский шум, крики, стоны, рев, завывания, хрипы, проклятия и снова стоны.

Астрида покраснела гуще, я сказал смущенно:

— Иногда я храплю.

— Правда? — изумилась баронесса. — Мне показалось, что однажды я услышала и голос Астриды.

— Это через три этажа? — спросил я в сомнении. — Вам нужно менять перекрытия. Хотите, посоветую хорошую строительную артель? И берут недорого, и работают хорошо. Главное, качественно. У них теперь новые стимулы и возможности расширения.

Ее лицо посуровело и стало печальным.

— Ваше высочество, мне не до ремонта.

Я кивнул.

— Да-да. Мы с Астридой делаем все, что можем. Я не могу позволить, чтобы в королевстве, что принадлежит моей венценосной супруге Ротильде, буйствовал какой-то неведомый зверь! Он уже и так натворил столько бед, а может натворить больше.

Я заметил, что баронесса перехватила взгляд Астриды, который та бросила на меня при упоминании моей венценосной супруги. Женщины могут слона не заметить, но вот такие нюансы хватают моментально и тут же расширяют с точностью девять к одному.

— Вы моя последняя надежда, — проговорила она, стараясь, чтобы слова звучали с достоинством, но голос задрожал, а в глазах снова заблестела влага. — Все разбегаются в ужасе, а я запираюсь на все запоры и отсылаю служанок подальше, чтобы бедные девочки не пострадали, когда чудовище придет за мной.

— Может быть, — предположил я, — оно неразумное, и тогда для него все равно, кто попадется?

Она покачала головой.

— Ваше высочество, почему же никого не тронуло, а первым испепелило моего супруга, благородного барона?.. Он не шлялся по окрестностям, как простолюдины, которые должны были встретиться чудовищу раньше.

Астрида подтвердила угрюмо:

— Барон погиб в малом зале.

— И что? — спросил я тупенько.

— Чтобы туда попасть, — объяснила она сердито, — нужно пройти через двойную охрану. А еще кто-то из слуг обязательно попадется по дороге.

— Или монстр пролез через окно, — предположил я.

— Там решетка, — напомнила баронесса. — Очень крепкая.

— Осталась целой, — добавила Астрида.

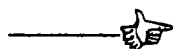
Я дожевал пирог и запил вином, затем порылся в памяти, так как не люблю делать два дела рядом, могу сбиться.

— Кто-нибудь, — спросил я степенно, — упоминал о существах, что могут пролезать в такие окна?

Баронесса ответила с недоумением:

— Нет... А что, такие существуют?

— К несчастью, — ответил я. — К несчастью. Вообще-то нужно сперва понять эту странность... почему саламандр, давайте называть его пока так, испепе-

лил барона, до которого добраться ой как трудно, а не начал с простолюдинов?

Она сказала помертвевшим голосом:

— Потому что чудовище уже в замке?

— Верно, — похвалил я, — хоть и женщина.

Она пробормотала:

— Тогда объяснимо, почему погибли сенешаль, его помощник, а сразу после барона Аладель, милая и кроткая служанка, несчастная девочка, она же и поработать не успела, только пришла, и на второй же день...

Астрида пробормотала в задумчивости:

— Вообще-то саламандр мог бы натворить и больше дел.

— Верно, — согласился я. — В замке народу много, он бы за полчаса всех сжег, так что либо ему нужно копить магическую мощь, как вот тебе...

Она сказала с нажимом:

— Прекрати!

— Прости, — сказал я виновато, — это всего лишь предположение! Возможно, копить магию удастся и другими способами.

— Прекрати!

Баронесса посмотрела с беспокойством на подругу, что смеет прикрикивать на самого принца.

— Астрида...

Астрида сердито зыркнула на нее, потом на меня, а я сказал торопливо:

— Я вовсе не хочу сказать, что ты была там и все пожгла своими глазами, как вон сейчас прожигаешь меня.

— Прекрати, — повторила она сердито. — Меня там не было, это подтвердить могут все. Да и не умею я так, хотя сейчас, когда смотрю на тебя, думаю, что стоило бы попытаться.

— Ну-ну?

— Скорее всего, — договорила она сквозь зубы, — он быстро выдыхался и впадал в спячку.

— Это я и хотел предположить «во-вторых», — сказал я. — Видишь, как мы слаженно работаем вместе? Ты не находишь?

Она уклонилась от моего прямого взгляда, щеки чуть порозовели, но сказала подчеркнуто деловым голосом:

— Гельвеция, мы сейчас же принимаемся за дело.

Глава 7

Когда мы вышли из зала, я сказал тихонько:

— И как ты собираешься справиться? Тут не только надо тягаться с неведомым чудовищем, что, вполне возможно, сильнее нас, но сперва еще найти его!

Она огрызнулась, но я видел в ее лице страх и начало понимания, что все не так просто, как ей показалось.

— Во-первых, — сказала она с нажимом, — баронесса — слабая и пугливая женщина, а мы — двое кое-что умеющих в магии!.. Во-вторых, она моя лучшая подруга!

Я буркнул:

— Если кто скажет, что женской дружбы не существует, сразу получит в репу.

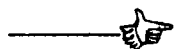
— Что-что?

— Идиома, — пояснил я. — Или метафора, не помню.

— Грамотность хочешь показать?

— Еще как, — признался я. — Хорошо, давай сперва опросим слуг.

— Как скажешь, принц, — согласилась она, — я беру левую часть здания, ты — правую.

— Почему это ты левую? — спросил я оскорбленно. — Это наше мужское право! Иди направо.

— Спасибо, — ответила она язвительно, — мне показалось, что вы такой правильный, такой законопослушный...

— Я такой, — подтвердил я, — но идти налево — наша прерогатива, хотя мы ею, конечно же, никогда не пользуемся.

Она фыркнула и ушла, держа спину прямой и двигая тугим задом под таким длинным платьем, что даже и не видно, человеческие там ступни или копытца. Хотя вроде бы ощупывал всю, но иногда кажется, что в какие-то моменты она вся становилась копытной.

Мне потребовалось меньше четверти часа, чтобы опросить всех слуг и служанок в левом крыле, потом отыскал себя на заднем дворе, где прутиком чертил на земле значки, стирал, рисовал новые, подправлял, когда за спиной послышался сердитый голос Астриды:

— Ну и что это за колдовство?

— Не колдовство, — ответил я терпеливо, — а торжество логики. Кстати, ты чего такая сердитая?

— Я не сердитая, — отрезала она.

— Мы же договорились забыть, — напомнил я. — Ты сама предложила! Даже велела. И ногой топнула.

— Я ногой не топала!

— Не топала, — согласился я моментально. — Видишь, как я иду на уступки и компромиссы?

— Ну да, — сказала она едко, — сперва соврал, а потом якобы уступил! Очень по-мужски!.. Я и забыла, а вот ты все напоминаешь!

Я изумился:

— Как?.. Тем, что дышу? Что существую?..

Она нахмурилась:

— Ладно, какое это заклинание? Что-то слишком простое...

— Напротив, — сказал я, — настолько сложное, что уже голова трещит. Ищу логику. Первым погиб барон, затем самая простая служанка, ниже которой в замке не было, третьем пал сенешаль, затем охранник...

— Какая логика, — возразила она, — у неразумного зверя?

— Он разумен, — напомнил я, — иначе как объяснить, что никого не трогал, пока не добрался до барона? А уже потом начал других... и то как-то избирательно... Знаешь, надо съездить в деревню, откуда взяли ту служанку.

— Зачем?

— Хочу поговорить с родителями, — сказал я. — Утешить, заодно расспросить, не водилось ли за нею чего-то еще... необычного.

Она откинулась всем корпусом, прогнувшись в пояснице, из-за чего я тут же невольно перевел взгляд на ее вторичные, но спохватился и посмотрел в ее ясные глаза.

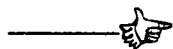
— Какое еще необычное? — буркнула она. — Простая деревенская служанка.

— Верно, — согласился я, — но я весьма тщательно знакомился с картой Мезины... Мезина — это здешнее королевство, а карта...

— Догадываюсь, — прервала она. — И что?

— После Великих Войн, — напомнил я, — везде остались аномалии, которые называют то Зачарованными, то Гиблыми, то Колдовскими, то еще как. Где-то это болота, где-то пустоши, горы, леса, пески, так вот, дорогуша, этих мест в Мезине больше, чем во всех королевствах, которые я подгрел к демократии и либеральным ценностям ближе, вместе взятых!

Она, как и все, пропустила насчет демократии, но сразу уцепилась за аномальность.

— Значит, — спросила она быстро, — здесь это не редкость?

— Нет, — ответил я, — потому и наведу справки о служанке. А ты это имей в виду тоже.

Она фыркнула:

— Я ведь тоже из Мезины! Так что, подумаешь, новость открыл!

— Но я ее сформулировал, — подчеркнул я. — В доступной форме. Зайчик!.. Ты где? Забери меня от этого чудовища в юбке...

Деревня в отличие от замка вся с иголки в том смысле, что ни одного дома с виду старше трех лет, что и понятно, если вспомнить, что здесь прошла конница императора Карла. Это каменные чудовища, называемые замками, не горят, а деревни и сами по себе выгорают время от времени от пожаров... К счастью, любую деревню можно поставить заново меньше чем за неделю.

На околице навстречу выбежали собаки, Бобик с великим презрением показал им клыки и, пригнув голову, пустил по земле такой низкий рык, что на ярд в глубину наверняка оглохли все мыши.

Собаки, обезумев от ужаса, развернулись и ринулись обратно в деревню, а там кто забился под крыльцо или спрятался поглубже в будку, а другие пронеслись, ничего не видя перед собой, на другую сторону и пропали в пыли, поднятой их лапами.

Я расспрашивал самых отважных, что выглядывают из-за плетней, наконец одна женщина сумела понять, что я спрашиваю, и объяснила, что дом Кегичей, откуда в замок взяли девушку, находится во-о-он там, сразу за хатой с провалившейся крышей.

Отыскав нужный дом, я долго стучал в почему-то опущенные ставни, наконец вышел согбенный мужчина, горбится не столько от груза прожитых лет, как от привычки гнуть спину перед всеми, начиная со старосты и кончая лордами.

Я оставался в седле, а крестьянин, часто и пугливо моргая, кланялся при каждом слове и суетливо повторял, что у них ничего нет, они люди бедные, но если господин пожелает переночевать...

Я прервал:

— Слушай сюда!.. У тебя дочь по имени Аладель есть?

Он часто закивал, глядя снизу вверх со страхом и подобострастием.

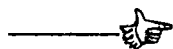
— Да-да, старшенькая. У меня их пятеро, и два сына, но Аладель самая старшая, ее взяли недавно в замок прислуживать господам.

Из сада вышла и пошла в нашу сторону молоденькая девушка с большим лукошком, полным крупной спелой клубники. Я определил на глаз, что ей лет четырнадцать, но юное тело уже вполне развито, хотя она пользуется, судя по всему, правом носить платье не девушки, а еще девочки, потому короткое, вроде сарафана, руки и плечи голые, а внизу потрепанный подол даже не скрывает полные поцарапанные колени.

Она кротко улыбнулась мне, глаза крупные, масляные и чуточку удивленно-зовущие, взгляд радостный, словно я ее лучший друг, которого она хочет обнять за шею и посидеть у него на коленях.

Я почти ощутил сладкую и горячую тяжесть ее полноватого нежного тела, чресла моментально прогрелись, а она протянула мне обеими руками лукошко.

— Может быть, господин хочет отведать сладкого?

Ее отец оглянулся, лицо потемнело, и он сказал непривычно резко для такого согнутого жизнью человека:

— Асандра, немедленно иди домой!

Она взглянула на меня с вопросом в глазах, взгляд теплый и ласковый, я отчетливо ощутил, как могу взять ее за податливые плечи и притянуть к себе, упиваясь ее чистотой, молодостью и сладостью ее горячего тела, что ждет меня, как раскрывающаяся мне навстречу устрица с ее нежной плотью внутри.

Я взял горсть ягод, взамен бросил в лукошко золотую монету, услышал потрясенный вздох отца, а его дочь лишь ласково и обещающе улыбнулась, заверяя взглядом, что она так жаждет оказаться в моих руках и ощутить на себе тяжесть моего ждущего тела сильного и свирепого самца.

— Очень сладко, — сказал я. — Иди домой, как отец велит, а я пока поговорю с ним.

Она ласково улыбнулась мне и пошла к крыльцу. Зад ее широк и вздернут, а под тонким подолом чувствуются сильные полные ноги.

Отец вздохнул, лицо несчастное, смотрит в землю и постоянно вздыхает.

— Старшая такая же? — спросил я.

Он вздрогнул, судорожно кивнул.

— Да, Асандра всего на год моложе... Вы что-то хотите, господин?

— Трудновато тебе с ними? — спросил я. — Нет-нет, я не собираюсь приглашать ее в замок, Боже сохрани!.. Она слишком, как ты понимаешь. Старайся ее держать подальше от мужчин.

Он коротко и недоверчиво зыркнул на меня.

— Да как ее уберечь?

— Поскорее выдай замуж, — посоветовал я. — Она уже вполне, сам видишь. Пусть муж с нею мучается, а у

тебя останутся еще три таких же... наверное, таких же. Это они в твою жену пошли? Кстати, где она?

Он ответил угрюмо:

— Она не выходит на улицу. Домашней работы много! Накормить девять человек, постирать, спрясть... а во дворе я справляюсь, девчонки помогают.

— Асадель до замужества надо оставить дома, — посоветовал я, — не просто дома, а в доме! Пусть матери помогает, той одной уже трудно. Ну, ты меня понял.

Он вздрогнул, на меня посмотрел со страхом и надеждой.

— Да, понял... Спасибо, господин!

— Не за что, — ответил я и повернул коня.

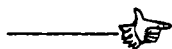
— Есть за что, — ответил он неожиданно. — Вы же все поняли?

— Ничего я не понял, — заверил я, — но на улицу и в сад больше не выпускай. А то она будет еще быстрее... взрослеть.

Зайчик пошел между домами вскачь, я корил себя, что так и не сказал о гибели его старшей дочери, но горечь потери у него скрасится тем, что осталось еще четыре, а это совсем не то, когда теряешь одну-единственную, тогда уже все, остаешься в самом деле одинок. К счастью, эти жуткие и просто кошмарные времена наступят не скоро.

Некоторые кусочки мозаики постепенно становились на место, проявляя дотоле скрытую картинку. Аладель, старшая сестра, попала в замок служанкой... кстати, как она попала?... ладно, сейчас не это важно, а важно то, что барон, который искренне и верно любил свою жену, наверняка не устоял.

Вообще-то да, есть такой мощный зов, что все мы как бараны прем... есть более изящное сравнение насчет мотыльков, летящих на огонь свечи, но бараны тоже ничего, соответствует... И даже умные и хладно-

кровные находят отговорку, что если жена не узнает, то как бы ничего и не было, но это риск, жена может когда-то узнать...

И вот тут могут быть варианты. Одни женщины придут в ярость, другие тихонько поплачут и смирятся, а третьи скажут деловито, что это пустяк, развлечение на стороне браку не вредит.

Баронесса, скорее всего, если и узнала, то втихомолку поплакала, по ней видно, у таких слезы всегда близко, а барону даже сказать не решилась, что узнала про его связь или, точнее, вязку со служанкой.

Однако если кто-то другой обиделся за краткую и безответную Гельвецию... крепко обиделся?

Астрида все это время, как я понял, сидела в обнимку с Гельвецией. Обе ревели, потом Астрида снова утешала подругу, и когда я появился, у обеих уже вконец заплаканные мордочки, красные глаза и надутые губы в смертельной обиде на злой и несправедливый мир.

— Ну что, — сказал я с подчеркнутым оптимизмом, — быстро я?.. Я вообще все делаю быстро, иначе любое удовольствие превращается в работу.

Баронесса вздохнула и принялась промакивать платочком глаза, Астрида вперила в меня прямой, как луч солнца, взгляд.

— Что-то узнал?

Баронесса тихонько ткнула ее в бок и напомнила шепотом:

— Это же принц! Его высочество...

— По некоторым данным, — сказал я веско, — все началось с появления служанки Аладель.

Астрида нахмурила бровки.

— А она при чем? Погиб барон...

Баронесса снова зарыдала, сказала слабым голосом:

— Я пойду к себе... Я не могу себе представить мир без любимого супруга...

Астрида вскочила.

— Я провожу тебя?

Баронесса покачала прелестной головкой.

— Нет-нет, вы постарайтесь сосредоточиться и найти это чудовище, пока оно еще кого-то не уничтожило!

Я проводил ее взглядом и сказал тихо:

— Мужская интуиция подсказывает, что та девочка, я о новенькой служанке, могла весьма даже приглянуться барону. А когда он воспылал страстью и тайком ночью пошел к ней, то ночное чудовище их застукало и превратило в пепел!

— Дурость это, — заявила она, — а не интуиция. Она бывает только у женщин и всех, кого вы, как слоны, обижаете!.. Барон погиб утром, а служанка гораздо позже.

— Молодец, — сказал я, — в расследовании все мелочи полезны, а в мелочности никто не сравнится с женщинами. Но все равно служаночка свою роль сыграла.

— Как? — спросила она. — Я могла бы предположить, что его как-то сожгла сама Гельвеция, если бы у нее был другой характер, но ты же сам видишь.

— Вижу, — согласился я, — баронесса и муху не обидит. Да и зачем ей такое? Теперь совершенно бесполезна, землями управлять наш мотылек не в состоянии.

Она вздохнула, спросила другим тоном:

— Что ты узнал в деревне?

— Ничего ценного, — признался я. — Если о служанке, бароне или вообще... Там живут, как мыши в норах, хотя хатки хорошие. Даже не хатки, а дома. Но люди... гм... к сожалению, таких большинство.

— Съездил зря?.. Я ж говорила!

— Не зря, — возразил я. — Теперь точно знаю... ну, точно уверен, что служанка свою роль сыграла. Она, конечно, не такая... ну, как ты, но соблазнить барона могла.

Астрида поморщилась.

— Не сравнивай меня с такими, — сказала она ледяным голосом. — Я никого никогда не соблазняла. И не собираюсь!.. Но со смертью служанки твои дохлые догадки вообще рухнули.

— Надо поговорить с теми, — сказал я, — кто с нею общался здесь.

— Что даст?

— Предположим, — сказал я, — кто-то из преданных баронессе людей заподозрил барона, проследил и подсмотрел... ну, момент прелюбодеяния. Кстати, хорошее слово, разделяющее брак и любовь. Даже подчеркивающее, что не просто любовь, а возводящее в превосходную степень: не просто люблю, а прелюбо... Ладно, закрой рот, это я умничаю, обязательный штришок в ритуальном танце мужчин перед куропатками. В общем, взял и убил. Ну, как мог. Сжег на месте!

— А почему не обоих? — спросила она едко.

— Причин может быть тыщи, — сказал я.

— Назови хотя бы пару!

— Пожалуйста, — сказал я победно, — либо не хватило магического заряда на двоих, либо она убежала, пока неизвестный жег барона, такое могло случиться не за секунду, а занять какое-то время. Кроме того, возможно, убийца ревновал служанку, успел попользоваться раньше барона...

Она прервала:

— Стоп-стоп!.. Столько версий проверять хватит на неделю, а тут снова могут начаться эти жуткие убий-

ства. Давай я буду опрашивать мужчин, которые могли бы заинтересоваться служанкой...

— Давай, — согласился я. — Только ты это... ну...

Она спросила с подозрением:

— Что?

— Опусти вырез чуть ниже, — сказал я неуклюже, — и вот эти штуки не забывай выпячивать. Мужчины сразу начинают пялиться на это волшебство, а если еще пошевелишь ими, чтоб заколыхались...

— Хватит, — сказала она резко, — я так делать не буду!

— Будет труднее, — сказал я со вздохом. — Вообще труднее, увы. Те, кто шевелит, быстрее пробиваются наверх. Вон Феодора вообще императрицей стала с таких низов, ниже которых лечь и не получится...

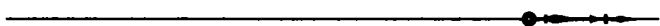
— Снова умничаешь?

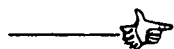
— А куда я умище дену? — возразил я. — В общем, пойду переговорю с баронессой, а то, вижу, вы только слезки друг другу вытирали. А ты попробуй расколоть до самой задницы местных самцов. Ты права, они перед тобой раскроются полнее и шире. Только шевелить все-таки... шевели.

Она фыркнула и ушла, рассерженная и независимая, словно эта она принцесса, а я так, что-то сбоку да еще с бантиком. Женщины и лисы — самые хитрые существа на свете, всеми фибрами чувствуют, как и когда себя вести, и потому да, они вообще как бы весьма, чтобы мы не, все равно ага, ибо вот так, а не иначе, а если иначе, то все равно вот так.

Глава 8

Бобик увязался за мной, баронессу я застал на коленях перед алтарем. Глотая слезы, она жалобным голосом молилась, уговаривая Творца вот прямо сейчас бро-

силь все, чем он там непонятным занимается, и помочь обезопасить людей в замке от свирепого и страшного чудовища.

Она вздрогнула, когда Бобик, нависая над нею черной литой тушей, начал шумно обнюхивать, а потом дружески лизнул в ухо.

— Ох... это вы, выше высочество...

— Вообще-то, — пояснил я на всякий случай, мало ли какие представления у женщин, — это мой щеночек, но я как бы тоже бобик в некоторой степени... Да-да, это сложно, потому я хотел бы сосредоточиться, если позволите, конечно, на некоторых не проясненных до конца моментах.

Она торопливо поднялась.

— Ваше высочество?

Я подал руку и отвел ее, легкую, как мотылек, к столу, где нас ждут два кресла. Когда она так же легко опустилась на сиденье, Бобик попытался лечь у ее ног, но я увидел, как она напряглась в страхе от прикосновения к шкуре такого кабана, сказал ему строго:

— Теряешь хватку, дружище!.. Бери и поймай на обед молодого толстого оленя!..

Бобик подхватился с готовностью, обожает, когда приказывают, все собаки любят служить, для того и созданы, тут же метнулся к выходу, едва двери не снес с петель.

Я проводил его взглядом и повернулся к баронессе.

— Гельвеция, — сказал я с глубоким сочувствием, — я сам старался отвлечь вас от тяжелых воспоминаний... да, они должны уйти в прошлое, однако сейчас нам жизненно важно выяснить некоторые мелочи.

Она сказала дрожащим голосом:

— Ох, выясняйте все, что вам нужно, ваше высочество!..

— Спасибо.

— Я отвечаю, — сказала она душераздирающим голосом, — за своих людей и ужасно страдаю, что не могу их уберечь.

— Вопросы могут вас задеть, — предупредил я, — но мы ведь, баронесса, не просто люди, но и обделенные... в смысле, наделенные властью? Потому обязаны крепче и надежнее других держать себя в руках и владеть своими чувствами, чтобы не повредить другим, в том числе и людям.

— Конечно! — воскликнула она. — Умоляю, ваше высочество, сделайте все, чтобы обезопасить людей от этого чудовища!

— Буду пытаться.

— Все, — сказала она жалобно, — что сумеете.

Я вздохнул, поморщился, неприятно задавать женщине неприятные вопросы, но пересилил себя и сказал осторожно:

— Гельвеция, есть один непроясненный вопрос насчет новой служанки...

— Аладель? — воскликнула она. — Бедная девочка!.. В первый же день, когда пришла на службу.

— Кто ее пригласил? — поинтересовался я.

Она ответила с недоумением:

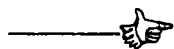
— Да никто... Наша старая Хильда начала прихвывать, наконец отпросилась домой в свое село. Мы ей дали денег, а взамен попросили прислать молодую и смышленную.

— Гм, — сказал я, чувствуя, как рушится еще одна моя версия, — значит, это была просто случайность, что в замок попала именно она.

Она спросила в удивлении:

— Разве это не очевидно?

— Только не для меня, — ответил я и пояснил: — Я же не местный, обычаев не знаю, потому и задаю

наивные вопросы. Мне вот показалось, что барону она слишком даже приглянулась.

Баронесса округлила глаза даже не в негодовании, а в изумлении.

— Что вы, ваша светлость!.. Простая деревенская девчонка!.. Ничем не примечательная!.. Если бы барон обращал внимание на других женщин, то мог бы заметить, как ему поощрительно улыбаются леди Оливия и леди Тантрия. Это мои подруги, бывают у меня ча-стенъко.

— И вы за барона были спокойны?

— Полностью, — ответила она уверенно. — Он любил только меня. А также пиры, турниры и охоту. Поэтому я так спокойно смотрела на их безуспешные попытки привлечь к себе его именно мужское внимание...

— Так, — сказал я, — с этим ясно... хотя нет, не совсем. Аладель вам могла показаться невзрачной, потому что вы женщина, а ее чары... если это чары, действуют только на особей противоположного пола. Это я так куртуазно называю самцов, они же мужчины, если говорить откровенно и без обиняков.

Она слушала несколько обалдело, значит, мои попытки растормошить ее сознание и подсознание приносят успех. Глаза расширились, нежное лицо еще больше страдальчески побледнело.

— Вы полагаете, — прошептала она, — полагаете...

— Весьма, — ответил я твердо.

— Но почему я...

— Почему барон вам ничего не сказал? — переспросил я. — Баронесса, вы шутите?

Она проговорила прерывающимся голосом:

— Да-да, я заметила, что, как только она появилась в замке, мужчины сразу же начали смотреть на нее.

— Смотреть? — уточнил я.

— Да, — ответила она слабо, — все оставляли, кузнец даже молот себе уронил на ногу, но не заметил почему-то... Все поворачивались и смотрели...

— И только?

— Пришел сенешаль, — закончила она, — и все занялись работой. А бедную Аладель послали убирать наши покои. Она была очень старательная девушка, мне нравилась, хоть и очень неуклюжая, все-таки из села...

— Что вы замечали за ней особенное? — спросил я настойчиво. — Постарайтесь сосредоточиться. А еще лучше смотрите на рукоять моего меча, вот на этот рубин!.. Смотрите неотрывно, вам начнет нечто мерщиться, но не отгоняйте, там как раз и будет, возможно, разгадка. Вспомните то, что, вполне вероятно, почему-то и как-то забыли, и смотрите на рубин неотрывно...

— Хорошо, — прошелестел ее голос послушно, — да, конечно...

Ее чистые ясные, как у доверчивого ребенка, глаза расширились, в них появилось мечтательное выражение, затем затуманились, лицо медленно расслаблялось, теряя скорбное выражение, а губы начали складываться в подобие робкой улыбки.

Я затаил дыхание, гипнотизер из меня никакой, насмотрелся всякой хрени, как эти ловкие ребята заставляют смотреть на что-нить блестящее и вводят в транс, но так поддаются только люди с самой слабой психикой.

Хотя, с другой стороны, слабее, чем у баронессы, и придумать трудно, ее загипнотизирует даже кузничек в траве, даже не какой-нибудь саранчовый, а так, даже зелененький.

— Что вы можете вспомнить, — сказал я медленно и тягуче, так вроде бы полагается говорить с гипнотизи-

руемыми, — о последнем разговоре с бароном?.. Что вы видите?.. Что он говорит вам?..

Ее лицо осветилось так, словно на него упал луч солнца, а незрячие глаза заблестели счастьем.

— Он сказал, что любит меня... И что счастлив...

— Что еще? — спросил я настойчиво. — Не вспомните?.. Тогда постарайтесь воскресить в памяти последний разговор с вашей служанкой Аладель...

Она произнесла в трансе:

— Аладель... Милая и послушная...

— Да-да, — согласился я, — а теперь припомните, что она говорила? Что говорили вы?..

Ее губы медленно шелохнулись, я напряг слух, но внезапно она вздрогнула, зрачки расширились, словно в ужасе, лицо напряглось, а затем зрачки быстро и страшно сузились, превратившись в узкие отверстия, за которыми начал разгораться огонь.

— Что? — вскрикнула она. — Почему он так сказал?.. Да как они посмели... Это... это невозможно!..

Я сказал быстро:

— Да-да, вспоминайте, вспоминайте все!.. Вспомните ярко, ничего не пропускайте!.. Что он сказал?.. Это был барон?.. Служанка... она что делала?

Баронесса медленно поднялась, словно кукла, которую тянут на веревочках. Лицо перекосилось гневом и яростью, в глазах вспыхнуло дикое неконтролируемое пламя.

— Нет! — проговорила она с бешенством. — Нет!

Сильный жар охватил меня, я вскрикнул, пытался метнуться в сторону, однако тепловой удар поразил с силой падающей скалы. В глазах потемнело и последнее, что я видел, — стремительно падающий на меня пол.

Я ощутил дикую боль и спазмы раньше, чем очнулся, и выныривал медленно, словно поднимался со дна грязного болота, глотая тяжелую вязкую воду.

Из темноты донеслись булькающие звуки, затем размытые пятна блеклого света. В голове, кроме боли, появились рев, грохот, треск, и вдруг я услышал искаженный, доносящийся с далеких планет голос:

— Это я, ваше высочество... вы ведь уже высочество?... Счел своим долгом, так сказать...

Перед глазами все плывет, в голове стучат молоты, а надо мной то возникает чья-то рожа, то исчезает в сером тумане, а на щеке чувствую быстрый горячий язык Бобика.

Я сцепил зубы, сделал несколько глубоких вдохов, насыщая мозги кислородом. Жив, а все остальное восстанавливаю, соберусь, встану на ноги...

Пятно надо мной оформилось в лицо, еще нерезкое, но чем-то знакомое.

— Меня зовут Хрейдмар, — произнес мужчина сильным голосом. — Я как ваш верноподданный счел своим долгом поспешить к сюзерену, как только ощутил, что он в опасности.

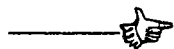
Я всмотрелся, ух ты, это же колдун, что похитил сестру жены Фальстронга, всматривается в меня несколько насмешливо, он всегда был таким, постоянно иронизировал над своим чувством долга и прочей ерундой с точки зрения любого колдуна.

В странном мягком халате, совсем не колдовско-рабочем, без привычной остроконечной шляпы, а ноги совсем голые, подумать только, совершенно босой.

— Э-э, — прохрипел я, — а где... Берхт?

От его глаз разбежались мелкие лучики морщинки.

— О, какая забота, — произнес он с иронией. — Он с матерью, ваше высочество.

— Похвально, — прохрипел я и попробовал под-
няться, опираясь на Бобика. Астрида поддержала меня
под спину. — Не на дне моря с камнем на шее?

— В нашем доме, — сообщил он. — Где вы уже по-
бывали.

— Ладно, — буркнул я. — А что за шуточки насчет
верноподданничества?

— Все совершенно серьезно, — заверил он, но голос
оставался ироничным. — Или почти серьезно. Я же по-
кинул Варт Генц и перебрался в Мезину, где вы меня и
застали. А Мезина в вашем железном кулаке.

— Не в кулаке, — поправил я, — а под каблуком. Не
моим, конечно.

— Да-да, — ответил он, — я слышал о грядущей ко-
ронации. Встать можете?

— Давно, — ответил я. — Это я так присел, пораз-
мышлять о высоком возжелалось.

Прямо передо мной посреди зала лежит крупный
молодой олень, ну да, я же послал Бобика поймать
именно такого. Астрида все-таки поддерживает меня
под руку, спазмы холода пробегают по моим внутрен-
ностям вверх-вниз, но все реже и слабее.

Я наконец разогнулся полностью, взор уже ясен,
оглядел их властно и надменно, как и положено лорду.

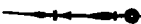
— Что с баронессой?

— Астрида ее оглушила, — ответил он с неодобре-
нием. — Вообще-то в целом поступила верно, но как
грубо, неэстетично, фи!.. Простой оглоблей, мне за нее
стыдно. Колдуньи так не поступают.

Астрида огрызнулась:

— У меня не было времени на заклятия!

— Парочку нужно всегда держать наготове, — за-
метил он назидательно. — Кроме того, интересно было
посмотреть, сколько его высочество может выдержать
еще, прежде чем, так сказать...

Я оглянулся, под стеной лежит что-то накрытое сорванным с нее широким гобеленом. Судя по очертаниям, женское тело, вон даже торчит кончик женской туфли.

Хрейдмар придержал меня за плечо.

— Не стоит, ваше высочество.

— Она умерла?

— Нет, но смотреть на нее сейчас не стоит.

— Настолько... страшна?

— Ужасна, — уточнил он любезно. — Что вы последней помните?

Я пробормотал:

— Стало жарко, очень жарко. Ее синие глаза вдруг начали быстро краснеть... И лицо... тоже...

— У вас хорошая защита, — сказал он одобрительно. — Когда Астрида вбежала к вам, вы дымились, просто как сырой дуб на углях!.. Кожа на вас почти вся сгорела, как Астрида говорит, хотя мне в такое трудно поверить... Нет-нет, в это верю, но вы остались живы и... я бы не сказал, что моего умения хватило так быстро заживить ваши раны. Остается предположить...

Я покачал головой.

— Не надо. Не при детях.

Он покосился на Астриду, на губах снова проступила улыбка.

— Я сразу тогда понял, что вы что-то замыслили, но не хотите делать это явно... Это был телестас?.. Энтонденция?

Я покачал головой.

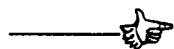
— Давайте подумаем, что делать с баронессой.

— Да, — сказал он, — конечно... только нам хотелось бы понять, что случилось.

Я сказал угрюмо:

— А того, что увидела Астрида, мало?

Он покачал головой.

— Она вбежала вон в ту дверь. Баронесса к ней стояла спиной, мне Астрида успела сказать, что баронесса кричала на вас, как будто вы ее сильно обидели... Очень сильно обидели!

— А я горел, — сказал я, — да? И если бы вы не успели, от меня осталась бы горстка пепла.

— Верно.

— Чистая душа, — сказал я, — вот что значит жениться по любви... Нет, выходить замуж по любви. Хотя, возможно, барон тоже по любви, иначе почему баронесса так резко?..

— За что она его?

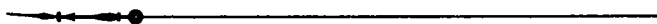
— Не сумел удержаться, — ответил я, — чтобы не поиметь новую служанку. Я говорил с ее младшей сестричкой... Это такая штучка, что еще годик, и уже никто из мужчин ей не откажет. А она будет из них веревки вить... В общем, баронесса либо сама узнала, либо барон повинился... это неважно. Она пришла в такую ярость, что... в общем, в ней пробудилось настоящее женское бешенство, дикое, как у всех женщин в глубине их темных душ, испепеляющее... в прямом смысле слова. Ну, в этом больше Астрида специалист, она тоже еще та зверюка.

Астрида сказала гневно:

— Но почему попросила меня помочь спасти ее от монстра?

— Она не помнила себя в ярости, — пояснил я. — А когда пришла в себя, то была уже, например, в своей спальне... Представляешь, пытаешься вспомнить, что за провал в воспоминаниях... а то и не пытаешься, мало ли какие пустяки в жизни, а тут прибегает кто-то и кричит в ужасе, что господин барон сгорел, а на его месте только расплавленная пряжка от пояса и шпоры на остатках сапог!

Астрида прошептала:

— А на другой день служанка могла спросить, где господин.

— И когда баронесса догадалась, — договорил я, — женщинам даже не нужно догадываться, они чувствуют, как мой Бобик, то от служанки горстка пепла получилась еще меньше.

— А потом погибли остальные, — сказал я. — И все это время баронесса не понимала, в чем дело, плакала и пугалась, просила спасти ее от ужасного монстра!.. Эх, что же теперь с нею делать, она же скоро очнется... И снова не будет помнить, что случилось.

Астрида вздохнула и промолчала, маг взглянул на меня с интересом.

— А что... есть какие-то варианты?

— Разумеется, — отрезал я. — Она никого не убивала, это ясно. Это ее гнев убивал, но она тогда себя не помнила и... вообще-то в ней тогда был совсем другой человек. Если совсем уж честно, он есть в каждой женщине, спросите Астриду, но баронесса по своей чувствительности как-то сумела в минуту горькой обиды и разочарования это самое извлечь... В общем, раз мы не убили ее сразу, когда вроде бы как бы в порядке самозащиты, то сейчас уже... нехорошо.

Маг кивнул, взгляд стал понимающим.

— Это как в бою можно и нужно убивать, но если захватил в плен, то убивать нельзя? И даже попинать... нехорошо? Хоть и хочется?

— Примерно, — сказал я. — Как долго сможете ее держать во сне?

— Сколько угодно, — ответил он. — Просто нужно раз в сутки подновлять заклятие...

— Столько не понадобится, — сказал я. — Пусть слуги запрягут самых быстрых коней в повозку. Надо отвезти ее в монастырь святого Кристофория. Это близко, мы его проезжали по дороге сюда. Там либо из-

гонят из нее этого... гм... дьявола, либо... ну, тогда на костер. Но мы должны сделать попытку спасти.

Астрида воскликнула с жаром:

— Спасибо!

Маг поклонился с той же долей иронии.

— Ваше высочество, вы меня удивили. И очень... заинтересовали. Скажу очень серьезно, я даже рад, что вы владеете Мезиной.

Я не стал говорить, что королева здесь Ротильда, а я сбоку-припеку, а еще там же бантик, наверное — розовый, все равно это пустые слова, их можно говорить только тем, кто вообще головой не думает, а таких у нас всего девяносто девять из ста.

Астрида смотрела на меня расширенными глазами. Я повернулся к ней и произнес властно, не сводя жестокого взгляда правителя и завоевателя:

— А тебе я поручаю этот замок, эти земли и всех людей, которые здесь живут!.. Правь мудро и умело, приумножай богатства, споры разрешай честно и беспристрастно.

Она вскрикнула в испуге и возмущении:

— Ричард!

От мага, как вижу, не укрылось, как она назвала меня, мое мудрое и замечательное высочество, но смолчал, только хитро прищурился.

Я поморщился и сказал резко:

— Астрида! Этот замок и земли тебе даю во временное управление, пока баронесса не вылечится.

— А можно, — спросила она, — не давать?

— Нет, — отрезал я. — Или настаиваешь, чтобы подарил другому? Ты же знаешь, земля без хозяина не может оставаться и на день. Все разнесут и разграбят, замок разберут по камешку на свинарники. Если откажешься, то...

Она сказала сердито:

— Нет! Ради подруги не отказываюсь.

— И только если, — сказал я, — баронессу не удастся вылечить, тогда да, это будет принадлежать тебе. Поэтому управляй мудро, вполне возможно, что налоги буду драть с тебя... И сейчас иди и успокой народ. Объяви, что монстр убит, теперь все в безопасности. А баронесса, дескать, была ранена зверем, ее спешно отвозим в монастырь, где самые умелые лекари... В общем, повторяю, мне надо возвращаться, важная церемония завтра, а ты... займись здесь. Волей принца, да вообще-то это хрень, волей правителя я, повторяю для женщин, жалую этот замок и принадлежащие ранее барону земли тебе, пока тут все не рухнуло. Восстанови жизнь.

Она прошипела:

— Приму, приму.

— Вот и прекрасно...

— Но только в управление, — напомнила она. — А подлинная хозяйка — Гельвеция!

— Распоряжайся, — предупредил я, — как своим. Неизвестно, когда она выйдет из монастыря. Да и выйдет ли.

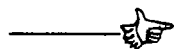
Она закусила губу и посмотрела на меня чуть ли не с ненавистью. Если даже баронессу не отправят на костер, она сама не решится вернуться в те места, где погубила столько людей, и скорее всего останется навеки монашкой, замаливая страшный грех убийства.

— Я сохраню для нее все, — заявила она, — что принадлежит ей!

— Только будь осторожна с ее личными вещами, — сказал я с предостережением.

— Еще бы!

— Что-то же, — напомнил я, — дало ей такие... недобрые способности? Мне бы не хотелось, чтобы ты меня сожгла.

— Амне вот сейчас хочется, — заявила она. — Ладно, я все ее бумаги отправлю в монастырь. Ты этого хотел?

Я кивнул.

— Умница. И... пожалуйста, сама не попадись. Я не стану тебя отговаривать от колдовства, это трудно, но в этих землях тебя не знают как ведьму...

— Меня ни в каких не знают, — отрезала она.

— Прекрасно, — сказал я с облегчением. — Постарайся не прослыть ведьмой. В общем, помог, чем смог. Дальше ты... всю оставшуюся жизнь.

Глава 9

Хрейдмар вышел во двор проводить меня, я чувствовал, что у него есть нечто, что хотел бы спросить, но почему-то не решается, потому все идет и идет рядом, даже старается ступать в ногу.

Когда он успел переодеться, я даже не заметил, такое только женщины замечают, но на плиты двора наступают толстые подошвы добротных сапог, пусть и без рыцарских шпор, камзол подогнан по фигуре, штаны из кожи, а на поясе кинжал вполне приличных размеров.

— Кстати, — поинтересовался я, — как вы оказались... так кстати?

Он развел руками.

— Еще когда вы с Астридой так необычно вломились ко мне, я поразился ее чистой девственной мощи.

— Она ведьма, — спросил я с угрюмым недоверием, — еще больше, чем кажется?

— И это верно, — согласился он. — Но меня тронула ее редкая самопожертвенность. Есть такое заклятие, если наложить на другого, обладающего большой мо-

шью, то можно иногда ощутить, когда он в беде. Я тогда просто копил мощь, чтобы забрать Берхта...

— Понял, — сказал я, — и просто израсходовали на Астриду?

— Да, — ответил он с заминкой, — верно. Но когда ощутил, что она в опасности, странно, еще острее почувствовал, что вас вообще вот-вот... В общем, я ринулся сюда, как видите, даже одеться не успел...

— Как же так? — спросил я с иронией. — Да неужели? Вообще-то, появившись вы без штанов, я по нашей мужской слоновости все равно бы не заметил. Такие жизненные важности замечают только женщины. А мы всегда одеты, как надо, хоть на диване валяться, хоть в гости... Спасибо, хотя я как-то не слишком верю в альтруизм колдунов. А что на самом деле заставило примчаться?

Он снова развел руками, лицо стало снова насмешливым.

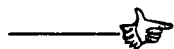
— Вы не поверите, но... ничего определенного. Только чувство, что вы — сами по себе большая тайна. И что с вашим появлением везде что-то серьезно меняется. А я хоть уже далеко не мальчик, но все еще дурак, потому надеюсь на чудеса. Настоящие, а не эти, что дает магия.

— Чудеса дает вера, — наставительно сказал я, — а не магия.

— Слышал, — сказал он со скукой в голосе, — но это как-то слишком возвышенно, а я, если честно, достаточно прост и приземлен. Я хочу зримые и конкретные чудеса.

Вдали распахнули ворота, крытая повозка, запряженная четверкой коней, выкатилась из замка на дорогу. Возница, настегивая лошадей, погнал их галопом.

Мы проследили, как закрылись ворота, я сказал неторопливо:

— Знаете, если в самом деле хотите поучаствовать в большом и важном деле, то добро пожаловать в гильдию Алхимиков. В ней сейчас почти все сильнейшие маги Сен-Мари, Турнедо и Армландии. Есть даже из Вестготии и Гандерсгейма. В последнем особенно сильные чародеи, но почти все сейчас увлеченно занимаются наукой.

Он пробормотал:

— Звучит не совсем понятно... В чем ее суть?

— Чтобы с помощью простых и понятных шажков, — сказал я, — со ступеньки на ступеньку вверх, ни одной не пропуская, добраться до таких вершин, с которых самая могучая магия будет казаться детским лепетом. И... я не буду доказывать, что это возможно. Познакомьтесь с теми ребятами, большинство постарше вас, они лучше меня могут объяснить, что это именно так.

Он ухмыльнулся.

— Лучше вас? Сомневаюсь.

— Просто мне пора возвращаться в Баллимину, — объяснил я. — Ротильда вчера сказала, что ее торжественная коронация назначена на послезавтра.

Он усмехнулся.

— Ах да, коронация... Все бы вам развлекаться, ваше высочество.

— Это важнейший государственный акт, — сказал я серьезно. — Все, прощаюсь!

Маг сказал быстро:

— Да, конечно, счастливой дороги... хотя вообще-то я собирался давно заглянуть в этом замке в его подвалы. Придется одному.

Я насторожился.

— А что там?

— Вход в нижние этажи и подвалы старого замка, — ответил он уклончиво. — Там тоже, можете себе пред-

ставить, живут люди! Но наверх никогда не поднимаются. Гельвеция никогда не говорила, чему обязана такой роскошью своего замка?.. Это же дворец, а не замок! Я вообще с ее мужем давно знаком и уже дважды пытался попасть в подземные этажи, но, увы, не с моими силами. Или способностями. Может быть, объединим их?..

Я посмотрел на него остро.

— Зачем это вам?

— Ну-у-у, — протянул он, — у меня это может быть простая жажда знаний, хотя вы и не поверите.

— Не поверю.

— Хорошо, хорошо, люблю иметь дело с умнейшим человеком, хоть он и принц да еще и, простите за такое слово, консорт... А вы могли бы своим присутствием уберечь Астриду от возможных... ну, не знаю даже. Нехорошо для такой юной и неопытной, если снизу поднимется какое-то зло. Возможно, и баронесса стала такой... приобрела некие способности или возможности из-за того, что под замком нечто происходит?

— Ладно, — прервал я, — скажите честно, сами просто трусите.

Он сказал укоризненно:

— Ну что вы, у меня же есть самолюбие, как такое могу... вслух? И не трушу, просто догадываюсь, что мне, возможно, загадка окажется не по зубам.

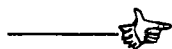
— Понятно, — сказал я, — а когда местные набросятся на меня и будут рвать меня на куски, вы попытаетесь найти разгадку?

Он мягко улыбнулся.

— В самую точку!

— Хорошо, — буркнул я. — Можно и заглянуть, раз это недалеко.

— Недалеко, — ответил он бодро. — И вообще... Знаете ли, после того вашего визита моя мечта убраться

от столицы подальше в глушь и жить там мирно с любимой женщиной и ребенком... как-то поблекла. Нет, я от этой идеи не отказываюсь, но раньше мне казалось, что нет ничего лучше. Однако когда вижу, как живете вы, постоянно подвергаясь опасностям... что-то в этом есть более мужское!

— Вы сказали, — напомнил я, уклоняясь от комплимента, — что барон был обязан богатством и благосостоянием... гм... общению с людьми, живущими там, внизу?

— Да, — ответил он. — Но боюсь, что если он даже и поделился секретом с прекрасной Гельвецией, то теперь этот секрет утерян окончательно.

Я сказал саркастически:

— И теперь хотите, чтобы я первым прошел по дорожке, полной ловушек?

Он сказал нерешительно:

— Надеюсь, этого не понадобится.

— Хорошо, — сказал я, — тогда топайте первым. Откуда начнем?

— С подвала, — ответил он. — Я там даже спустился... немного, правда.

Бобик попрыгал вокруг нас, я потрепал по лобастой башке и посоветовал навестить копытное, а потом проверить, хорошо ли прожарили оленя, которого он принес.

Он весело взбрыкнул и унесся выполнять повеление, а мы вернулись в донжон с тыльной двери, там вереница кладовых с разным хламом, наконец подвал, сперва винный, прошли мимо винных бочек в два ряда, затем миновали еще один, для лучших вин, там бочки поменьше, наконец небольшая комната, запертая на три засова, и на всех висят массивные замки.

Я оглянулся на мага.

— Отмычки есть?

— Давно, — ответил он. — Еще барон показывал, как это работает.

Он сложил ладони ковшиком, сосредоточился, затем быстро и коротко произнес три слова, резко и отрывисто.

Замки звякнули и повисли на распахнувшихся дужках.

— Здорово, — сказал я пораженно, — вот кто, оказывается, чистит королевскую казну.

Он поморщился.

— Там всего лишь золото!

— Не прельщает?

Он вытащил замки из дужек, с пренебрежением отбросил на землю.

— Ничуть.

Я взялся за ручку, ничего не произошло, а когда потащил на себя, из щели всего лишь пахнуло застойным воздухом.

— А что прельщает?

— Что-нибудь необыкновенное, — пояснил он. — Но я уже понял, необыкновенное липнет к необыкновенному. А я, увы, человек обыкновенный.

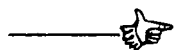
— Все мы рождаемся обыкновенными, — возразил я. — А затем сами становимся... теми, кем становимся.

Помещение еще более запущенное, везде паутина, на полу толстый слой пыли. Я смотрел, как маг подвигал ногой, разгребая мусор, блеснуло тусклое кольцо размером с подкову, вделанное в пол.

Он нагнулся и потащил на себя, надсадно заскрипело. В полу наметился широкий квадрат, такие двери называют лядами, воздух снизу поднялся холодный и влажный.

— Подержите, ваше высочество...

— Держи сам, — рыкнул я. — Не принцево это дело, перед другими дверь распахивать!

Он усмехнулся, а я, рассмотрев внизу лестницу, начал спускаться. Через пару минут оказался на широкой площадке из цельного камня, дальше смутно виден обрыв, я прошел туда, топая на случай нестойкого грунта.

— Пока безопасно!

Колдун уже спускался, быстрый и деловитый, явно на этом участке не первый раз. Однако ко мне подошел несколько неуверенно, на ходу делая пассы и бормоча заклинания. Из ладоней вылетел рой красных искр, лицо осветилось, оказавшись на мгновение суровым и злым, затем эти крохотные огоньки поднялись кверху, все стало призрачно-красноватым.

— Ну вот, — сказал он с гордостью, — а то в потемках... Вон там дальше каменные ступени.

— Уже заметил, — сказал я.

Он сделал движение пойти впереди, но я опередил и потопал уверенно к краю, где ступеньки хоть и широкие, но такие стоптанные, со стертыми краями, что оступиться запросто, а потом можно катиться по этим волнам... гм... далеко, а что там внизу, даже я не вижу.

Хрейдмар спускался медленно и осторожно, дважды останавливался, чтобы выпустить рой красных искр, а когда спустился ко мне, уже тяжело дышал, а глаза блещут тревожно и с ожиданием чего-то этакого.

Комната, куда попали, небольшая и наполовину завалена рухнувшими сверху глыбами, но дальше виден арочный проем, оттуда льется бледный розовато-оранжевый свет.

— Вперед, — сказал я бодро, но сердце колотится. Почему-то все в такие места ходят с женщинами, это в древности спутником был либо Энкиду, либо Ватсон, либо Санчо Панса, а теперь обязательно женщина, перед ней и выпендриваться удобнее, и не так стыдно, когда сплоховал, женщина ж еще слабее... хотя да, в по-

следнее время как-то не совсем. — Вперед, разве мы не те самые, которые?

Он шел за мной молча, часто оглядывался, время от времени создавал рой красных искр, что освещают достаточно слабо, хоть и освещают, зато потом, когда гаснут, становится совсем темно.

Я поинтересовался:

— Сзади что-то интересное?

— Полководец, — буркнул он, — должен чаще смотреть назад, чем вперед.

— Мне повезло — ответил я, — удалось миновать эту личинку.

— А еще, — сказал он язвительно, — кто не оглядывается назад, не заглянет вперед.

— Не понимайте все так буквально. Во многих мудрости много печали...

Мы прошли под красивой изогнутой аркой, открылся огромный старинный зал непонятного назначения: под стеной напротив входа возвышение из серого камня, но слишком высокое, чтобы служить местом для трона, хотя с обеих сторон толстые колонны, плотно прилегающие к стене, а между ними вычурный барельеф, но никаких изображений чего-то понятного, только изысканный и даже манерный орнамент из геометрических линий, даже ни единого круга или овала.

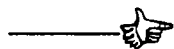
— Я с детства не любил овал, — пробормотал я, — я с детства угол рисовал...

Он спросил в недоумении:

— Ваше высочество?

У колонны слева на добавочном постаменте каменная чаша, а на ней еще одна, над чашей висит оранжевое солнце, что издали показалось яркой свечой.

Чашу оплела паутина, так что этот огонь дает только свет, иначе бы все здесь уже полыхало. Теперь я замечал множество сухих стеблей, торчат из щелей в полу,

из стен, вдали выступают из полутьмы еще колонны, наверху такие же огни, но оттуда свешиваются целые плетни жилистого хмеля.

Листья сморщились и засохли, на полу их целый ковер, тоже розового и желтого цвета. Впечатление такое, что либо этот зал когда-то был на поверхности, либо это какой-то особый хмель, способный расти без солнца и света.

Свод сильно выгнутый, способный выдерживать большое давление, неудивительно, что замок даже не чувствует такие пустоты внизу.

Дальше на пути несколько опрокинутых светильников на высоких ножках из растопыренных у основания железных прутьев. Мы двигались быстро, хотя и осторожно, а когда переступили через скатившиеся откуда-то глыбы, то вступили в новый зал.

Я зябко повел плечами: вдоль стен несколько светильников, однако каменные пол и свод в холодных синих тонах, напомнивших о лютой и беспощадной зиме.

Все четыре стены в сильно вытянутых кверху стрельчатых арках, множество тонких полуколонн, контрфорсов, что увеличивают прочность здания, но здесь просто украшение, как и вон те ордерные композиции.

Даже не контрфорсы, а больше похожи на пилястры, что вообще-то одно и то же, но пилястрами стали называть их ближе к нашему времени...

— Жутковато, — прошептал Хреймдар, — но красиво.

— Вы же колдун, — сказал я с укором.

— Не колдун, а маг, — поправил он с достоинством. — Или хотя бы чародей.

— Да хоть волшебник, — ответил я, — все равно вам не к лицу любоваться искусством.

— Почему?

— Маг, — сказал я наставительно, — это ученый. Он такую хрень замечать не должен. А если увидит, что я восхищаюсь, должен алгеброй гармонию померить и сказать, что раз пропорции нарушены, то все это ерунда.

— Ерунда, — согласился он. — Зато какая красивая!

Глава 10

Мы осторожно прошли на другую сторону зала, под ногами нечто мягкое, словно двигаемся по давно истлевшему толстому ковру, что хоть и рассыпался в пыль, но сохранил структуру. Жутковатое ощущение вообще-го.

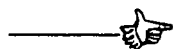
Третий зал больше похож на пещеру, хотя сохранил четырехугольную форму. Все стены закрыты наплывами сталактитов, пол тоже неприятно белый и, как спина гигантского дракона, весь в торчащих шипах сталагмитов, похожих на зубы исполинской акулы.

Даже не понять, какие здесь стены, лишь сталактиты и сталагмиты, белые и блестящие, как сосульки, полупрозрачные даже, и только на дальней стене темнеет свободное место.

Хрейдмар не понял, почему я сразу направился туда твердым шагом царя природы, но арочная форма не может быть случайной, и когда я пересек зал, петляя между острыми зубами, каждый в половину моего роста, там уже проступила из темноты стена, но не каменная, а из затейливо расписанного металла.

Литье настолько искусное иликовка, но металл весь в изысканных узорах, что скорее напоминают мир высшей математики, чем растений или животных, так понятных простому человеку.

Хрейдар шел рядом, я не смотрел в его сторону, но ощутил, как он напрягся без всякой видимой причины.

Через пару мгновений на металле проступил багровый круг размером с обруч сорокаведерной бочки, расширился и даже потек крупными каплями.

— Что это? — спросил я.

— Не знаю, — ответил он нервно.

— Странно, — сказал я, — мне показалось, это вы его и сделали.

— Я только почувствовал, — сказал он, защищаясь, — что произойдет что-то... Но что, не понимаю.

— Не шарахнет?

— Это мы должны шараться, — ответил он, — лбами, пока не расшибем.

— Стену?

— Да, — сказал он сквозь зубы, — стену. Какая стена выдержит удар рыцарского лба? Что нужно делать?.. Заклинания? Но у меня их сотни, и каждое нужно готовить долго.

— Не знаю, — ответил я. — Был бы у меня мой молот... гм... а так что я могу? Только, будто стал вежливым, подойти и постучать?

Я погрюкал кулаком в металл.

— Эй, там!.. Спите, что ли? Счастье свое проспите!

Маг вздрогнул, о себе вообще молчу, когда через несколько мгновений из-за двери раздался могучий рев:

— Какое счастье?

Голос шел хоть и с той стороны стены, но на высоте в два моих роста. Я струхнул, а маг отступил и оглянулся на дорогу, которой мы пришли.

— Я вот уже здесь! — крикнул я. — Разве это не счастье?.. Посмотрите на меня, и будет вам по полной... Открывайте, а то уйдем, мы не гордые. Или гордые, уже и не помню... А своим хозяевам можете сказать, что барон и баронесса погибли, и больше, наверное,

уже не придут с обменным товаром. Как мне кажется. Почему-то.

За дверью воцарилось долгое молчание, я слышал, как гигант сопит, наконец голос прогрохотал так, что мне восхотелось зажать уши ладонями и присесть:

— Открываю.

Я отступил на пару шагов, маг вообще отбежал чуть ли не на середину зала. Металлическая стена раскололась с сухим треском, я устрешенно увидел настоящий неровный излом, обе половинки пошли в стороны.

Мое спертое дыхание вырвалось из груди с шумом. На той стороне стоит человек ростом мне по грудь, весь странно бледный, чуть ли не прозрачный, как от постоянного недоедания, светловолосый и с настолько белыми глазами, что видны только зрачки.

Даже губы тонкие и едва заметные, словно недостаток с витаминами, минералами, микроэлементами, и вообще недополучают, как ни странно, солнечного света. Одежда самая обычная, только на мой придиричивый взгляд давно вышедшая из моды, хотя здесь и наверху мода меняется раз в два-три столетия.

— Меня зовут Ричард, — сказал я приподнято, — а это вот как бы могучий маг Хрейдмар. Спешу повторить, что власть наверху поменялась, и если хотите по-прежнему сотрудничать, то партнеров вам выбирать не приходится. Как зовут?

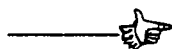
Человек ответил грустно:

— Гьюки...

— Ничего, — утешил я, — хорошее королевское имя. Знал я одного тоже Гьюки, так он был крупнее любого огра.

Он смотрел очень невесело, по лицу прошла тень, наконец вздохнул тяжело.

— Да, люди наверху... мрут. Но... вы все знаете?

Хрейдмар посмотрел на меня, я сделал важный вид и кивнул с самым уверенным видом.

— В интересах торговли я не задаю, как вы понимаете, лишних вопросов. Любой из них может оказаться лишним, особенно если коснуться законности сделок или установления прежнего владельца. Потому цены назначаем мы... однако барон был нашим добрым другом, так что из уважения к покойному и храня святость тайных соглашений, что бывают особенно выгодны, просто продлеваем уже заключенные и намерены им следовать, если не случится что-то непредвиденное.

Хрейдмар подошел и встал рядом, хотя я вижу, что ему здорово не по себе, но ревушего гиганта нет, этот плюгавенький и есть тот, кто говорил, голос тот же, только теперь хиленький, явно дверь усиливает и превращает в грозный рев.

— Мы подтверждаем, — сказал этот Гьюки, — условия будем соблюдать и дальше.

Я кивнул:

— Отлично. А теперь нам нужно взглянуть, как вы тут устроились.

Он запротестовал:

— Почему? Вы не должны вторгаться на нашу территорию!

— Вы так думаете? — спросил я. — Это и наша, так как находится над суверенным замком, а согласно межкоролевской конвенции о базовых либеральных правах королей, все, что находится над нашими юриспрудентными землями, принадлежит нам, будь это пролетающие птицы или крылатые свиньи, а также все, что в недрах и даже ниже. А вы, эта, в недрах. Наших, если говорить дипломатически прямо и по-государственному как бы прямо!

Он поежился, сказал отчаянным голосом:

— Вам туда заходить нельзя!

— Почему? — спросил я. — Ямы-ловушки? Убьет чем-то тяжелым?.. Упадём в воду и утопнем, как два топора с железными ручками, украшенными золотом и этими, как их, яхонтами?

— Нет, — ответил он упавшим голосом, — но мы договорились с бароном, что он никогда не...

— Что?

— Просто оставляет то, что приносит, здесь, а потом уходит.

— Что, даже не забирая нарытое вами золото?

— Ну, конечно, забирая...

— Ага, то-то и оно!

— Это же совсем другое! — сказал он жалобно.

— Мы тоже так будем делать, — заверил я, — не причиним вам никакого вреда, так как экономически невыгодно, а это самый главный довод в пользу святости миролюбия и демократического сосуществования. Однако должен увидеть, что здесь все для нас безопасно.

— Да безопасно, безопасно!

— А вдруг, — спросил я зловещим шепотом, — затеаете выбраться наверх огромной армией и всех убить?

— Не-е-ет!

— А поработить?

— Тоже нет!

Я сказал со вздохом:

— Я тоже никогда не понимал этого сдвига психики... но почему-то стараются... эта, поработить?

— Мы не стараемся, — заверил он.

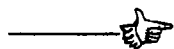
Я подумал, спросил:

— А замок не провалится в тартарары? Яму вы наверняка вырыли тут слишком уж...

Он вскрикнул:

— Нет!.. Мы копаем только вниз! Только!..

Я сказал потвердевшим голосом:

— Знаете ли, что-то мне как-то и не весьма зело ндравится наш разговор. Потому по праву суверенного властелина данной территории, чьи права распространяются и вглубь, как уже рек, собираюсь вежливо и твердо переть дальше, ибо да!

Хреймдар делал мне знаки, что, мол, пора отступить, увидели больше, чем вчера, надо умерить аппетиты, нечего лезть на рожон, пора и честь знать.

Я покачал головой, чести никогда не бывает много, и, отстранив человечка со звучным именем потомка бургундских королей, двинулся вперед.

Он ринулся следом, мое сердце колотится учащенно, но все-таки это не воин и не маг, страшиться нужно чего-то совсем иного, только бы Хреймдар не сплеховал...

— Вам нельзя, — умолял он, едва не плача, — вам нельзя...

— Человек проходит как хозяин, — сказал я, — по просторам... ну, тут не разгуляешься, однако... Ого, а это что?

Я толкнул дверь, тоже металлическую, но уже не массивные ворота, а более жилую, что ли. Распахнулась без скрипа, я вышел на ту сторону, медленно холодея всем телом.

В полусотне шагов пещера прерывается широким ущельем, что раскалывает и стены, уходя в обе стороны во тьму. Хреймдар пустил рой искр, затем другой, чуть левее, но везде тот же ужас.

Через ущелье перекинут ствол дерева, вроде бы не окаменевший, но слишком уж широкий, а если сорваться, то падать весьма и весьма, а я вряд ли успею превратиться во что-то крылатое да еще ухватить Хреймдара.

Гьюки сказал со злой гримасой:

— Вам здесь не пройти.

Мы подошли ближе, и я начал понимать, о чем говорит этот подземник. Вблизи ущелье еще шире и страшнее, однако и перекинутый ствол в виде моста выглядит массивнее и надежнее. На том берегу ствол утолщается, огромные корни кое-где высовываются из скальной породы, но чувствуется, что углубились очень далеко и надежно.

Я перевел взгляд на эту сторону, сердце стукнуло еще тревожнее. Не от страха, это недопонимание, чего так не люблю. К этому краю ствол утолщается тоже, а вместо высохших ветвей в землю уходят самые настоящие корни.

Ствол не выгнут аркой, обычный ствол, но тоньше всего посередине, что и страшнее всего, а по краям... никак не отделаюсь от мысли, что дерево тащит соки с обеих сторон, но... как?

— Неважно, — процедил я сквозь зубы, — неважно, я не ученый, хотя очень хочется... Надо делать то, что нужно, а не следовать желаниям, как демократ какой-то...

Хреймдар произнес за спиной дрожащим голосом:

— Ваше высочество?

Я отмахнулся.

— Это я сам с собой общаюсь. У меня тот, второй, еще умнее. Но не всегда, правда. Пошли! Считайте, что мы в переходном возрасте.

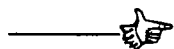
— От жизни к смерти?

Я раскинул руки в стороны, балансируя, дерево уже не кажется таким широким, а вот почему-то удлинилось, так это да, а внизу стало еще глыбже, хотя все равно не разглядеть, но все равно глыбже.

— Типун вам...

Когда я был на середине, меня догнало в спину то-скливое:

— Может быть, вернемся?

— Ого, — сказал я с одобрением, — все шутите!

Спутник нужен, мелькнуло в мозгу, пусть он даже самец. Отвлекаясь на него, забываешь на время трястись, а та сторона тем временем все приближается.

Последние ярды я невольно ускорил шаг и почти сбегал на каменную плиту обрыва. Под ногами захрустели мелкие камешки, такой успокаивающий звук. Пещера уходит дальше, там ее перегораживает каменная стена, явно поставлена руками человека, а в ней небольшая дверь, мне точно придется пригнуться.

Не останавливаясь, я направился к ней, за спиной шаги Хрейдмара, обреченный голосок Гьюки доносятся совсем издали.

Дверь от толчка распахнулась, я пригнул голову, осмотрелся и шагнул на ту сторону.

Меньше всего ожидал попасть в величественный зал, пусть даже и с низким сводом. Толстые колонны в два ряда уходят далеко в темноту, все до единой настолько богато украшены, что выглядят поставленными просто для красоты.

Посреди зала два длинных стола, по обе стороны люди в кожаных передниках и с молотками в руках. Доносится дробный стук, что быстро прекратился, как только там увидели, кто вошел к ним через дверь.

Отшвырнув стул, к нам бросился один, низкорослый, почти гном, но поперек себя шире, чернобородый и с массивной нижней челюстью, с молотком в руке.

— Кто посмел?

Голос его прозвучал повелительно, Хрейдмар вздрогнул и замер на месте.

Я вскинул ладонь, останавливая требовательным жестом, и прогремел с тем напором и властью, как и должен говорить наделенный полномочиями или взявший их сам лорд:

— Что значит посмел? Я изволил! Даже соизволил снизойти, ибо я не какой-то хозяин замка, с которым вы имели дело, а правитель-демократ королевства сэра Ричард!.. И должен знать, где и что творится на земле, в небе или в норах. Вы должны быть со мной почти-тельны и готовы отвечать на все вопросы моего высочества, иначе моя армия спустится сюда и... никакая дверь не удержит и не остановит!

Человек остановился как вкопанный. Хрейдмар встал рядом со мной и надменно выпрямился, хотя это и далось ему с явным трудом, а Гьюки остался в стороне, жалобно вздыхая и переминаясь с ноги на ногу.

Наконец этот гном с молотком проговорил угрюмо, но в явном замешательстве:

— Я Тидрек, старейшина нашей небольшой общины. Мы не представляем ни для кого угрозы, живем мирно и тихо.

— Почему не выходите наверх? — потребовал я.

— Там войны, — ответил он хмуро, — там смерть... Здесь же нет ни болезней, ни зимы.

Я сказал строго:

— Сколько вас?

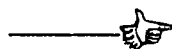
— Сорок два человека, — ответил он послушно.

— А чем питаетесь? — спросил я. — Неужели барон носил еду на сорок человек?

Он покачал головой.

— У нас здесь свой огород. Мы научились выращивать фрукты и овощи. Можно и на них жить, но потом к нам спустился барон, и мы договорились, что он нам приносит мясо, рыбу и сыр...

— В обмен на золото, — сказал я, — и камешки, что выковыриваете тут в породе?.. Ладно, а теперь скажите, почему на самом деле избегаете подняться на поверхность?

Он долго смотрел на меня, на лице менялись десятки выражений, от простого упрямого отрицания всего на свете до желания чуть ли не покаяться в чем-то не то стыдном, не то преступном.

— Давайте вон там сядем, — сказал он поникшим голосом, — а я расскажу вам все.

Я оглянулся на Хрейдмара.

— Да, конечно. Дорогой величайший из магов, садитесь, а то услышите такое, что рухнет, а потом еще и растечется, как сметана из кувшина... Итак, Тидрек, мы с грандиознейшим магом Хрейдмаром слушаем ваш... рассказ. Только постарайтесь говорить правду. Я правитель, а сие указывает, что научен жизнью чутя, когда правда, а когда нагло и бесстыдно брешут.

Тидрек оглянулся на своих людей, из которых две трети уже застенчиво скрылись в закоулках, а остальные опустили головы и стараются не смотреть на страшных пришельцев.

— Мы понимали, — сказал он с тяжелым вздохом, — рано или поздно найдутся герои, сумевшие пройти через все преграды... И наше затворничество окончится.

— А почему вы в затворничестве?

Он взглянул коротко.

— Вы еще не поняли?

— Нет, — ответил я честно.

— Как только выйдем на свет, — сообщил он очень невесело, — мы все умрем. Рассыплемся в прах. Нет, мы не вампиры. Вообще-то все умрем даже раньше. Как только выйдем за ту дверь... вы ее видели.

Хрейдмар кашлянул, привлекая внимание, и спросил важно, он же величайший из магов, все знает и понимает:

— Вас нечто защищает здесь?

Тидрек кивнул:

— Да.

— И... сколько вы здесь?

Тирдек взглянул на него, на меня, я кивнул важно, разрешая ответить, он проговорил с большим усилием:

— Где-то семьсот лет.

Хреймдар охнул, глаза полезли на лоб, как у простого мага, а то и вовсе колдуна.

Я сказал неспешно:

— Ваш опыт весьма любопытен. И как это — быть бессмертными, но в ограниченном пространстве?

Тидрек перевел дыхание, явно ожидал реакции похуже, ответил уже чуть свободнее:

— Я всегда слышал, что за бессмертие надо платить. И платят. Кто чем. Мы платим вот... такой несвободой. Но во всем остальном мы свободны и вольны заниматься тем, что хотим.

— Чем питаетесь?

— Я уже говорил, там дальше в пещере грядки... Трудно было в первую сотню лет, постоянно голодали, но потом...

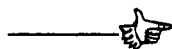
— Грядки расширили?

— И грядки удалось расширить, — ответил он, — и... время от времени кто-то не выдерживал и убегал.

Я кивнул.

— Да, мы видели человеческие черепа. Вроде бы.

— Сейчас нас меньше половины, — ответил он. — Дети у нас не рождаются, мы все доживаем свой век... конца которому, к счастью, не видно. Несмотря на все неудобства жизни, мы все-таки... предпочитаем жить, чем перешагнуть тот страшный порог навстречу смерти. Я всегда говорю тем, кто начинает отчаиваться, что умереть успеем всегда. Умереть никогда не поздно. Но кто умрет, тот уже не вернется.

Глава 11

Хреймдар молчал, раздумывал. Я видел по его лицу, что еще не пришел к единому мнению, что же лучше.

Я поднялся, Тидрек умолк и смотрел на меня в ожидании.

— Ладно, — сказал я, — мы все выяснили, теперь уходим. Здесь теперь другая хозяйка замка... Ну, думаю, к смене владельцев вы привыкли.

Хреймдар добавил:

— Я скажу ей, чтобы тоже носила вам мясо, рыбу и птицу. Пусть традиция не прерывается.

Я с тоской оглянулся на дорогу обратно.

— Да, подниматься придется... Далековато. А нет ли у вас чего-нибудь, чтобы возлифтить как бы... в смысле, поднять нас силой магии?

Тидрек виновато развел руками.

— У нас тут нет никакой магии. Кроме той, естественно, что поддерживает наши жизни. Как это и почему, знали те, кто нас сюда привел. Но их уже давно нет... Мы знаем только, что там внизу есть еще одна пещера.

Гьюки сказал тонким голосом издали:

— А может, и не одна.

Я взглянул остро.

— Наткнулись?

Гьюки посмотрел на старейшину, тот нехотя кивнул.

— Вы совершенно правы, сэр Ричард. Но мы не входили. Там все заколдовано, а мы не умеем открывать ворота, на которых лежит заклятие.

— Мы тоже, — сообщил я, — однако как подумаю, что нужно карабкаться вверх, как жук по дереву, так сразу тоска берет. Лучше уж вниз...

Хреймдар сказал предостерегающе:

— Оттуда подниматься придется еще дольше. И труднее.

— А я могу, — объяснил я, — тщательно просчитывать все свои сложные движения и замысловатые умозаключения только на один ход. Потому, что будет потом, я как бы пока оставляю на дальнейшее. Если на два хода, то требуется слишком много вычислительных мощностей, это я не потяну, я же политик, я поговорить умею, а расчеты пусть госпожа Простакова делает, у нее есть на это извозчики... Потому я готов! Хрейдмар, со мной или навверх?

Хрейдмар поднялся, церемонно поклонился Тильдеку и даже Гьюки.

— Я уже самыми последними словами изругал себя, — сообщил он сокрушенно, — что пошел за сэром Ричардом, но теперь... гм... вроде бы отступать уже поздно.

Тильд кивнул Гьюки, а тот сказал со вздохом:

— Что ж, следуйте за мной.

Красноватый свет факела в его руке выхватывает из тьмы слои породы, но для меня все это камень, хотя если порыться в памяти, то мог бы даже определить насчет мезозоя или палеозоя, хотя зачем лишний раз умничать, и так не могу на себя налюбоваться, и умницу, и красавца.

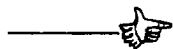
Трижды прошли мимо разработанных щелей вниз, я успел рассмотреть даже ступеньки, но Гьюки покачал головой.

— Я веду вас, чтобы не полезли в тупики.

— А чего там ступеньки?

— Добывали руду, — ответил он хмуро. — А тот, что ведет в глубины, дальше, еще дальше.

Еще с полчаса спускались, наконец Гьюки указал на просторную щель впереди, куда могли бы спустить целую скалу.

— Вон там ход. Он ведет все время вниз.

Хрейдмар смолчал, я поинтересовался:

— И что там?

— Никто не знает, — ответил он невесело. — Мы застряли посередине! Пойти вверх — умираем сразу, пойти вниз... никто еще не вернулся.

— А уходили давно?

Он кивнул.

— Думаю, и до нас туда спускались. Потом наши иногда решались... сперва чаще, потом... потом перестали.

Я посмотрел на Хрейдмара.

— Ну что, вниз или вверх?

— Вверх тяжело, — ответил он, — зато шкуры уцелют. А вниз... вы же слышали, никто не вернулся!

— Понял, — ответил я, — значит, вниз. Гьюки, ты с нами?

Он воскликнул:

— Ни за что!

Я изумился:

— Что, нет желания погибнуть быстро и красиво?

Он помотал головой.

— Наверх — быстрая смерть, а вниз... может быть, долгая и мучительная?

— Тогда это для нас с Хейдмаром, — сказал я бодро. — Он любит долгую и мучительную. Сейчас это модно. Признак изысканного вкуса!.. Хорошо. Значит, вон туды?

— Туды, — согласился Гьюки кротко и захлопал бесцветными ресницами, — узнаю яростные натуры людей поверхности земли.

— Ага, — согласился я, — такие вот мы яростные, полежать бы гневно на диване, где пьем за яростных, за непокорных, за презrevших грошевый уют.

Гьюки сказал:

— Нет, дальше мы теперь не ходим.

— Почему? — изумился я. — Это же так увлекательно лазить в темных пещерах, наступая на черепа и кости давно подошедших зверей, поскользываясь на их говне... или не поскользываясь, если уже посохло за тысячи лет.

— Нет, — сказал Гьюки твердо, — это участь героев. А мы — народ мирный.

Не дожидаясь ответа, он повернулся к нам спиной и быстро пошел обратно. Через минуту Хейдмар опять создал рой красноватых искр, они поплыли по воздуху, медленно мерцая, словно засыпающие бенгальские искры.

— Они не совсем реальные, — произнес он.

Я переспросил:

— Эти искры?

— Люди подземелья, — произнес он.

— Это как, — спросил я, — привидения?

— Не совсем, — ответил он. — Они частично живые. Но только частично.

Я вздохнул.

— И сколько нам открытий чудных готовит просвещения век... Ладно, спускаемся. Все-таки ступеньки...

— Это недолго, — сообщил он безжалостно. — Подземники спускались совсем немного, потом образумились.

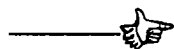
— Образумились? — буркнул я. — Потому они и подземники.

Он время от времени создавал рой искр и запускал их вперед. Они озаряли стены и пол слабым красным светом, некоторое время медленно гасли, а когда мы оказывались в полной темноте, он бросал в воздух новые.

Когда погас пятый рой, я буркнул:

— Вы в темноте не весьма, да?

— Я забочусь о вас, — ответил он уклончиво.

— Как лестно, — ответил я. — Тогда позвольте ответный жест.

Я сосредоточился и создал самый большой шарик света, белого и чистого, с той оранжевостью, что присуща только солнечному, радостному и теплему.

Стены сразу озарились на десятки шагов впереди, высветились потолок и пол, разноцветными огоньками заиграли мелкие кристаллики в прожилках камня.

Хреймдар дернулся, сказал с неудовольствием, но я ощутил восторг и тщательно прикрытую зависть:

— Я не знаю такого заклятия!

— Это не заклятие, — ответил я скромно.

— А что? — спросил он. — Святость? Вот уж не поверю!

Я перекрестился.

— С Божьей помощью, дорогой друг. Я паладин, мне дадено кое-что из того, чем я могу пользоваться. Однако за все должен нести ответ...

Он осторожно поинтересовался:

— В смысле?

— На благо ли использую? — ответил я. — Если нет, то отнимут... наверное, а еще и напинают. Мне и так дали, можно сказать, авансом. Это было в жестокой битве за Кернель, когда все повисло на волоске и было не до формальностей. Я получил паладинство, чтобы усилить защиту крепости еще на одного человека, но потом слинял... правда, по важному делу.

Он задел плечом камень, изумился, потрогал пятерней.

— Да он горячий!

Я на ходу провел по стене пальцами.

— Преувеличиваете, дорогой маг. Так, тепленькие...

— Значит, ад еще далеко?

— Рядом, — успокоил я. — Все мы его носим в себе. У каждого свой. У вас он в чем выражается?

— А у вас?

Я оскорбился:

— Откуда у меня ад? Я безупречен!..

Послышалось журчание, маг поспешно создал новый рой искр и метнул в ту сторону. Между темных камней тускло поблескивает вода, мне она показалась слишком вязкой. Искры медленно опустились в воду, она сразу покраснела, затем стала прозрачной, и дальше побежал как ни чем не бывало просто подземный ручеек.

Проход становился все цивилизнее, исчезли острые выступы, затем выровнялся пол, и стены пошли ровные, наконец верх превратился в изяшный свод.

Маг первым заметил насечку на стенах, дальше знаки стали попадаться чаще, захватили обе стены, даже на потолке эта странная вязь, только пол чист, расчерчен на ровные плиты.

Смутные образы начали тесниться в мозгу, я пытался вспомнить, откуда это знакомо, у меня вся голова забита разным блиповым мусором, но Хрейдмар обогнал меня, вниз идти легче, донесся его бодрый голос:

— Похоже, впереди снова стена!

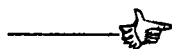
— Надеюсь, — ответил я, — дверь все же отыщется. Иначе чего перли вот так наугад?

— А разве вы не всегда так делаете? — удивился он. — Ах да, простите, ваше высочество! Вы же все тщательно продумываете на целый ход вперед!

— Да, — ответил я с достоинством, — потому что я мудер. Дверь должна быть, иначе нас эти андерграундники надули. Столько спускались — и зря?

— Первый раз всегда кажется длиннее, — утешил он. — Зато обратно, уверен, покажется совсем короткой.

— Это наверх? Ну да, конечно. Бегом, вприпрыжку, на одной ножке...

Но сердце забилося чаще, то светлое пятно, замеченное магом, в самом деле оказалось освещенным участком стены, огромной, уходящей в безобразные стены пещеры.

Стена из камня, если это камень, все испещрено странными рисунками. Я как ни пытался уловить в них какой-то намек на человеческие фигурки, так и не смог, даже на самые абстрактные.

Хрейдмар приблизился и всматривался еще интенсивнее, ощутив магию, но слишком уж отличающуюся от всего, что знает, я слышал его вздохи, сопение, сам старался увидеть хотя бы фигурки зверей, рыб или насекомых, вон в Египте обожествляли даже крокодилов и жуков-скарабеев, но здесь не могу увидеть ни малейшего намека даже на лист травы или дерева, только самый сложный и чарующий геометрический узор, затейливый, вычурный, изысканный, но придерживающийся неких неизвестных мне рамок...

Хрейдмар то и дело начинал бормотать, взмахивал руками, застыл в странных позах, вскрикивал, голос становился то гулким и низким, то повышался до визга.

Я прошелся вдоль стены пару раз, в черепе что-то тупенько зашевелилось, сказал нерешительно:

— Ас-саламу алейкум уа рахматуллах уа баракатух...

Стена, мгновенно разделившись на две половинки по вертикали, не раздвинулась, а отпрыгнула в разные стороны.

Глава 12

Перед нами распахнулся дивный зал. Я замер от восторга, описать увиденное невысказуемо, как красоту небесной чистоты изразцов, украшающих стены, так и плиты сказочного пола, а уж свод вообще настоящее

небо, но не то, что видим с поверхности земли, а некое особое, которое можно узреть только в ниспосланном свыше сне...

Хрейдмар прошептал ошалело:

— Из меня хоть все кишки намотай на ворот, но никогда такое сложное заклинание не запомню.

Я осторожно перешагнул невидимую линию, створки остались на месте. Хрейдмар с несвойственной ему суетливостью шмыгнул следом, но и его не раздало.

Он с облегчением перевел дыхание.

— Это где мы?

— Ни за что не догадаетесь, — ответил я.

— Но безумно красиво! Здесь... совершенство!.. И, что удивительно, ничего лишнего.

— Ага, — ответил я рассеянно и, подойдя к ближайшей стене, попытался понять те хитрые закорючки, но, увы, хотя и видел такие не раз, однако одно дело видеть, другое — понимать, пришлось сопеть, всматриваться тщательно, но без особой надежды, а когда обошел все стены, Хрейдмар уже стоит перед массивной дверью, четко и уверенно врезанной в камень скалы.

— А эту как?

— Не знаю, — ответил я.

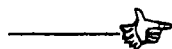
— Эх...

Я на всякий случай повторил предыдущее заклинание, но не сработало, Хрейдмар начал ковырять стену кончиком меча, но проще воробьиным перышком продолбить каменную плиту.

Я порылся в памяти и сказал без всякой надежды:

— Ашхаду ан ля иляха илля ллах ва ашхаду анна Мухаммадан расулю ллах!

Затрепало, массивная скала с надсадным скрипом, жутко протестуя, поползла в сторону. Открылся великолепный древний склеп, рассчитанный на великанов.

Хреймдар охнул:

— Это же какую голову надо отрастить, чтобы такое запомнить? И много еще дверей можно открыть этими словами?

— Очень много, — заверил я.

Он вздохнул, а я решился и вошел, осторожно ступая и затаив благоговейно дыхание.

Склеп огромен, в нем ничего, кроме... висящего в воздухе огромного гроба, тоже рассчитанного разве что на великана или даже на властелина великанов.

В то же время гроб подчеркнуто прост, никаких украшений, завитушек, орнамента. Это для простых людей, будь они принцы, короли или императоры, а тот, кто похоронен здесь, их превыше.

Хреймдар прошептал:

— У меня мурашки по коже, но не от страха... даже не знаю... странное такое чувство неистового счастья, что ли?

Я пробормотал:

— И так ему висеть здесь до Судного дня, когда Иисус, как глава Небесного Суда, призовет всех, дабы определить, кто как жил и что кому теперь причитается.

Маг промолчал, лишь поморщился, по сторонам оглядывался стесненно, что на него очень не похоже, всегда такого уверенного, вальяжного и снисходительного, даже снисходящего.

Оглядевшись, я пробормотал озабоченно:

— А вот дальше придется... гм... как-то выворачиваться.

Он быстро огляделся.

— Неприятности?

— Не сейчас, — ответил я.

— А когда?

— Когда выйдем, — объяснил я. — Нам сразу же отрубят головы.

Он охнул, вид у него был такой, что вот-вот пере-
крестится, но маги не знают этого жеста, он суетливо
перебрал амулеты на груди, губы зашевелились, подби-
рая подходящие заклятия, но явно бесполезно, спросил
растерянно:

— И что? От этого... отрубливания нет защиты?

— Амулеты не помогут, — заверил я и добавил чу-
точку злорадно: — Язычество.

— Господи! — воскликнул он. — А как же тогда?

— Не знаю, — ответил я честно. — Давай посмотрим
здесь еще... Всевышний всегда дает шанс, даже не один,
но редко кто даже замечает их, не то чтобы воспользо-
ваться.

В склепе даже искать нечего, стены — сплошной
монолит, в котором выгрызена эта самая сокровенная
на земле пещера. Хрейдмар запыхтел, когда я осто-
рожно высунулся в предыдущий зал, однако я еще тогда
заприметил щель, что, судя по расположению, поведет
еще глубже.

— Рискнем? — спросил я бодро.

Он сказал со сторонам:

— Куда? Там только ад!

— До ада еще далековато, — заверил я.

— Точно? — спросил он. — А откуда, ваше высоче-
ство, вы знаете? Или и там побывали? Может быть, мы
вообще оттуда родом?

Я спросил с удивлением:

— Откуда в язычестве ад?

— Ну, — ответил он с неудовольствием, — мы все-
таки в христианском мире... И даже те, кто отвергает
церковь, пользуются помощью не языческих богов и
божков, а противников Всевышнего.

— А, — сказал я, — понятно. — Гремучая смесь язы-
чества и раннего христианства.

— Чуял же я, — проговорил он с тоской, — что добром это не кончится! Ну почему, почему я... зачем?.. Я же маг, мое дело сидеть в высокой башне и мыслить над тайнами бытия, искать сокровенные слова, что затронут гармонию сфер и дадут ключ к могуществу!.. Ну разве мое это дело вот так ползать, как ящерица, обрывая штаны и стаптывая сапоги, в щелях и расщелинах, откуда нет выхода?

— Выход есть всегда, — возразил я, — даже два.

— Какие?

Я не ответил, продолжая спускаться по трещине, явно природной, руки человеческие не касались, это видно.

— И куда мы? — спросил он наконец в спину. — Зачем?

Я ответил с неуверенностью:

— Сам не знаю точно, однако... есть мысль...

— Какая?

— Точно даже не скажу, — сообщил я, стараясь держаться пусть не слишком уверенно, что в этой ситуации будет выглядеть глупо, но хотя бы не растерянным, — не люблю все эти ощущения, мерехлюндии, смутные образы... но, возможно, это все результат сложнейших вычислений в мозгу, слишком ленивом, как вот у меня, чтобы проходить по всем звеньям поочередно, как и положено, а сразу перепрыгивая, выдающем конечный результат.

Он помотал головой, глаза совсем дикие.

— Ничего не понимаю. Я скорее поверю в удачу. Я слышал, она тоже может быть... как бы это пояснее, таким же свойством, как смелость, трусость, хитрость... А у кого-то и вообще как цвет волос или форма носа. Может быть, у вас именно это свойство?

— Бред, — отрезал я, оскорбленный до глубины души. — Хотите сказать вот так красиво, что я — полный дурак, а то и вовсе идиот?

— Ну почему же...

— А кому еще может способствовать удача? — спросил я зло. — Умным да смелым сопутствует успех. Удача — для слабых и тупых.

Он поморщился.

— Ну, вы слишком... категоричны. Я бы вот не отказался и от удачи. Может быть, потому что я не такой гордый?.. Все-таки не рыцарь.

— Может быть, — согласился я. — Но я рыцарь. И хотя сам над ними подхрюкиваю и приговариваю с гордостью, что я еще то говно, но вот сейчас, когда мы одни и никто не подслушает точно, могу признаться...

— В рыцарстве?

— Ага, — сказал я, — но только сейчас. Но если кто-то заподозрит меня в рыцарстве... сразу же отпрусь, какой я рыцарь, я политик! Прожженная и циничная шкура, вот я весь такой.

Он прищурился, спросил с подозрением:

— Вы это говорите потому, что намереваетесь меня где-то здесь прибить? Чтобы похоронить свою невероятно стыдную тайну, что вы все-таки где-то в самой глубине своей темной души как бы хороший человек?

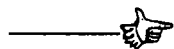
— Именно, — ответил я твердо. — Хотя, думаю, возможно, удастся обойтись и без этого... Дух Огня, тебя призывает Тот, Кто Вправе!

Хрейдмар насторожился, но на измученном лице проступило выражение недоверия пополам с надеждой.

Я прислушался, повторил снова, чуть громче и с нажимом:

— Дух Огня! Я, Тот, Кто Вправе, призываю тебя!.. Явись и служи!

Хрейдмар прошептал торопливо:

— Не слишком ли категорично? Если это демон, то с ними нужно мягше, мягше...

Я не успел открыть рот для ответа, из темной стены, слабо освещенной моим шариком света, выдвинулся бешено вертящийся черный смерч.

Мы не услышали ни малейшего движения воздуха, а смерч во мгновение ока оказался перед нами. Хреймдар побледнел и застыл с вымученной улыбкой на лице, а отшатнуться ему не позволила мужская гордость.

— Прекрасно, — сказал я. — Перенеси нас из этого места... в другое. Самое близкое. И... как можно ближе к поверхности... где есть ступеньки наверх.

Из бешено вращающегося вихря донесся четкий голос:

— Отнести из этого места... в другое. Самое близкое. И... как можно ближе к поверхности... где есть ступеньки наверх.

— Все верно, — ответил я.

Хреймдар все-таки вскрикнул, когда наши тела сжало, как тисками, причем, словно туго спеленало, сразу со всех сторон, и почти моментально это ощущение исчезло, как пропал и сам черный вихрь.

Наши подошвы плотно впечатались в поверхность гладкой каменной плиты. Яркий шарик света взмыл над головами, свет озарил как стены с неровными краями и пол, так и ведущие вверх ступени.

Хреймдар прошептал:

— Ого!.. Это где мы?

— Не знаю, — ответил я. — Просто наши предки настолько привыкли прятаться от всех невзгод под землю, что здесь целые города. Большинство погибшие, но, думаю, есть и такие, как у подземников, с которыми мы недавно пообщались.

Он зябко повел плечами.

— Но что за демон, — голос его дрогнул, но маг собрался с духом и сказал почти бодро: — А чего он поворачивал за вами слово в слово?

— Наверное, так научили, — предположил я. — А смысл есть, если что не так, скажет: но это же вы приказали! И еще подтвердили, когда я повторил...

— То есть, — сказал он, — он не уверен, что вы отдаете верные указания?

Я буркнул уязвленно:

— Не отставайте!.. А то у кабинетных работников, как мне чудится, слабо с дыхалкой.

Ступеньки, не такие уж и стоптанные, хотя и древние, вырубленные экономно, можно двигаться только по одному, да и то нередко задеваешь стены плечами.

Я начал тревожиться, а вдруг наверху все завалено, мне вообще-то можно рискнуть с браслетом Гонца, наверняка он настроен не замечать материальные препятствия, однако Хреймдар как-то взбодрился, несмотря на тяжелое дыхание и надсадное хэканье, проговорил с трудом:

— Поверхность... близко...

— Откуда дровишки? — спросил я.

Он на лету схватил идиому, буркнул:

— А вы... не чувствуете?

— Нет, — сказал я честно.

— Воин, — произнес он с великолепным презрением, — а мне уж показалось...

Я открыл рот для резкого ответа и закрыл, ощутив движение воздуха. Наверху блеснула яркая полоска, исчезла за выступом, но когда поднялись еще на десяток ступеней, я отчетливо увидел в узкую щель яркий солнечный свет.

Хреймдар сказал хрипло:

— А все-таки... не отрубили!

— Чего? — спросил я.

— Головы, — ответил он победно. — Вы же сказали, что после выхода из того склепа с парящим в воздухе гробом нам обязательно должны отрубить головы?

— Должны, — согласился я.

— Но вы перехитрили, — сказал он с чувством. — Не стали выбираться наверх и пошли еще глубже... а потом вбок!.. Блестящий маневр! Вы перехитрили древнее заклятие!

— Ну, — пробормотал я, — обхитрить удастся не всех... Всевышнего многие пытались, но... гм... почему же тогда?.. Хотя, возможно, это был не тот гроб... И в нем не тот, на кого я подумал?.. Не знаю, мы можем только предполагать, а все знает только Он... сотворивший мир... Уф... как тяжело...

Я протискивался в щель и страшился застрять, не поможет и мое умение ходить сквозь стены, в монолитном камне очень легко потерять направление, а воздух могу задержать всего лишь на три минуты лежа и на две стоя...

Хреймдар шел следом, я слышал его надсадное дыхание, но ему легче, я все-таки помассивнее, приходится и живот втягивать, и воздух из груди выпускать в особо тесных местах.

Выход все ближе, день не солнечный, тучи, но после подземелья кажется ярким и ослепительно радостным.

Я, выдохнув и задержав дыхание, вывалился наружу, упал и жадно хватал всей пастью свежий воздух.

Хреймдар выдвинулся боком и тоже рухнул рядом, перевалился на спину, грудь ходит ходуном.

— Завтра, — сообщил хриплым голосом, — буду ходить на полусогнутых...

— Крепатура, — согласился я знаяще. — Кабинетный работник! Знаем, проходили.

Он спросил с сомнением:

— В самом деле? Что-то не похоже. Хотя временами...

Я ждал продолжения, но он приподнял голову, глаза сузились. Я прислушался, но сообразил, что удобнее было лежать: земля доносит глухой стук копыт, несколько всадников приближаются в нашу сторону, даже слышно, что кони хрипят и спотыкаются, вот-вот падут...

Я с трудом поднялся, Хреймдар с протестующим стоном воздел себя на ноги.

Из-за скал совсем близко выметнулся красный, словно только что из ада, чудовищный зверь размером с носорога, но весь в костяных плитах, однако в распахнутой пасти блестят острые зубы хищника, а лапы заканчиваются острыми когтями, а вовсе не копытами.

Он летел прямо на нас, пасть раскрыл еще шире, явно намереваясь небрежно и на ходу подхватить, чтобы пережевывать дальше на бегу.

Я метнулся в сторону, пусть бежит мимо, а Хреймдар, растерявшись, застыл на месте и, выставив перед собой ладони, прокричал:

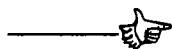
— Именем Астарты!.. Остановись!

Зверь моментально застыл, а его выставленные вперед для прыжка лапы ударились в землю и пропахали там четыре глубокие бороздки.

— Убегаем! — прокричал Хреймдар отчаянным голосом. — Это его чуть-чуть задержит!

Глава 13

Монстр от меня на расстоянии протянутой руки, а рукоять меча уже в ладони. Не раздумывая, я рубанул изо всей силы по голове, лезвие отпрыгнуло, а в плечи отдалось резкой болью, будто я ударил по наковальне.

На башке чудовища ни единой царапины, Хреймдар закричал громче:

— Бежим!.. Он сейчас очнется!

— А еще раз? — крикнул я.

— Нет! — прокричал он. — Это заклятие у меня уже было наготове давно!

Я лихорадочно окинул монстра придирчивым взглядом, весь, гад, в броне... хотя нет, вот тут в прыжке у него раздвинулись щитки на задней лапе...

Меч в моих руках блеснул, я ударил, в спешке промахнулся, со второго раза попал острием в щель, погрузилось неглубоко, словно рублю дерево твердой породы, хотел еще раз, но по мощной бочине прошла волна по косым мышцам, я на четвереньках выбежал из-под него, как паук.

Над головой прогремел чудовищный рев, от которого дрогнула земля, а в моем черепе зазвонили колокола.

Я увидел прямо перед собой распахнутую пасть и страшные глаза, горящие ненавистью, однако монстр вдруг пошатнулся, взревел снова и, развернувшись, принялся зализывать раненое место, откуда брызнула кровь.

— Бежим! — крикнул Хреймдар.

Конский топот прогремел сильнее. Из-за скал выметнулись всадники в доспехах. Увидев монстра, все разом и молча ринулись в бой, кто с копьем, кто с поднятым мечом, а один с широкой секирой непривычной формы.

Хреймдар торопливо шептал что-то и делал пальцами движения, словно вяжет на незримых спицах, лицо сосредоточенное, хотя это совсем рядом от страшной схватки, где монстр оставил раненую лапу и, развернувшись, набросился на рыцарей.

Я с воплем напал сзади, монстр обернулся, двое из рыцарей ударили его в бока, третий обрушил сверкнувшую в небе секиру на загривок. К моему облегчению, тяжелое лезвие рассекло толстую кожу в костяных пластинках и погрузилось чуть ли не наполовину.

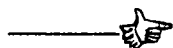
Чудовище развернулось и, моментально достигнув смельчака, ухватило его страшной пастью. Рыцарь успел вскрикнуть, страшно заскрежетали стальные латы. Панцирь со звоном лопнул, из трещины ударил фонтан горячей красной крови.

Рыцарь с копьем разогнал коня и, с треском проламывая броню, всадил длинное острие в левый бок, натужился и вогнал глубже. Монстр с ревом развернулся, ударом лапы перебил копье, ухватил зубами за ногу, сдернул на землю. Мы с двумя оставшимися набросились с мечами, стараясь углублять уже нанесенные раны, однако зверь подмял несчастного под себя и во мгновение ока растерзал, не обращая внимания, что тот в стальных доспехах.

Хреймдар выбросил вперед ладони и прокричал нечто. Зверь на мгновение застыл, но только на мгновение, тут же с голодным блеском в глазах развернулся в его сторону.

Мы трое с яростными криками рубили и рубили в бешеном темпе, после которого только упасть и умереть, монстр остановился, прогремел рев, сильным ударом корпуса чудовище сбilo одного на землю и прижало лапой, но по его залитому кровью телу прошла дрожь. Он качнулся, судорога потрянула с головы до лап, и, взревев уже не с такой мощью, рухнул на землю.

Я упер острие залитого кровью меча в землю и, держась за него, пытался удержать впрыгивающее из груди сердце. Рядом хрипит бледный как смерть Хреймдар, а последний из оставшихся на ногах рыцарей подошел, пошатываясь и глядя изумленными глазами. Щеку рас-

кроила глубокая рана, я рассмотрел сквозь прорезь белые зубы.

Он чуть наклонил голову, на большой поклон не решился, чтобы не рухнуть от слабости.

— Кто вы?

— Те, — ответил я хрипло, — кто... помог...

Он смотрел с огромным изумлением, я протянул руку и коснулся кончиками пальцев его щеки. Холод ожег по самую ладонь, я удержал ее, хотя спинной мозг вопит в ужасе и требует отдернуть.

Рана на его щеке не закрывается, а я почему-то не чувствую ни тепла, ни холода в своей ладони.

Он всмотрелся в мое лицо.

— Как ваше имя, сэр?

— Ричард, — ответил я хриплым голосом, грудь все еще ходит ходуном, а сердце колотится бешено, обеспечивая ускоренный метаболизм. — Паладин Господа, крестоносец и Защитник Веры.

Он проговорил медленно, не отрывая от меня изумленного взгляда:

— Вот оно что... Вера теперь настолько сильна?..

— Достаточно, — ответил я настороженно. — Кто вы, сэр?

— Граф Эскорианд, — назвался он. — Мы четверо однажды ушли с поста к гулящим девкам, а чудовище, от которого мы охраняли вход, прорвалось в город и учинило бойню...

— Гм, — проговорил я, не зная, что сказать, — это... оно?

— Да, — ответил он, — и потому мы были осуждены искать его, пока не уничтожим силами нас четверых.

— А это непросто? — проговорил я.

— Оно убивало нас семьдесят три раза, — сказал он просто. — Но вы помогли нам...

— И, — сказал я, — вы... все выполнили?

Он медленно кивнул, рана на лице осталась такой же жуткой, я все еще видел окровавленные десны и желтые коренные зубы через этот разрез, но кровь... почему-то не струится.

Медленно он подал руку оставшемуся в живых соратнику, на которого монстр наступил и смял ему панцирь, но тот покачал головой и прошептал:

— Не смогу...

Рыцарь сказал замедленным голосом:

— Хотя теперь это и неважно.

Его тело странно осветилось, я охнул и задержал дыхание. Чистый свет ударил из глаз, затем разом из груди, плеч. Через мгновение он стоял, счастливо улыбающийся и раскинув руки, рана на щеке исчезла.

Я отступил на шаг, не в силах смотреть на яркий свет, а он, резко помолодевший, вскрикнул с восторгом:

— Мы прощены!..

Второй проговорил с земли слабым голосом:

— Мы возвращаемся.

Его тоже охватил свет, и через мгновение, когда разом погасло, я видел только блестящие от крови монстра мелкие камешки. Я оглянулся на тех двоих, что погибли в пасти монстра, но их тела тоже превратились в свет.

Хреймдар охнул, как мне показалось, с жалостью. Туша диковинного чудовища, из которого можно было наковырять чего-то ценного, исчезла, даже галька под ногами стала сухой и тусклой.

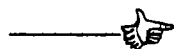
— Кто... они были?

Я пожал плечами.

— Это ж вы эрудит. Я только отважный рубатель.

Он покачал головой, взгляд его серых глаз, устремленный на меня, показался мне чересчур странным.

— Ваше высочество, вы это вот называете скучными занятиями политика?

— Ну, — протянул я, — как бы да. Увязая в житейских буднях... Вот так и жизнь пройдет в подобной мелочной суете, а потом вспомнить будет нечего!

Он просипел, тяжело отсапываясь:

— Не... че... го?

— Ну да, — сказал я сердито. — Может быть, я рожден для великих дел? Кто знает?.. Но так и прокопаться в таком вот... Как будто можно перебить всех гадов своими руками! Нет, надо систему менять...

Он сказал вздрагивающим голосом:

— Меняйте, а я теперь вообще не высуну носа из своей башни! Ничего себе житейские мелочи.

Меня самого встряхивало после пережитого, но мы, мужчины, немножко актеры даже в отсутствие женщин, я сделал вид, что зевнул, и сказал уныло:

— Да-да, вы правы. Мне пора. Завтра коронация. А потом я... фью!

— Вас только церемония держит?

— Для народа она все, — напомнил я важно. — Поэтому для его спокойствия и умиротворения мы сделаем все. Даже нарядимся этими клоунами.

Он огляделся.

— Судя по тому, что это черное тащило нас сквозь камни недолго... мы все еще в Мезине?

— Недолго, — сказал я, — не показатель. За это время мог бы утащить нас на край света. Но я просил...

— Велели!

— Велел, — согласился я скромно, — велел отнести к ближайшей щели. В смысле, расщелине в земле, а то улыбочка у вас что-то больно ехидная! Так что да, в Мезине. Как предполагаю, я не очень уж географист... А что, подумываете ножками-ножками? С палочкой в руке? Чтобы собак отгонять?

— В другой раз, — ответил он.

— Или фьють, — спросил я, — и в своей башне?

Он вздохнул.

— Не смогу вот так сразу. Заклинание готовить нужно долго, а еще и силы копить. У меня было наготове то, останавливающее... Его я приготовил на случай, если бы вдруг в недрах что-то напало.

— Тогда как?

Он посмотрел на меня с сомнением.

— Я смогу. А вот как вы?

— Тоже, — ответил я скромно. — Двумя... нет, тремя способами.

— С ума сошли, — пробормотал он. — Даже тремя? Тогда... ну, давайте! Вы обратно к своему коню и собачке?

— Не к жене же, — ответил я.

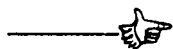
Он вздохнул, опустил голову и пробормотал короткое заклинание. Некоторое время ничего не происходило, я видел, как он сосредоточивается, стискивает кулаки, затем тело его начало деформироваться и опускаться к земле, словно из него разом выдернули все кости.

А оттуда поднялась огромная взъерошенная птица, посмотрела на меня дикими глазами.

— Осторожно, — сказал я, — птичка, не вздумай клюнуть.

Птица смотрела недоверчиво, как я опустился на четвереньки, а поднялся уже птеродактилем, с гладкой блестящей кожей и туго натянутыми перепонками на могучих крыльях.

Некоторое время мы ревниво рассматривали друг друга, хотя у него, похоже, некоторое преимущество в скорости полета, зато у меня наверняка выше драчливая мощь и защита, затем мы церемонно раскланялись, у птиц и птеродактилей это получается намного лучше, чем у людей, журавли так вообще обожают танцы, по-

вернулись одновременно друг к другу спинами, как в синхронном плавании, и разом прыгнули в небо, даже не отталкиваясь задницами.

Глава 14

В замке Гельвеции, а теперь Астриды, где столько всего случилось, никто охрану не несет и на небо не смотрит. Я благополучно приземлился на башне, торопливо сбежал вниз, где у двери уже ждет Бобик.

Он сразу напрыгнул и прижал к каменной стене, требуя ответа, где и почему пропадал так невообразимо долго, что просто с ума сойти.

— Как я тебя люблю, морда, — сказал я с чувством, чмокнул его в нос и, сбросив лапы с груди, двинулся в донжон.

Бобик опередил, ворвавшись в холл первым, и гулко гавкнул, объясняя всему местному народу, как генеральный церемониймейстер, что его великий друг и хозяин изволил прибыть, так что всем строиться, опустить хвосты и кланяться.

Астрида вышла навстречу, уже переодетая как леди, это ей идет, несмотря на миниатюрность, пышные волосы убраны под платок, подол платья тащится по ступенькам, даже вырез на груди весьма скромный, хотя размер спрятать невозможно, да и, как мне показалось, она и не пытается это сделать.

— Ваше высочество, — сказала она с тревогой, — куда вы исчезли так надолго?.. Гельвецию под надзором священника уже отправили по дороге к монастырю.

— Ричард, — напомнил я.

— Что? — переспросила она, поняла, что я имею в виду, покачала головой. — Нет, ваше высочество, а то

привыкну и ляпну при всех... Надеюсь, милую Гельвецию сумеют избавить от вселившегося в нее демона.

— Да-да, — согласился я, — мы ни в чем не виноваты, это нечистый нас попутывает, звезды не так встают, черная кошка дорогу перебежит, хвостатая звезда прошла по небу...

Она посмотрела исподлобья.

— А что, не так?

— Астрида, — сказал я с чувством, — я целую твою переднюю лапку и с твоего позволения отбываю.

Я протянул руку ладонью вверх, она пугливо спрятала руки за спину.

— Ну да, еще укусите!

— Я б тебя всю укусил, — ответил я. — Или съел.

Она слегка присела в прощальном жесте.

— Счастливой женитьбы, ваше высочество!

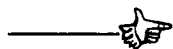
— Не язви, — сказал я сердито. — Завтра только коронация, а потом отбуду за Большой Хребет. А любить буду пламенно и верно только тебя, ты же знаешь!

— Знаю, — ответила она ехидно, — а как же еще?.. Только меня, еще бы!.. Эх, ваше высочество, сколько женщин мечтают вас прибить?

— Все, — заверил я. — А любишь меня только ты.

Бобик сделал прощальный круг по двору, пугая народ, и ринулся к воротам. Там распахнули с поспешностью, а то этот зверь если не вышибет, то пробьет дыру.

Зайчик оскорбленно рванулся с места и с тяжелым грохотом копыт послал мощным прыжком свое могучее тело следом. Обратный путь всегда короче, но на этот раз мы без заснувшей у меня на груди Астриды, так что едва за спиной скрылись башни ныне ее замка, как впереди поднялись высокие стены Беллимины, прекрасного стольного града королевства, которое мне во-

все не пришлось завоевывать. Во всяком случае, в традиционном понимании.

Мы пролетели под аркой ворот, люди отпрыгивают с испуганными возгласами, мимо пронесли стены домов, улицы все-таки могли бы строить и пошире, наконец площадь, ряд дворцов, еще площадь, там дворцы уже помощнее, и вот — королевский, красочный и грозный, торжественный, олицетворяющий силу и неумолимую власть.

Бобик сразу исчез, я устроил Зайчика и пообещал наведываться в его конюшенные хоромы, а когда вышел на свет, во двор из здания выбежал граф Меркель, крайне взволнованный и запыхавшийся настолько, что даже не станцевал церемониальное приветствие канцлера принцу-консорту.

Я остановился в ожидании, а он возопил:

— Ваше высочество!.. Ваше высочество!

Я спросил с подчеркнутым испугом:

— Что стряслось? Пальчик прищемили?.. Или, не приведи Господь, Ее Величество прищемило... шлейф и теперь он истекает дымящейся кровью?

Он вскрикнул:

— Ваше высочество! Куда вы девались? Вы как будто забыли, что на завтра назначена коронация Ее Величества!

Я изумился:

— Разве завтра не завтра? Или я пропустил реформу календаря?

Он простонал:

— Подготовку!.. Репетицию!.. Отработку осанки, жестов, милостивой улыбки... Как можно?

— Все в порядке, — заверил я. — Наверстаем. Я знаю такие жесты, о-го-го!

— Не наверстаете, — вскрикнул он. — Уже ночь, а коронация начнется...

— Что, с утра?

— Нет, Господи, — сказал он с надрывом, — но в полдень! Времени совсем нет, уже вечер!

— Ха, — сказал я, — успею и выспаться, и вообще.

Он заломил руки в смертной тоске.

— А если что-то пойдет не так?

— Прекрасно, — сказал я с чувством. — У лордов и прочего народа будет о чем позубоскалить. Это сблизит! Всех со всеми и высоко стоящим правящим классом. Но не надо бежать вешаться так уж сразу, граф! Даже на шелковой веревке. Вы все еще граф? Жаль, я бы дал вам герцога раньше, чем Ротильда, но, увы, вы все равно останетесь верны королеве, так что оставайтесь графом. А насчет коронации... мы постараемся провести все так, чтобы комар носа не подточил.

— Это мы стараемся, — вскрикнул он обвиняюще, — а вас неизвестно где и что носит!

— А может быть, — сообщил я заговорщицки, — я в уединении сочинял оду Ее Величеству?

Он посмотрел с надеждой.

— Правда? Как замечательно!

— Я тоже так думаю, — ответил я. — Обожаю подносить сюрпризы под самый нос. Ну, я пошел, досочиняю кое-что до рифмы.

В большом зале, а также в двух соседних громко играет музыка, слышится дружный топот, несколько десятков пар одновременно подпрыгивают и опускаются на каблуки, то ли местный танец, то ли некий общекоролевский, никогда не разбирался в них, понятно только, что завтра разойдутся вовсю, а пока только репетиция.

Заглянул, проходя мимо двери, у всех такие серьезные лица, то ли разучивают новые движения, то ли

опасаются, что худших танцоров отправят к хирургу. Музыка, конечно же, проще не бывает, но здесь другой пока не знают, дудки да смычковые, даже барабан я внес в этот мир совсем недавно, здесь считается, что я его придумал для военного зова.

Мельком увидел Ротильду на троне, величественная и прекрасная, сидит в царственной позе, опустив руки на подлокотники, в лице смелость и решительность, непросто моим военачальникам придется отстаивать принципы, от которых я велел не отступать.

Это в самом деле королева, мелькнуло восхищенное. В каждом движении, жесте, повороте головы, гордом и властном взгляде. И одета, как королева: в простом синем платье, густо расшитом жемчугом, но без излишней пестроты и так раздражающих мужчин фижмочек и оборочек. Даже не знаю, почему раздражают, просто раздражают, но похоже, ей тоже не нравятся, потому и велела сшить такое платье, что именно ей по вкусу... и плевать на то, что и мужчинам нравятся именно такие.

Неглубокий продольный вырез, но грудь не видно, на шее ожерелье из синих камешков, настолько недорогоценных даже с виду, что могут быть и амулетами, хотя для амулетов все-таки слишком красивы.

Я еще раз взглянул украдкой на сильное лицо умной и властной женщины, что вообще-то сейчас занимается ерундой, и направился к лестнице, где почти на самом верху наши королевские покои.

В нарочито узком коридоре, это чтоб легче держать оборону, один стражник и один слуга вблизи моей двери. Оба лишь проводили меня равнодушными взглядами, в Баллиimine как-то все забыли, что это я привел сюда Ротильду, а не она прибыла сама, ведя в арьергарде мужа-консорти.

Бобик ворвался следом, сытый и довольный, обычно поджарое брюхо отвисает, как у коровы, пробежался по

обширной комнате и тяжело грохнулся в самом центре на ковер.

— Завтра, — сказал я ему, — завтра похудеешь, морда. Будет тебе веселая пробежка до самого Геннегау!

Он посмотрел на меня сонно и уронил голову на лапы. Если завтра в путь, то надо не просто успеть поспать, но и выспаться, говорил весь его вид.

Я снял через голову перевязь с мечом и поставил у изголовья. Все верно, завтра после коронации сразу же унесусь к морю... и начнется настоящая работа: флот, железная дорога, посмотрим, что успели придумать наши алхимики, чтобы ускорить технический прогресс, а уж социальным я обеспечу, пусть только ахают и разводят руками, удивляюсь такому сладкому падению нравов...

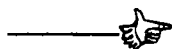
Бобик поднял голову и посмотрел очень внимательно и настороженно. Я повернулся в постели, со стороны двери по направлению к ложу идет молодая женщина в почти полностью прозрачном платье.

Двигается медленно и очень неторопливо, переступая ногами, как манекенщица, очень эротично, сочная и налитая чувственностью от пяток и до кончиков ушей, крупная грудь с оттопыренными дойками колышется при каждом шаге.

На середины комнаты, глядя мне прямо в глаза, с улыбкой обнажила левую грудь, нежно-белую с сильно вытянутой вперед красной выпуклостью на конце.

Голова моя моментально накалилась, в черепе суматошно носятся тысячи, миллионы мыслей, идей и даже планов, сердце начало бухать мощно, перекрывая потоки крови в мозг, он сейчас ни к чему, и направляя в более необходимые места, а я тарашил на нее глаза и не двигался, стараясь понять, что делать... и делать ли.

Она грациозно остановилась у незримой черты, сочное тело покачивается, по нему пробегает сладостная

волна, выставляя лакомые для жадного хватания места, а полные губы раздвинулись в удивленно-иронической улыбке.

— Ты не ждешь меня?

Сердце мое стучит все так же мощно, но моя гостья заговорила, а это дает преимущество мне, поговорить я умею, это работать не очень, и я ответил ровным голосом, надеюсь, ей не видно, как дрожат под одеялом колени:

— Как тебе сказать... Вообще-то обычно договариваются заранее.

Она в удивлении приподняла брови.

— А если сюрприз?

— Сюрпризы я подношу другим, — заявил я.

Бобик некоторое время слушал, переводя взгляд с нее на меня, потом уронил голову и начал посапывать мирно и спокойно.

— Я же чувствую, — проговорила она чувственным голосом, — как ты весь... да ты уже насыщаешься мною!

— Это не я, — заверил я. — Тело мое еще не есть я, ибо я не язычник, это они — цельные натуры. А я вот такой весь из себя амбивалентник. Да и вообще... я хоть и дурак местами, но не самый последний, потому не брошусь вот так, ага. Хватать то, что предлагают вроде бы бесплатно и с доставкой в постель, ну я ж не рыба, что даже не смотрит на крючок в червячке?

Она покачала головой.

— Не понимаю. Пусти меня к себе!

— В другой раз, — ответил я твердо.

— Какой?

— Ну, сперва выберем, — объяснил я, — удобное для обоих место и время. Понимаешь, мое мужское достоинство... настоящее мужское, бунтует против того, чтобы женщины нами руководили и сами выбирали

единолично, как, когда, почему и на каких условиях. Я хоть и консорт, но я им тут наконсортью!

Она произнесла уже чуточку растерянно:

— Не понимаю... Я согрею твою постель и утолю жар в твоих чреслах. Или ты почему-то боишься меня?

В голосе ее было недоверие, что вот я, такой большой и сильный, могу чего-то бояться, и я автоматически напряг плечи и бицепсы, вырисовывая мускулатуру почетче, но взял себя, дурака, за горло и сказал высокомерно:

— Я не боюсь, просто я мудр и осторожен. И, самое главное, не стыжусь в этом признаваться.

— Но ты же мужчина!

— Еще какой, — сказал я хвастливо, почему и не похвастаться, когда уже знаю, что ничего между нами не будет, — а вот у тебя облом, правда?

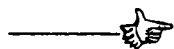
— Что такое...

— Изыди, — прервал я, подумал и с великой неохотой перекрестил ее, продолжая рассматривать ее крупную колышущуюся грудь и невольно представляя, как ухватил бы и потискал, — изыди, исчадие!

Она жалобно вскрикнула, отступила. Ее тело странно изогнулось, медленно начало опадать к полу, затем оттуда выметнулась крупная неопрятная птица и с разочарованным карканьем вылетела в окно.

На полу осталось платье. Я поморщился, прислали вообще слабенькую, я таким был в самом начале, пока не научился захватывать и одежду. Не уважают меня, сволочи, обидно.

Повернулся лицом к стенке, спину сторожит Бобик, постарался заснуть и поскорее задушить слабое сожаление, что не пустил в постель, эх, как бы дал волю тому второму «я» в себе, что заложил хитроумный Змей, вдувший Еве и заделавший ей двух сыновей.

Воображение некоторое время играло, пока погрузился в сон, распалялось даже, рисуя картинки, что именно и как проделывал бы в эту жаркую душную ночь, даже изумился, что давно не приходит Санегерийя, что это с нею...

Или со мной?

Глава 15

В окна хорошо видно, как утреннее солнце поднялось на востоке, огромное, косматое. Башни грозно и величественно озарило желтым огнем, затем пламя сползло на стены и верх широкого каменного моста, но внизу пугающая ночная чернота, где грозно рычит и грохочет камнями жутковатая темная река, изредка взблескивающая серебряными звездами то ли выпрыгнувшей рыбы, то ли взбитой пены.

Я тряхнул головой, как Бобик, когда тот сбрасывает остатки сна, сел на постели и спустил ноги на пол.

Дверь распахнулась, словно в коридоре услышали, как просыпается консорт. Величественно и степенно вошел слуга, настолько важный и весь в золоте, что просто великий полководец, усыпанный наградами.

Поклонившись, проговорил с самым невозмутимым видом:

— Ваше высочество, я это вот... уберу с вашего разрешения.

Я посмотрел на него туповато.

— Чего?

Он указал на середину пола, где ночью лежал Бобик, и теперь там только скомканное женское платье, то самое, что почти прозрачное.

— Если вы не против, — уточнил он. — Не уверен, что Ее Величество одобрит такие вот...

— Убери, — согласился я. — Уверять, что у меня никого не было, наверное, не стоит?

— Не стоит, — согласился он.

Он торопливо запахнул платье под свой камзол, я видел, что удивляется, насколько мало занимает места, но, понятно, отнес к тому, что дама явилась ко мне полуголая, все мы такие, верим худшему. Впрочем, поверил бы я, что вот к кому-то явилась вот такая, истекающая сладким чувственным соком лакомая пышечка, а тот отказался?

Он окинул покои беглым, но цепким взглядом, однако больше забыть у меня нечего, ношение трусиков и бюстгалтеров все никак не введу в употребление, все некогда, я же весь из себя отец народа и вечно у карты мира.

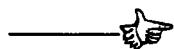
— Ваше высочество...

Он удалился, все такой же невозмутимый, но в глазах мелькнуло нечто такое, все-таки даже слуги состоят, кто бы подумал, из самцов и самок, и я подумал невольно, что, может, и не стоит признаваться в непорочности, а то будут думать разное, в том числе и обидное.

А вообще-то нужно самому выбирать бабс и ни в коем случае не подпускать к себе слишком инициативных. Среди них могут быть как суккубы, так и простые убийцы, не говоря уже об оборотнях, нечисти, нежити и прочих перевертнях, умеющих прикидываться людьми, а вообще-то все это больше всего обожает прикидываться женщинами.

Может быть, потому, что особенно и прикидываться не надо?

Дверь распахнулась снова, двое ярко одетых мастеровых из цеха пошива платья, судя по их платкам на шее, вошли и, склонившись, держат створки, пропускающая... нет, не королеву, вошел толстый человек с алым

платком главного портного, а за ним, боже правый, церемониймейстер, что сразу же гаркнул:

— Парадный костюм принца-консорта!

Из коридора прозвучали фанфары. В покои начали вносить какую-то безумно яркую и всю в золоте хрень со множеством висюлек из рубинов, сапфиров и даже изумрудов, даже я чувствую, что либо со вкусом у кого-то не в ладах, либо костюм готовил дальтоник.

— Сапоги принца-консорта!

Снова фанфары, пышно одетые портные, подмастерья и помощники главного сапожника, а то и генерального, внесли сапоги, каждый на отдельном подносе из золота.

— Шляпу принца-консорта!

Под торжественный рев труб внесли шляпу, похожую больше на папскую тиару, но пошире, с золотым гребнем на самом верху, где еще и целый сноп разноцветных перьев, огромных и роскошных.

Я угрюмо осведомился:

— Лето же, зачем шляпа?.. Я намерен приветствовать свою супругу с непокрытой головой.

Главный портной охнул в возмущении и закатил глаза, а церемониймейстер сказал с укором:

— Ваше высочество, это будет расценено как ущемление вашего достоинства, что есть весьма недопустимо и чревато! В королевстве имеется два древних рода, представителям которых триста двадцать четыре года тому даровано право не снимать головные уборы в присутствии короля. Это герцог Руперт Хаммонд и граф Вулкульд. Они уже прибыли на коронацию и явно не снимут шляп, это их древнее право. В этом случае вы будете унижены, если не покроете голову тоже!

Я сказал раздраженно:

— А моя шляпа, конечно, выглядит знатнее?

— Несомненно, — заверил главный портной, встречая впереди церемониймейстера. — Несомненно, ваше высочество!.. Мы приложили все усилия и все мастерство, чтобы по знатности вы опережали всех, за исключением вашей супруги, Ее Величества королевы Ротильды...

— Польщен, — буркнул я, — надеюсь, все это надевать сейчас еще рано?

— Как это рано? — воскликнул церемониймейстер. — А привыкнуть к новому костюму? Вдруг где-то жмет?

Главный портной выпрямился, раздуваясь в гнев, лицо стало грозно-синюшным.

— Как это? Вы на что намекаете? Мы не умеем шить?

Я сказал громко:

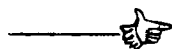
— Все-все, тихо. Уже надеваю.

Его помощники облепили меня со всех сторон, действуют настолько умело и слаженно, что я почти не ощутил, как одели, застегнули все пряжки, зашнуровали, как девицу, в нечто наподобие корсета, даже напялили шляпу, а потом долго двигали по голове, словно на ледяной горке, выбирая самую зрелищную позицию: то на левое ухо, то на правое, то чуточку на лоб, то ухарски на затылок.

— Вот так, — сказал наконец церемониймейстер, — именно вот так слегка сдвинутой взад.

— Нет, — энергично возразил главный портной, — не взад, а как бы вперед, но не совсем, а вот так весьма незаметно, но зримо, чтобы впечатление, что вот так именно некой, но не чрезмерной, значительности.

— Ребята, — сказал я ласково, — я могу и рассердиться... Это пока намекаю, но вообще-то в самом деле бываю зол и необуздан. Власть развращает, как я слыхивал от демократов, а им виднее на своем примере...

Так что давайте на этом и остановимся. Когда начнется церемония, пусть кто-то прибежит и позовет. Все, а теперь топайте отсюда!

Они ошарашенно попятились и без споров исчезли за дверью, даже не поняв, как это у них получилось. Я чувствовал удовлетворение как маленькой победой, так и тем, что сумел сказать достаточно державно. Прониклись и послушались, хотя, как понимаю, здесь страшнее кошки зверя нет, и потому Ротильда высится над всеми, как сверкающий айсберг над кротовыми кучками, включая и такую мелкую, как муж-консорт.

Позавтракал я в уединении, мои лорды выполняют то важное, о чем королевство, включая Ротильду, узнает позже, а местные мне за столом совсем ни к чему.

Закончив большой чашкой крепкого кофе и пирожными, я поднялся еще выше на этаж, оттуда выход на сторожевую башню, дальше по винтовой лестнице на самый верх, свежий ветерок тут же набросился и пихал в спину игриво, предлагая свалиться через ограждение, это же так здорово — падать, а потом шмякнуться.

Я покачал головой и принялся рассматривать дворец и весь город с высоты, чувствуя, что вижу внизу ярмарку.

Уже не десятки, а сотни настолько богато украшенных и умело сделанных повозок, что вот-вот станут каретами, кони статные, на головах султаны, как и у рыцарей в седлах, даже выражение у коней и людей одинаково серьезное, а за городской чертой сотни разноцветных шатров — это те, кто не захотел просить приюта в городских домах или не возжелал, ревниво блюдя свою суверенность.

Я ощутил вблизи чье-то присутствие, но на площадке я один, быстро взглянул тепловым, а потом за-

паховым — тоже никого, однако странное чувство, что некто появился... причем не поднялся по лестнице, она за спиной, я ощутил бы, а вроде бы прямо из воздуха и теперь смотрит на меня, полностью незримый.

Медленно, словно любуясь пейзажем, я повернулся в сторону, нащупал рукоять меча, как можно быстрее выдернул из ножен и сделал резкий выпад, стараясь достать мечом незнакомца.

Там как пелена спала: миниатюрная испуганная женщина отступила на шаг, что ее и спасло: острый кончик меча уперся ей в ложбинку между грудями, сильно натянув ткань платья.

Я застыл в замешательстве: она головой мне до середины груди, похожа на девочку-подростка, но за спиной подрагивают яркие цветные крылья бабочки, красные с черными и белыми пятнами. Даже издали из-за толстых прожилок крылья показались составленными наподобие мозаики. Она не двигалась, трепеща в ужасе, я рассмотрел, что крылья сильно потрепаны, а белое вовсе не цвет, а дыры. Да и края излохматились достаточно сильно.

Я медленно опустил меч, женщина выглядит потрепанной не меньше, чем ее крылья, немолодая, с крупной и слегка обвисшей грудью, что для эльфов большая редкость, у них груди обычно небольшие и всегда словно вырезанные из дерева.

Она смотрела на меня, уставая, в глазах признание поражения. Я не стал ждать, когда заговорит, да и заговорит ли, вон как вздрагивает всем телом, произнес тихо и почти шепотом:

— Доброе утро... Я конт Астральмэль, благородный эльф, подданный королевы Синтифаэль.

Женщина заметно приободрилась, приблизилась уже без такого явного страха, но все-таки остановилась в двух шагах, чтобы я не дотянулся.

— Мы слышали о вас, конт, — произнесла она милым голоском, но с легким оттенком хрипотцы. — Поэтому и решились... поговорить с вами.

— А кто вы? — спросил я шепотом.

— Мы Тайные Альвы, — ответила она.

— Темные?

— Нет-нет!..

— Ночные?

— Тоже нет, — заверила она, — хотя да, в некотором роде и ночные, в темноте прятаться легче, но только потому. В наших землях теперь живут согнавшие нас люди и в предыдущих — тоже... Мы скитаемся, и если бы не наше умение прятаться, все погибли бы давно, очень давно...

— Альвы, — уточнил я, — это же эльфы?

— Нет, — шепнула она, — альвы... это альвы. Это общее название эльфов, цвергов, дварфов и даже кобольдов. Ну и... часть фейри — тоже альфы. Мы в родстве с ними всеми, хотя... не всегда дружим.

— Мягко сказано, — обронил я. — То-то меня ввели в заблуждение крылышки. Это знак различия или в самом деле на них можно летать?

Она улыбнулась.

— Нет... Мы летаем... потому что летаем.

— Понятно, — ответил я, — ну, любезностями обменялись, но вряд ли вы пришли затем, чтобы мною полюбоваться вблизи. Ради чего рискнули открыться? Если хотите забраться ко мне в постель, я совсем не против, но как насчет крылышек... хотя, конечно, можно принять меры, я даже знаю примерно как...

Она прервала, уже приободрившись, женщины всегда чувствуют прилив сил и уверенности, когда с ними заговаривают о постели:

— Нас осталась горстка, конт! И та медленно тает, хотя мы прячемся так, что вы первый из людей, кто нас

видит. Мы хотим... перестать прятаться! И когда дошла весть, что вы человек, который правит людьми, и в то же время знатный эльф... мы после долгих споров...

— Разумно, — сказал я. — Знаете что, тут небезопасно, да и я не хочу скандала... женат, знаете ли, а уединиться с женщиной в день коронации моей жены... у людей так не принято. Вечером, даже раньше, я покину этот дворец, этот город и это королевство. Мы можем поговорить в дороге без помех со стороны!.. Как вам такой вариант?

Она подумала, затем взгляд ее усталых синих глаз встретился с моими.

— Через какие ворота поедете?

Часть вторая

Глава 1

Тости прибывали даже утром за пару часов до начала коронации. Самых знатных разместили в зданиях дворца, остальных в городе, но и за городской стеной выросло столько шатров, что город оказался не просто в плотном кольце, а утонул в нем, как глыба серого камня на вершине роскошной клумбы с множеством мелких, но ярких цветов.

Я ошалел от размаха, вот как нужно проводить коронацию, стучало в черепе. Чувствуется, за дело взялась женщина. Это мы умеем планировать лишь битвы и сражения, да еще королевства захватывать, а вот организовать такой праздник нам точно не по зубешкам, кишка тонка.

Когда здесь закончится, хорошо бы пригласить ее распорядителем на коронацию Готфрида, да не поедет, зараза. Думаю, что и сюда одни съехались из-за зрелищности и любопытства, а другие просто опасаются вызвать ее неукротимый и беспощадный гнев.

Наверное, именно неукротимый и беспощадный, я уже успел пообщаться с нею и вижу, что характер у нее ой-ой, была бы мужчиной, уже чингисханила бы по всей планете, а то и македонила.

Граф Меркель лично явился за мной, обеспокоенно всмотрелся в мое донельзя радостное и потрясенное величием момента лицо счастливчика-консорта.

— Готовы, ваше высочество?

— Готов, — ответил я обреченно бодро. — Совсем готов.

Он покачал головой, на лице проступило выражение осуждения.

— Ваше высочество, — сказал он с мягким упреком, — что-то не вижу на вашем лице надлежащего ликования... О чем вы думаете?

— О флоте, — ответил я с любезной готовностью, — а вы о чем?

Он вздохнул тяжело и картинно закатил глаза.

— Ох, ваше высочество! Ну не поверю, что вы не ликуете втайне, хотя да, все мы стараемся не показывать слишком бурно нашу великую радость, дескать, не помужски, но сегодня особый день!

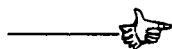
— Да, — согласился я. — И таких в году всего триста шестьдесят пять. Уже идем?

Он изящно поклонился.

— Да. Вы должны прибыть раньше королевы, но не слишком рано, это тоже урон... Дождитесь ее появления стоя, а опуститесь в кресло не раньше, чем сядет Ее Величество...

— Вы это по дороге расскажете, — ответил я. — Ну, топаем!

Коронации мезинских королей всегда происходили в соборе Святого Петра, где церковные иерархи возлагают на головы коленопреклоненных правителей короны и мажут им лбы елеем из особого сосудика. Затем торжественная церемония под радостные вопли ликующего народа движется через площадь к дворцу, где и

происходит заключительная часть церемонии. Там монарху вручают знаки власти, то есть скипетр и державу, однако Ротильда решила провести все в королевском дворце.

Велено сообщить, что королева таким образом из скромности сокращает церемонию, однако на самом деле, что понял не только я, повысила ее значимость, вернее, свою роль. Не она идет в собор принимать помазание от церкви, а церковь приходит к ней.

Я стоял на положенном мне месте, рядом с тронном, держал на лице улыбку и наблюдал за всем тщательно срежиссированным, молодец Меркель, лицедейством.

Вообще-то правильное называть это восхождение на трон интронизацией, но этот термин постепенно подгребли под себя церковные власти Рима, теперь лишь папа проходит интронизацию, а всяким там королям достаточно и простой коронации, что в свою очередь уступит со временем еще более упрощенной инаугурации.

Корон, как я уже знал от Меркеля, у Ротильды несколько: бриллиантовая сапфировая — это свадебная, цветочная — на выход, там бриллианты и жемчужины расположены в виде цветов, рубиновая — для празднеств, а кроме того еще несколько в виде тиар и диадем...

Я гадал, какую наденет сейчас, под платье или серьги, однако Ротильда появилась в наиболее строгой и торжественной, то есть красной шапочке, которую опоясывает широкий золотой обруч, а сверху к нему присоединены золотые дужки, щедро украшенные жемчугом. На самой вершине маленькая державка с крестиком, а на самом обруче чередуются крупные изумруды и рубины в таких же традиционных квадратных оправках. Шапочка снизу оторочена горностаем, так что смотрится при всей торжественности даже мило.

Громко и торжественно прогремели фанфары. Раздались ликующие вопли, начали приближаться, наконец в распахнутых воротах коронного зала появилась Ротильда, блистающая во всем величии своей дикой красоты, ведь красота — страшная сила, и это понимаешь, когда смотришь на Ротильду Дрогонскую, сильную и пышущую волей, упорством и натиском.

Она издали бросила на меня победно-собственнический взгляд, сразу оценила, что я согласно протоколу стою точно на отведенном месте и в том костюме, к созданию которого, уверен, и она приложила руку.

По губам пробежала покровительственная улыбка, но взглядом дала понять, что извиняется, что в коронационных хлопотах мы так и не поговорили толком, тем более не повалялись в общей постели, но скоро это закончится, и все наведем на лад.

А вот это вряд ли, мелькнуло у меня. В будущем нам предстоят серьезные трения, дорогуша, говорю это как мудрый политик, заглядывающий в будущее дальше любого придворного чревоугодника.

Епископ уже смиренно ждет внизу на середине зала, Ротильда приблизилась царственно и величественно, никакого христианского смирения, легко опустилась на колени и красиво сложила ладони у груди, но опять же, словно играючи. Он опустил ей на голову корону, помазал елеем и благословил, она тут же поднялась с цветущей улыбкой победительницы и прошла дальше по красной ковровой дорожке, где и поднялась по ступенькам к трону.

Я полагал, что мне от этой церемонии ничего не обломится, я и так принц, только и того, что торжественно напомнили о моем статусе, для кого-то очень заманчивом, а для моих военачальников, не особо склонных к юмору, даже унижительном, однако Ротильда приняла от графа Меркеля нечто сверкающее, похожее на обве-

шанный мелкими колокольчиками обруч, такие видел у пляшущих цыганок и медведя в цирке, но здесь это называется цирклет или, по-простому, открытая корона. Такими венчают консортов, то есть просто золотой обруч с высокими зубцами, много рубинов, сапфиров, бриллиантов, но никаких даже призрачных намеков на реальную власть.

— Благодарю, — сказал я и добавил шепотом: — Поздравляю, Ваше Величество. Вот теперь уже действительно Ваше Величество...

Она раздраженно дернула щекой, словно отгоняя муху, дескать, всегда была и оставалась Ее Величеством, только дураки и враги этого не признавали.

Я выпрямился и некоторое время наблюдал, как после коронования началась коронация, то есть торжества в связи с коронованием.

Рядом со мной громадный и величественный Шварцкопф в парадной одежде, слишком тесной для него, но доволен красотой и пышностью, вижу по лицу.

— Ну вот, — шепнул я ему доверительно, — теперь могу и смыться.

— Ваше высочество, — сказал он с укором.

— А вы оставайтесь, — сказал я злорадно. — Вам надлежит проникнуться духом всего этого торжества, а то вы все еще больше полевой вождь, чем увешанный регалиями герцог... Еще не увешаны? Ничего, все впереди...

По моему тону он чувствовал, что быть увешанным регалиями не весьма хорошо, даже как бы плохо, но пока, вижу по лицу, не понимает причину, все же большинство приглашенных гостей и участников как раз и выпячивают все эти знаки отличия их от простых смертных, безрегальных...

Хлопать по плечу я не стал, слишком стоим на виду, только ткнул кулаком в бок, ухмыльнулся и тихонько отступил по направлению к двери во внутренние покои.

Норберт каким-то образом улизнул от продолжения торжеств тоже, догнал меня у выхода из дворца.

— Ваше высочество?

Я кивком пригласил его идти рядом, народ толпился и здесь, уже не самые знатные, но достаточно, чтобы не падать ниц, а кланяться горделиво и с достоинством.

Мои телохранители стараются успевать двигаться справа и слева, не позволяя к нам прикасаться, Норберт зыркнул по сторонам и понизил голос:

— Ваше высочество, что в отношении нас?

— Шварцкопф остается, — сообщил я, — а вы, дорогой друг, забирайте всех своих людей и отправляйтесь в Савуази. Здесь уже ничего интересного, только поддержание порядка, а эта скучная работа не для вас.

Он сдержанно улыбнулся.

— Спасибо, ваше высочество. У Шварцкопфа не возникнет... сложностей?

— Возникнет, — ответил я. — Ротильда — женщина, которой... нет, Ротильда — человек, которому все удавалось. Она правила при муже, правила и после него, но сделала одну-единственную ошибку, недооценив косность и консерватизм... или, скажем красивее и благороднее, верность традициям.

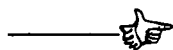
— За что и поплатилась.

Я покачал головой.

— Нет, она из этого сумела извлечь выгоду. Очень хитро и умело проскочив Армландию и Шателлен, она прибыла в герцогство, где надеялась получить поддержку...

— Обломалась.

— Верно, — согласился я, — но в результате того облома и недолгого пребывания в тюрьме с триумфом

вернулась в Мезину, где теперь никто не посмеет и пикнуть против ее вполне законного восседания на троне.

Мы вышли во двор, где такое же столпотворение, с лордами прибыли множество слуг, все суетятся, я повел Норберта в сторону королевских конюшен. Можно бы, конечно, позвать Зайчика свистом, но иногда он слишком торопится, и если ворота далековато в стороне, то мчится напрямик, проламывая стену.

Норберт сказал ровным голосом:

— Верно, не пикнут. Но только потому, что пикать придется против Ричарда Завоевателя с его грозной славой. И потому она сейчас тоже закусит удила.

— Хотите сказать, — поинтересовался я, — ничему не научилась?

— Напротив, — ответил он сдержанно, — уверилась в том, что почти богиня! И все, что возжелает, у нее получится. А это, я бы сказал, опасно.

— Опасная женщина, — согласился я. — Зато какая заметная!.. Настолько, что нас как бы и не видно.

Он сказал обеспокоенно:

— Вы уверены, что она не опасна?

Я покачал головой.

— Нет. Но мы выстраиваем систему противовесов.

— А это что такое? — спросил он в недоумении. — Или это вы о своей Хартии?

— Есть очень весомый аргумент, — ответил я. — Мои войска остаются здесь вроде бы для того, чтобы защищать Ротильду, но на самом деле, чтобы защищать народ от Ротильды.

Он хмыкнул.

— Неплохо сказано.

— Главное, — напомнил я, — верно. Ну, это я так, для красного словца, просто армия в данном случае — гарант стабильности и недопущения... есть такое слово?... со стороны исполнительных и законодательных в од-

ном лице, что вообще-то не весьма, если не считать меня, золотце ваше...

Из конюшни выскочили двое дежурных, поклонились.

— Ваше высочество?

— Зайчика, — велел я.

Они исчезли, а Норберт наклонил голову, вроде бы соглашаясь с моими словами, но смотрел все так же исподлобья.

— Тогда... зачем?

— Что, — спросил я, — Ротильда? Дорогой друг, а вы представляете, если бы мы попросту вторглись в Мезину? Все королевство поднялось бы на священную войну с захватчиками. Лорды спешно собирали бы дружины, народ расхватывал топоры и косы, кто-то бросался бы на нас с вилами, купцы жертвовали бы деньги, ремесленники сутки напролет спешно ковали бы мечи, копья, пики...

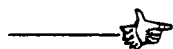
— Ну-у...

— А так, — сказал я сердито, — моя роль всего лишь оскорбленного мужа, что всем понятно и близко, помочь вернуться на трон Ротильде, коренной мезинке, что там уже сидела много лет и правила разумно. Все это понимают и даже, представьте себе, одобряют!.. Иначе что я за муж, если бы не отстоял ее честь, ибо затронута и моя, как все могли заметить!

Он тяжело вздохнул.

— Значит, мы всячески должны поддерживать королеву Ротильду и выставлять ее везде и всюду как вершительницу судеб?

— Выставлять, — уточнил я, — и поддерживать — две большие разницы, как говорят в Гандерсгейме. Вспомните, мы и в Сен-Мари вторглись под знаменами

герцога Готфрида, что пришел из Брабанта спасать королевство от варваров!

Он заметил саркастически:

— Ну да, а теперь герцог станет в Сен-Мари королем!

— И пусть.

— Не жалко?

Я помотал головой.

— Ничуть. А за герцога я рад. Он всю жизнь посвящал спасению благородного ордена Марешаля, а теперь, получив власть в королевстве, сумеет наконец-то осуществить свою пламенную мечту юности.

Конюхи вывели Зайчика, тот меланхолично дожевывает нечто хрустящее, морда довольная, дикий коня постоянно балуют, даже мальчишки подбирают старые подковы и приносят ему, чтобы посмотреть, как он их жрет.

— Оседлать, — велел я, — нет, запаса еды не нужно.

Норберт спросил настойчиво:

— Что касается королевы...

— Не секрет, — пояснил я, — если трон Ротильды будет держаться только на остриях наших пик, то и Ротильда будет выглядеть узурпаторшей, и мы, ее поддерживающие, будем смотреться весьма... недостойно. Потому мы должны обеспечить такое положение, что удовлетворило бы народ и простолюдинов.

— Как?

Я отмахнулся.

— Уверяю вас, Хартия сработает. Народу только дай ощутить правоту. Хартия не просто сильно ограничивает королеву в правах, но, что самое важное, передает все основные права... ну, назовем его Советом Мудрых.

Он всмотрелся в меня строго.

— А наши интересы?

Я отмахнулся.

— Мы не будем вмешиваться во внутренние дела суверенного королевства Мезины. Это недопустимо, мы же цивилизованные люди!.. Однако в порядке культурного обмена информацией, людьми и материальными ценностями мы вправе рассматривать их ресурсы как общее достояние человечества!

Он сказал понимающе:

— А человечество — это вы?

— Что вы, граф, — возразил я, — пока что я говорю: королевство — это я!.. Ну, можно начинать упоминать... пока только упоминать!.. о содружестве королевств, объединенных вполне добровольно на демократических принципах автократии и гуманного милитаризма. Наши познавшие и победоносные стоят на страже мира и демократических завоеваний и всегда готовы дать отпор ненавистным захватчикам даже заранее и на их территории!.. Потому мы и дальше уверенно и смело, с открытым забралом и честно глядя в глаза и на природные ископаемые, можем! Ибо. На основании либеральных базовых ценностей гуманизма и каннибализма в политике.

Из главного здания выметнулся и примчался к нам Бобик, за это время словно бы еще больше раздавшийся в размерах, весело вильнул хвостом Норберту, а на меня посмотрел с ожиданием.

— Хотел уже тебя оставить, — сказал я сварливо. — Не мог на церемонию насмотреться?

Норберт ухмыльнулся.

— Ему можно дать титул главного пробователя королевских блюд! Усердного пробователя... Надеюсь, и королеве что-то оставил.

Я поднялся в седло.

— Дорогой Норберт, встретимся в Савуази!

Глава 2

Из ворот Зайчик выметнулся, как стрела, но я придерживал: кто знает, с какой скоростью летают альвы, вдруг да не догонит.

Так двигались ровным галопом некотором время, на обочине дороге впереди внезапно возникла миниатюрная фигурка, крылышек не видно под плащом, капюшон на лице, стоит неподвижно, но я уловил страх и готовность исчезнуть.

Бобик уже проскочил далеко вперед, не почуяв, а Зайчик затормозил так резко, что копыта пропахали небольшую борозду.

Я сказал с наигранной бодростью:

— Все порядке! Я здесь. Перебирайтесь ко мне?

Она подняла голову, я протянул руки и поднял ее к себе на седло с такой легкостью, словно держал в руках щенка.

— Здесь удобно? — спросил я как можно мягче. — Кстати, мое имя вы уже знаете...

— Уулла, — прервала она мягким голосом.

— Прекрасное имя, — сказал я уверенно, как сказал бы в любом случае, но ей это знать не обязательно. — Оно вам идет.

— Спасибо, — поблагодарила она. — А коня лучше поверните чуть левее... Еще чуть. Вот так... У вас непростой конь!

— И мы с собачкой тоже, — заверил я в тон. — Теперь рассказывайте. И, кстати, зачем поворачивать в ту сторону?

— Там мой народ, — ответила она тихо. — Я всего лишь посланник.

— Хорошо, — сказал я. — Зайчик, меняем курс... Пусть тот жрун теперь бежит сзади.

Арбогастр мчится ровным галопом, все набирая скорость, Уулла почти не занимает места. Я держал ее в кольце рук, как возил Астриду и других, но все они в сравнении с этой альвой просто великанши.

— Рассказывайте, — повторил я.

— Добавить почти нечего, — произнесла она грустно, — мы заняты только выживанием, потому растеряли все знания, все умения... и вообще все-все. У нас только два пути: либо продолжать вымирать медленно, как мы делаем, либо открыться людям и умереть быстро... если нет другого пути.

Я сказал с неловкостью:

— Пока в самом деле нет, увы. Конечно, вас просто перебьют. И троллей перебили бы всех, если бы это было так же легко...

— Так что... у нас нет шансов?

— Нет, — ответил я честно, — но мы разве не хозяева своих судеб? Если нет шансов, их нужно создавать!

Она прошептала обреченно:

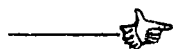
— Разве это возможно?

— У людей все возможно, — заверил я. — Но мне в последнее время перестает нравиться... гм... нечто... это можно назвать доктриной исключительности людей, хотя это и весьма даже льстит. Да, я сперва придерживался ее даже больше, чем церковь... пока еще воинствующая, новички всегда берутся за все с таким энтузиазмом, что перегибают. Так что я сейчас хоть все еще энтузиаст, но уже на распутье.

Она прошептала:

— Это... как?

— Я не уверен, — произнес я медленно, — что доктрина верна. Точнее, не знаю, должен ли хранить ей верность. Если быть совсем уж скрупулезным, то я уже... нарушаю ее... некоторое время.

Она повернула голову, в огромных глазах удивление стало безмерным.

— Как это можно?

— Видимо, можно, — ответил я. — Я поступаю неправильно для паладина, но все-таки им остаюсь.

Она проговорила жалобно:

— Не понимаю.

— Если поступаю неправильно, — объяснил я, а задом и себе, — но все же сохраняю свои способности паладина, то, значит, все-таки поступаю правильно... Потому пока и буду так дальше, а там разберусь... Возможно, отцы церкви, закладывая основы ее работы и выстраивая незыблемые доктрины, не предполагали появление в будущем не только нежити, которую в самом деле нужно уничтожить, но и... гм... людей, что называются эльфами или троллями...

Она брезгливо передернула плечиками.

— Бр-р-р, эти мерзкие тролли... Их надо всех уничтожить!

— Да, — согласился я. — Мне тоже так казалось. Я уже начал было проводить в жизнь этот нужный и правильный процесс... но тогда нужно и эльфов, они тоже не такие, как мы.

— Эльфов нельзя, — возразила она.

— Почему? — спросил я.

— Потому, — ответила она с легким негодованием в голосе на мою тупость, — потому что это эльфы!

Бобик все чаще останавливался впереди и оглядывался с недоумением. Равнина уже перешла в высокогорье, скалы справа и слева, мир здесь кажется созданным буквально вчера, но попадаются и остатки неких древнейших сооружений.

Вот прямо сейчас едем мимо толстой колонны с обломанной вершинкой, там статуя сидящей в позе глубокой задумчивости обнаженной женщины с огромными

крыльями за спиной. Не летучемышьими, не птичьими, а из тончайшей серой как бы ткани, натянутой на красиво изогнутые острые углы, выступающие выпукло грубо и зримо.

Оба крыла, красиво заостренные вверху, застыли в готовности ударить по воздуху и взметнуть ее тело в воздух.

Я полюбовался, благо под ноги можно не смотреть, Зайчик осторожно ступает между обломков, но женщина вдруг шелохнулась и, даже не взглянув в нашу сторону, поднялась.

Крылья взмахнули красиво и мощно, в расправленном виде стали еще крупнее, ее тело метнулось в небо неровными, но быстрыми рывками.

Я вздохнул.

— Чего только не увидишь в Мезине... здесь еще тот огород...

Уулла не поняла, судя по выражению лица, посмотрела с недоумением.

— Огород?

— Запущенный, — объяснил я. — Сорняков много. Она печально улыбнулась.

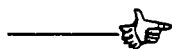
— А где сейчас не запущено?.. И что не сорняки?

— Мы, — ответил я твердо. — Пусть даже и сорняки!.. Но когда потесним остальных, то объявим свой сорнячизм единственно арийским и правильным! Остальных в топку.

Она вздрогнула и зябко поежилась.

— Всех?

— Всех, — ответил я категорично, как делал всегда, потом призадумался, я же теперь не просто рыцарь — истребитель чудовищ, а государь, чудовища тоже мои, хотя они об этом пока и не знают, так что надо как-нибудь подумать дополнительно, — а может, и не всех, я же говорю, что никак не приду к единому мнению. Был

тверд, а теперь у меня кризис веры. Эльфов нужно оставить точно! Но тогда и троллей, иначе нет в мире справедливости.

Она спросила тихонько и с надеждой:

— А что есть?

— Пока есть рыцарство, — ответил я гордо, — справедливость будет.

— Ох...

— А вообще-то, — сказал я, — в Мезине больше чудес, чем во всех остальных королевствах, где я побывал. Ну, это я уже говорил.

Она спросила:

— А что такое чудеса?

Я покосился на ее макушку.

— Да, в самом деле... Теперь уже и не знаю.

Она промолчала, лишь повела взглядом в сторону. В каменной стене горы широкая щель, таких я видел сотни, но Уулла повернулась и посмотрела на меня с вопросом в печальных глазах.

— Что? — спросил я. — Мне надо зайти?

Она медленно наклонила голову, печаль в глазах стала заметнее, теперь я видел еще и сильнейшую тревогу.

— Надо, — прошелестел ее голос.

Я поморщился, но ответил с достоинством:

— Сказал бы мне это мужчина... почему женщину труднее послать в далекое пешее странствие?

Она не поняла, только хлопала огромными ресницами. Чем мельче существо, тем крупнее у него глаза и длиннее ресницы, это я уже понял.

Из черного зева пахло теплом, я сделал пару шагов, собрался создать шарик света, однако в темноте впереди появился блеск, через несколько минут я вышел в слабо освещенную пещеру.

Стены в безобразных выступах, но пол на удивление ровный, словно его стесывали долго и упорно.

Под дальней стеной на возвышении огромный трон, если судить по высокой и внушающей спинке, хотя трон странный: весь из камня, спинка широкая, по бокам каменные столбы, в чашах на них полыхает огонь, а сиденье такое, что там поместятся пятеро.

Сейчас там только женщина в свободной позе, выпрямивши спину, спокойная и неподвижная. Я медленно приближался, всматриваясь в ее лицо, молодое, стильное, прекрасное, с безукоризненно нежной чистой кожей. Губы красиво и точно очерчены, изысканный аристократизм в сдержанности линий, светло-зеленые глаза в обрамлении длинных ресниц... и сеть неглубоких трещин по всему лицу.

Я всмотрелся и с холодком по всему телу понял, что не морщин, как решил было, что располагаются строго в определенных местах, а именно трещин.

Они идут от щек и через скулы с туго натянутой кожей, там морщины вообще немыслимы, а эти да, есть, но они, пугающе загадочные, не уродуют прекрасное лицо, а лишь придают печали и загадочности.

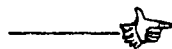
Она не шевельнулась, только глаза смотрят в упор, в руках диковинный меч, уперла острием в каменную плиту под ногами, лезвие отчетливо отливает зеленым огнем.

Я присмотрелся и увидел, как из рукояти бегут зеленые молнии, проносятся по лезвию и срываются с удлинненного острия мелкими искорками.

Она все еще смотрит холодно, даже равнодушно, я поклонился и произнес учтиво:

— Мое почтение благородной хозяйке, пусть даже она и с оружием в руках.

Она не изменила позы, вообще не шевельнулась, ее глаза изучают меня так же пристально, как я ее, а

произнесла нейтральным голосом, полным холодного равнодушия:

— Женщина с оружием... не нравится?

— Нет, — сказал я честно. — Женщины слишком ценные существа, чтобы их использовать так... глупо. Женщин нужно беречь всегда, в бою прятать за спину, а на тонущем корабле первыми сажать на лодки и плоты. Вообще-то их нужно спасать даже раньше детей, потому что одна женщина может родить десяток детей... ну да ладно, их спасем тоже, а сами разворачиваемся лицом к противнику. По моему мнению, то королевство, где женщин заставляют брать в руки оружие, обречено, так как губят самое ценное.

Она спросила холодно:

— А если женщина берет оружие по своей воле?

Я отрубил:

— Значит, в королевстве дела идут хуже некуда, если женщина вынуждена брать в руки оружие, чтобы защитить себя и детей.

Она помолчала, всматриваясь в меня очень внимательно, затем вдруг губы раздвинулись в усмешке.

— Хорошая речь, — сказала она совсем другим голосом. — Но это не мой меч.

— А чей?

— Твой, — ответила она и, увидев выражение моего лица, пояснила: — Я ждала тебя, чтобы передать его тебе.

Я покачал головой.

— Что я с ним буду делать?

— Это непростой меч, — заверила она.

Я сказал с отвращением:

— Это значит, что смогу убить им больше людей, чем простым?.. Больше разрубить голов, вспороть животы? Ну, спасибо... У меня такие мечи уже в кладовую не влезают. Все стены увешаны. А нет ли у тебя, скажем,

хитрого плуга, чтобы сам пахал с утра до ночи?.. Или бороны, чтобы сама ходила по вспаханному и разбивала комья? Или такой тележки, чтобы ездил по полю и разбрасывала зерна ровным слоем?

Она объяснила с улыбкой:

— С этим мечом ты сможешь заставить других пахать, сеять, собирать урожай, печь лучшие пироги и подавать тебе на стол!

Я вздохнул.

— Ну да, конечно... Только пахать будут мелко и криво, разбрасывать зерна и по камням, урожай осенью соберут только наполовину, а из собранного еще треть рассыпят по дороге... Да и пирог такой испекут, что надо смотреть, чтобы на ногу не уронить! Нет, с мечом я уже проходил эту дорогу. Хотя вы, леди, не теряйте веры, на свете еще столько дураков волшебные мечи ищут!..

Я пошел к выходу, а когда навстречу блеснул солнечный свет, а под ногами захрустела прокаленная зноем галька, я оглянулся: скала на месте, но черный вход исчез так, словно щель загладили по мокрой глине.

Уулла, не покидая седла, встретила меня обшаривающим взглядом, но промолчала, когда я вставил ногу в стремя и поднялся в седло.

— И что это было? — спросил я.

— Не знаю, — ответила она.

Я изумился.

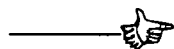
— Не знаешь? Ты же послала меня туда!

— Я не знала, — пояснила она, — что там ждет вас. Это было...

— Ну-ну?

— Испытание, — произнесла она. — Да, испытание.

— Не понимаю, — пробурчал я брезгливо. — Зачем? И что за цаца берется меня испытывать? Как бы я сам ее не испытал... в разных позах!

Она съежилась от моего грозного голоса и заметного раздражения.

— Конт Астральмэль... вы становитесь заметным. Вот и мы, альвы, обратились к вам! На вас обращают внимание уже и те, кто не замечал вас вовсе. Или замечали, но не считали, что вы можете что-то... еще. Но вы совершаете подвиги, о вас говорят, на вас все больше надеются одни, а другие начинают опасаться... Вы превращаетесь в силу, конт, а также ваше высочество. И как бы вы ни прятали свою мощь, к вам начинают присматриваться те... гм... кто, в общем, намного выше нас.

— Выше? — переспросил я. — Или просто сильнее?

— В этом мире, — ответила она грустно, — кто сильнее, тот обычно и выше.

Глава 3

Я оглянулся еще раз, скала уже совершенно затерялась среди таких же, серых и неопрятных, зато в виски застучала совсем новая мысль.

— И что, многие вот так хапают этот чудесный меч, которым можно рубить всех и все, что попало?

Она ответила с грустной улыбкой:

— Все.

— Все? — не поверил я. — Но что-то я не видел толпы героев с такими мечами!

Она ответила тихо:

— Но это же было только испытание.

— А-а-а, — протянул я разочарованно, — меч был ненастоящим?

— Настоящий.

— Тогда... его не собирались отдавать?.. Понятно. А что с теми, кто не прошел испытание?

Она опустила голову и промолчала. Зайчик все еще идет галопом, но часто делает скачки в сторону, чтобы не столкнуться с летящими навстречу скалами, а у меня по телу пронеслась холодная дрожь. Однако, когда собрался начать допрос с пристрастием, очень уж не нравится, когда меня нечто такое испытывает, это я должен всех испытывать по своему выбору и произволу, она напугалась, я чувствовал, как все тело стало ригидным.

После паузы произнесла осевшим голосом:

— А вот отсюда вам нужно будет проехать... с завязанными глазами.

— Что? — переспросил я с подозрением. — Зачем?

— Так надо.

— Еще чего, — ответил я с достоинством. — Человеку, у которого завязаны глаза, так хорошо фиги тыкать под нос!.. Нет, мое рыцарское достоинство не позволяет позволить непозволенное и даже непозволяемое.

Она сказала торопливо:

— Остановите возле того камня! Дальше... опасно.

Я придержал Зайчика, Бобик и сам ощутил неладное, сел и уставился на обоих большими удивленными глазами вечного ребенка.

— Вы должны позволить мне завязать вам глаза, — проговорила она.

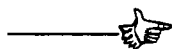
Я видел, что произносит это через силу, уже бледная и вздрагивающая.

Тревога поднялась откуда-то из сапог, взбиралась медленно, сперва охватывая холодом ноги, а когда добралась до сердца, в животе уже сформировалась льдина размером с айсберг.

— А если не дам завязать? — спросил я.

Она вздохнула.

— Тогда я зря проделала весь долгий путь. И... наши надежды на вас будут потеряны.

Я усталился на нее со злостью, даже не добавила к слову «путь» «опасный», но это отчетливо прозвучало в укоряющем взгляде и голосе.

— Да что вы все, — вырвалось у меня злое, — на гуманизм берете?.. Как будто я в самом деле этот, как его... ага, либералист! Политик — он всегда политик! А вы мне позорные чуйствы шьете!.. Давайте мне вашу тряпку, я сам повяжу, ибо человек — хозяин своей судьбы!

Она сказала торопливо и с явным облегчением:

— Да-да, благородный конт, все на ваших условиях!.. Завязывайте, поплотнее завязывайте... Позвольте, я чуть поправлю.

Конечно, ее подправляние состояло в том, что про- верила, не подгляну ли, но я стерпел, все равно сумею, слово не давал, к тому же я сейчас больше политик, за- ботящийся о себе и всяких прочих, чем благородный рыцарь, которого беспокоят только честь и достоин- ство.

Зайчик пошел ровно, но я чувствую, что сейчас его направляет Уулла, копыта привычно стучат по камню. Впереди гавкнул Бобик, но тоже без страха, просто на- помнил арбогастру, что вот он, такой отважный, всегда впереди.

В какой-то момент я ощутил нечто иное, даже не опасность или просто неладное, а иное, чувство такое необычное, что я тихо поднял руку и, не привлекая внимание Ууллы, чуть-чуть сдвинул повязку...

У меня едва хватило сил вернуть ее на место. Мы едем мимо скальной гряды, я отчетливо различил каж- дый камешек и красные с желтым прожилки в нем, между скалами синее небо с белыми кучерявыми об- лачками, похожими на стадо овец, затем все оборва- лось резко и неожиданно. Вместо скал возникло тем- ное смутно клубящееся ничто, у меня кровь замерзла в жилах от ужаса, когда всем существом ощутил, что это

первозданный хаос, в котором не только скал, нет облаков и даже неба, ничего нет, ничего...

Успел увидеть одинокую скалу, странно и дико зависшую в этом хаосе без всякой опоры, плотно зажмурился, несмотря на плотную повязку, и ехал так, вздрагивая в смертельном страхе, что угнездился в каждой клетке тела, пока не услышал мягкий голос:

— Все, здесь можно снять.

Я не двигался, чувствуя себя льдиной, она сама развязала узел, я увидел перед собой крупные глаза, полные сострадания.

— Вы, конечно... не послушались?

— Сползло чуть, — пробормотал я.

— Человек, — произнесла она со странной интонацией. — Мне говорили, что обязательно постараетесь взглянуть... Есть ли запреты, которые не нарушили бы люди?

— Есть, — ответил я все еще вздрагивающим голосом.

— Какие?

— Не знаю, — ответил я. — О которых мы еще не догадываемся. Но вообще-то мы боремся с собой и стараемся не нарушать запреты, по крайней мере — заповеди.

Меня передернуло, я стиснул челюсти, не давая зубам выбивать дробь.

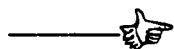
— Не надо было, — произнесла она с укором.

— Что это было?

Она ответила слабым голосом:

— Говорят, Высший Бог отвлекся чем-то... и недоделал мир.

Я кивнул, принимая языческое объяснение, по их взглядам Бог делал мир вручную и каждую скалу отдельно, а не сразу мир целиком, но мне ближе вариант,

что это родимые пятна чудовищной войны, когда уничтожилось само пространство...

Плечи мои снова передернулись сами по себе, я поспешно отогнал видение хаоса, на него в самом деле не может смотреть смертный, это настолько ужасающе и противоречащее даже не жизни, а вообще... даже слов таких нет...

Скалы давно остались позади, мы выехали на простор, и сразу из середины болота, по краю которого помчался Зайчик, без малейшего всплеска показались два острых кончика, похожих на широкие острия гигантских пик. Оба расширяются и расширяются по мере того, как понимаются из воды, затем между ними поднялся покрытый ряской купол, еще через минуту я с холодком в сердце увидел надбровные бугры и потрясенно понял, что это исполинская голова размером с большой сарай.

Она поднялась еще чуть, темная болотная вода колыхнулась и замерла на уровне широких скул. Массивные веки, похожие на щиты для тяжелой панцирной пехоты, поднялись.

На меня в упор взглянули мертвые глаза. Голова из позеленевшей меди или латуни, вся изъеденная коростой, на лбу тяжелые и глубокие складки, а над переносицей глубокая дыра, куда пролез бы мой кулак в булатной рукавице.

Я проговорил тихо, изо всех сил удавливая голос, чтобы не дрожал:

— Это кто?

Она ответила трепещущим, как огонек свечи на ветру, голосом:

— Н-не... знаю...

— Как, — спросил я почти мужественно, — разве это голова не высовывается всякий раз, когда мимо идут всякие?

Она пролепетала, вздрагивая всем телом и едва не плача:

— Н-н-нет... Это впервые...

Холод прокатился по мне, лучше бы этот металлический упырь провожал взглядом всех, но ответил я так же красиво и твердо:

— Слава Богу!.. А то умаление моего достоинства.

— Ваше... высочество?

— Я ж не всякий, — пояснил я высокомерно. — Я ж само его высочество! Пусть посмотрит, полюбуется. Я даже денег не возьму.

Обогнув болото, удалились, Зайчик из галопа перешел в карьер. Я держал спину прямой, чувствуя на ней сверлящий взгляд, и с тревогой думал, только ли голова там в болоте, или же к ней и туловище...

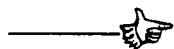
— Уже скоро, — сказала она, — видите дерево? Все наше племя живет в его кроне.

— Тогда вас маловато, — согласился я.

Дерево, породу которого я так и не определил, с каждым конским скоком вырастает в размерах, и когда приблизились достаточно, я потрясенно понял, что под сенью его ветвей может укрыться целая армия, а в кроне расположиться немалых размеров город, и никто снизу не заметит.

Целая гора, а не дерево, и трещины в коре смахивают на горные ущелья и овраги, а сам ствол, думаю, крепче камня, это ж какую машину держит на себе.

Из дупла на высоте в два человеческих роста падает сверкающий водопад, обрушивается с шумом в выбитый у корней бассейн, теперь заботливо выложенный камнями, это чтоб не расширялся и не вредил, а дальше бежит бурно и бодро, подпрыгивая на камешках и уносясь вдаль, где его заботливо укрывают от чужих высокая трава и камни.

Уулла сказала гордо:

— Вода целебная!

— А что целит?

— Все, — заверила она. — Ну, не до конца, конечно.

— Не до конца — это как?

— Не полностью, — объяснила она уже увереннее, то ли из-за моей тупости, то ли потому, что уже рядом с домом, и спрятавшиеся сородичи видят, как она умело выполнила невероятно трудное задание. — Но вполне хорошо...

Она улыбнулась и пропала из виду, только улыбка некоторое время чеширила в воздухе да пальцы мои ощущали ее хрупкое тело. Затем ладони мои сомкнулись в пустоте, а наверху вроде бы чуть сильнее шелестнули ветви, хотя такой мотылек не потревожит и листка, да еще привыкший маскироваться.

Бобик обежал дерево, это заняло некоторое время, вернулся с отчетливо выраженным недоумением на морде. Явно чувствует что-то неладное, но альвы при их идеальной маскировке могут обмануть, видимо, даже сверхчувствительного Адского Пса.

Я соскочил на землю, Зайчик посмотрел на меня с вопросом в теплых коричневых глазах. Я похлопал его по шее.

— Погуляй пока здесь. Если что найдешь лакомое, жри, не спрашивай разрешения. Все ценное альвы спрятали.

Он сразу же пошел к ручью и долго с удовольствием пил, как будто и в самом деле вода в чем-то непростая, хотя вообще-то она и есть непростая, это же не родник, пробившийся наверх благодаря пробуравившим землю корням, а древесный сок...

И вообще, мелькнула мысль, какие же могучие корни, если добывают и поднимают из недр столько

воды, что хватает и такой громадине, а излишки еще и сбрасывают вот так небрежно, не считая тех озер, что ежесекундно испаряются с поверхности листьев.

Глава 4

Уулла возникла передо мной так неожиданно, что я вздрогнул и рассердился на себя, я же непоколебимый утес, скала, меня никто не смеет вот так р-р-раз и вра-сплох, как хомяка на солнышке.

— Старейшины, — сказала она, — совещаются и сейчас спустятся.

— Прекрасно, — ответил я, — а то мне как-то лезть на дерево, хотя мои предки именно там и жили... Хорошее деревцо! Уверен, эта порода выведена специально для засушливых районов.

Она спросила растерянно:

— Зачем?

— Запускает корни в такие глубины, — объяснил я, — что в любой пустыне сумеет найти воду. А излишки выбрасывает наверх. Ну, примерно как корова постоянно отдает «излишки» молока.

Она возразила с неудовольствием:

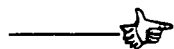
— Это Священное Дерево!

— Священное, — согласился я. — Так и назовем этот вид: санта санпликатас вульгарис. Чем оно размножается?

Уулла на глазах превращалась из милого существа с рожницей вечной скорби в оскорбленного и рассерженного зверька.

— Так нельзя говорить о Священном Дереве!

— Почему? — изумился я. — Даже все боги размножались, Зевс вон оставив тысячи потомков, даже ко-

ров и тараканов не пропускал, а Посейдон, Аполлон, Арес?.. Или все эти одины и торы, они тоже о-го-то!

— Я не знаю, о чем ты говоришь!

Я проговорил задумчиво:

— Наверное, желудями? Надо будет нарыть, как свинья под дубом. А что, Эзопу можно, а мне почему-то низзя?

Она отрезала:

— Такие вопросы не обсуждают даже жрецы!

— У вас и жрецы есть, — сказал я, — значит, еще не все потеряно. Однако если желудями, то нужно собрать побольше. Для вашей же выгоды, не поняла?

Она ответила озадаченно:

— Нет.

— Если посадить такие деревья, — сказал я, — например, в Гандерсгейме, который срочно нужно превратить во избежание народных волнений из королевства третьего мира в высокоразвитое, то вы сможете жить и там в кронах. Ну, если вдруг очередной проповедник нового пути не убедит вас начать новую жизнь, скажем, в норах!

Она смотрела ошалело, за полетом человеческой мысли вообще проследить трудно, это у эльфов они подобны полету стрижей, у троллей — бегу кабанов, а у нас несутся, как бабочки, эти дуры сами не знают, в какую сторону порханут в следующий момент, из-за чего их ни одна даже хитроумная и быстрая птица не поймает.

— Какие норы? — пролепетала она умоляюще. — О чем ты?

Я отмахнулся.

— Не бери в голову. Хотя надо подумать и насчет отводков или вегетативного размножения, что, наверное, одно и то же?.. Гандерсгейм, как же я, сволочь, о тебе забочусь!

Она вытаращила и без того огромные глаза.

— Гандер... Гандер?

Я отмахнулся.

— Это у простого человека только одна голова на плечах, а у меня, отца народа, знаешь их сколько?..

Он прошептала в ужасе:

— Сколько?

— Обалдеешь! — сообщил я. — Потому вот одной головой смотрю на тебя, а другой думаю о благе всего человечества! Что, смешно?.. Почему не смешно?.. Я бы в этом месте заржал, а то бы и вовсе упал с лошади и валялся, как конь на траве, взбрыкивая и поржавывая... или поржевая? Поржувывая?.. Эх, не подберу точного слова, а политикам нужно с ними быть осторожнее, чем поэтам...

Я запнулся на полуслове, шагах в десяти от дерева возникла группа таких же низкорослых и вообще миниатюрных существ, как Уулла, все в темных невзрачных халатах, а серый цвет я определил как маскировочный.

Наверное, они уже некоторое время стоят там, прислушиваясь к разговору, но я и сам себя не всегда понимаю, для подданных вообще харизмат и загадочник, а что поймут эти вот с крылышками...

Уулла поглядывала то на меня, то на них, но я, не зная местных ритуалов, предпочел скромно и с достоинством оставаться на месте. Хотя это я к ним прибыл, но нуждаются во мне они, так что в намечающейся торговле у меня некоторое преимущество.

Очень медленно, словно они такие вот страшные и опасаются меня спугнуть, начали приближаться все той же тесной группой.

Я приосанился и ждал, выставив вперед правую ногу и чуть откинувшись назад всем корпусом. Бобик, перехватив мой строгий взгляд, сел, но в нетерпении повизгивал, все существа невысокого роста кажутся ему детьми, с которыми так хорошо играть.

Уулла произнесла почтительно:

— Это наш народ...

— Старейшины? — уточнил я.

Она покачала головой.

— Нет... это все альвы, что остались от всего великого племени.

Я присвистнул.

— Негусто. Хотя, с другой стороны, Адам и Ева вон сколько наплодили. Правда, Змей весьма так помог... Приветствую вас, могикане!

Они остановились на безопасном расстоянии да и чтоб не слишком задирать головы, кто знает, какое у них строение позвонков шейного отдела, а вперед на шаг выступил один, лицо сморщенное, как печеное яблоко, и такое же серо-желтое, остановился, всматриваясь в меня.

— Приветствуем и тебя, великий конт Астральмэль, — проговорил он тонким голоском. — Ты видишь остатки некогда могучего народа, но сейчас мы видим только наше медленное сползание в небытие. Нам нечего предложить тебе, конт, но от тебя зависит, исчезнем мы с лица земли или наша жизнь продлится!

Я кивнул, быстро перебирая в уме стратегию переговоров. Вообще переговоров не будет, если им предложить нечего, торговаться и обсуждать какие-то пункты не будем, это точно, они сразу выложили все карты на стол, признавшись, что козырей у них давно нет...

— Спасибо, — пробормотал я, — спасибо за доверие... И за, как бы, веру в мою эту.. человечность, что сирых и убогих... гм... Это есть в нашем рыцарском кодексе, так что не вижу, почему в их число не включить и альвов, вы же давно сбиты с коней, растеряли боевой дух, измучены и ранены, а Господь велит таким помогать даже безвозмездно, а это вообще даром... из милосердия и как бы гуманизма. Во имя, так сказать.

Старейшина продолжал всматриваться в меня не по-мужски большими глазами.

— Ты берешь и нас под защиту?

— Беру, — ответил я. — Только я не Господь, мои возможности весьма как бы не, но зато это реально, грубо, зримо, как водопровод, сработанный еще рабами Рима... гм... ну неважно, это во мне поэтическое, как вон у Нерона, тот еще был поэт, за что и погиб так красиво... У вас есть какие-то особенные пожелания?

Старейшина покачал головой.

— Только чтобы нас не убивали. Мы устали прятаться потому, что у нас почти все силы уходят на то, чтобы укрываться. Это же такое счастье, когда вот так стоим и не напрягаем в себе все, чтобы удержать в себе тепло, запахи и даже зримость!.. Потому люди, которые ни от кого не прячутся, так могущественны!

— Хорошо, — сказал я, — это я обещаю. Хотя и не сразу.

— Конт?

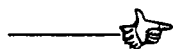
— Людям недостаточно сообщить мою волю, — объяснил я. — Ее нужно чем-то еще и подкрепить, мы же люди! Хотя бы штрафами. Потому сперва продолжайте укрываться, но процесс, считайте, уже запущен. С церковью улажу. Из фанатиков я один остался, но я весьма прагматичный фанатик... Зайчик!

Арбогастр вскинул голову, а Бобик мигом оказался рядом, плюхнулся задом на землю и суетливо ерзал, требуя взглядом: ну прикажи что-нибудь, я же здесь, я рядом, я же почти Зайчик, только лучше, ну обрати на меня внимание!

Наконец подошел и арбогастр, я вставил ногу в стремя, Уулл так и стоит на прежнем месте, больше не проронив ни слова.

Я поинтересовался:

— Тебя куда-нибудь подбросить?

— Подбросить? — переспросила она в недоумении. — На дерево? Нет, я сама...

— Если появишься в моем дворце, — сказал я, — людом из, никто не тронет. С простым народом посложнее, но постепенно все уладим. Так что до встреч, люди! Обещаю, я подумаю, чтобы и простые люди стали к вам добрее.

Я вскинул руку в прощании, Бобик подпрыгнул и ринулся со всех ног вперед. Арбогастр пошел за ним, набирая скорость. Людьми я назвал не случайно, пусть видят мое отношение, а что все так коротко, так просьбу услышал, среагировал, пообещал, а дальше уже надо принимать некоторые меры.

Из Мезины можно сразу наискось через Армландию до Туоннеля, а там и Сен-Мари, но Бобик упорно берет левее, я пару раз прикрикнул, потом сообразил, что в самом деле надо заскочить в Савуази, это почти по пути, хоть и не совсем, а из Савуази могу через зеркало сразу в Геннегау. Или с той же скоростью через пентаграмму аббата Дитера. Даже браслет Гонца теперь могу использовать, чтобы прыгнуть в Истанвиль, потому что там магнитом служит отважно-трусливая Лалаэль, дочь Верховной жрицы, заменившая в женском порыве самоотверженности брата.

Мелькнула мысль, что мы, потомки, круче: Менелай в результате десятилетней войны разрушил ради женщины одно царство и погубил всех своих людей, а я покорил два, тем самым увеличив налогооблагаемые территории.

И управился побыстрее, мы ж новое поколение, христиане, мыслим прогрессивно. Потому оба королевства взял, а женщину оставил. Просто руки заняты, а то бы взял, да, все из-за женщин, а как же, это потом

будет из-за бизнеса, нефти, политики, сфер влияния, а сейчас народ пока простой и честный.

Ветер свистит в ушах, справа и слева мелькают поля, рощи, иногда овраги, появились и долго скользили мимо богатые виноградники, усеянные огромными гроздьями спелых ягод, крупных и налитых соком, хотя вроде бы еще рано, но я не садовник, такие тонкости ни к чему.

Появилась дорога, и мы некоторое время неслись по ней, широкой и удобной, справа и слева небольшие канавы для отвода воды, давно заросшие травой и бурьяном, однако чувствуется, что эта некогда оживленная дорога после упадка в несколько сотен лет снова начинает возвращаться к жизни, пусть еще и не в полную мощь...

Крохотная черная точка далеко впереди вдруг остановилась, Зайчик скорость не сбросил, но через пару мгновений затормозил, упершись всеми четырьмя и откинувшись назад.

Бобик с недоверием рассматривает сидящего на земле здоровенного, но крайне худого мужика, лохматого, черные волосы охватывают всю голову, оставляя только лицо, да и там даже щеки покрыты густой щетиной, подходя почти к глазам.

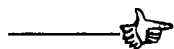
На правой лодыжке блестит широкий стальной браслет, от него идет короткая цепь к массивному чугунному шару. Цепь нарочито короткая, чтобы нельзя было шар взять в руки. На мой взгляд, вес должен быть таким, что и пятерым не поднять...

Вся одежда в таких лохмотьях, что даже и не знаю, как держится. На стук копыт он обернулся, в кулаке зажата рукоять короткого ножа.

Я поморщился.

— Не глупи.

Он прорычал:

— Чего надо?

— Кто ты и что ты, — ответил я холодно. — А потом решу, убить тебя на месте или же... нет, к городским властям не потащу, я лорд, просто оставлю прогуливаться по здешним просторам дальше.

— Ну так и оставь, — сказал он злобно.

— Не могу, — возразил я. — Сперва скажи, кто ты. Если совершь, убью. Если скажешь правду, то... может быть, и не убью, мало ли чего у тебя такое украшение. Может быть, тебе нравится.

Он зло скривил губы в усмешке.

— Вот-вот, я просто в восторге!.. Я счастлив. Только и думаю, вот бы еще на вторую ногу для полного... ликования.

— Ну, — напомнил я, — говори.

Мужик медленно поднялся на ноги, лицо на мгновение дернулось, словно сдерживает боль, но выпрямился и посмотрел на меня с ненавистью.

— Да пошел ты.

— Гордый ответ, — согласился я, — но неразумный.

— А мне плевать, — заявил он.

— Ты будешь лишен жизни, — напомнил я высокопарно.

Он в удивлении огляделся по сторонам.

— Чего-чего? А где она?

— У тебя тоже жизнь, — сказал я строго. — Не ропщи!.. А теперь стой спокойно и не шевелись... Зайчик, давно я тебе ничего лакомого не давал...

Арбогастр посмотрел на меня недоверчиво, тряхнул ушами и потянулся к чугунному шару. Мужик застыл в ужасе, когда страшный черный конь обнюхал деловито, распахнул пасть и попробовал цапнуть зубами гирию, но не получилось, фыркнул и сомкнул зубы на цепи.

Глаза его из кротких коричневых стали багровыми, он шумно вздохнул, из пасти вырвался дым. Звучно хрустнуло, чугунный шар откатился уже без цепи, только с торчащей петлей, а Зайчик принялся мерно пожирать цепь. В его чудовищной пасти хрустело, словно заработала камнедробилка, где крошат не гальку, а целые глыбы гранита.

Мужик смотрел выпученными глазами, но когда конская пасть начала приближаться к нему, спросил опасно:

— А ногу не отгрызет?

— Зато браслет снимет, — успокоил я.

Он сказал нервно:

— Нет, пусть лучше останется. Такое кольцо, а как блестит!

— Да зачем? — спросил я. — Пусть ест. Не жадничай.

Мужик сказал быстро:

— Я туда рубины вставлю!..

— Здорово, — согласился я. — Глядишь, подхватят моду. Через год-другой все шеголи будут ходить с такими браслетами. А то и вдвое толще, чтоб издали было видно.

— И на обеих ногах, — добавил он.

— Хорошо, — сказал я и натянул повод, — Зайчик, ну что тебе цепь из низкосортного железа?.. Попробуй все-таки эту гирьку..

Он брезгливо обнюхал и оглянулся на меня с немым укором. Дескать, то хоть и низкосортная, но все-таки сталь, а это вообще чугун, где больше глины, чем железа.

— Ладно, — сказал я, — в ближайшем городе я тебе гвоздей куплю.

Мужик спросил ошалело:

— Вы что... гвоздями это страшилище кормите?

— Нет, — сказал я, — простым ячменем, а гвозди — лакомство. Ну, ты свободен! Иди и не греш. Вот тебе монета, купи одежду поприличнее.

Он взял монету, но на меня смотрел с растущим удивлением.

— Вы даже не знаете, за что мне прицепили это украшение.

Я вздохнул.

— Ты не сказал, а это не мое дело — выколачивать признание. Все подозрения нужно толковать в пользу обвиняемого. Ты мог быть жертвой судебной ошибки. С другой стороны, вся нечистая сила теряет магический дар при соприкосновении с железом.

Он сказал поспешно:

— Браслет еще на мне!

— Это ненадолго, — сказал я понимающе. — Ты от него избавишься в ближайшем селении, где есть кузнец. Но постарайся не вредить людям. Ответить им добром на добро.

Он криво ухмыльнулся, его вид не обещал ничего хорошего, ибо это люди, а не бобры приковали его к гире, но ответил с той же иронической небрежностью:

— Я буду стараться. Как ваше имя, мой господин?

— Ричард, — ответил я. — Ричард Длинные Руки.

Он пробормотал:

— Что-то слышал. А я — Дуглас Ливерфильд.

— Будь здоров, Дуглас, — сказал я.

Зайчик, уловив сигнал, рванулся с места, как выпущенная из гастропарета гигантская стрела.

Глава 5

Некоторое время я еще думал об этом странном заключенном, явно сумевшем сбежать откуда-то, имя у него родовое, знатное, но в заключении побывал, судя по неопрятной бороде, давненько, потом мысли перешли на самое любимое — флот. Как наяву увидел залитую

солнцем бухту Тараскона, а в ней десятки строящихся кораблей...

Бобик на ходу вскинул морду, нюхая воздух, затем внезапно свернул, не слишком, но заметно, и пошел еще быстрее.

Я крикнул запоздало:

— Эй, морда!.. Ты куда?

На горизонте показалась группа всадников, Бобик, как черная молния, ринулся к ним с такой скоростью, что растянулся в смазанную линию.

— Зайчик, — сказал я с тревогой, — давай за ним. Что-то начинает умничать, уже за меня решает, куда нам идти.

Зайчик пренебрежительно фыркнул, мол, собаки время от времени пытаются повысить статус в стае, и если им не препятствовать, постараются вообще стать вожаками, подчинив даже человека.

— А вот фиг ему, — крикнул я навстречу ветру.

Всадники остановились далеко впереди, а Бобик налетел на кого-то, вроде бы даже сбил с коня, повалил, но почему-то не рвет в клочья, тоже мне Адский Пес, а облизывает. А поверженный отпихивается руками и ногами, но не орет, а визжит. Остальные поставили коней кругом, но вмешиваться не рискуют.

Кто сказал, мелькнуло у меня в мозгу, что женщина с мечом — это красиво? Даже прекрасно?.. Это отвратительно. Какие бы героические позы ни принимала. И как бы ни выпячивала вторичные половые.

Это вызовет восторг только у недоразвитых, а нормальному понятно, что меч — дело рук мужчин, да и то по необходимости. Женщины вынуждены бывают взять меч в руки только в случае, если их мужчины — полное говно.

Понятно же, что женщина по силе не сравнится с самцом, как понятно и то, что потеря женщины —

невосполнима, в то время как мужчин перебей хоть почти всех, лишь бы остался один, на развод, он мигом восстановит поголовье, а вот если тысяча мужчин и одна женщина, то она не сможет родить тысячу детей на следующий год.

Есть только одно исключение, и я его принимаю, потому что исключение, как известно, лишь подтверждает правило, а во-вторых, потому что исключение — Боудеррия.

Она кое-как поднялась, все еще отпихиваясь от признаний в любви Бобика. В первой десятке отряда весело ржут виконт Каспар Волсингейн, всегда настороженный и насупленный, несмотря на цветущую молодость, юный граф Эдгар, виконт Ульрих Росбент, кстати, он уже не виконт, а барон, не забыть бы, и другие знакомые мне лица.

Каспар крикнул:

— Боудеррия, как этот зверь тебя любит!

Ульрих сказал с непонятым выражением:

— Да они и похожи...

Юный граф Эдгар взглянул на него с укором и торопливо уточнил, стесняясь и краснея:

— Такие же... красивые.

Каспар сказал с сомнением:

— Все-таки Бобик красивее...

— Нет, наша Боудеррия, — возразил Ульрих.

— Бобик!

— Боудеррия!

— У Бобика посмотри какие клыки!

— А у Боудеррии их больше, — возразил Ульрих. —

И Боудеррия кого угодно порвет, а Бобик больно ласковый.

— А мускулы? Посмотри, какие у Боудеррии!..

— У Бобика под шерстью плохо видно. А так пощупай...

Каспар поежился.

— Сам щупай!.. Ты еще предложи Боудеррию...

Он даже не договорил, не решился, ибо Боудеррия повернулась и посмотрела на остряков, рискнувших сравнивать ее достоинства с Бобиковыми.

Светло-голубые глаза смотрят с прежним убийственным холодом, и только губы не может удержать от расплзания в счастливую улыбку, а так во всем прежняя: легкие кожаные доспехи, укрывающие торс и ноги до колен, сапоги с низкими голенищами, сильные мускулистые руки и рукояти двух узких мечей, выглядывающие из-за спины.

— Бобик, — сказала она с чувством, — как же я тебя люблю!

Каспар сказал невинно:

— Родственные души!.. Я имею в виду, такие же невинные, чистые и светлые.

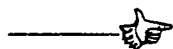
— А мне что-нибудь осталось после Бобика? — спросил я.

Она внимательно смотрела, как я соскочил и подошел, сама не сдвинулась, но когда я обнял и поцеловал в губы, на короткий миг прижалась всем телом, и меня опалил давно позабытый жар.

— Чего так далеко от столицы? — спросил я. — Сколько ни заскакиваю в Савуази, ни разу тебя не встретил!

От нее идет просто домашнее тепло, хотя мало отыщется мужчин в королевстве, кто выстоит против нее в поединке, и репутация у нее совсем не домашняя, однако я смотрел на нее во все глаза и счастливо улыбался, как дурак.

Она покачала головой, на лице проступило выражение неудовольствия.

— Разве не вы, ваше высочество, — произнесла она с издевкой, — запретили брать меня в отряды, что отпавились в Ламбертинию и Мезину?..

— Ты элита, — возразил я. — Элитные отряды не для массовых сражений! Они для точечных ударов, что могут выиграть битву, а то и всю войну. Даже и вовсе предотвратить ее!

Ее спутники неспешно соскакивали на землю, подходили ближе и преклоняли колено. Я поднимал всех и обнимал, из абсолютных незнакомцев только двое, недавно прибившиеся к их отряду: Маркус Вольфшир и Роджер Тхорнхилл, оба сухие, среднего возраста, в полной силе, прокаленные жизнью.

Бодуррия представила с иронической улыбкой:

— Оба из таких дальних королевств, ваше высочество, что, наверное, еще дальше, чем ваше! Маркус был капитаном в армии некого Мунтвига, а Роджер — принц в своем королевстве. Правда, как он говорит скромно, совсем крохотном.

Я дружески обнял обоих и сказал тепло:

— Здесь мы все одна команда, одной крови и одного звания, за исключением командира отряда.

Граф Эдгар, который смотрит на меня с обидой еще с той поры, когда я не сказал ему в Эльфийском Лесу, кто у нас проводник, и тут сказал недовольно:

— Ваше высочество! Как это... предотвратить войну? А воинские подвиги?

Я сказал покровительственно:

— А зачем нам войны? Победы — другое дело. И плоды войн.

— Но как же... какие плоды, если без войн?

— Уметь надо, — сообщил я. — К примеру, Мезина отныне, если вдруг не знаете, под нашим контролем.

Все промолчали, только Каспар пробормотал с недобрый прищуром:

— Ну, а как же... раз вы туда съездили...

А Ульрих добавил с лицемерной скромностью:

— Даже удивительно, что только Мезина...

— Ладно-ладно, — сказал я строго, — вам бы ханьки.

Боудеррия сказала с легким нетерпением в голосе:

— Ваше высочество, мы преследовали монстра, котрый... не должен быть здесь.

— Что значит, — спросил я, — не должен? Они все не должны!

— Просто его раньше не было, — объяснила она. — Он громадный, как бык. О таких сразу становится известно во всех деревнях и городах королевства. Но этот как будто появился из ниоткуда...

— Очень опасен?

— Мы потеряли четверых, — сообщила она сердито.

— А ранеными?

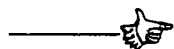
— Двенадцать, — ответила она. — Уже отправили в село на лечение и поправку.

Я сказал встревоженно:

— Многовато. Особенно если учитывать низкие потери при захвате соседних королевств. Давайте присядем где-нибудь, расскажете подробнее. А то, чувствую, и я в ответе как за погибших, так и за раненых. Хотя, конечно, лучше такая красивая гибель, чем в пьяной драке в борделе.

Граф Эдгар хоть и самый знатный, но суетится и хлопочет больше всех, собирая хворост для костра, разжигая, пока другие степенно расседлывают коней и вытирают им потные животы.

Боудеррия села по ту сторону костра, то ли чтобы даже случайно не соприкоснуться со мной обнаженным плечом, то ли чтобы смотреть мне в глаза.

Остальные доставали из сумок еду, раскладывали на чистой тряпице. Бобик моментально смекнул, в чем дело, ненадолго исчез и вернулся вскачь с еще трепыхающейся в пасти молодой козой, снова исчез и принес большого толстого гуся.

Я сказал строго:

— Хватит!.. Они столько не съедят.

— Съедем, — заверил Ульрих, — но что за чудо ваша собачка!.. Может быть, поможет отслеживать монстров?

— Может быть, — согласился я. — Если, конечно, те не убегут слишком далеко. Выкладывайте все об этом, что нанес такой урон. Все-таки завалили? Огромный, как бык, а что еще попримечательнее? Какой длины рога?

— Откуда рога? — переспросил Каспар. — Это же хищный, у него такие клыки... даже сейчас мерещатся.

— И когти, — добавил Ульрих. — Меня больше когти впечатлили.

— Это когда он царапнул по твоему панцирю? — спросил Эдгар. — Насквозь, это же надо такое!

— Да, — согласился Ульрих, — если бы не толстый свитер под панцирем, я бы уже истекал кровью. А так отделался поцарапанным пузом.

— Ладно, — согласился Каспар, — будем считать, что это монстр тебя поцарапал. Про ту крестьяночку, которую ты тащил на сеновал, умолчу... Ваша светлость, возьмите этот сыр, я даже не решаюсь спросить, из чего его делают, но просто чудо как вкусно!

Костер разгорелся, красные угли отгребли в сторону, на них начали поджаривать козье мясо. Гуся тоже ошипали и выпотрошили, насадили на вертел, весь отряд собрался вокруг костра, люблю такие посиделки, пусть даже короткие.

Отблески пламени играют на лице Боудеррии, делая его почти женственным, а глаза поблескивают таинственным жемчужным светом. Сидит она прямо на земле, ноги скрестила, из-за чего ровная фигура еще стройнее, а налитые силой округлые плечи победно говорят о ее здоровье и стойкости.

— Он появился, — сказала она уже деловитым голосом, — где-то месяца два тому. Крестьяне не сразу подняли тревогу, а он успел уничтожить одну деревню полностью, а еще две разорил, пока из Савуази прибыла комиссия.

— Ей не повезло, — вставил Каспар, — они почти сразу наткнулись на этого зверя. Люди оказались храбрыми, никто даже не пытался бежать, как мы установили по остаткам одежды. Зато потом из Савуази послали уже нас.

— И как? — спросил я.

— Гонялись больше месяца, — ответила Боудеррия. — Трижды настигали и трижды ранили, наконец разобрались в его привычках и устроили засаду. Результат вы знаете, все прошло успешно.

— Четверо погибших? — спросил я. — И двенадцать раненых?

— Вы бы его видели, — отрезала Боудеррия. — Если в лоб, он и армию разбросал бы!

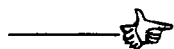
— Не сердись, — сказал я миролюбиво, — я все понимаю. Это первый такой?

— Такой первый, — согласилась она. — Но и раньше бывали... Мы уже трех уничтожили. Появляются по одному...

— Через равные промежутки времени, — уточнил Каспар.

— Откуда?

Боудеррия сообщила мрачно:

— Судя по словам крестьян, все приходят всегда со стороны вон тех гор. Раньше там были цветущие деревни, но теперь на полсотни миль пусто. Одни развалины.

— Всегда? — переспросил я.

— Ну... так говорят.

Я подумал, спросил:

— А что там у них, гнездо?.. Лежбище?.. Нора?

Она пожала плечами.

— Да кто знает.

Я покачал головой, посмотрел на нее в упор.

— Эх... ты же командир элитного отряда по борьбе с нечистью! И монстрами! Ты ничего упускать не должна!

Она вздохнула, в глазах промелькнуло смущение.

— Прости, я поняла, что ты хочешь сказать. Ты прав, я не гожусь в вожаки отряда. Я привыкла приказы исполнять, а не отдавать.

Я оглянулся на пасущегося Зайчика.

— Да ладно тебе. Сто лет здесь маются, и никто не додумался пойти туда и посмотреть, что там такое. Если нора, то завалить камнями. Если гнезда с яйцами на земле — побить все яйца, нечего дряни плодиться на уже нашей святой турнедской земле!.. Заканчивайте обед, я съезжу туда с вами.

Каспар пробормотал:

— Вряд ли яйца...

— Почему? — спросил я с подозрением.

— В позапрошлый раз, — сказал он медленно, — на жителей села напали какие-то дикие люди... Те, кто спасся, называли их полумедведями. Очень хитрые твари, не говоря уже, что жутко сильные... К счастью, как говорят, разорили всего две деревни и пошли дальше... а куда делись, никто не знает... Я слышал, дома рушили с одного удара!

Эдгар хмыкнул и сказал важно, по-взрослому:

— Наверное, знают те, где эти твари прошли дальше, но кто их спрашивал?..

Ульрих сказал со смешком:

— А те крылатые змеи, что вылетели, как говорят, в прошлом году?.. У них как раз может быть гнездо с яйцами.

— А чего ты решил, — спросил Каспар, — что гнездо на поверхности? Оно вполне может быть в глубокой и даже очень глубокой норе. Что, новость?

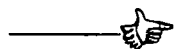
Переговариваясь, они уже поднимались, забросали остатки костра землей, оседлали коней.

Мы с Боудеррией двигаемся во главе отряда. Мне показалось, что воинственная валькирия начала избегать меня. В первые мгновения был порыв души, а сейчас уже началось то, что обычно у интеллигенции и женщин: а что он подумает, а что другие подумают, а не подумают ли не так, но лучше пусть подумают не так, потому что лучше пусть не догадываются, женскую репутацию не жаль, а вот командира отряда...

Я покачивался в седле, одним ухом слушал разговоры за спиной, но мозг уже раскочегарился на полную мощь, монстры — это мелочь, с ними и другие справятся, это я так по дороге, а вообще-то главная моя задача здесь — точкой опоры сделать Турнедо. Гиллеберд все-таки создал мощное государство, экономика на высоте, власть достаточно централизована, чтобы я сумел без особых препятствий сделать ее еще централизованнее и подгрести под себя почти полностью.

Все остальные: Варт Генц, Скарлянцы, Ламбертиния и Мезина — будут управляться из этого центра, как бы местные лорды ни пытались отстоять свою независимость.

Я вообще-то целиком за независимость и невмешательство, но только если независимость ради какой-то благородной цели. Однако если независимость ради

самой независимости, то это не весьма достойно, а если независимость от более высокой культуры, уровня жизни, грамотности и богатства, то такую независимость не только можно, но и нужно упразднить без всякой жалости к патриотам и бледным мальчикам с горящими взорами.

И, кроме того, разве церковь не действует так, словно никаких границ, разделяющих людей, вообще нет на свете? Она понимает, что рано или поздно все люди сольются в одном счастливом мире, когда совместно построят Царство Небесное на земле...

Ну, типа, вот я его и строю. Как паладин Господа, который вообще не различает границ, проведенных людьми. Нет, я-то различаю, но Господь не различает, вот и я хоть и различаю, но должен действовать без всякого почтения к этому архаизму.

Правда, на границе Варт Генца и Скарляндии придется держать надежные войска и в то же время запустить побольше разведчиков и простых лазутчиков в соседние королевства.

Вообще за всеми соседями нужно присматривать круглосуточно, а то и «мама» сказать не успеешь, как вторгнутся, с этими авторитарными режимами никогда не знаешь, чего от них ждать.

То ли дело демократические режимы, там все так трусят, что даже защищать свои земли стараются только первые пару дней, а потом поспешно сдаются.

Глава 6

Я прикрикивал на Бобика, чтобы не убежал вперед слишком далеко, вдруг да новый монстр выскочит, а далеко впереди в степи появился яркий блеск, словно горит ярко начищенная золотая монета или рыцарский

шлем короля. Я не успел присмотреться, он исчез, но через некоторое время возник снова, уже устойчивый и быстро разрастающийся в сияние.

— Голова Быка, — сказал Каспар, плюнул и перекрестился.

В степи в самом деле лежит бычья голова, целиком отлитая из золота, как мне показалось, везде пусто, сравнить не с чем, я не сразу понял, что голова громадная, и только когда приблизились, понял, что она почти с сельскую хатку.

Вообще-то не только голова, но и холка с частью спины, а туловище под землей, высохшей и твердой, как камень, на поверхности только голова.

Каспар перехватил мой взгляд, махнул рукой.

— И не думайте, ваше высочество.

— О чем?

— Отколоть кусочек.

— Не выйдет?

— Никому еще не удалось.

— Даже магам?

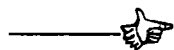
Он покачал головой.

— Когда не получилось и у них, пытались вытащить, чтобы поставить у входа во дворец, но и земля такая, никакие кирки не берут. Можете проверить, даже не поцарапаете!

— Да мне бык вроде бы ни к чему, — сказал я. — Была бы корова — символ плодородия... А так даже слезать не буду. Поехали!

В дороге я некоторое время пытался понять, как это вот очутилось здесь, но самое правдоподобное: колоссальным взрывом сорвало с крыши здания и зашвырнуло сюда. А здесь, понятно, почва плавилась...

Зайчик двигается, как старая улитка на лютном холоде, и хотя остальные герои во главе с Боудеррией несутся во весь опор, но это они во весь опор, а я дитя

других скоростей и темпа жизни и вообще вот-вот засну...

Что делать, я единственный человек, которого не устраивают здешние скорости передвижения, и постоянно ломаю голову над модернизацией. Кое-что удалось, но только кое-что, а надо бы больше.

С зеркалами, что позволяют передвигаться туды-сюды, весьма удобно, однако их маловато, а вот устройство аббата Дитера — хоть и весьма мучительное для передвижения, однако их можно собрать столько, сколько требуется. Если, конечно, верить аббату.

К тому же я должен поощрять развитие ремесел, особенно наукоемких, потому дам заказ еще хотя бы на парочку, а затем допущу к использованию особо доверенных людей или гонцов.

Еще беспокоит появление Бабетты в Ламбертинии. Насчет Геннегау уже разобрались, у ниши постоянно дежурят в незримости стрелки, и если начнет появляться нечто иное, чем Бабетта, его тут же пронзят болтами, как стальными, так и серебряными, окропленными святой водой.

Но как она очутилась в Ламбертинии?.. Или в Геннегау попала своим традиционным способом, а в Ламбертению перенеслась как-то иначе?

Холодок прокатился по телу, когда блеснула страшноватая мысль, что Юг мог во всех королевских дворцах на Севере установить такие вот штуки. Да что там во дворцах, кто мешает установить где-то и в тайных местах, чтобы перебрасывать сюда если не десанты, то хотя бы наемных убийц?

Нас догнал Эдгар, веселый и ликующий, он по юности каждую поездку на коне воспринимает как радостное приключение после скучного детства в родовом замке.

— Ваше высочество, — воскликнул он звонким голосом, — а во-о-он там деревня, где живет великая колдунья, что может предсказать судьбу...

Я отмахнулся, а он торопливо зачастил:

— Да знаю-знаю, суеверие, а христианин не должен быть суеверным, это язычество, но она в самом деле... ну, а еще видит скрытое!.. Ваше высочество, умоляю, это же почти совсем по дороге!

Я спросил с подозрением:

— А зачем это тебе?

У него щеки полыхнули почти детским румянцем.

— Ой, мне так нравится, когда говорят, что Боудерия — принцесса из дальних островов в океане!

Я подумал, кивнул.

— Вообще-то и мне нравится.

Он вострепнулся.

— Свернем?

— Только на один-два вопроса, — предупредил я.

Избы в этой деревне, как я заметил, одна переходит в другую, что значит — взрослые дети, женившись, не отделяются, а все так же живут с родителями, одной огромной семьей. Из-за чего у них все такое крепкое и добротное: могучие кони, породистые коровы, целые стада гусей и уток, козы, овцы, а овины и риги выстроены тоже не кое-как. Даже простенькие амбары сложены из хорошего крепкого дерева, что простоит века. Там за дверями хранится все крестьянское добро: конская сбруя, хомуты, овчинные полушубки, рулоны отбеленного холста на продажу и грубая мешковина для себя...

Рука дернулась к рукояти меча: через дорогу перебежал резвыми скачками крупный дракон размером с огромного кабана, весь в блестящей чешуе, с жуткой распахнутой пастью, воинственно вздыбленным гребнем от затылка и по всей спине до кончика хвоста.

Но на шее повязан ярко-желтый платок, явно женский. Именно повязан, а не зацепился ненароком, когда дракон пожирал жертву...

Дракон скрылся из глаз, проскочив между сараями. Я ожидал крики с той стороны, но все оставалось тихо.

Из-за плетня пугливо выглядывают девки, все в одинаковых сарафанах, потом на крыльцо большого дома неспешно вышла женщина, толстая и важная, как породистая корова, голова целомудренно укрыта платком по самые брови, так же спрятаны от мужских взглядов подбородок и шея.

Боудеррия крикнула властно:

— Кто здесь старший?

Женщина поклонилась, ответила с достоинством:

— Я здесь староста, госпожа.

Она смотрела на Боудеррию с удовольствием, как и та на нее, обе женщины в этом мужском мире, а обе командуют мужчинами.

— Овса для коней, — распорядилась Боудеррия, — можно сыра в дорогу. За все заплатим.

— Все сделаем, госпожа...

Я поинтересовался у старостиhi:

— Я слышал, у вас в деревне живет некая колдунья. Предсказывать умеет?.. А еще видел что-то совсем уж несуразное... настоящий дракон перебежал нам дорогу.

— К удаче, — сообщила она.

— Ладно, — согласился я, — пусть к удаче, но... дракон? Это что, ваша колдунья его так приручила?

Она широко заулыбалась, показывая крупные желтые зубы.

— Ну что вы, господин! Наша Стефа вообще колдовать не умеет.

— Но как же...

Она подбоченилась, вид донельзя гордый, сказала с пренебрежением человека почти образованного:

— Это все наше невежество, господин. Знаете же, все простые люди думают только о своем огороде да как нажраться. Если встретит на дороге мышь или ящерицу какую, затопчет и пойдет дальше. А Стефа всегда была жалостливой. В детстве подбирала щенков, котят, притаскивала домой... Однажды вот так подобрала одну толстую уродливую ящерицу, что едва ползала. Спрятала ее в сарае, а то родители обычно всех ее подобранных щенков и котят на другой день топили, пока она где-то бегаёт...

— Понятное дело, — буркнул я, — понимаю...

— Ну вот, — продолжила она победно, — ящерица та росла, начала бегать шустрее. Оказывается, только вылупилась и еще даже ползать не научилась. В общем, вырос крепенький такой и могучий дракончик, который привязался к ней, как к маме. И слушается во всем. Чешуя на нем выросла такая, что никаким топором, даже самым острым, нельзя даже поцарапать. В общем, сейчас он подрос, чешуя из стали, но, наверное, еще подрастет.

— И что она?

Она отмахнулась.

— А ничего. Так и живут. Только теперь ни один волк и близко не подходит к деревне!

— Дракона чуют?

— Стефа отпускает, — пояснила старостиха, — своего зверька в лес поохотиться. Ну, а народ решил, что она умеет вообще любым лесным зверем повелевать. Дураки!

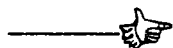
— А вы не верите?

Она подбоченилась.

— Я даже читать умею!

— Жаль, — сказал я. — Мне бы больше понравилась, чтоб она в самом деле умела.

Она пожала плечами.

— И она, и ее дракончик еще молоды, господин.

Крестьяне принесли два мешка с зерном, их погрузили на запасных коней. Мы двинулись к указанному дому, где и живет та самая колдунья.

Она вышла навстречу, простая деревенская девушка, густые черные, как вороново крыло, волосы собраны в толстую косу, лицо ясное с густыми чернящими бровями, что сразу приковывают внимание, очень выразительные глаза, крепкая фигурка крестьянского сложения, бедное платье до щиколоток.

— Это ты Стефа? — спросил я. — Видели мы твоего питомца!.. Бегает без привязи и намордника... А вдруг кого укусит?

Она сказала умоляюще:

— Только ничего ему не делайте! Он никого не трогает!.. Я его еще совсем маленьким носила ко всем, чтобы он познакомился и подружился.

— И что, — спросил я с интересом, — подружился?

Она помотала головой.

— Нет, но людей не трогает. Как и скот. А в лесу есть не только волков, вообще все есть... ну, как хрюшка.

— Человек еще хрюшее, — сказал я надменно, — мы едим даже то, что ни одна свинья есть не станет. А с платочком ты хорошо придумала!

— Спасибо, господин...

— А он их не теряет?

— Теряет, — ответила она грустно, — но у меня всегда есть в запасе.

— Молодец, — сказал я снова, — это ты, говорят, умеешь предсказывать будущее?

Она перевела взгляд на Боудеррию и ее команду, что уже слезли с коней и смотрят на нее в жадном ожидании чудес.

— А разве кто-то умеет? — спросила она жалобно. — Это все враки. Я только и могу, что видеть людей...

— Это как? — спросил я.

Она кивком указала на Боудеррию.

— Вот она из очень знатной семьи... Да, она принцесса, жила в королевском дворце... Много слуг, посуда из золота, подсвечники с драгоценными камнями... Вот этот воин — тоже из знатных, он повелевал конницей...

Я оглянулся на Маркуса, кивнул деревенской колдунье:

— Продолжай.

— В этом отряде много знатных людей, — произнесла она замедленным голосом, словно в трансе, но с удивлением, — очень много... но вы не развлекаться выехали... Вот этот воин вам врет...

Я насторожился, проследил за ее взглядом. Каспар и Ульрих, самые битые жизнью и всегда настороженные, сразу же сдвинулись и встали за спиной Роджера Тхорнхилла, которого звали принцем.

— Гм, — сказал я, — с ним разберемся. А что скажешь обо мне?

Все затаили дыхание, даже Роджер, ощутивший смертельную угрозу, насторожился и впился в нее взглядом.

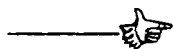
Она слабо улыбнулась:

— Господин обладает мощью, непонятной мне. Он весь закрыт настолько, что я вижу только сверкание молний, раздирающих тьму. И... ничего больше.

— Это даже больше, — произнес я, — чем увидели другие. Возьми эти монеты... нет-нет, не отказывайся, это на прокорм твоего питомца. Хоть его и подкармливают всей деревней, но все же...

Она смотрела нам вслед, пока мы выезжали из села, а из-за сарая, как мне показалось, выглядывает опасно ее малолетний дракон.

Едва выехали за околицу, Боудеррия остановила коня и повернулась к Роджеру Тхорнхиллу.

— Рассказывай, — велела она холодно, глаза блеснули беспощадным гневом. — Ты обманул всех! Даю минуту на оправдание.

Маркус сказал нерешительно:

— А эта девка не могла ошибиться? Я с ним уже год странствую, он всегда был честен... Я ей не верю.

Роджер сидел в седле, окруженный бывшими соратниками, не убежишь, двое сняли заряженные арбалеты и взяли его на прицел, он покряхтел и проговорил, не поднимая головы:

— Она права...

Маркус вскрикнул, опережая Боудеррию:

— Точно? Ты нам врал?

— Да, — ответил Роджер, — я никакой не принц. Я самый простой воин из мелкого горного племени.

Боудеррия медленно и страшно наливалась гневом, лицо запылало пурпуром, а в глазах вспыхнуло пламя.

Я сказал строго, опережая ее крик:

— Ты скажи главное, зачем тебе это понадобилось?

Он поднял голову и посмотрел на меня с недоверием, потом криво усмехнулся.

— Спасибо, ваше высочество, за очень лестный вопрос.

— Ну, — сказал я резко, — не вижу ничего лестного.

— Вы не называли меня лжецом, — ответил он невелико, — а сразу задали самый правильный вопрос.

— Тогда отвечай, — потребовал я.

— Мы воевали с бодарами, — ответил он хриплым голосом, лицо потемнело, а глаза сузились, — их было в десятки раз больше, мы дрались храбро, но потерпели поражение. В плен попали в основном раненые и оглушенные, среди них был и принц Роджер. Он уже был изранен, а бодары известны жестокими пытками, которым они подвергают вообще всех, кто попадает к ним в плен. Принц все рассказал бы... Но бодары не знали

принца в лицо, и когда его начали искать среди пленных, я назвался его именем. Меня забрали в пыточный подвал.

Я тяжело вздохнул.

— Ты пошел на подвиг.

Он нервно дернул щекой.

— Не слишком уж... Они едва приковали меня к стене и начали накалять в огне крюки и шипцы, как наши полусоюзники уренги начали наступление и ворвались в крепость... В общем, меня освободили, но я не знал, как отнесутся к принцу уренги, вдруг да захотят его удержать у себя для обмена, и продолжал называть себя принцем...

— Разумно, — одобрил я. — А потом?

— Потом, — ответил он тоскливо, — я увел большой отряд, что доверился мне, как принцу, и мы вышли из той бессмысленной войны. Если бы я им открылся, они бы оставили меня, разбрелись, их бы переловили и перебили. Вот потому так и остался всюду принцем... Все время хотел раскрыться, но всегда что-то мешало.

Он умолк, я окинул взглядом лица воинов, смотрят сочувствующе, перевел взгляд на Боудеррию. На ее щеках еще полыхает румянец, очень красивое зрелище, все-таки у нее нежнейшая кожа, хотя под нею и тугие мышцы, однако красиво вырезанные ноздри перестали раздуваться в необузданном гневе, жестко сдерживаемом ее железной волей.

Она бросила на меня косой взгляд, но я скромно молчу, командир у нас она, ему, то есть ей, и решать, а я что, мимо еду, мое дело молчать в тряпочку.

— Что ж, — произнесла она резко и надменно, — у нас много дел, некогда еще и привыкать к новому имени. Ты останешься Роджером Тхорнхиллом!.. Все, поехали дальше.

Роджер не сразу сообразил, что это значит, а его уже хлопали по плечам и спине. Последний схватил повод его коня и потащил за собой, догоняя отряд.

Глава 7

Дорога медленно, но постоянно идет вверх, земля здесь сухая, выжженная зноем, камешки хрустят под копытами сухо и безжизненно. Овцам тоже сюда забираться не стоит, травы нет, даже муравьев не видать, что совсем уж нехорошо, они добычу умеют находить везде.

Каспар время от времени слезал с коня и ползал по дороге, хотя никакой дороги нет, а только направление, иногда говорил, чтобы продолжали путь, иногда приходилось сворачивать, но не так уж чтобы слишком.

Солнце пошло к закату, когда камней и скал стало столько, что приходилось пробираться между ними шагом, зато уже не только Каспар, но и другие замечали где прилипшие клочья шерсти, где царапины на камне, сделанные то ли когтями, то ли костяными пластинами на боках чудовищ, а в одном месте увидели даже обрывок очень толстой веревки со следами крови.

Бобик постоянно носился впереди, первым находил следы, а однажды забежал так далеко, что мы его потеряли из виду, зато слышали требовательный гавк.

Между камнями приходилось пробираться медленно, все слезли и коней вели в поводу, а затем и вовсе оставили под охраной двоих крепких воинов, а остальные пошли пешими.

Еще дважды обнаружили измочаленные обрывки очень толстых пеньковых веревок, такими только корабли привязывать к причалу, одна разлохмачена так, будто ее грызли.

Я увидел сперва Адского Пса, он стоит над краем некой впадины и смотрит пристально вниз. Шерсть не вздыблена, клыки не оскалены, но выглядит настороженным и готовым к бою.

— Будьте осторожны! — крикнул я.

Боудеррия выхватила оба меча и пошла рядом, готовая в случае надобности тут же загородить меня от опасности.

— Перестань, — сказал я вполголоса, — будешь меня телохранитить, я обижусь.

— Чего?

— Это роняет мое мужское достоинство, — ответил я сердито. — И топчет самолюбие, как петух курицу. Это я тебя охраняю!

— Почему?

— А кто из нас самочка?

— Я тебя сама убью...

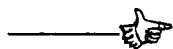
Она охнула и умолкла на полуслове. С каждым шагом яма выглядит глубже, а когда остановились рядом с Бобиком, увидели целый котлован, хоть и небольшой, издали его не заметить, потому что умельцы поместили его на некотором возвышении.

Сам по себе он неглубок, совсем неглубок. Ровно настолько, чтобы не увидели те, кто вдруг да проскачет мимо.

Делать его незаметным просто необходимо, потому что там внизу громадная каменная плита, края которой уходят под наклонные стены, а на самой плите зловеще горит красным пламенем огромная пентаграмма, да еще там множество изорванных веревок все той же дикой толщины.

Края пологие, легко спуститься, как и подняться, я сказал резко:

— Бобик, сидеть!.. Боудеррия, рекомендую сесть рядом.

— Размечтался, — прошипела она. — Может, и лапу подать?

— Голос уже подала, — ответил я одобрительно. — Даже без команды. Бобик, вернись и охраняй коней! И наше копытное — тоже. С места не сходить!..

Мелкие камешки должны бы посыпаться из-под ног, пока спускался в яму, но ни один не шелохнулся, что наводит на размышления. Самое простое, что сюда могли спускаться частенько, а выбираться — еще чаще, все обвалили, что могло обвалиться.

Дно, как и определил сверху, из цельной каменной плиты, края скрыты в земле, а сама пентаграмма, занимающая все пространство, глубоко врезана в камень.

Я прикинул глубину бороздки пальца на четыре в глубину и на три в ширину, заполнены чем-то красным, от которого идет неприятный жар с запахом гари.

Следом спустился Каспар, ахнул.

— Что за...

Ульрих сбежал тут же следом и сказал с профессиональным интересом:

— Как точно резали! Даже не представляю... Как будто раскаленным ножом по воску. Как это можно?

— Магия, — авторитетно заявил сэр Каспар. — Сатанинская магия. А ты что думал?

Ульрих огрызнулся:

— Я думал, это ты. А что, не ты, правда?

Наверху зашелестели шаги, все окружили впадину, Эдгар и Маркус с Роджером тоже спустились к нам, но никто не решался вступить в центр колдовской звезды.

Я обошел по краю, осмотрел стены, и без того очень пологие, нигде ни намек на норы или трещины.

— Уверены, — спросил я на всякий случай, — что именно отсюда выходило то зверье?

Боудеррия ответила с неудовольствием:

— Может, и не отсюда, сейчас прочедем россыпь этих чертовых зубов, проверим, но...

Я отмахнулся.

— Сам знаю. Только, боюсь, все намного хуже...

— Ваше высочество?

Я покачал головой, в груди в самом деле медленно нарастает свинцовая тяжесть, а чувство приближающейся опасности стало отчетливым.

Однако не растет, это значит, что я попросту уже нахожусь в очень опасном месте.

— Боудеррия, — сказал я строго и предельно властно, — предупреди свою команду, что вы побывали на строго засекреченном объекте. Мы присвоим ему высшую категорию. Никто не смеет о нем рассказывать под страхом смерти!..

Она вздрогнула, подтянулась, мгновенно ощутив разницу между Ричардом и его высочеством:

— Что... что случилось?

— Здесь звери не вылезают из нор, — сказал я со злостью. — Их перебрасывают из... скажем, из очень недружелюбных к нам мест.

Она охнула:

— Колдуны?

— Не обязательно, — ответил я.

— Но как же, — запротестовала она, — чтобы заставить монстров повиноваться, нужно быть могучими колдунами!

— Зачем? — спросил я. — Достаточно поймать в ловушку, засунуть в клетку, а потом привезти и положить на такую же звезду в другом месте и... уля-ля, зверь очутится здесь.

Она в ужасе оглянулась на обрывки толстых веревок.

— Так вот почему здесь это!

Каспар вздрогнул, сказал осевшим голосом:

— Ну да, это все объясняет... Здесь зверь освобождается и бежит в ярости, чтобы растерзать своих мучителей...

— И нападает, — сказал Маркус угрюмым голосом, — на крестьян. А они и от простых волков не всегда могут отбиться.

Эдгар взглянул на меня с великой надеждой.

— Ваше высочество... что теперь?

Я запнулся с ответом, все ждут от меня чуда, ща все решу, а портал закрою враз и навсегда.

— Не знаю, — ответил я честно. — Но зверей, понятно, лучше не выпускать...

— Но... как?

— Не знаю, — повторил я. — То ли вырыть вокруг этого проклятого места глубокий ров, чтобы не могли перепрыгнуть... то ли строить ловушки на пути, раз уж знаем, откуда прут.

Каспар проговорил нехотя:

— Огры попадутся, а вот летучие змеи...

Бодеррия сказала быстро:

— А если огромную клетку прямо на этой звезде?

— Это мысль, — одобрил я. — Пусть любая тварь сразу оказывается в плену. Я сразу же велю начинать кузнецам готовить такое, чтобы ничто не вырвалось.

Бодеррия сказала с твердостью в голосе:

— А пока ее привезут, мы останемся здесь.

— Вас мало, — сказал я. — А новая тварь может появиться в любой момент.

Роджер Тхорнхилл, что после разоблачения все время молчал, отрубил так резко, что я услышал хряск сочной ветки, на которую с размаху опустилось лезвие тяжелого топора:

— Нет.

Я взглянул на него внимательно.

— Говори.

— Звери появляются редко, — сказал он. — То ли потому, что их непросто поймать там...

— То ли перебрасывать часто не удастся, — подхватил я. — Это хотел сказать?

— Ваше высочество, — проговорил он с некоторым удивлением и прошелся взглядом по моей развитой фигуре, — еще и соображать умеете ко всем своим талантам меченосителя.

— Иногда, — признался я. — Иногда удается. Когда луна и звезды как-то сходятся, то и звери появляются, и я соображаю. Видимо, эта пентаграмма после срабатывания всякий раз выдыхается настолько, что набирать магию приходится неделями... месяцами?

— Зверя убили вчера, — напомнила Боудеррия, — значит, можем копать ямы спокойно?

Каспар возразил предостерегающе:

— И почему мы решаем, что вчера вылезло? А если уже два месяца бегало по степи, зверей жрало?

— Ладно, — прервала Боудеррия, — наш долг — защищать эти земли.

Я напомнил:

— Кузнецов пришлю сразу! И обоз со всяким железом. На месте уже придумаете, как и что. Еще придам к обозу два десятка арбалетчиков, сотню копейщиков и пару опытных в таких делах священников... А потом обезопасим одними ловушками, и целую армию держать не понадобится.

Наверху по скалам снизу вверх потек красный огонь заката, а здесь, в котловане, резко потемнело. Я выбрался наверх первым, за мной потянулись остальные.

Выбрав местечко недалеко от ямы, но достаточно просторное для костра и ночлега, Боудеррия велела остановиться здесь до утра, граф Эдгар тут же суетливо взялся готовить костер, стараясь быть полезным таким известным героям.

Отсюда видно, как внизу в долине прошла небольшая пыльная буря, словно где-то промаршировала армия по сухой дороге, сюда, наверх, пыль почти не поднялась, но все же слегка першит в горле, даже похрустывает песок на зубах, однако воздух быстро очистился, а на темнеющем небе начали появляться звезды, только даже самые крупные кажутся мелкими и тусклыми, а остальные либо едва-едва просвечивают, либо на их месте вообще чернота.

На далеком западе изредка багрово полыхают зарницы, и тогда на краткий миг становится видна далеко впереди степь с диким ковылем и редким кустарником.

Я подумал насчет какой-то связи с грозой, но молча пнул себя за излишнюю подозрительность и повернулся к огню. Бобик тихохонько оставил коней, подполз к нам на пузе и спрятался от моего зоркого глаза за Боудеррией.

Она время от времени поглядывала на меня испытующе, пока я не спросил сердито:

— Ну, что у тебя на уме?

Она растянула губы в хищной усмешке.

— Сэр Ричард, а что это вы ни разу не заикнулись насчет того, чтобы вызвать каменщиков и попросту раздолбить эту проклятую звезду нечестивых колдунов?

Все насторожились, даже Эдгар перестал ломать хворостинки и бросать в огонь.

— Мне кажется, — объяснил я вежливо, — этот камень не так просто раздолбить.

— Да ну?

— Я такие уже видел, — сказал я. — А ты что подумала?

Она сказала недобрым голосом:

— А не удалось бы нам как-то через эту же проклятую пентаграмму пожаловать в гости к тем, кто запускает сюда эти гадости?

Каспар и Ульрих явно обрадовались, вон как глазки заблестели, Эдгар счастливо вспикнул, другие промолчали, только Маркус нахмурился и покачал головой.

Я вздохнул.

— Если бы они запускали где-то в безлюдной степи, как вот здесь, можно бы попытаться... хотя это и непросто. Но, думаю, там такая же штука расположена либо во дворце, либо среди казарм... я не хочу, чтобы наш десант оказался в окружении вражеских войск.

Маркус кивнул и прогудел мрачно:

— Думаю, его высочество разумно говорит.

— Спасибо, — поблагодарил я.

— Пожалуйста, — ответил он, не уловив иронии. — Они там наверняка все продумали. И если сунемся, сразу окажемся в клетке. Получше той, которую готовим для их подарков.

Боудеррия покусывала губы, хмурилась.

— Что, — сказал я, — трудно отказаться от такой идеи?

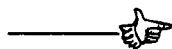
— А почему не попробовать? — возразила она. — Они там примут меры, но и мы, зная, что они приняли меры, тоже можем подготовиться еще лучше!

— А как именно они там приготовились? — спросил я. — Всего не предусмотреть. Допустим, мы наденем стальные доспехи, как у сэра Растера, их ничем не пробьешь, но... окажемся на дне бассейна с водой?... Это раз. А второе... эта звезда вполне может быть дорогой только в один конец.

Она покачала головой.

— Все мы слышали о пентаграммах. В них появляются демоны, а потом в них же исчезают.

— Не все так просто, — сказал я. — Чтобы демон появился, нужен некий ритуал... Я не хочу становиться на ту звезду, но это не значит, что если встану, то сразу ока-

жусь среди тех сволочей, что посылают сюда демонов...
Эй-эй, ты куда?

Эдгар, послушав нас, быстро пошел к звезде и встал в самый центр зловещего пятиугольника раньше, чем его успели перехватить.

Глава 8

Все, как и я, затаили дыхание и даже замерли на местах. Он стоял с напряженной улыбкой, видно, как напрягся весь, мускулы едва не рвутся, наконец пошевелился и сказал:

— Ну вот... ничего...

Боудеррия рывкнула люто:

— Сойди немедленно!.. Я лучше тебя сама убью!

Эдгар вышел из звезды неспешно, подчеркивая бесстрашие, сказал, несколько рисуясь:

— Я лишь подтвердил на примере, что его высочество прав.

Я сказал зло:

— Ничего ты не подтвердил. Возможно, нужно было постоять на полминуты дольше? Ты погиб бы или попал в плен — не жалко, у нас дураков на сто лет вперед запасено, но ты сорвал бы возможность вторжения хорошо вооруженного и подготовленного отряда!.. Боудеррия, я бы посоветовал отчислить орла, который не подчиняется приказам. Вообще убрать из отряда. Хорошо, не военное время, пришлось бы казнить.

Эдгар побледнел, сказал дрожащим голосом:

— Но... приказа не было!.. Приказы никогда не нарушаю!

Боудеррия сказала резко:

— Отныне держись в конце отряда. Все, никаких диспутов.

Каспар покосился на меня, кашлянул.

— Ваше высочество, может быть, сразу отрядить гонца в Савуази? За ремесленниками?

— Ночью? — спросил я. — Нет, я окажусь в Савуази быстрее, чем любой гонец. Да и не все нужно тащить из столицы. По приказу такого диктатора, как ваш сэр Ричард, все нужное привезут из ближайших сел и городов.

— Тем более, — добавил Маркус, — это для их же защиты.

Эдгар, пугливо пригибая голову и чуть не плача, что не оценили его подвиг, раздавал всем прутья с насаженными ломтиками жареного мяса.

Все погрузились в важное и нужное дело смакования, давая оценку, насколько хорошо прожарено и где подгорело, а я засмотрелся, как далеко-далеко на горизонте, где темнеют пологие холмы, резко и жутковато вспыхивают огни, тут же вытягиваются вверх острыми оранжевыми клинками и внезапно уносятся к холодным звездам.

Насколько могу рассмотреть, если напрячь зрение, у подножия тех холмов расположена деревушка из двух десятков домов, вижу сарай, конюшни, могу рассмотреть даже колодцы, явно народ не покинул, живет.

Но никто не выскочил, хотя такие огни нельзя не заметить, не размахивает руками, призывая соседей посмотреть на такое чудо, не мечется в ужасе или удивлении.

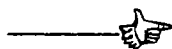
Маркус проследил за моим взглядом, вздохнул.

— Что это? — спросил я.

— Никто не знает, — буркнул он. — Но это уже давно.

— Как давно?

— Всегда, — пояснил он. — Когда здесь начали заселяться земли. Потому привыкли и не обращают внимание.

— Это... так всегда?

— Не, — ответил он. — Редко. Не больше трех-пяти раз в год. Но однажды было раз двадцать, только никто не понял почему. Бывает и зимой, и летом, в дождь и сушь...

— Красиво, — буркнул я. — Хотя, понятно, крестьянам об урожае думать надо, а не о таких штуках. Не вредит, ну и ладно.

Воздух к полуночи стал мягче, словно вблизи за-таилось море, небо выгнулось высоким куполом и начало темнеть очень быстро, звезды проступили как-то сразу по всему фиолетовому бархату, начали наливаться острой тяжестью серебра, а луна вышла очень не скоро, а затем странно застыла на месте.

От скал протянулись призрачные тени, нежные и необычные, днем они всегда резкие, тяжелые, а сейчас могут исчезнуть от малейшего дуновения, потому и ветра нет, полная тишь...

Вдали тоскливо провыл волк. Совсем рядом раздался ответный зов, это Каспар, дурачась, поднес ладони ко рту и позвал одиночку присоединиться к нашей стае.

Черная ночь, высокие скалы, упирающиеся в звездное небо... Призрачный лунный свет, похожий на заколдованный, тишина, даже кузнечики не кричат и не скребут зазубринами лапок по надкрыльям, что у них заменяет ликующие песни.

Бобик поднялся и зарычал. Я опустил ладонь ему на загривок.

— Тихо-тихо... я его тоже вижу.

Боудеррия дернулась, вся ошетибилась настолько явно, что я почти увидел, как ее кожа покрылась костяной броней, а из нее вылезли острые иглы.

— Что?.. Кого?.. Где?

— Не пугай, — ответил я. — Просто странник... идет к нашему костру.

Она молча подтянула оба меча и повернула ножны так, чтобы рукояти были прямо у ладоней.

И хотя странники по ночам не ходят, однако в круг оранжевого света костра вошел и остановился, давая себя рассмотреть, крупный лохматый мужик с разбойничьей физиономией: лохмато-черноволосый, такая же смоляная борода от самых глаз, что сливается с усами, глаза тоже черные, дикие, а густые брови нависают, как кусты на краю обрыва.

Я сказал на правах старшего:

— Добро пожаловать к огню!.. Есть хочешь?

Он посмотрел на меня настороженно, быстро зыркнул на других, что застыли в напряженном ожидании.

— Благодарствую...

Голос его прозвучал низко, с некой волчьей ноткой. Бобик снова глухо зарычал, и рык его был подобен далекому грому.

Незнакомец снова замер, но я похлопал Бобика по загривку.

— Успокойся, это просто странник.

Боудеррия произнесла холодно:

— Какие странники бродят среди ночи?

Он ответить не успел, я сказал с беспечной улыбкой:

— В городе понятно какие, а здесь... если видит в темноте, как и я, к примеру, или мой Бобик, то почему не пройти в теплой ночи, когда голову не жжет злое солнце, воздух тих и наполнен сладкими ароматами?

Мужик посмотрел на меня с благодарностью.

— Меня зовут Амброз. Амброз Брерт.

— Садись, Амброз, — сказал я.

Он осторожно сел в двух шагах от костра. Зрачки в отблесках пламени иногда вспыхивают багровыми точками, и он, зная это, старался в огонь не смотреть.

Эдгар подал ему на вертеле большой кусок оленины. Я заметил, все настороженно смотрят, как он ест, но ничего особенного, и зубы как зубы, а клыки не длиннее, чем у нас всех.

На поясе в кожаных ножнах простой нож с деревянной рукоятью, удобнее было бы вытащить и срезать мясо, но этот Амброз держит обеими руками прут, а мясо быстро и ловко хватает зубами.

Я выждал, пока чуть утолит голод, по всему видно, что проголодался, поинтересовался мирно:

— Не маловат ли нож для такого крупного человека?

Он зыркнул на меня и других исподлобья, проглотил кус и вытер губы, прежде чем ответить:

— Я не человек войны.

— Но чтобы добыть по дороге хоть что-то, — возразил я, — нужен хотя бы лук!

Он покачал головой.

— Я по дороге помогаю чем-нибудь людям... Работать я умею и люблю. За это получаю хотя бы обед.

— А потом идешь дальше?

Он кивнул.

— Обычно... да.

— А когда останавливаешься, — сказал я, — готовый остаться навсегда, то потом что-то происходит... и ты снова уходишь?

Все насторожились, Амброз тоже ощутил, как все ждут его ответа, и после паузы проронил с большой неохотой:

— Примерно... так.

— Это понятно, — сказал я. — Могу предложить работу. С хорошей оплатой.

Боудеррия поморщилась, но остальные лишь поглядывали то на меня, то на странника.

Тот спросил с сомнением:

— Что за работа?

— Этот отряд поддерживает безопасность, — сказал я, — в этих... землях. Ну как в городах по ночам, да и днем, ходят стражники и вылавливают ворье и грабителей, так и эти вот... на просторах.

Он спросил с сомнением:

— Грабителей?

Я покачал головой.

— Какие тут грабители? Тут звери похуже. Нужно очистить земли от той пакости, что нападает на людей и разоряет целые села. Все еще откуда-то вылезает нежить, нечисть, появляются странные демоны... От них и надо избавиться, чтобы люди не боялись выходить по ночам, а дети днем могли свободно бегать на озеро...

— Вряд ли, — пробормотал он.

— Почему?

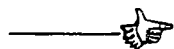
— Ну... не знаю...

— Работа трудная, — согласился я. — Потому и люди должны быть не только отважные, но и особенные. Вон Гевин слышит на два ярда под землей и может сказать, в каком мышином гнезде сколько мышат, Максвелл может пролезть в любую щель, даже если она не шире лезвия моего меча, у Рамона амулет, что оберегает от гарпий, а вот Малькольм, если ему привязать на шею мельничий жернов и бросить в болото, хоть сутки там пролежит, но не утонет. Говорят, у него там жабры не то высовываются, не то вовсе отрастают, только их никто не видел...

— Я видел, — возразил Эдгар. — Только быстро прячутся, когда выволакиваешь этого сома на берег!

— Вот видишь, — сказал я, — в этом отряде непростые люди.

Амброз долго смотрел в огонь, мы все видели борьбу в нем, наконец пробормотал:

— Нет, я человек простой, мирный...

— Ну что ж, — согласился я так же легко, — каждый должен выбирать только то, что ему по душе.

— Спасибо, господин.

— Поспи малость, — посоветовал я, — а утром отпавишься...

Глава 9

Утром воздух не только свежий и чистый, но и холодный, я проснулся едва ли не первым, но тотчас же пробудилась Боудеррия, я видел, как затрепетали ее веки, а затем глаза распахнулись так широко, что у меня екнуло сердце, настолько прекрасен взгляд ее серых бесподобных глаз, блестящих ярко и празднично, как молодые жемчужины.

— Доброе утро, — сказал я тихонько. — Ох, как ты мне снилась...

— Не брешь, — ответила она тоже едва слышным шепотом.

— Клянусь, — сказал я с легкостью, и хотя это, конечно, брехня, но это невинная брехня, насчет ее допустимости есть несколько четких указаний в Библии. — Что ты со мной только не делала...

Всхрапнул и проснулся Маркус, посмотрел дикими глазами, удивленный, что видит вдруг совсем не то, что снилось, нечаянно пихнул Каспара, и тот моментально вскочил, со злобным рычанием нащупывая рукоять меча.

Я поднялся и, не дожидаясь, когда Эдгар раздует костер для завтрака, сказал бодро:

— Я пришлю все нужное!.. А вы тут бдите...

— У нас все будет в порядке, — пообещала Боудеррия. — От этой чертовой звезды не отойдем, пока не...

Мощный рев потрянул землю, мне показалось, что с неба рухнула скала. Все в страхе повернулись в сторону котлована, а там поднялась горбатая спина с могучим гребнем, опутанная веревками так, будто неведомый зверь попался в рыбацкую сеть.

Я среагировал быстрее всех, хотя уже и Боудеррия открыла рот для приказов, и Каспар выхватил меч, стремительно разворачиваясь к котловану.

— Все на него!.. Быстрее, быстрее!.. Бобик, сидеть!

Я еще не закончил вопль, все разом ринулись в сторону чудовищного зверя, на ходу обнажая мечи, топоры, выставив копыта, от неожиданности даже не переговариваясь, спеша успеть, пока чудовище спутано веревками, те удержат недолго, на это и рассчитано...

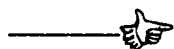
Прямо на расчерченной плите, закрыв кровавую звезду полностью огромной тушей, с яростным ревом ворочается чудовищный зверь весь из шипов и острых зубов. Я соскочил в котлован, монстр тут же разогнулся, веревки затрещали и начали с сухим треском лопаться.

На меня в упор взглянули широко расставленные глаза, налитые кровью. Зверь рывком поднялся на лапы и навис надо мной, как бронированный буйвол над волчонком.

Боудеррия ухитрилась с разбега взпрыгнуть с края ямы прямо на спину чудовища, но соскользнула, не успев ухватиться за гладкую кожу, покрытую толстыми пластинами плотно подогнанной чешуи.

Каспер с разбега молча рубанул по лапе, заодно рассек и веревку, державшую лапу полуподогнутой, Ульрих орал и быстро-быстро рубил бок, стараясь добраться до важных органов, но лишь рассек чешую и нанес несколько неглубоких ран.

Завязался стремительный и бестолковый бой, все рубили, кололи, били топорами и молотами, пока монстр сражается не только с нами, но и с веревками.

Я видел, как от небрежного удара лапы один вообще вылетел, кувыркнувшись, из ямы, другой ударился о стену и сполз по ней вниз уже без чувств. Мой меч прорубил мышцы груди и рассек какие-то важные жилы, зверь с ревом завалился на бок.

Боудеррия снова заскочила сверху, ее мечи засверкали, как частые молнии, однако монстр ухитрился достать ее когтистой лапой, сдернул вниз. Маркус и Роджер прыгнули ей на помощь и приняли всю тушу на копья, не давая раздавить жоака всей тяжестью.

Гевин, Максвелл и Рамон рубили топорами, Малькольм лупил тяжелым молотом по лапам, стараясь перепить кости.

Зверь наконец стряхнул последние веревки, сумел подняться на все четыре и, вскинув голову над краем ямы, огляделся, как мне показалось, все еще затуманенным взглядом.

— Не дайте ему выбраться! — закричал я. — Потом не поймать...

Монстр, не обращая внимания на раны, внезапно ухватил Боудеррию зубастой пастью и чуть присел, явно готовясь выпрыгнуть. Мышцы даже под чешуей обозначились резко и четко, огромные, как гранитные валуны.

Нечто огромное и серое мелькнуло на краю ямы. На спину чудовища рухнул косматый зверь и тут же перескочил на загривок. Я не успел глазом моргнуть, как он впился в костяные щитки, с треском рванул, отламывая куски с прилипшим мясом, и тут же сунулся в рану острой волчьей мордой.

Зверь выронил из пасти Боудеррию и, дико взыв, вскинул передние лапы, пытаясь ухватить оборотня. Тот поспешно рвал острыми клыками сладкое мясо, уклонялся, а кровь уже ударила из разорванных артерий

красным фонтаном и, забрызгав ему морду, потекла по шерсти.

Наконец монстр ухватил этого самого серьезного противника и, оторвав от своей шеи, люто швырнул оземь.

Каспар даже охнул с сочувствием, услышав тяжелый удар о землю. Зверь рычал и ревел, теперь в его реве слышались страх и боль.

Я подбежал спереди и с силой ударил мечом в грудь, однако монстр успел сдвинуться, стальной клинок бес- сильно звякнул мимо раны о несокрушимую чешую, а я покатился от страшного удара лапы, успев повернуться плечом и напрячь мышцы.

— Всем отступить! — закричала Боудеррия. — Всем отойти!.. Никому не нападать!

Монстр, уже весь залитый кровью, пошел в нашу сторону. Земля задрожала под его поступью, но с каждым шагом движения становились неувереннее.

Наконец он остановился, дико взревел и тяжело рухнул мордой вперед в лужу собственной крови.

Боудеррия крикнула:

— Собрать раненых!..

Это было больше для меня, я подошел к оборотню, он распростерся ко мне ближе всех, заросшая жесткими волосами уродливая морда подергивается в попытках трансформироваться в человеческое лицо, но сил слишком мало, он в тоске закрыл глаза.

Я сказал тихо:

— Тебе помочь или хватит сил самому?.. А то не знаю, как там другие...

Он просипел слабо:

— Идите... к... ним...

Я поспешил к Боудеррии, ощупал ее, заживляя два серьезных перелома и три острые раны от когтей, потом

потрогал Каспара, Ульриха, хлопнул по плечу Эдгара, этот отделался простыми ушибами, вернулся к Амброзу.

Он все еще силился вернуться в человеческий вид. Я опустил ладонь ему на лоб и подержал, чувствуя, как холод вошел в мое тело и медленно потек во внутренности, где медленно истончился и рассеялся, оставив ощущение пережитого страха.

Он задышал чаще, Боудеррия подошла к нам, за нею остальные, окружили распростертого оборотня. Амброз поспешно сел, шерсть быстро исчезла по всему телу, морда стала совсем человеческой, на спине исчез горб из массы мышц.

Он медленно и обреченно поднялся, еще не зная, что скажут эти люди, а Боудеррия перевела взгляд на его широкие ладони, которыми он прикрывает пах.

— Ладно, — сказала она грубо, — перестань стесняться!.. Подумаешь, без штанов... У тебя там все в порядке, не стыдно показаться и женщине, а у нас тут вообще одни мужчины... Каспар, не хихикать!.. Хочешь сказать, что я не мужчина? Сразись со мной, и посмотрим!

Каспар сказал поспешно:

— Мужчина ты, Боудеррия, мужчина!.. Даже Боудерром буду звать, если хочешь! Или вообще Бударом, только скажи!

Боудеррия подумала, сказала милостиво:

— Нет, не хочу. Ладно, живи.

Каспар с облегчением вздохнул и перестал демонстративно трястись, как Бобик после купания. Все вокруг довольны, но все еще нервно ржут, Каспар играет страх, даже панический ужас, но это знают только они, а этот Амброз всему верит всерьез, по роже видно...

Гевин дал ему свой плащ, Амброз торопливо укутался, а Эдгар спросил с наивным удивлением:

— Ты что, всякий раз штаны рвешь, когда... ну, это?

Амброз помялся, буркнул, отводя взгляд:

— Обычно я сперва раздеваюсь...

— А сейчас?

— Торопился, — ответил Амброз.

Ульрих хлопнул его по плечу.

— Спасибо! Ты всех нас спас. На вот тебе пару монет... на дюжину штанов, ха-ха, хватит!..

Ко мне подошел Малькольм, грудь его все еще бурно вздымается, но уже не от драки, пытался поднять лапу монстра и срезать когти, что помогают при чесотке, заикании, приступах страха и, самое главное, усиливают мужскую силу в постели.

— Ваше высочество, — сказал он, тяжело дыша и жадно хватая раскрытой пастью воздух, — ваше высочество... вы спасли наши шкуры!

Я изумился:

— Каким образом?.. Я даже не успел ударить как следует...

— Вы привели нас сюда, — сказал он горячо. — Этот гад был еще одурманен каким-то зельем, иначе бы его там не поймали и не притащили на то место... ну, откуда сюда...

Боудеррия сказала злобно:

— Мне тоже показалось, что этот зверь малость не в себе. Он мог бы двигаться быстрее. И соображать.

Каспар содрогнулся всем телом.

— А если бы полностью пришел в себя?.. Страшно и подумать!.. Он бы все разнес...

Отряд облепил труп чудовища, как муравьи дохлую жабу, с усилием отрывают чешуйки, они у магов и лекарей дороже золота, кто-то с пытением срезает когти, могут быть и просто трофеями, Ульрих присматривается к голове, такую можно бы укрепить над входом в главный зал...

Боудеррия кивнула мне на оскорбленного и смертельно обиженного Бобика.

— Как будете к нему подлизываться?

— Не знаю, — ответил я откровенно, — но он добрый, к вечеру перестанет дуться...

— Как вы его бережете!

— Берегу, — согласился я. — Понимаешь, собака не должна расплачиваться за наши промахи.

Она ухмыльнулась.

— Не оправдывайся, Ричард. Мне тоже собак жалче, чем людей. У людей есть выбор, они знают, на что идут! А собаки жертвуют собой ради нас.

Амброз, кутаясь в плащ, подошел бочком, на ладони уже несколько монет, это и Рамон пожертвовал на новые штаны, а Эдгар добавил на башмаки.

— Ваше высочество, — проговорил он тихонько, — мне показалось... вы догадались сразу?

— Когда ты вышел к костру? — спросил я.

— Да...

— Ну, Каспар здорово умеет подражать крикам всех зверей, а ты пришел на зов.

Он пробормотал:

— Ну, я мог быть и простым странником.

— Ты он и есть, — ответил я, — а что оборотень... ну, это само по себе не хорошо и не плохо. Смотря как ты этим пользуешься. Мое чутье говорит, что ты добрее меня. Даже намного добрее.

Он зыркнул на меня исподлобья, насторожился.

— Ваше высочество...

— Ну-ну?

— А вы что, тоже?..

Я кивнул.

— Только не волком, больше люблю че-нить с крыльями. Мяса мне и так принесут, самому бегать за ним

не обязательно, а вот перелететь через лес или горы, это же как удобно!

Он вздохнул то ли завистливо, то ли с облегчением.

— Да, конечно... Но как... церковь?

— Это зависит, — ответил я, — рушишь ты ее здание или собираешь камни для ее стен. Но лучше, конечно, такое вообще не показывать. Пусть догадываются, но... это их дело. Церковь о многом не только догадывается, но и знает, однако не на все реагирует.

— Почему?

— Боится перегнуть, — объяснил я. — Перемены нужно вводить постепенно. А у церкви терпения и времени много.

Он подумал, кивнул.

— А что, вон тот в самом деле может пролезть в любую щель?

Я кивнул.

— Сам бы не поверил! Мясо еще как-то понятно, но чтоб кости... Только он их тоже умеет как-то делать по-детски гибкими, прямо вытягивает в ниточки... Однажды на моих глазах влез в щель, куда я смог всунуть только три пальца, а четвертый уже не поместился... А потом вылез и сказал, что в той пещере ничего нет, не стоит и возиться, раскидывая камни.

Эдгар прокричал ликующе:

— Я тут мяса кусок вырезал!.. Давайте поджарим?.. Потом будем хвастаться!

Амброз оглянулся, перекинулся.

— Чем зверь крупнее, тем мясо жестче. Но, конечно, если чтоб потом рассказывать...

Через полчаса от костра потянуло будоражащим ароматом жареного мяса. Эдгар, стараясь вернуть расположение грозной Боудеррии, расстарался вовсю, даже, судя по запахам, использовал запас специй.

— Готово!..

С туши монстра начали сползать охотники за трофеями, у всех набиты карманы и сумки, остался только Бобик — наверстывая упущенное, он со злобным рычанием то вгрызался в загривок, то спрыгивал и всаживал зубы в толстые лапы, с легкостью прокусывая толстую чешую.

Правда, когда все начали рассаживаться и принимать из рук Эдгара крупные куски мяса на прутьях, он оказался между Боудеррией и Каспаром, а мне легким вилянием хвоста дал понять, что уже почти простил, а после третьего или четвертого куска вообще простит.

Каспар, не забывая отхватывать крепкими зубами ломти жесткого, но все-таки вкусного мяса, предположил, что это происки колдунов проклятого Юга, здесь никогда не водилось таких зверей, никто их не видывал и никто о таких не слыхивал.

— Точно, — поддержал Маркус, — я много земель и королевств прошел, как с армией, так и потом... но нигде ничего подобного!

— Такая громадина, — сказал Роджер, — незамеченной нигде не останется.

— Император Герман? — спросил Каспар.

Боудеррия приподняла бровь.

— С чего вдруг?

— А если до них дошел слух, — ответил Каспар, — что в Сен-Мари большой флот строят? Навели справки, кто строит... ну и...

— И что, монстр должен найти сэра Ричарда и разорвать?

— Ну, — сказал Каспар, не смутившись, — могли просто подгадить. Чтоб не о флоте думал, а за монстрами гонялся.

— Как вот сейчас, — поддакнул Эдгар.

Она посмотрели на меня в ожидании ответа, даже Бобик поднял голову и устался до жути разумным взглядом.

— Не думаю, — сказал я твердо, — что это происки императора. Или даже по его указу. Слишком мелко и примитивно... Шалости какого-то мелкого управителя не выше, чем замкового...

— Почему? — спросил Каспар.

— Слишком примитивно, — повторил я. — Задумай я такое, разве не смог бы организовать получше?.. А так можно предположить, что некий местный хозяин замка увидел в своих землях такой портал, подвернувшийся маг объяснил суть, и вот та сволочь от избытка времени и сил придумала такое вот развлечение. Бригада охотников расставляет ловушки для опасных зверей, потом их быстро в клетки и везут в пункт отправки.

Бодеррия поглядывает уже все увереннее. Понятно, что у нее на уме, да и сам начинаю подумывать, что действительно можно бы совершить рейд, если все в самом деле такое, как сам придумал и рассказал, будто так все и есть, но ведь гладко было на бумаге, да забыли про овраги...

Я поднялся, все сразу посерьезнели, Эдгар тут же подхватился, но я жестом велел ему и всем сидеть. Бодеррия спросила упавшим голосом:

— Так как насчет...

— Мне пора, — прервал я. — Пока уйдем в глухую оборону. Следующий здесь появится не скоро, если ваши подсчеты не спьяну. Похоже, эта пентаграмма срабатывает раз в два месяца. Так что есть еще время, но не начинайте праздновать!.. Я пришлю обоз с кузнецами, священниками, алхимиками и прочими... специалистами, а вы сами думайте уже сейчас, как обезопасить здешние земли.

Бобик вскочил и понесся звать арбогастра. Когда тот прибыл и с готовностью повернулся боком, приглашая в седло, все поднялись и встали в ряд.

Боудеррия обняла сюзерена, я крепко поцеловал ее в губы, не по-боудеррии нежные, вздохнул и вскочил в седло.

Амброз стоит между Малькольмом и Максвеллом, чувствуя к обоим нечто родственное, на лице сожаление, что наше знакомство заканчивается так быстро.

Все выхватили мечи и вскинули над головой.

— Ричард!

Я в свою очередь поднял над головой кулак.

— Победа!

Бобик подпрыгнул на всех четырех и ринулся огромными скачками, все ускоряя бег.

Глава 10

От встречного ветра я спрятался в пышную гриву арбогастра, в голове стучат государственные заботы, в том числе мысли, что сейчас в мой глубокий карман текут широкой рекой налоги из Сен-Мари, Турнедо, Варт Генца и Скарляндии, так что ответственность на моих плечах все тяжелеет, нужно распоряжаться разумно и даже мудро, а я не уверен, что не наломаю дров, так как взял, как мне кажется, слишком уж бодрый темп, как на стометровку, а здесь должен быть марафон.

Армландию тронуть пока не решаюсь, пусть пока гордо хранит свои вольности, но королевскую систему сбора налогов в Ламбертини и Мезине велел развернуть в самом срочном порядке, пока не опомнились.

Собственно, везде, где стоят мои армии, нужно вбить в головы, что отныне налоги собирает только король. Местным лордам любого королевства, что по

эту сторону Большого Хребта, безразличны проблемы флота какой-то Сен-Мари.

В первых же селах по дороге от пентаграммы я вызвал старост и велел немедленно послать плотников, вот направление, там вас ждут.

За несколько миль до Савуази впереди показалось и начало приближаться такое, что я придержал Зайчика, чувствуя, как все внутри встрепенулось, а сердце застучало быстрее.

С холма хорошо видно, как почти на протяжении мили удивительно широкая и прямая дорога облеплена с обеих сторон зелеными муравьями. Присмотревшись, я разглядел, что дальше она упирается в болото, нет, не заканчивается там, а идет через болото уже сейчас, постепенно забрасываемое землей и камнями.

На той стороне болота тоже разгружают глыбы, привезенные могучими волами. Тролли, ухватив такие камешки по сто-двести фунтов весом, прут их к мутной жиже и сбрасывают в липкую грязь, взметывая темные брызги.

Женщины и дети тащат мешки с землей и высыпают следом. Таким образом болото, если и не исчезнет сразу, все же будет перерезано пополам насыпью, а затем обе половинки со временем высохнут сами по себе.

Мелькнула слабая мыслишка о запрете эксплуатации детского труда, однако с другой стороны — дети должны помогать родителям, правильный педагогический прием. Я сейчас вроде Макаренко, что воспитывает здоровые полноценные личности через труд приобщения к протестантской этике, а дальше выпускает уже готовых личностей в свободное демократическое общество с чистой совестью или что там у них вместо нее.

Можно бы снять прямо отсюда бригаду и послать к Боудеррии, но, боюсь, в ее отряде окажутся не готовы встретить зеленокожих союзников и не смогут полно-

ценно сотрудничать. Да ладно, тех ремесленников, которых направил из ближайших сел по дороге, должно хватить.

— Вперед, — сказал я недоумевающему Зайчику, — это я так, помечтать стопнулся. На скаку мечтать нельзя, для полноценного мечтания надо вообще весьма лечь.

И хотя мечтать вроде бы не вредно, но это как бы не по-мужски, хотя именно мужчины и мечтают больше всего, но помалкивают, зато уверяют, что мечтают только женщины, а они выстраивают глубоко продуманные планы, как я вот, на целый ход вперед.

К примеру, с паровозом никаких мечтаний, а чисто технические трудности; а вообще с ним все настолько понятно, что еще в древней Элладе у Герона Александрийского по саду бегала игрушечная тележка с паровым двигателем. Просто в благословенной Элладе, где все растет на деревьях, никуда не нужно ни ходить, ни ездить, у каждого эллина, даже самого бедного, не меньше двух рабов, что и так все привезут. Но мы не они, и у нас будут как хорошие дороги, так и средства передвижения, достойные нашей великой... гм... нашего добровольного объединения свободных демократических королевств под знаменем гуманизма и либеральных базовых ценностей тоталитаризма.

Бобик снова унесся вперед, я начал тревожиться, но на горизонте появился и быстро приблизился отряд шлемоблещущих рыцарей с грозно развевающимися знаменами, все в железе, цветные конские попоны стали серыми от грязи, а на белых плащах крестоносцев красные кресты настолько выцвели, что едва различимы.

Зайчик начал тормозить чуть ли не за милую, и на сближение мы пришли вполне в нормальном черепашьем галопе.

Во главе отряда на великанском коне широкий в плечах гигант, а когда снял обеими руками шлем и

передал оруженосцу, солнцу открылось массивное и помеченное боевыми шрамами лицо, суровое, с тем минимумом морщин, что отмечают привыкшего к лагерной жизни и походам человека, когда кожу постоянно подтягивают и держат в тонусе свирепые ветры, зимние морозы и летний зной.

Соскочил он достаточно ловко, несмотря на вес, преклонил колено и едва не упал от напрыгнувшего Бобика, что настойчиво уговаривает играть.

— Сэр Клемент, — сказал я благосклонно.

— Ваше высочество...

— Сэр Клемент, — сказал я, — поднимитесь, могли бы и не спешиваться. Благодарю за то, что прибыли в Турнедо таким ускоренным маршем. А остальная армия?

— Идет следом, — прогудел он мощно. — Мы не на чужой территории, можно не страшиться вот так далеко вперед от главных сил. А Будакер заверил, что теперь ему и самому там делать нечего, вендоверцы притихли.

— Пусть бдит, — сказал я. — Вы тогда так вовремя к нему успели.

— Ваше высочество, ваша похвала...

— Уверен, — прервал я, — вы просто обязаны отдохнуть в своем замке, где в ваше отсутствие мудро правит ваша супруга... кстати, как она? Мне она показалась вам под стать: достаточно крупная, дородная, красивая и спокойная нравом.

Он ответил спокойно:

— Все верно, ваше высочество.

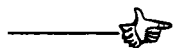
— Хотя, — сказал я, — могу предложить походя еще одно небольшое дело, даже дельце.

Он взглянул на меня исподлобья.

— Ваше высочество?

— Готовы?

— Любой ваш приказ, — ответил он. — Немедленно.

Рыцари, обступив нас полукругом, слушают почитательно, все в полном вооружении, даже в шлемах, несмотря на солнечный день, только и послабления, что забрала подняты, Клемент Фицджеральд дисциплину умеет поддерживать не только в малых отрядах.

— Хорошо, — произнес я, — тогда передайте командование заместителю... надеюсь, у вас с этим все в ажуре?

Он прогудел мрачно:

— Да, ваше высочество.

— А пообедаете в седле, мы же воины?..

— Слушаюсь, ваше высочество.

— Заодно и отдохнете вволю, — сказал я великодушно. — Минут пять вам хватит?.. А обстоятельный доклад о всяких неприятностях и о том, что вам мешает танцевать, выслушаю позже.

Он поклонился.

— И минуты хватит, ваше высочество.

— Действуйте, — велел я.

Клемент отъехал к своим, мне показалось, что он сказал всего одно слово, тут же вернулся ко мне, как всегда суровый и с непроницаемым лицом все выдававшего.

— Ваше высочество...

— Готовы? — спросил я. — Тогда чуточку меняем направление. Савуази подождет, по дороге нужно заглянуть еще в одно местечко. Государственная, так сказать, необходимость.

— Куда скажете, — ответил он гулким голосом.

Бобик сделал вокруг нас пару кругов и понесся прочь крупными скачками.

— Все больше удивляюсь, — сказал я, — как это он понимает, куда хочу поехать на этот раз... гм...

Стальной отряд за нашими спинами начал отдаляться, а когда я оглянулся, они уже двигаются ровной

колонной в сторону Савуази, знамена гордо реют на высоких древках, доспехи хмуро и предостерегающе поблескивают, хотя и покрытые дорожной пылью и грязью.

Солнце ушло за тучи, воздух разом стал сырым, а земля потемнела. Издали донесся собачий лай, Бобик даже не повернул на бегу в ту сторону голову, а Зайчик фыркал и просился перейти в карьер.

Мы промчались через небольшой лесок, конские копыта шумно шелестели по толстому слою прошлогодней листвы, уже коричнево-черной, над верхушками деревьев пролетела, шумно хлопая крыльями, стая гусей, и Бобик сразу насторожился, проводил их долгим взглядом, затем ринулся в ту сторону.

Клемент держится рядом, но почтительно молчит и вообще старается не отвлекать меня от важных дум ни взглядом, ни жестом.

— Знаете, дорогой герцог, — сказал я, — даже самые мелкие наши поступки бывают похожи на камешки, что вызывают лавины... весьма неожиданные и в неожиданных местах.

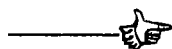
Он повернул голову, я поймал на себе внимательный взгляд его глубоко посаженных глаз.

— Ваше высочество?

— Однажды, — признался я, — я был здорово прижат к стене. Пришлось соврать... и вот в результате наглости и бесстыжей брехни я не только добился помощи от эльфов, но и стал вхож во дворец их королевы. Более того, вижу, как сделать так, чтобы не только что-то поиметь от эльфов, это же святое дело, но и самому в чем-то помочь от щедрот. Они постепенно отступают перед людьми и скоро вообще исчезнут.

Он вздохнул.

— Ваше высочество, это, видимо, жаль? Эльфов не знаю, ничего не могу сказать, но та эльфийка, что я ви-

дел у вас, до сих пор перед глазами... Иногда так в груди щемит, что... не знаю, стихи начать складывать, что ли?

Я сказал осторожно:

— Сэр Фицджеральд, у меня есть одна странная идея. Мы сейчас ни с кем, тьфу-тьфу, не воюем, так что хорошо бы заняться расширением, углублением и возвышением, ибо да, наше дело правое, и мы победим, несмотря на.

— А каким боком это касается меня? — спросил он.

— Всеми тремя, — заверил я. — Я хотел бы вас сделать своим представителем у эльфов.

Он отшатнулся.

— Что-что?

— Временно, — успокоил я. — Ну, не своим, а представителем нашего королевства.

Он спросил кротко:

— Какого?

Я запнулся, вопрос понятен даже без ехидства, ответил с неловкостью:

— Турнедо. Как бы. Они другого просто не знают. Для них весь мир — Турнедо. Да и то не совсем, ибо Турнедо — просто мир людей.

— Ваше высочество, — проговорил он, — а... зачем?

— Я мог бы сослаться на ваше нежелание, — сказал я, — чтобы такая красивая раса вымерла. Да и свое, если честно. Но у меня сердце не такое чувствительное, к тому же я всячески культивирую и возвращаю в себе наглого и беспринципного политика, ибо только такой может вести державу к успехам. В общем, эльфы — самые лучшие в мире лучники. Они стреляют впятеро быстрее любых наших, их стрелы летят вдвое дальше и почти всегда с абсолютной точностью. Но и это еще не главное!..

Он покачал в удивлении головой.

— А что еще?

— Они удивительно чуткий народ, — сообщил я. — Видят все скрытое, им не нужны амулеты, чтобы узреть исчезников или оборотней в людском обличье. Они чувствуют опасность задолго до того, как приблизится...

Он сказал:

— Это делает их идеальными телохранителями!

— Вот-вот, — согласился я, — это тоже им в плюс. Потому мы должны добиться сотрудничества с ними, а для этого необходимо войти с ними в соприкосновение.

Он засмеялся.

— Простите, ваше высочество, но нет в мире человека более далекого от эльфов, чем я!

— Не скажите, герцог, — ответил я загадочно.

Глава II

К счастью, Эльфийский Лес располагается от того места, где я встретил отряд Фицджеральда, в двух десятках миль, и бедному Зайчику не пришлось тащиться мучительно долго, недоумевая, что это за и почему это вот.

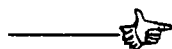
Бобик все-таки выследил гусей, и как только те опустились то ли передохнуть, то ли просто на свое лесное озеро, он тут же, как всегда, и Клемент охнул, завидя бегущее на него черное чудище с крупным гусем в пасти.

— Принимайте, — посоветовал я. — Вы в прошлый раз взяли от него оленя? Или барсука, не помню, вот теперь уже не отстанет.

Клемент взял у ошарашенного Бобика гуся, но тот за вторым побежать не успел, мы приблизились к стене Эльфийского Леса, и почти сразу из пышной зелени кустов донесся звонкий голос:

— Стоять!.. Вы вошли в чужой лес!

Я рявкнул громко:

— Обалдели? Я — конт Астральмэль!

Тот же голос возразил:

— Мы знаем вас, конт. Но с вами человек!

— Он идет со мной, — ответил я. — Отвечаю за него я. Полностью. И мы не пойдем в Эльфийский Город, обещаю!

— Тогда... зачем?

— У нас важная миссия, — ответил я. — Вы можете пойти с нами и проследить, чтобы мы не заходили в запретные места.

Из кустов не ответили, но теперь я увидел почти отчетливо призрачные силуэты сторожевых, что пошли перебегать от укрытия к укрытию.

Мы ехали медленно, Бобик идет рядом, поглядывает то на меня, то в сторону стражников, уверенных, что их никто не видит.

Клемент спросил шепотом:

— А мы ничего не нарушаем?

— Самую малость, — ответил я.

— Ох, все уже говорят о ваших малостях.

— Мы не перейдем грань, — заверил я. — Хотя...

Сердце колотится, сам знаю, что рискую, а когда деревья расступились и открылось озеро, в груди болезненно сжалось. В прошлый раз Ричэль лежала на спине на мелководье, выставив на поверхность только лицо, сиськи и колени, но сейчас там пусто.

И хотя она сказала, что здесь ее любимое место и она обожает вот здесь лежать и смотреть в небо сквозь густую листву, но нельзя ждать, что и сейчас...

— Эльфийка, — произнес Клемент совсем тихо.

— Где? — спросил я и молча ругнулся, только сейчас заметив неподвижную фигурку на том конце озера, почти незаметную на фоне толстых деревьев.

Она сидит на большом камне, опустив ноги в воду, волосы распущены, сама наклонилась и смотрит в воду.

— Ну и глаза у вас, — проворчал я, — впервые кто-то раньше меня что-то заметил.

— Вы смотрели в другую сторону, — ответил он шепотом. — Это... кто?.. Неужто та самая?

— Увидите, — ответил я шепотом. — Коней оставляем здесь, Бобик их посторожит. Слезайте медленно, резких движений не делайте, громко не говорите, а то у вас рев, а не эльфийский писк... Не улыбайтесь, а то подумают, что приготовились сожрать их всех или хотя бы понадкусывать.

Ричэль вскинула голову, ярко-синие глаза заставили вздрогнуть даже меня, а когда веки с длиннющими красиво загнутыми ресницами открыли это чудо полностью, я охнул и пошел к ней, чувствуя, как глупейшая улыбка раздвигает мои губы.

— Ричэль!..

Она проговорила мягким мелодичным голосом:

— Здравствуй, Астральмэль... А кто это за тобой, такой огромный, но с сердцем, как у трепетного мотылька?

— У него сердце каменное, — заверил я, — а трепещет потому, что видит тебя... Клемент, дорогой друг, пойдите ближе.

Он спросил шепотом:

— А я не?..

— Не, — заверил я. — Ричэль, позволь представить тебе герцога Клемента. Я ничего о нем не скажу, все равно твоя чувствительность скажет тебе больше.

Клемент приблизился на деревянных ногах, лицо потрясенное, Ричэль в самом деле почти не отличить от ее сестры Изаэль, при виде которой Клемент тогда так схватился за сердце.

— Думаю, — сказал я осторожно, — могу оставить вас... ненадолго, пока визитую с вежливостью к Рожденной Из.

Ричэль на Клементу поглядывала все же опасливо, хотя он стоит столбом и только смотрит на нее, задержав дыхание.

— Это... необходимо? — спросила она.

— Боюсь, — ответил я со вздохом, — что да. Она весьма гневалась, что в прошлый раз я появился в ее королевстве, а потом отбыл, не придя ей поклониться.

— Почему?

Я ухмыльнулся.

— Не знаю. Но пойду выполню эту повинность... не такую уж, скажем, и тяжкую. А вы тут пока... не убейте друг друга.

Они оба взглянули на меня с испугом и беспомощным выражением на лицах, дескать, покидаю слишком рано, мы оба еще боимся друг друга.

Двое эльфов остались в кустах присматривать за Клементом, о чем тот не догадывается, а еще двое пошли в сторонке за мной. Я не стал портить им собачью свадьбу, пусть думают, что неуловимы, да и только дурак станет на моем месте раскрывать козыри лишь для того, чтобы похвастать ими, но я-то знаю, что я само совершенство и в предусмотрительности!

У выхода на золотую поляну, что не поляна по размерам, а площадь посреди леса, им пришлось остановиться в кустах, но дальше идти и не обязательно: впереди сказочно прекрасный дворец королевы Синтифаэль, а я иду прямо к главному входу, никуда не сворачивая.

Подолы постукивают по мелким плиткам из розового камня, в прошлый раз вместо них была зеленая трава, еще раньше — золотой песок, изошряются эльфы в бесцельных играх...

В зале почти не встретил эльфов, все-таки заметно, что люди — агрессивная и доминирующая раса, а здесь поздняя золотая осень, медленное умирание, прекрас-

ный упадок, что якобы рождает прекрасные произведения искусства.

За главным залом расположен тронный, он поменьше размером, я замедлил шаг перед дверью, но она распахнулась сама, я вздернул подбородок и вошел гордо и с достоинством, все-таки уже принц, хотя перед Синтифаэль всегда буду чувствовать себя простым неуклюжим пастухом, спустившимся с гор.

В блистающем неземной роскошью зале под противоположной стеной трон, а на нем, конечно же, в исполненной величия позе божественная Синтифаэль, Рожденная из Солнца и Света.

У женщины, мелькнула мысль, всегда три возраста: кажущийся, действительный и приписываемый ею себе, но у Синтифаэль вообще нет возраста, как и пола, она — эльфийская королева, и я сам вижу в ее глазах мудрость прожитых веков, в движениях — уверенность зрелой женщины, а в улыбке полных свежих губ — очарование юности.

Перед ступеньками на помост я учтиво преклонил колено, но не голову, а смотрел в ее прекрасное лицо с той жадностью, как бедуин с пересохшим горлом смотрит на чистую прохладную воду горного ручья.

Она произнесла нейтральным голосом:

— Конт...

— Ваше Величество! — откликнулся я.

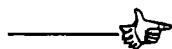
Она помолчала, всматриваясь в меня.

— Конт Астральмэль, — произнесла она медленно и без всякого выражения, — вы как-то можете объяснить все то, что случилось здесь с того дня, как появились вы?

— Да, — ответил я преданно, — я такой, могу объяснить все, что угодно! Только скажите.

Она сказала строго:

— Я говорю о ваших... весьма странных поступках. Порочащих, можно сказать.

Я спросил робко:

— Ваше Величество желает начать с какого именно моего великого греха? А то у меня как бы и нет мелких... а если и есть, то не грехи вроде, их как песка на берегу морском, как камней в окияне, как звезд на небе, как...

Она прервала ледяным голосом:

— Конт, вы ведете себя... неподобающе. Я вынуждена принять меры. Отныне вы не будете появляться в нашем Лесу без моего ведома. Сперва уведомите меня, испросите разрешение, а я еще подумаю, разрешать ли вам посетить наши священные места. А теперь можете встать.

Я взмолился:

— А можно, я останусь? Мне так хочется стоять перед вами на коленях!

Мне показалось, в ее глазах промелькнуло замешательство, но проговорила она все так же ровным и холодным голосом:

— Нет.

Я тяжело вздохнул и поднялся, сказал уныло:

— Только скажите, какие священные места мне посещать нельзя, и я туда ни ногой! На цепи не затащите. Я вообще как только слышу что-то о священном...

— У нас все места священные, — отрезала она. — Что вы скажете о положении сестер Гелионтэль?

Я просиял, воскликнул преданно:

— Ваше Величество желает меня наградить? Мое отношение к сестрам говорит о том, насколько я мощно и преданно соблюдаю местные обычаи и традиции, насколько трепетно отношусь к аборигенным культурам и как страшусь хоть чем-то внести ненужную струю европейскости в древний священный уклад эльфизма, его восточной мудрости и воссоединение с астралом и прочей непонятной нам непонятности, любителям хо-

рошо прожаренных бифштексов, высшей духовности созерцания!

Она проговорила медленно:

— Этот обычай последний раз соблюдался, если не ошибаюсь, две тысячи лет назад... И, полагаю, можно было бы и не держаться за него так уж...

Я воскликнул в ужасе:

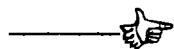
— Ваше Величество, простите меня за пламенные речи патриота и гуманиста, но это же подрывает саму священную суть древнего и потому особо почитаемого эльфизма!.. Нельзя поддаваться веяниям времени и вообще сиюминутной моды на какой-то там прогресс! Спасение человечества в следовании Традиции!.. Но люди то и дело... ну, не совсем следуют, за что и платятся, а вот эльфы благодаря верности заветам предков выжили и сохранили древнюю культуру пещерных времен. Если я, простой эльф, забочусь о сохранении древней культуры с ее расписными деревянными ложками и лаптями... ах да, лапти в другой, так сказать, культуре, не при дамах будь сказано... то вы как гарант священных и нерушимых законов просто обязаны бдить и не пущать!

Она смотрела на меня с неподвижным лицом, верхние веки чуть приспустились, но взгляд оставался прикован ко мне, я чувствовал его мощь, в нем нет тепла, а только пронизывающий холод недоверия.

— Не странно ли, — проговорила она, — что древние традиции эльфов защищаете вы... гм...

— Конт Астральмэль, — подсказал я и добавил лгство: — Вдруг вы забыли!

— Не забыла, — сказала она с той же ноткой холода в голосе, — просто хотела вас назвать сэром Ричардом, но потом решила, что пока еще слишком... вы возмутили меня недостаточно... хотя и весьма даже...

— Но я конт, — возразил я, — можно сказать, чистокровный! Хотя, конечно, нужно будет поспрашивать стариков. Наши строгие родители, поверить трудно, тоже были молодыми, кто бы подумал!

Она наклонила голову.

— Все-таки о наших традициях и обычаях в первую очередь должны заботиться представители древнейших родов нашего великого народа...

— Не великого, — возразил я пылко, — а величайшего! У людей, например, даже дети играют в эльфов!.. Правда, больше в Темных. Ну, это просто чтобы расширить возможности. Дескать, могу насрать соседу под дверь, а могу и не насрать, а вот светлые лишены такого заманчивого и богатого выбора. Потому эльфы всем нам весьма как бы зело дороги. Эльфизм нужно сохранить в неприкосновенности, иначе весь мир обеднеет, ну как мы сможем жить, скажите, без цирка и Тутанхамона?..

Она проговорила чуточку теплее, хотя все еще с недоверием:

— Судя по вашей страстности, вы настоящий патриот нашего народа и желаете ему. Хотя я и не поняла, чего именно желаете, но желаете, это заметно.

— Еще как, — заверил я. — Всеми фибрами.

— Однако, — проговорила она в сомнении, — этот обычай почти вышел из употребления.

— Прогресс, — согласился я со страстной горечью в голосе и взоре, а также в облике и позе, — разрушает нравственность, обычаи и традиции... Однако любое общество уцелевает лишь благодаря здоровому консерватизму, и потому я на его страже!..

— Очень... хорошо...

— Если надо, — заверил я, — то один гордо и мужественно буду возрождать славные традиции каменного топора и жертвоприношений... Что, у вас их уже давно

нет? А может, стоит завести? Нет-нет, лучше не надо!.. Фух, от сердца отлегло... Представьте себе, что если бы все ринулись в новое? Цивилизация рухнула бы в одночасье!.. Потому ядром и краеугольным камнем должны оставаться незыблемые и освященные временем традиции.

Она наклонила голову, продолжая всматриваться в меня со всей интенсивностью.

— Вы говорите, конт, пламенно и верно...

Я почти вскрикнул:

— Я как раз и стою на их страже! Более того, как говорится, личным примером, как мне это ни тяжело, однако я готов нести на себе это бремя! Мне интересы общества, да еще такого ушастого, весьма даже дороги!

Она милостиво наклонила голову, но в ее голосе прозвучал предостерегающий холодок.

— Я понимаю вашу страсть, конт Астральмэль.

— Спасибо, Ваше Величество, Рожденное из Солнца и Света!.. Я бы еще добавил насчет луны и звезд, а также комет и астероидов, хотя даже их мало, Ваше Святейшее Величество!

Она посмотрела на меня исподлобья.

— Спасибо, но пока повременим...

— А может, пора? — спросил я с надеждой.

— Повременим, — отрезала она, — хотя идея, конечно, весьма интересная и многообещающая... Вообще-то, как ни странно, самые горячие патриоты получаются из новичков и недостаточно развитых, и как жаль, что потом это все проходит.

— Эльфы тоже умнеют, — предположил я и добавил поспешно: — К счастью, медленно, медленно!.. Иначе для власти были бы одни неприятности. А нам это надо, Ваше Величество?

Глаба 12

Она взглянула с презрительным изумлением, не поняла этого слова «нам», но я ничего не имел иного, как совместную заботу об обществе, это же оно нас кормит, одевает и смешит.

— Теперь второй вопрос, — проговорила она холодно. — Зачем именно вы прибыли?

Я лстиво улыбнулся.

— А просто так?

Она произнесла еще холоднее:

— Конт, вы просто так даже с одного бока на другой не перевернетесь.

— Все верно, Ваше Величество, — воскликнул я в восторге, — как вы все точно понимаете! Даже то, что мне было неловко сказать прямо и честно, я же такой застенчивый, что просто и не знаю, ведь только забота о благополучии вашего королевства заставила меня бросить всю хрень, которой занимался среди людёв, и примчаться сюда, дабы!

Она приподняла изящные дуги бровей.

— Дабы?

— Что «дабы»? — спросил я. — Ах да, дабы!.. Я когда смотрю на вас, Ваше Величество, у меня всякий ум уходит даже и не знаю куда... нет, вообще-то знаю, но не скажу, я же стеснительный и потому всегда только о благе всеобщего эльфизма думаю, чтобы охладиться. И вот постоянные и настойчивые раздумья о судьбах цивилизации привели меня к тому, что да, для спасения сущности эльфам нужно выходить из леса и захватывать весь мир!

Она слегка дернулась, что явно сильнейший признак, а уж чего, даже не решаюсь подумать.

— Конт...

— Ваше Величество, — сказал я быстро, делая вид, что не перебиваю, это вот она замолчала, тем самым велела говорить мне, а я только покорно повинуюсь, да еще как повинуюсь, — это сделать необходимо для спасения тех же людей, коров, коз, овец, гусей, уток, индюшек, а также лягушек и жаб с муравьями, потому что они тоже наши!.. Но, конечно, это не сразу вот вывалиться из леса и броситься спасать, люди ж еще не знают, что совсем тонут, будут брыкаться. Потому я привел с собой благороднейшего из людей герцога Клемента...

— Что? — воскликнула она. — Вы привели человека?.. Эй, стража!

— Ваше Величество, — взмолился я, — он оставлен мною на опушке... почти на опушке вашего великого и священнейшего Леса!

— А он там ничего не натворит?

— Он под присмотром, — заверил я.

— Чьим?

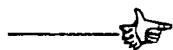
— Если не считать охрану, что следовала за нами неотрывно, — сказал я, — хотя как ее не считать?.. то сейчас его строго и тщательно допрашивает Ричэль, верная патриотка эльфизма, характер нордический, идеологии эльфизации верна, готова на жертвы во имя.

Она пробормотала в недоумении:

— Ричэль?..

— Да, — подтвердил я. — Строгая и бескомпромиссная Ричэль, негибкая патриотка, верная дочь эльфийского народа и носительница великой эльфийской идеи.

Она помолчала в затруднении, эльфы мудрый народ, даже глубокомудрый, потому неожиданные скачки нашей удивительной мысли, что рождается неожиданно то в голове, то в другом месте, часто ставят их в

тупик. И не понять им, почему чаще всего побеждают те, у кого мысли рождаются именно в другом месте.

Правда, я тоже такое понимаю с трудом, но я сам такой же скакунец, а вот прямым и честным эльфам вообще неподъемно.

— И... зачем вы его привели?

— Для победы эльфизма во всем мире, — сказал я твердо и посмотрел на нее честными влюбленными глазами. — Ваше Величество, мы же строим Царство Небесное на земле для всех-всех существ на свете!.. Как тут без эльфов? Без эльфов ему не быть прекрасным и удивительным. Потому я привел благороднейшего и доблестнейшего герцога, по-вашему это дюк... или не дюк?.. в то время как я всего лишь конт, можете ему вполне доверять, я хочу предложить дюка в качестве связующего звена между братскими народами эльфов и этих, как их... ага, людей.

Она нахмурилась.

— Конт, у вас мысль в самом деле скачет... по рытвинам. Мне трудно уследить за нею.

— Это я от жажды принести пользу, — заверил я. — И побольше, побольше!

— Вы уж, — произнесла она холодно, — старайтесь очищать ее от шелухи... хотя бы первые двадцать слоев.

— Абисняю, — сказал я преданно, — через дюка вы будете передавать нам все пожелания, все нужды...

— У нас нет нужд, — отрезала она. — Во всяком случае, таких, в которых могли бы участвовать люди.

— Я сам их презираю, — сказал я откровенно, — это порождение крокодилов! Но нельзя не признать, что крокодилы захватывают мир, Ваше Величество. Потому надо крокодилить и нам, благородным и возвышенным эльфам. Заодно людей отучать от крокодилства, это наш долг как белых людей, это тяжелое, но благородное бремя белого человека! Люди тоже в какой-то мере

эльфы, если подойти широко, очень широко и непредвзято с закрытыми глазами и зажатым носом.

Она молчала долго, наконец проговорила задумчиво:

— Да, реформы, о которых все чаще говорим последние семь тысяч лет, все-таки в некоторой степени необходимы, это верно. Мир меняется, пора в чем-то меняться и нам, но спешить не стоит... Мы подумаем, в какой форме осуществить это сотрудничество. Конт...

Это было прощание, и хотя мне было что сказать еще, мне всегда есть что сказать, но я поклонился, сказал почтительнейшим голосом:

— Ваше Величество...

После чего отступил и, нащупав мудрым местом дверь, пихнул ее изящным толчком. Створки распахнулись бесшумно, я отступил еще на шаг, Синтифаэль на троне все такая же блистательно неподвижная, но дверь захлопнулась. Я повернулся и, удерживая на лице благостно-счастливую улыбку, пусть видят мое неописуемое счастье от лицезрения, потопал к выходу из зала, красиво позвякивая золотыми рыцарскими шпорами.

На выходе из дворца попал в яркий солнечный день, хотя вообще-то небо было в тучах, когда подъезжали к лесу, как они это делают, интересно...

Стражи снова пошли справа и слева от меня за кустами, ни веточка не треснет, ни листок не шелохнется, хотя, конечно, парни стараются напрасно, но как приятно, что мои возможности растут!

Издали увидел обе фигуры, огромную и маленькую, вздохнул с облегчением, никто никого еще не убил, и перешел на более спокойный шаг.

Клемент и Ричэль сидят на камнях плечом к плечу, хотя ее упирается ему почти в бок. Она все так же бол-

тает ногами в озере, сапожищи Клемента в воде до середины голенищ, упираются подошвами в дно, а сидит он крепко и скалисто.

Он оглянулся на звук моих шагов, лицо радостно-смущенное, торопливо поднялся и склонил голову. Ричэль, не шелохнувшись, произнесла ровным голосом и не поворачивая головы:

— Все благополучно?

— Да, — сказал я, — а как же? Мы же коронованные особи!

— Особы, — поправила она, — но она королева, конт...

— Когда дело касается нужд, — возразил я, — в том числе и королевства, Ее Величество великодушно пренебрегает некоторыми тонкостями этикета, дабы договориться о пользе.

Клемент молчал, она спросила меня:

— Договорились о чем?

— Мой друг, — объяснил я, — если сумеет подружиться хотя б с одним эльфом, то может выполнять обязанности представителя наших интересов при дворе королевы.

Ричэль быстро взглянула на Клемента снизу вверх, ресницы божественно взметнулись, открыв сияющие глаза. Полные губы чуть приоткрылись, но в последний момент удержалась и захлопнула рот, умница, все-таки эльфы — мудрая раса.

Клемент поднял голову, Ричэль опустила взгляд.

— Ваше высочество, — произнес он смущенно, но с твердостью в голосе, — покорно прошу освободить меня от обязанностей представителя... представителя здесь.

Я охнул.

— Клемент!.. Что стряслось?

Ричэль быстро вздернула голову, ее глаза на миг вспыхнули мягким жемчужным светом, но тут же отвела взгляд, а Клемент проговорил все тем же непривычным для него, хоть и громыхающим голосом:

— Ваше высочество... Благородная леди Ричэль оказала мне великую честь...

— Это здорово, — ответил я. — Хватай быстрее, пока дают. А... какую?

Он сказал с тем же смущением, но и с гордостью:

— Она согласилась... ваше высочество, куда вы смотрите?... она согласилась поехать со мной.

Я охнул снова.

— Что?

Он перевел взгляд на эльфийку.

— Я даже не знаю и не помню, — сказал он смущенно, — что я говорил... но благородная леди оказала мне великую честь, которой я недостоин, но я буду стараться соответствовать...

— Поехать, — повторил я ошалело, — куда?

Он ответил с неловкостью, как человек, просыпающийся из глубокого сна:

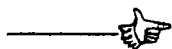
— Куда?... Это уже мелочи, мы же не торговцы, а рыцари! Не знаю, но со мной.

Я перевел взгляд на эльфийку. Она ответила смущенной улыбкой, как бы извиняясь за себя и слишком цветистую речь рыцаря, непонятную ей еще больше, чем мне.

— Если моя сестра Изаэль, — сказала она тихим и чуть звенящим, как лесной ручеек, голосом, — побывала в вашем мире и... вернулась живой, то почему не рискнуть и мне?... Я же говорила, мы с ней из другого племени, чем все здешние. Мы немножко иные.

Я пробормотал:

— Это... нарушает мои планы... с другой стороны, я хотел бы, чтобы эльфы общались с людьми и вообще...

жили в городах, что ли. Еще лучше, конечно, чтобы проходили службу в армии, пусть на контрактной системе, но я реалист, сегодня этого не жду... или даже завтра к вечеру.

Странно видеть гиганта Клементя, могучего и широкого по фигуре, с жестоким лицом в шрамах, рожденного войной и живущего войнами, а рядом хрупкую трепетную эльфийку Ричэль, однако идут настолько слаженно, что даже и не знаю, то он начинает семенить, чтобы попадать с ней в ногу, то она вдруг шагает так широко, что едва не садится на шпагат.

Мы шли к своим коням все так же провожаемые эльфами, их видим только мы с Ричэль, однако Клемент то ли чувствует их, то ли просто догадывается, поглядывая в нашу сторону и замечая взгляды и жесты.

— И что надумали дальше? — спросил я. — Давайте, бунтуйте против своего сюзерена!

Клемент пробормотал:

— Да как-то так получилось... я вот не думал даже. Из меня, если честно, думатель неважный.

— Как получится, — ответила Ричэль чистым ясным голосом. — Я просто иду за Клементом.

— Ага, — сказал я, совсем сбитый с толку, — за Клементом... Значит, он уже просто Клемент?.. Не человек-чудовище, а... ну да, Клемент?

Он промолчал в великом смущении, а она ответила бездумно, что вообще-то характерно для идеальной женщины, а как там у эльфиек, еще не знаю:

— Да, Клемент. А я иду, куда поведет он.

Бобик выбежал навстречу и доложил, что копытных огранял пуше глаза, хотя они того и не стоят, особенно вот это черное, которое даже рог со своей морды ухитрилось потерять сдуру.

— Молодец, — сказал я, — благодарю за службу, сержант!

Клемент, вместе того, чтобы подняться в седло, а затем вздернуть к себе эльфийку, как делаю я, взял свое сокровище на руки и бережно усадил на коня, а затем взобрался сам, одной рукой обнял Ричэль, держа ее впереди, другой взял повод.

— И куда теперь? — спросил я.

Он ответил почтительно:

— Куда прикажете, ваше высочество! И что прикажете.

— Тогда, — сказал я, — неделя отпуска за свой счет. А затем на службу, что сурова и трудна. Работу придумаю потяжелее.

Он смущенно улыбнулся.

— Спасибо, ваше высочество.

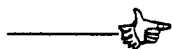
Ричэль закрыла глаза и прижалась к его широченой груди, он осторожно разбирал повод, стараясь не тревожить это хрупкое существо, а я думал, что Клемент приbedняется, думатель из него как раз неплохой. Это он доказал и в организации войск, даже сейчас, когда вроде бы так уже бездумно нарушил мой приказ и свое высокое назначение в Эльфийский Лес. Как бы ни одурел от эльфийки, наверняка помнит, что находится на службе, а на ней первым делом нужно выполнять мои приказы.

Но, думаю, хорошо помнит и мои стратегические планы насчет вовлечения эльфов в нашу жизнь. Привести Ричэль в людской муравейник — это даже больше, чем я пока надеялся.

Что ж, это верно, они так прилипли друг к другу, что не разорвать, так что мне можно будет, используя браслет Иедумэля, прыгать в те места, куда пошлю Клемента.

Мы выехали из Эльфийского Леса, оставив соглядатаев на опушке, здесь день опять пасмурный, странно.

Я сказал задумчиво:

— Ладно, однако же представитель в Эльфийском Лесу все равно нужен.

Клемент виновато проговорил:

— Ваше высочество... надеюсь, я не слишком вас подвел.

— Вообще-то не подвел, — заверил я. — И сам знаю. Хотя я и настороженно отношусь к инициативе с мест, но ты достаточно точно почувствовал приоритетность одних задач перед другими. Да, представитель в Эльфийском Лесу нужен...

— Ваше высочество?

— Потому назначаю, — сказал я, — тебя генеральным представителем, а Ричэль — сопредседателем... Ее Величество, Рожденное из, будет весьма довольна.

— Ох, только бы не навредить.

— А вместо тебя, — закончил я, — пошлем резидентного представителя рангом пониже.

— Я счастлив, что понял вас правильно.

— Ты просто пропустил один шаг, — разжевал я для доступности. — Представительство нам нужно для того, чтобы постепенно перетаскивать эльфов из Леса в нашу цивилизованную жизнь. Самое трудное — перетащить первого, чтобы он, обвыкшись, смог заверить других, что среди людей не совсем уж и смертельно. Ты сделал это сразу без всякого представительства!.. Но, как я уже сказал, представительство все же необходимо. Так что раз увильнул, то подыщи сам кандидатуру на свое вакантное место... Ричэль пусть проведет тестинг, совместимость, толерантность, измерит лицевой угол и даст рекомендации к своим подругам... Ричэль?

Ричэль вздрогнула, распахнула удивительные глаза, в которые можно смотреть бесконечно, забыв даже про смачный ужин, смущенно улыбнулась.

— Ну... я смогу...

— Понять?

— Да, — ответила она, — люди очень разные... Большинство и близко нельзя подпускать к нашему Лесу, но все-таки есть и... другие.

— Как наш Клемент, — согласился я. — В общем, сама пообщайся со всеми, у тебя чутье. Сразу поймешь... как вон поняла Клемента.

Кони шли шагом. Ричэль, отдаваясь неведомому странному чувству, все больше прижималась к груди рыцаря. Я видел, как прекрасные глаза закрылись, то ли погрузилась в глубокий сон, то ли во что-то эльфийское, нам пока что неведомое.

— Трудности с эльфами, — сказал я, — в том, что это мы вот так к ним пылаем любовью, ах-ха, какие красивые, чистые, нежные, но мы в городах да в воинских лагерях! Нас вообще-то капля в море, а основной народ — крестьянство. Именно они, расширяя свои пастбища за счет вырубки леса, сталкиваются с эльфами. А еще деревья рубят и жгут на уголь, на постройку домов, сараев... В общем, территории лесов постоянно сокращаются, и придет время, когда леса будут сведены все до последнего дерева, а люди, спохватившись, насадят большие и роскошные парки.

— Но эльфов к тому времени не останется, — проговорил он тяжелым, как нагруженная рудой железнодорожная платформа, голосом, но я видел, как он старательно приглушает голос.

— Вот именно, — подтвердил я. — Потому наша задача перетащить в города их как можно больше.

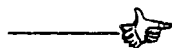
Он спросил так же тихо и горько:

— Хотя бы на племя?

— Да, — сказал я. — На развод. Спасти всех, к сожалению, не удастся.

— Ваше высочество?

— Даже люди, — пояснил я, — бывает, не хотят покидать родные места перед угрозой наводнения или

горной лавины, а уж эльфы — прирожденные консерваторы...

Он сказал невесело:

— Да, эльфам труднее.

— К тому же, — добавил я, — они, будучи очень однородными, просто не понимают, что крестьяне и мы — это чуть ли не два разных народа с разными взглядами на жизнь, разной философией и способами реализации... ну, чего-то там, не смотрите так, я глубоко мыслю, бывает, вслух, это иногда встречается у гениев... В общем, дорогой Клемент, начинайте новый виток вашей жизни. Успеха!

— Ваше высочество...

Я вскинул руку в прощании, обрадованный Зайчик сделал такой рывок, что я едва удержался в седле, а рядом с арбогастром понесся довольным быстрым бегом улыбающийся Адский Пес.

Глава 13

Вроде бы жизнь в королевствах медленная и сонная, однако от военных потрясений все приходит в себя удивительно быстро, ибо мир прост, восстанавливать легко.

Впереди выросли башни Савуази, самой огромной из столиц, какую я только видел, по дорогам телеги прут в город продукты, из города — готовые вещи, и никто не сказал бы, что совсем недавно была война, а столицу брали яростным штурмом.

Я проскочил город, ворота дворцового комплекса открыли вовремя потому, что Бобик с разбегу их едва не вышиб, мы промчались по аллее, распуская гуляющих придворных, а у ступеней дворца я соскочил и бросил повод слугам.

Сэр Ортенберг поспешил навстречу в холле, встревоженный и одновременно готовый принимать любые экстренные меры, это читалось в его взгляде холодных серых глаз.

— Ваше высочество?

— Все в порядке, — заверил я чуточку раздраженно. — Если я появляюсь вот так внезапно, то это вовсе не значит, что ваш сюзерен от кого-то удирает!

Он сказал четко:

— Я только насчет чего-нибудь особенного, ваше высочество.

— Особенное оставляю себе, — сообщил я. — В Багдаде все спокойно.

Бобик пронесся в зал, исчез, откуда-то донесся его гулкий гавк, сообщающий, что прибыл Сам, всем выходить строиться, сейчас начнется...

Когда я поднялся на свой этаж и шел к своим pokojам мимо застывших стражей, из дальней комнатки выскочил сэр Вайтхолд, сперва радостно заулыбался, потом скорчил рожу и заспешил навстречу, разводя руками с таким горестным видом, что, дескать, все пропил, проиграл, а остальное сгорело, а так вообще-то в остальном все хорошо, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо...

— Сэр Вайтхолд, — сказал я быстро, — вам с ходу два важнейших задания... Кстати, здравствуйте... Как жизнь? Да не отвечайте, не отвечайте!.. Ишь, какой добросовестный, даже стыдно за вас. Будто все еще не во властных структурах.

Он проговорил слабо:

— Какие... задания? Здравствуйтесь... Жизнь... Не отвечаю... ну да... И как бы, а?

— Пошлете, — велел я, — двоих важных и уполномоченных... гм... уполномоченных!.. Одного в Скарлянды,

другого — в Варт Генц... Заходите, это мой кабинет, если еще в состоянии вспомнить.

— Ваше преосвященство!

— Можете сесть, — сказал я строго. — Узнаете? Вы здесь как-то уже были. Да садитесь, садитесь!

— Такое скажете, — спросил он опасливо, — что упаду?

— Бойтесь? — спросил я злорадно. — Правильно делаете. В общем, одного в Скарлянды, другого — в Варт Генц. Но можно и наоборот, одного в Варт Генц, другого в Скарлянды. Улавливаете разницу?..

— Н-нет...

— Я тоже, — сообщил я, — но это неважно. Я хотел было сообщить сам, пусть там на местах так и скажут, что его высочество собиралось само, но весьма важные дела... нет, «важные» нельзя, а то обидятся, дескать, а у нас неважные, да, пусть говорят «неотложные» или «безотлагательные», но выражения морд должны быть гордыми и уверенными, чтоб у туземцев не возникало беспокойства, что «неотложные» — на самом деле «тревожные» или даже катастрофические.

Он слушал, иногда покидывал, наконец поинтересовался осторожно:

— А они... как?

— Не катастрофические, — ответил я твердо и посмотрел ему в глаза. — Совсем как бы нет.

Он всплеснул руками.

— Господи... куда бежать, где спрятаться?

— От нас не спрячешься, — сказал я зловеще. — У меня длинные руки, не слыхали? Так что все должно быть исполнено!

— А... зачем?

Я изумился:

— Как, еще непонятно? То догадываетесь, о чем я даже и подумать не успел, то еще спите... Вам что, дня

мало?.. Уже утро!.. Вы должны как раз возвращаться домой!

Он спросил опасливо:

— Откуда?

Я в изумлении покрутил головой.

— Он еще и спрашивает!.. Откуда мужчина вашего положения должен возвращаться домой в такое ясное утро?.. Конечно, с придворного бала!..

Он просиял лицом:

— А, вот вы о чем, ваше высочество!.. Ну, я, как очень добросовестный человек, вы это уже заметили, такую работу беру на дом. У нас у всех здесь хорошие дома благодаря вашей неусыпной заботе...

— Да? — спросил я с интересом. — Что-то не помню, чтоб я так уж неусыпничал еще и насчет таких удобств армландских лордов. В общем, так и скажите, что его высочество принц Ричард...

Он охнул, отшатнулся к двери, но оперся слишком, створки распахнулись, и он вывалился на руки Перияльда и Хрурта.

Хрурт взглянул на меня и спросил деловито:

— Добить?

Вайтхолд сказал обидчиво:

— Какие заботливые... Вы сами сейчас попадаете! Вы знаете, что наш сэр Ричард уже принц?

Телохранители переглянулись. Перияльд сказал разочарованно:

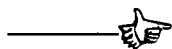
— Как, все еще? Я думал, хотя бы папа римский...

Вайтхолд фыркнул возмущенно, вернулся ко мне в кабинет и плотно закрыл за собой дверь.

— И что сказать?

Я изумился:

— Как, я все еще не сказал? Так чем же вы мне целый час голову морочите?.. Повторяю, пусть скажут, что у меня дела!.. Приехать не могу. А хотел, еще как хотел,

прям душа пела! Чтобы лично сообщить с гордостью, что их Великая и Победоносная, в боях познавшая радость побед, вторглась в королевство Ламбертинию... кстати, второй пусть скажет то же самое, но Ламбертинию заменит на Мезину, ясно?

— Ясно, — пробормотал он, — что ничего не ясно...

— В общем, — закончил я, — вартгенты в блистательных боях разбили армии ламбертинцев и установили контроль над всем королевством, да еще и у Вендовера отхватили треть, а скарляндцы разбили армию королевства Мезины и захватили всю Мезину. Это вызовет всенародные энтузиазмы, начнутся праздники и ликования, повысится уровень национальной гордости, и легче будет собирать налоги.

— Повышать не будете?

Я покачал головой.

— Мог бы даже снизить... со временем. Если налоги в самом деле собирать все, то придется золото грузить на корабли и вывозить в море, чтобы топить на глубоком месте. Когда налоги собираются с пяти королевств и все идут в государственную казну...

— То есть в ваш карман?

— Государство, — огрызнулся я, — это как бы и есть я, единственный и такой вот красивый, только посмейте не любоваться! Железную дорогу, к примеру, прокладываю не для того, чтобы самому кататься! У меня есть свои средства передвижения, а железная дорога — для простого народа: графов, баронов и даже виконтов!.. В перспективе расширим доступ и для простолюдинов, за исключением, конечно, женщин, детей и сумасшедших, но это в далекой перспективе. А флот? На его постройку тоже денег надо! Частные инвесторы заинтересовались, но пока особенно не торопятся, им зримая прибыль нужна, а не прогулки по океану! Кстати, надо будет распространить слухи насчет множества необи-

таемых островов с несметными сокровищами... но это уже задача для сен-маринских пропагандистов. Вы все поняли, граф?

Он кивнул, начал загибать пальцы.

— Сообщить в Скарлянды и Варт Генц об отмене визита...

— Визит и не был запланирован, — напомнил я, — просто хватит мне мотаться в качестве простого гонца, как будто я не знаю кто, уже скоро сам собой любоваться перестану!.. Ну, это я, конечно, перегнул для красивого словца, я собой никогда любоваться и уважаться не перестану, но мой ранг принца велит развивать систему почтовых станций на хороших королевских дорогах.

Он подобострастно поддакнул:

— Да-да, ваше высочество! Да что там королевских, сразу уж имперских!

Я посмотрел на него зверем.

— Чего-чего?

— На вырост, — сказал он торопливо. — На далекое туманное будущее, что наступит очень не скоро. Где-то на той неделе, а то и вообще в следующем месяце!.. Мы все поняли, ваше высочество. Давно пора. А то вы и худой какой-то, вид совсем не королевский. В самом деле, неча мотаться туды-сюды, все вам это говорят.

Я отмахнулся.

— Мало ли что говорят!

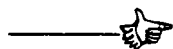
— А что много?

— Это когда сам себе скажу, — пояснил я. — Все, действуйте!.. Отправьте немедленно, а то в обоих королевствах начнут выражать беспокойство, куда это делись их армии. Потом явитесь с ответом, я вас кое-чем нагружу. А пока пригласите ко мне Бальзу.

Он сказал со значением:

— Бальзака, ваше высочество!

— Что, — спросил я, — очень задирает нос?

— Вообще-то нет, — сообщил он. — Явно понимает ситуацию.

— Еще бы он да не понимал!

Глава 14

Бальза — или, точнее, Бальзак — явился моментально, словно в ожидании бегал по коридору с того мгновения, как узнал, что мое высочество бодро прибыло во дворец.

Хрурт распахнул дверь и спросил с недоверием:

— Управителя вызывали?

Я кивнул.

— Введи... Нет, пусть сам войдет. Он теперь человек благородных кровей.

Хрурт исчез, вместо него торопливо вошел, мелко семена толстыми короткими ножками и часто кланяясь, Бальза.

— Бальзак, — сказал я после паузы.

Он воскликнул с чувством:

— Ваше высочество!

— Слушай, — велел я, — человек я занятой, повторять не стану. Ты уже начал, как я заметил лично, строить дороги, что есть первая государственная необходимость!.. По возможности строй прямые. Даже если руки кривые. И ничего, что растут из того места, где спина называется не так благородно, нам нужнее энтузиасты, чем умники на печи.

— Ваше высочество?

Я смерил грозным взглядом его угодливую физиономию.

— У нас есть могучие строители, которых пока ни у кого нет, — тролли! Используй их на полную мощь, как уже начал. Платить им нужно немного, а работают

они весьма. А еще у нас есть теперь объединенная мощь пяти королевств, а также их огромные людские и финансовые ресурсы!..

Он сказал подобострастно:

— Ваше высочество, никому еще не удавалось сосредоточивать в своих загребуших такие несметные... ну да, ресурсы! Какое замечательно емкое слово, ваше высочество. И не придерешься!

— Потому используйте смелее, — рыкнул я. — Вы знаете, чего я хочу! Как и всякий зарвавшийся деспот, я жажду править богатой и сытой страной, чтобы было кого грабить и насиловать!.. Какой интерес грабить нищих?.. Потому мы должны сделать все, чтобы люди богатели, больше производили, больше потребляли, чтобы мощь росла, а мы могли дать сдачи любому условному противнику, даже если он еще и не успел по своей непроходимой тупости помыслить о коварном нападении!

Он сказал торопливо:

— Ваше высочество, я рискнул, надеясь на ваше одобрение, самовольно отдать приказ насчет основания двух рудников в Бентенге и Галидрах. А также велел построить там просторные бараки для рабочих...

Я спросил с подозрением:

— Ну, а чего юлишь? Что не так?

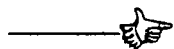
Он проговорил смиренно:

— Пришлось превысить сумму, которую вы изволили разрешить выделить на расширение металлургии... какое замечательное слово, как емко все охватывает!.. Я решился заранее наметить там место для плавилен и велел начать строительство... Как только будут получены первые же партии руды, чтоб сразу начать работу...

— Насколько превысил? — спросил я грозно.

Он сказал всполошенно:

— Примерно на четверть, ваше высочество...

— Не больше?

— Точно-точно, — заверил он. — Я укладывался и урезал, как мог!

Я смолчал насчет того, что обычно разговаривают больше, те времена еще придут, сказал важно:

— На четверть?.. Ладно, это допустимые отклонения на всякое непредвиденное. Но только смотри, чтобы руда добывалась в бесперебойном режиме. И плавили чтоб не простаивали, а то знаю вас и их тоже!..

— Все сделаю, — заверил он с облегчением, — а не стоит ли сразу же разместить там же и оружейные или бронные? Чтобы не тратить время и деньги на длительные перевозки?

— Правильно мыслишь, — одобрил я. — Только металл нужен не только для доспехов и оружия. Над этим подумаем, а ты помни, что дороги к тем рудникам должны протянуться широкие и удобные.

— Ваше высочество! Уже есть некоторые наметки, даже предварительные чертежи!

— Мудро, — сказал я. — В общем, помни — дороги сейчас самое главное. Бросай все ресурсы на их строительство. Но, конечно, чтоб без потрясения основ государства.

— Ваше высочество!

— Ну-ну, вижу, проблему понимаешь. Составишь смету, приноси. Помни, я не только подписываю, но и читаю, что подписываю! Все, иди, пока не вдарил.

Зря это сказал, это Вайтхолд сразу приноровился к моим грубым шуткам, сам такой, и мы перекидываемся такими вот словечками, но Бальза принял всерьез, согнулся, втягивая голову в плечи, и так поспешно шмыгнул за дверь, что зацепился подолом, слышно, как треснула ткань.

Мне стало неловко, хотя есть подозрение, что Бальза тоже подыграл, кто его знает, чужая душа потемки. Это

явную опасность я научился чувствовать, а нюансы чувствую только муравьи и женщины...

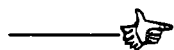
Вайтхолд просто умница, моментально ловит мои мудрые распоряжения и внедряет, хотя, как мне кажется, Бальзак все больше перехватывает инициативу в хозяйственных делах. В политическое не лезет, рискованно, там пусть рыцари, они благородные, им жизни не дороги, а дурные головы терять не жалко, зато в вопросах развития промышленности он просто композитор в том смысле, что komponует даже из дерьма такое, что начинает работать весьма слаженно и с достаточной эффективностью.

До поздней ночи я решал неотложные задачи, подписывал указы и распоряжения, Вайтхолд подготовил целую гору бумаг, а сам только успевал шлепать печатку.

На карте я наметил пунктиром новые дороги, которые желательно проложить: в Ламбертинию через Шателлен, и в Мезину, с которой Турнедо граничит непосредственно. Правда, королевство Бурнанды на севере влезает между ними клином, там дорога была прямее и удобнее, но придется либо вести в обход, либо заманить и бурнандцев в наш свободный демократических союз королевств, базирующийся на базовых либеральных ценностях гуманного тоталитаризма.

Наконец, отпустив всех, я перешел в спальню покои, старший слуга как раз сменял свечи, а когда я потащился к ложу, он взглянул вопросительно и указал взглядом в сторону двери ванной комнаты.

Оттуда доносится плеск воды, я чуть приоткрыл и увидел в щель молодую девушку с распущенными волосами, полностью обнаженную. Сидит на корточках в большом тазу, две фигуры в темных плащах и с надвину-

тыми на лица капюшонами медленно и торжественно поливают ее теплой водой, вернее, поливает уже одна, а вторая взяла чистую холщевую тряпицу и трет нежную белую спину купальщицы, не знавшую лучей солнца.

Появилась третья, у этой в руках зеркало, размером с тарелку. Купаемая тут же начала всматриваться и то вскидывать брови, то выпячивать губы трубочкой.

По грациозным движениям я сообразил, что все три фигуры в бесформенных темных халатах — женщины, а скрывают свои лица для того, чтобы все внимание было сконцентрировано на этом белом нежном холщевом теле, уже созревшем, но еще девственно чистом, нетронутом.

Я отступил, слуга стоит на том же месте и наблюдает за мной, но лицо непроницаемое, словно вырезано из дерева.

— Это, — поинтересовался я, — к чему?

— Для вас, — сообщил он.

Я буркнул:

— А как... гм... смотрит общественность?

Он вскинул брови, переспросил:

— Это кто, родители?

— Ну хотя бы...

— Это они и добились чести, — сообщил он смиренно, — чтобы их дочь сумела обойти подруг и попасть в вашу спальню!.. Все родители хотят, чтобы их внуки были сильными, умными, здоровыми. Потому всегда стараются подложить дочерей под великих героев, знатных полководцев, победителей драконов...

— А-а-а, — сказал я, — это понятно, практично и разумно. Уже только ради этого можно стараться стать великим героем, знатым полководцем или победителем драконов. В общем, разумный обычай! Правильный.

— Ваше высочество?

На его лице было некоторое замешательство, ибо голос мой звучит странно, нет в нем одобрения, а только непонятная горечь.

— Да только я не правильный, — ответил я.

— Неправильный?

— Неправильный, — уточнил я. — Человек должен быть выше, чем быть правильным.

Он смотрел с некоторым непониманием, а я уже от своего ложа сделал понятный знак отрицания.

Судя по его лицу, он так ничего и не понял, это же мечта любого простолюдина: взобраться на трон, а там жрать в три горла, пить лучшие вина и трахать всех женщин, на которых раньше только поглядывал с трусливой завистью.

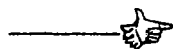
А я, в свою очередь, подумал с холодным цинизмом политика: а потому ли я отказался от этой молодой девственницы, что весь из себя такой благородный и справедливый? Потому ли, что, когда становишься властелином, уже не хочется того, о чем мечтал, будучи простолудином? Или хочется особой экзотики, к примеру, возвышенной любви?

Или же сработал инстинкт предосторожности? Когда сам себе выбираешь по дороге из крестьянок, то почти наверняка это и есть крестьяночка, а если вот так тебе кого-то подготовили, то может быть всякое. А я уже та пуганая ворона, что и на куст дует.

Дождавшись, когда все затихло, я наклонился и поцеловал сонного Бобика в лоб.

— Ждите меня, — сказал я тихонько. — Вернусь. Скажи Зайчику, что я его люблю.

Он посмотрел на меня сонными глазами, лизнул в руку и тут же задрях снова.

Глава 15

Через пару минут я вышел из зеркала, и сразу же в окно ударил ярко-розовый луч утреннего солнца, осветив сцену сражения на гобелене, а воздух показался теплее и чище.

Здесь уже утро, поспать не удастся, ну да ладно, все равно не заснул бы, тело потряхивает радостное возбуждение и странная жажда куда-то бежать, что-то делать, ломать, строить...

Я прошелся взад-вперед, торопливо вживаясь в мир Сен-Мари и вспоминая его проблемы, затем отворил дверь в коридор.

Стражи подхватились, лица ошалелые, но никто не спал, вижу, просто мое внезапное появление в кабинете всякий раз несколько ошарашивает.

— Секретаря ко мне, — распорядился я. — Сколько можно спать?

Далеко за пределами дворца прокричал петух. Кажется, после его крика исчезает всякая нечисть, а я вот, как чисть, появился на смену, можно сказать.

Жерар Макдугал, угрюмый и молчаливый, сдержанный до неприличия, переступил порог, поклонился и уставился в меня тяжелым взглядом.

— Доброе утро, — сказал я саркастически.

— Утро доброе, — ответил он сдержанно. — Это в самом деле вы?

— А кто же?

Он ответил равнодушно:

— Да тут появлялись двое... Правда, выше второго этажа не прошли, рассеялись... не сами, правда, но внизу обманули многих. Ваше высочество?

Я спросил сварливо:

— Неужели и вас надули?

— До третьего этажа не дошли, — напомнил он вместо того, чтобы уверять громогласно насчет своей необманчивости. — Ваше высочество, вы весьма вовремя.

— Еще бы, — сказал я саркастически.

— У нас, — сообщил он, — накопилось немало дел, которые требуют именно вашего вмешательства.

— Тащите, — сказал я обреченным голосом. — Все-таки придется подумать над системой наместничества...

— Работы будет еще больше, — предупредил он немедленно, будто тоже только что раздумывал о наместничестве.

— Почему?

— Придется контролировать и самих наместников.

Я промолчал, а он исчез и через пару минут принес из соседней комнаты, где его кабинет, большой ларец, откинул крышку и начал вытаскивать тщательно уложенные бумаги, грамоты, указы, распоряжения. Почти все требует только подписи, но с десятков бумаг вообще только с заголовками, состоящими из перечисления моих титулов.

— Как вообще обстановка?

Он разгладил первый лист и, придвинув ко мне ближе чернильницу с торчащим из нее пером, разместил так, чтобы мне было удобнее ставить подпись.

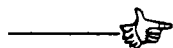
— В город съезжаются знатные гости, — сообщил он. — Из-за того, что вы поторапливали, решено коронацию не откладывать до весны, как принято, а провести сразу же после выборов нового короля.

— Наконец-то, — буркнул я.

— А каковы новости... у вас?

Мне показалось, что спрашивает не только настоятельно, но и с некоторым затаенным испугом.

— Что вас бросает в дрожь? — любопытствовал я. — Известие, что у нас где-то неприятности, или же

сообщение, что в наш братский союз возжелало войти еще одно королевство?

Он вздрогнул, натянуто улыбнулся.

— Надеюсь, шутите?..

— А угадайте.

Он покачал головой.

— Не рискну. Неприятности меня, сказать честно, не пугают. Неприятности всех нас сопровождают на жизненном пути, от них никуда не деться. А вот это королевство, что как бы само возжелало под вашу загребушую, может бросить в дрожь.

Я изумился, даже подписывать перестал, уставился на него во все глаза.

— Почему?

— Когда карман переполняется, — ответил он мрачно, — он лопается, и высыпается уже все. Чем выше взбираешься, тем больнее падать...

— Это я слышал, — прервал я. — Как-то и где-то. Давайте сразу же огорошу вас, дорогой друг. Под вашу загребушую, ну ладно, мою, хотя я считаю ее как бы общей в некотором плане, добровольно и с энтузиазмом попросились два королевства: Ламбертиния... да-да, они от радости решили стать королевством... или же затем, чтобы мы их приняли, а также королевство Мезина. Я хотел отказать им в их просьбах, но так и не сумел подыскать веских доводов, так что пришлось принять.

Он смотрел, оторопев, во все глаза, наконец пробормотал:

— Но... здесь об этом невероятном событии даже не знают... Как... не понимаю, как вы сумели...

— Защитить демократические преобразования, — подсказал я, — и базовые либеральные ценности донельзя свободных от всего граждан?..

— Ну да...

— Там как раз мимо шли две армии, — сообщил я. — Весьма кстати. Одну я развернул на запад, другую — на восток. Там пока и побудут, находясь на страже мира, демократии и природных ресурсов.

Он кивнул, лицо оставалось мрачным.

— Налогооблагаемая база?

— Выросла, — сказал я ободряюще. — Все сразу хватаете главное, сэр Макдугал!.. Вы барон или пока виконт?

Он поморщился.

— Ни то, ни другое. Насколько выросла?

— Где-то на треть, — сказал я, — если не больше. Просто в связи с будет раздача пряников. Вам предстоит смиренно и с благодарностью принять хотя бы титул барона.

Он заметил осторожно:

— Я даже не виконт.

— Виконта пропустим, — сказал я, — у нас, знаете ли, темпы... Весь просвещенный мир дивится, а непросвещенный так и вообще ахает. Нет — лучше графа! Наш двор растет, управлять им должны люди, внушающие даже дуракам, которые, кроме титулов, ничего не понимают.

Он сказал все тем же голосом, но я все равно услышал тщательно упрятанное удовлетворение:

— Как скажете, ваше высочество.

Я подписал еще с десяток бумаг, Жерар добросовестно прикладывает печать к горячим каплям сургуча. Я коротко взглянул на его сосредоточенное лицо, за улыбался.

— Как же хорошо вернуться...

Он остро взглянул на меня, на мгновение вскинул брови, такие же строгие и жесткие, как он сам.

— Ваше высочество из всех королевств предпочитаете это?

Я замедленно кивнул.

— Нечто во мне предпочитает... То ли здесь теплее, хотя на севере от людей тепла видел больше, то ли океан манит... Но сердце, понимаю, должно быть здесь... Или ум?

— Тут дела просто сложнее, — сказал он практично, — и важнее. А вас, ваше высочество, тянет к великим свершениям. Там, на севере, мелкие драчки друг с другом, а здесь перед вами неизведанное...

— Океан неизведанного, — согласился я. — И на суше тоже океан. Сегодня давай до обеда позанимаемся всеми неотложными, а потом можно устроить прием из числа тех, кто уже во дворце.

— А завтра остальных?

— Да, только фильтруй, а то и с мелочами лезут.

После его ухода я поработал с указами и распоряжениями, затем в коридоре слышались голоса, звякнул металл, в проеме двери снова появился сэр Жерар.

— Ваше высочество, — произнес он с церемонным поклоном, — к вам герцог Ульрих Ундерлендский.

— Зови, — сказал я и тут же остановил его жестом. — Кстати, выберите кого-нить из своих, кто будет заниматься этим вот. Вы у нас из личного секретаря постепенно поднимаетесь до канцлера... хотя нет, у нас канцлер Куно Крумпфельд... Кстати, где он?

— По вашему указанию, — напомнил Жерар, — лично объезжает наиболее влиятельных лордов и объясняет преимущества интеграции королевств в единое пространство.

— А-а, дело нужное, пусть завершает, отрывать не будем. В общем, до вице-канцлера как минимум. А канцлеру, даже вице, негоже совмещать обязанности и секретаря.

Он, не шелохнув даже бровью, ответил спокойно:

— Я предложу вам несколько кандидатур на выбор. А сейчас... герцог Ульрих!

Он отступил, из коридора выдвинулась огромная мощная фигура в дорогом рыцарском панцире с затейливой чеканкой, украшенной золотом. В остальном помимо кирасы костюм вполне светский, разве что краски малость приглушены, герцог несколько старомоден.

На нещадно загорелом под знойным солнцем Гандерсгейма лице белые шрамы выделяются отчетливо, их вроде бы стало больше, но тяжелый подбородок все так же выдвинут, кожа на высоких скулах натянута и блестит, а глаза зорко смотрят из-под толстых надбровных выступов.

Я вышел из-за стола, этикет обязывает, сделал два шага вперед.

— Дорогой герцог...

— Ваше высочество...

— Просто Ричард, — ответил я, — здесь мы одни. Прошу сесть, дорогой друг. Вина?

Он опустил в указанное мною кресло, светски улыбнулся.

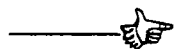
— Если только то, что пьете сами.

Я хлопнул в ладоши.

— Вина! Моего личного.

Появился слуга в парадных одеждах с гербами Кейдана, на подносе серебряный кувшин, а вино там в самом деле особое: я сам его сотворил и велел слугам подавать в тех особых случаях, когда придут особенно желанные гости.

Я сам, взяв у слуги кувшин и серебряные чаши, налил себе и герцогу, демонстрируя предельную уважительность. Он поклонился, принял чашу и сделал первый глоток. На лице отразилось выражение предельного удовольствия, даже наслаждения.

Некоторое время смаковал, затем отхлебнул снова и сказал с чувством:

— Что за вино... И почему Кейдан никогда им не угощал, я же бывал у него здесь десятки раз!

— Берег, — предположил я. — Там его всего один бочонок. Ничего, теперь нас угощать будет герцог Готфрид... тьфу, Его Величество Готфрид!

Он рассмеялся, протянул чашу в мою сторону. Я выдвинул навстречу свою, чаши издали мелодичный звон при соприкосновении.

— Ваше высочество, — заговорил он тут же достаточно деловым тоном, — мои эмиссары наметили места для строительства крепостей ордена Марешаля. Две в Варт Генце, одна в Скарляндии, еще одна в Турнедо. Кроме того, легализовали прием в братство здесь, в Сен-Мари...

— Прекрасно, — сказал я. — Вы намекаете, что неплохо бы профинансировать за счет государства?

Он улыбнулся.

— Хотя бы частично.

— Будет, — пообещал я. — Кстати, что с великим событием в истории Сен-Мари в связи со сменой королевской династии?

— Все лорды, — сказал он неторопливо, — осведомлены, что выборы вот-вот состоятся. Как только в столицу съедутся если и не все, то большинство знатных людей, к мнению которых прислушиваются. Потому уже сейчас в Геннегау заполнены гостиницы, а верховные лорды прибывают в свои дома и дворцы.

— Что говорят о претендентах?

— Главные, — ответил он с улыбкой, — это, конечно же, ваше высочество и герцог Готфрид. Но вы, желая, чтобы выборы были честными и справедливыми, допускаете и третью кандидатуру, то есть Его Величество ко-

роля Кейдана. Если большинство лордов отдадут свою верность Кейдану, то королем останется он.

— Гм, — сказал я, — вы это произносите таким голосом, что я уже начинаю бояться, как бы Кейдана мы не утвердили сами... Что говорит народ?

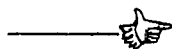
— Кейдана винят, — сообщил он, — что не сумел защитить королевство ни от вторжения варваров, ни от людей из-за Большого Хребта. Тем более что вскоре разобрались, что у вас была только одна крохотная Армландия, но вы с небольшой армией сумели решить сразу две задачи: защитить Сен-Мари от варваров и захватить само королевство. Особенно досадно всем, что Армландия по размерам и по численности населения уступает Сен-Мари в десятки раз!.. Король Кейдан это должен был знать!

— Он знал, — сказал я великодушно ради объективности, которая ничего не меняет, — да что толку?.. Народ забывает: армию через Хребет не перебросить, потому Кейдан оттуда нападения не ждал. К тому же варвары перекрыли все дороги, и Кейдан не мог знать, что вторжение уже началось. Что говорят о герцоге Готфриде?

Он ухмыльнулся.

— Что он собрал войска Брабанта и повел их, чтобы ударить варварам в спину и спасти королевство, но на всякий случай обратился и к вам за помощью. Вы привели под знамена герцога своих армландцев. Вообще народ убежден, что вы как послушный сын исполняете волю герцога Готфрида, потому почти никто не сомневается, что королем должен быть Готфрид, а вы — его наследником. За это время вроде бы превратитесь в коренного сен-маринца.

— Прекрасно, — сказал я, — тогда давайте побыстрее определим день выборов короля. Герцог чем занимается?

— В основном, — ответил он с некоторой неловкостью, — подбором молодых рыцарей в орден. Но я ему постоянно напоминаю, чтобы чаще бывал на верфи, проводил заседания Совета Лордов. Его уже считают правителем королевства, так как вас ангелы носят где-то по ту сторону Хребта, а для большинства там вообще земли чудовищ. Для народа всегда ближе тот, кто заботится о его огороде, а не о всем человечестве.

Я с бодрым видом потер ладони.

— Прекрасно. Значит, с выборами все в ажуре... Ах да, кстати, еще по одной крепости ордена Марешаля добавьте в королевствах Ламбертиния и Мезина.

Он вскинул брови, некоторое время смотрел на меня в полнейшем недоумении.

— Вы уверены?

— Оба королевства, — пояснил я, — уже вошли в наше содружество братских и свободных держав под властью одной идеологии. Хотя сами еще об этом не знают, но это неважно. Их дело пахать землю, растить хлеб и платить налоги!.. Как идет подготовка к смене династии?

— Фактически закончена, — ответил он. — Но, сэръ Ричард... как, почему, что такое с Ламбертинией и Мезиной?

— Да я там мимо ехал, — ответил я бодро, — смотрю, два королевства лежат!.. Одно слева, другое справа. Ну, я хозяйственный, подобрал. Как не взять, когда вот так сами в руки лезут?.. Это если бы воевать за них, тогда да, зачем они нам сдались?.. Правда, земли, люди, коровы, ресурсы, налоги... гм...

Он смотрел серьезно, едва ли не единственный, кто так и не понимает моего утонченного и острого, как колун, юмора, всегда серьезен и настолько правилен, что я невольно выпрямляю спину и мысленно проверяю, застегнута ли ширинка.

— И... насколько они...

— Наши? — переспросил я. — Ну, как сказать... Я всегда стараюсь дать все самое лучшее, прям от сердца отрываю! Наверное, потому меня так и любят, то с ножами лезут прямо к горлу, то суккубов подсылают, а то и вовсе... но я остаюсь верен заветам любви, которые нам дал Господь!

Он покачал головой.

— Сэр Ричард... вы становитесь все сильнее.

— Странно, — сказал я, — совсем недавно я слышал это совсем по другому поводу. И в тот раз прозвучало почему-то тоже вот так же невесело. Или встревоженно?

— Сэр Ричард, — произнес он медленно, мне почудилось, что ему очень неловко такое произносить, — важно не только откусить большой кусок, но... и суметь проглотить...

— Не подавившись?

— Вы сами это сказали, ваше высочество.

— Вы правы, — признал я. — К сожалению, я нахватал... Но когда само в руки прет, как не ухватить, пока ноги не оттоптало?

— А почему другим не прет? — спросил он.

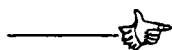
Я дернул плечом.

— Думаю, всем еще как, но другие не замечают прения. Почему-то думают, что взять можно только через масштабную войну, когда оба королевства должны обязательно истечь кровью, но победит то, которое протерпит бедствия дольше другого!

Он сказал несколько смущенно:

— Ну... такой подход... общепринят... других как бы и нет... Странно даже, как вы их находите.

— Я их не ищу, — отрезал я твердо. — Они сами передо мной скачут!.. И говорят, даже кричат, так громко, что буду полным дураком, если не... А кому жаждется быть дураком, к тому же полным? Хотя дураков любят

больше, чем умных, заметили? Потому я и вот обременен интеллектом, а из-за него и королевствами. Зато орден Маршала получит новые земли во владение, выстроит новые крепости, получит новых рекрутов из местных в братья ордена!

Он сразу посветлел лицом, озабоченность как ветром сдуло, выпрямился и улыбнулся с чувством.

— Ради этого, — произнес он небесно-чугунно-рыцарски, — только ради этого и стоит жить!

— Жду от вас, — сказал я тоже возвышенно, — весьма, дорогой герцог! Зело весьма.

Он поставил чашу на стол, поднялся, огромный и полный могучей мужской силой, а также весь сияющий, как ангел в первый день творения.

— Ваше высочество...

— Герцог...

Часть третья

Глава 1

Граф Людольфинг Фортескью, уже не сытенский и розовощекий, как в первую встречу, не худой, как гвоздь, и с запавшими глазами и щеками, как после темницы Кейдана, а как раз выкованный молотом невзгод и нелегких испытаний: поджарый, собранный, с чеканным лицом и внимательными глазами.

Я оглядел его с головы до ног, одет граф по-придворному, в то же время видно, что на службе, а не по дороге на бал, в одежде все подобрано до мелочей, чтобы было удобно и не отвлекало внимание.

— Граф, — произнес я.

Он учтиво поклонился.

— Ваше высочество...

Я сказал благосклонно:

— Я ознакомился с докладом сэра Жерара, где он весьма высоко оценивает вашу работу по созданию министерства иностранных дел. Разрешаю сесть, граф, так вам будет проще ввести меня в курс дел, что сделано, что делается и что предстоит еще сделать.

Он прошел к креслу, на которое я указал, присел, именно присел, а не сел, опустившись на самый краешек, чтобы вскочить в любой

момент, как исполнительный служащий в присутствии всемогущего хозяина.

Я взял кувшин и налил в пустую серебряную чашу вина, моя стоит все еще почти полная, в беседе с герцогом я позволил себе только глоток.

— Оцените это вино, граф...

Фортескью осторожно взял чашу, чуть пригубил, на мгновение замер, прислушиваясь к ощущениям, затем сел поудобнее и даже откинулся на спинку кресла, ибо когда с вином, то это другой уровень общения, нужно сидеть иначе, держаться иначе и говорить иное, хотя и согласно протоколу.

— Необыкновенное, — произнес он наконец. — Для вас не будет новостью услышать, что и я тоже ничего подобного не пробовал?

— Не будет, — согласился я с улыбкой.

Серебряная чаша в его пальцах медленно поворачивается из стороны в сторону, таинственно поблескивая мелкими драгоценными камешками. Не отрывая от нее взгляда, он проговорил богатым, как у оперного певца, задумчивым голосом:

— Ваше высочество, а позволительно мне будет спросить...

Он сделал паузу, я ответил легко:

— Позволительно. Вы же дипломат, ничего лишнего не спросите.

Он поклонился, выражая признательность.

— Тогда как будут строиться ваши взаимоотношения... с сэром Готфридом?

Я ухватил суть вопроса, и хотя в целом-то понятно, но останется много шероховатостей, за которые не преминут ухватиться всякие-разные, кому не терпится нагадить нам обоим.

— С сэром Готфридом, — ответил я так же неспешно, мы одни, никто за нами не следит, — как и раньше...

гм... с родителем. Но с Его Величеством королем, вы правы, барон, будут некоторые изменения...

Он не стал вежливо напоминать, что он уже граф, для нас обоих титулование — мелочь, только обронил так же медленно:

— Эти некоторые изменения, как вы понимаете, очень важны. Их нужно продумать заранее.

— И подготовиться, — согласился я.

— И приготовить, — уточнил он, — кое-какие контр-аргументы. Чтоб ничто не застало врасплох.

— Например?

— Например, — сказал он, — некоторые скажут, что вы должны принести присягу королю Готфриду и отныне выполнять все его указания. Что им скажете? И как поступите?

— Как верный и послушный сын, — сказал я, — которым я вообще-то никогда не был, разумеется, должен и буду выполнять все его распоряжения. Но как сюзерен земель, которые мне присягнули, я обязан блюсти их интересы. В конце концов, Армландия никак не может быть подчинена королевству Сен-Мари хотя бы потому, что это Армландия завоевала Сен-Мари, а не наоборот!

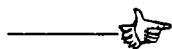
— С этим поосторожнее, — напомнил он ровным голосом, — официальная версия гласит, что это герцог Готфрид спас Сен-Мари от варваров, а вы ему чуточку помогли. И с каждым годом ваша помощь будет выглядеть все мизернее, согласны?

Я скривился.

— Это не новость. Думаю, король Готфрид останется тем же герцогом Готфридом по взглядам и жизненному опыту, каким и был в Брабанте.

— То есть первый среди лордов?

— Да, — подтвердил я. — У которого в личном пользовании будет Брабант, а все остальное... как и водится,

лишь по взаимному согласию с местными лордами. То есть как было и есть во всех королевствах.

Он чуть искривил губы.

— Кроме тех, куда вы уже ввели войска.

— Там тоже пока по-старому, — сообщил я. — Во всяком случае, большинство лордов еще не поняли, что у меня не причуды от избытка силы, а политика. Король Готфрид тоже будет вести дела по-старому. Как мне кажется.

Он поинтересовался со всей деликатностью:

— Вы не видите возможности... возникновения конфликтов?

— Как не вижу, — возразил я сердито, — сам знаю, что выкопал себе же яму!.. Конечно же, нельзя вести дела в одном королевстве по-старому и одновременно по-новому!.. Но что делать, придется как-то разграничить.

— Как? — спросил он в лоб. — Одному политику, другому — хозяйство? Но у вас все переплетено так, что не разберешь, где чего больше... Эх, как бы не воспользовались те, кто норовит вбить клин между вами.

— А такие есть?

— Есть, — ответил он, — и будет намного больше.

— Выявляйте и дальше, — распорядился я. — Кроме того, граф, вам предстоит свое ведомство расширить просто до неприличия.

— Ваше высочество?

— В Ламбертинии и Мезине ваши люди уже есть?

Он кивнул с довольным видом.

— Да, кое-кто из лордов согласился сообщать нам некоторые сведения... Кроме того, я заслал туда несколько человек под видом торговцев. Только Ламбертиния не королевство, а герцогство, ваше высочество... Хотя и весьма крупное. Побольше некоторых королевств.

— Уже королевство, — сообщил я небрежно. — Я его повысил. Сейчас там наш Альбрехт Гуммельсберг, барон Цоллерна и Ротвайля, кстати, он тоже ныне граф, разбирается с тем, что я наворотил как лось в камышах... В общем, тех людей так и оставьте работать под прикрытием, а официально откройте свои отделы.

— Официально? — переспросил он. — Значит ли это...

— Значит, — подтвердил я. — Ламбертиния и Мезина радостно и добровольно вошли в наш братский союз королевств с ограниченным суверенитетом. Конечно, я поотказывался сперва, но затем пошел на встречу их горячим просьбам и принял...

Вместо того чтобы обрадоваться, он посерьезнел и даже чашу поставил на стол.

— Ваше высочество! Как долго продлится их радость?

— Армия проследит, — сообщил я, — чтобы радость не прекращалась.

Он перевел дух с явным облегчением.

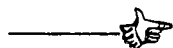
— Ах, там наша армия? Тогда другое дело. Но... откуда она взялась?

— Я решил, — ответил я, — что Скарляндия и Варт Генц пока обойдутся без вооруженных сил, зато их будет переполнять гордость от осознания, что их армии уже завоевали по королевству!

Он пробормотал:

— Завоевали?

— Это для скарляндцев и вартгенцев, — объяснил я. — Потому такое внимание и уделяю вашему ведомству, дорогой граф, что сам не люблю воевать. Мне нужны плоды войны, а не сами войны! Можно сказать, оба королевства завоеваны в результате интриг, но на таком высоком уровне интриги уже никакие не пошлые интриги, а достойный результат высокой дипломатии.

Он взял чашу и в несколько глотков опустошил ее, тем самым молча показывая, насколько впечатлен и потрясен.

— Ваше высочество...

— Вы будете руководить не министерством иностранных дел, — сказал я, — а министерствами... или филиалами вашего министерства. Мы быстро усложняемся, граф, а в громаде дел и планов все развалится, если каждая мелочь не будет под нашим неусыпным и бдительным. Потому... действуйте!

После его ухода я разложил бумаги с наметками, что надо сделать в первую очередь, что во вторую, ибо негоже ставить телегу впереди лошади. Некоторое время двигал их по столу, чтобы получалась хоть какая-то последовательность из этой спешки и сумбура, и когда начал нарастать холодок тревоги, я некоторое время отмахивался, как от назойливой мухи: что может грозить в королевском дворце в Геннегау, где с той стороны двери двое слуг и трое телохранителей, да еще у входа на лестницу остановят и спросят: куды прешь?

Предостерегающий холодок прокатился от затылка по спине вниз. Я поднял голову и тупо уставился на стену, где нечто странно так вздулось, словно быстро растет опухоль. Донесся треск камня, хруст, а ощущение опасности возросло стократ. Гобелен рухнул на пол, оголенные глыбы на глазах вспучиваются, словно их выдавливает гигантский быстрорастущий гриб, камни начали быстро покрываться изморозью.

Лютый холод прокатился по телу. Пламя свечи на столе затрепетало и погасло, почти сразу погасли и светильники на стене, они всегда там горят, хотя день солнечный и двух окон наружу вполне хватает.

Иней побежал по стене во все стороны от пузыря, а тот наконец с треском лопнул. Внутри в позе эмбри-

онов два рослых воина в странного вида доспехах и с уродливо загнутыми мечами, похожими на ритуальные.

Я заорал:

— Стража!.. Ко мне!

Оба воина одновременно высвободили ноги, свесив их в комнату, выпрыгнули и разогнулись. Оба на полголовы ниже меня, доспехи не выглядят чем-то особенным, как и сами незнакомцы, но я на всякий случай выхватил меч и застыл в боевой стойке.

Оба двинулись ко мне, каждый держит меч обеими руками, хотя те совсем не двуручные с виду.

— Эй-эй, — сказал я уверенно, — сперва надо поговорить! Или хотя бы обругать друг друга для задора. Вы что, воинский этикет не читали?

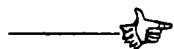
Один нанес быстрый и короткий удар, но я уклонился с легкостью, сам в свою очередь резанул по плечу, проверяя доспехи, с виду они как из крашеной бумаги, однако лезвие, чиркнув со скрипом, не оставило следа.

Озадаченный, я осторожно отступал, поглядывал и на второго краем глаза, а сам уклонялся от ударов своего врага. От злости и неожиданности нападения сердце стучит так, что не считаешь, метаболизм ускорился в разы, однако удары моего тяжелого меча не оставляют и следа, а он рубит с такой мощью, что понятно: старается зарубить с одного удара.

Второй враг все пытается зайти сзади, но я лавирую, выскальзываю, скорость у меня выше, если бы еще и сила...

Отражая удары, все время поглядывал на дверь, что же там затихли, давно должны ворваться... иней с обеих стен пугающе быстро перебрался на дверь, сковал ее геометрическим узором, а сверху покрыл слоем блестящего голубого льда.

Взвинтив метаболизм еще, уже до предела, я сам начал наносить удар за ударом, однако меч жалобно зве-

нит и отскакивает, вызывая боль и дрожь в кистях рук, а неизвестный наступает и рубит с прежней неутомимостью. Я понял с обреченностью, что стоит мне зазеваться хоть на долю секунды...

Второй начал атаку, я едва вывернулся, трижды приходилось падать и кувыркаться, что так не люблю, на миг представил себе, как бы отважно сражался рядом со мной Бобик, да он бы один их порвал...

...страшный удар бросил меня на стену, я упал, откатился и снова отпрыгивал и бесцельно контратаковал.

Мой противник резко остановился, я видел пылающие лютой злобой красные, как угли, глаза в прорези литого шлема. Выронив меч, он выбросил вперед обе ладони и вскрикнул два остро прозвучавших слова.

Я собирался воспользоваться мгновением и нанести удар в голову, однако мои руки сковало, я успел подумать смутенно, что случилось нечто странное, магия на меня не действует же, почему теперь вдруг...

Но это не магия, вокруг меня возник лед, стиснул, стало трудно дышать, а очертания этих сволочей смазались и поплыли, причудливо искажаясь. Я пытался вздохнуть, однако на грудь навалили могильную плиту, и только теперь ощутил лютый холод, что пробрался в мое разгоряченное тело и начал сковывать кости.

Слой льда стал вроде бы еще толще, я завис в нем, чувствуя, как нечем дышать, в комнате уже почти ничего не видно, только мелькают смутные тени, а грудь, пытаясь расшириться и захватить пастью воздуха, упирается в ледяную стену...

При нехватке воздуха начинаются спазмы, в этом состоянии могу не дышать почти минуту, вечность, но вечность прошла, в голове начался звон, грохот, легкие трещат от усилий получить хоть каплю воздуха.

Раздался звенящий грохот, мир разлетелся вдрезг. Я рухнул на груду колотого льда и жадно хватал ши-

роко распахнутым ртом воздух. Глаза слезятся, не сразу рассмотрел в комнате кучу народу, мои телохранители суется и покрикивают, но в центре комнаты... отец Дитрих, у его ног два ярко-синих пятна, некая слизь, а еще два священника ходят вдоль стен и движениями раскрытых ладоней с растопыренными пальцами уничтожают лед и лохмотья инея.

Оба с благостно-суровыми лицами, словно сошедшие с икон, бледные, с желтыми щеками, у одного глаза запали так глубоко, что вижу только темные пещеры глазниц, а второй, напротив, с круглыми, как у совы, глазами, выпуклыми и блестящими,

Отец Дитрих шагнул ко мне, в глазах неясное осуждение.

— Все-все, поднимайся!..

Меня трясло, подбрасывало судорогами, я пытался как-то восстановить контроль, но жуткие спазмы рвут сухожилия с такой силой, что я слышал треск и шипел сквозь зубы от дикой боли, потому что настоящий мужчина не имеет права кричать и выказать боль, я же не демократ, это они орут, если даже пальчик прищемят...

Отец Дитрих время от времени трогал меня, я сразу же чувствовал, как нечто входит в меня горячее, как раскаленный прут, но острая боль через мгновение переходила в приятное, даже сладкое ощущение.

С трудом я воздел себя на ноги, ошалело уставился на пятна синей слизи, догадываясь, от кого они остались.

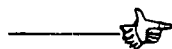
— Что... это... было?

— Ты спасся чудом, — сказал отец Дитрих сурово.

— Да, — ответил я, — уже... ага...

Он отмахнулся.

— Это пустяки. Хуже то, что глыба льда уже начала погружаться в пол с тобой вместе. Оттуда даже мы не смогли бы. Так бы и двигалась вниз до самого ада.

Я вздрогнул.

— Господи...

— Они запечатали все двери, — объяснил он, — потому твои люди не могли их даже взломать. Давай пройду до твоей комнаты.

Я запротестовал:

— Отец Дитрих!

Однако он крепко взял за локоть и вывел в соседнее помещение, что совсем не комната, а мои покои, размером с такое, что до сих пор не могу подобрать аналог.

Я рухнул в кресло, отец Дитрих сел напротив и протянул мне большую чашку. Я дернулся, ощутив аромат крепкого кофе.

Он держал обеими руками у моих губ, потому что мои все еще дергаются, как у припадочного. Я жадно глотал, обжигаясь, такой же крепкий, сладкий и горячий, какой обожаю.

Я проглотил больше половины, наконец ухитрился разжать стиснутые челюсти и просипеть:

— Но... как?

— У тебя подсмотрел, — ответил он с улыбкой. — А вкус помню...

— Сума сойти, — прошептал я и уже не смог удерживать тяжелые, как свинцовые плиты, веки, — это же...

В сон провалился я раньше, чем в глазах померк свет. Дальше был настолько дикий кошмар в аду, куда провалился, что временами даже понимал, что сплю, но вырваться не мог.

Глава 2

Мне казалось, что проспал несколько суток, но, когда открыл глаза, из-за двери все еще доносятся те же голоса. В поле зрения появился отец Дитрих.

Я распахнул глаза шире и понял, что все так же сижу в кресле, где заснул так нелепо. Через распахну-

тую дверь кабинета видно, как монахи заканчивают там кропить святой водой окна, а столяр уже насадил выбитые створки двери на место и проверяет, плотно ли закрываются.

Отец Дитрих заметил, что я пришел в себя, приблизился с озабоченным лицом.

— Очнулся?.. Очень хорошо. Ты крепче, чем мы думали.

— Ничего себе, — пробормотал я в неловкости, — в обморок, подумать только, я почти юная леди... Отец Дитрих, а как вы успели так вовремя?

Он перекрестился, лицо строгое, но мне показалось, что в глазах проступило некоторое замешательство.

— Они почему-то оставили след, — ответил он, — что нехарактерно... Но мои братья с такими встречались, потому сразу сюда.

— А вы?

— Я тоже, — сказал он скромно. — Это не самые, так сказать, но надо знать их уязвимые места, а не пытаться... по головам. Головы даже у большинства людей просто литые. В общем, отныне среди твоих телохранителей, сын мой, будет и монах.

Я сказал слабо:

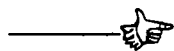
— Отец Дитрих...

— Не возражай, — велел он строго. — Ему ничего не стоит вовремя прикрыть тебя святым крепким словом. На самом деле это просто, когда знаешь, где у кого уязвимые места... Но, конечно, лучше всего, если бы ты сам обрел защиту. От таких и... посложнее.

Я прохрипел:

— Отец Дитрих! Да я всеми фибрами...

— Храм Истины, — напомнил он. — Пройдешь испытание, тогда тебе телохранители вовсе ни к чему, а ты ж о таком мечтаешь? Сегодня тебе просто повезло. Священники оказались не заняты и потому сразу ощутили приближение Зла.

— Я вообще счастливый.

— Но в следующий раз пришлют кого-то посильнее, — ответил он очень серьезно. — Вряд ли смогу защитить.

— Даже с этими двумя священниками?

— У нас есть и посильнее их, — ответил он уклончиво, — но на Юге маги изощреннее.

— Господи...

Он сказал строго:

— Если тебе наплевать на свою жизнь, то подумай о своем деле. Все рухнет, ты понимаешь?

Я сказал с тоской:

— Отец Дитрих, тут на небо некогда взглянуть, куда уж ехать куда-то далеко на Север и заниматься... усовершенствованием, повышением квалификации, когда здесь дом горит?... Сперва все погасим, наладим, а потом...

— Потом может не быть, — ответил он холодно и почти враждебно, — что-то в жизни можно отложить, но нельзя откладывать постоянно то, от чего зависит не только твоя жизнь.

Я опустил голову, долго вздыхал, священники уже удалились, отец Дитрих сурово молчит, наконец я проговорил с тяжелым вздохом:

— Хорошо. Дайте неделю. Я оставлю распоряжения, а потом... да, отправлюсь на вивисекцию.

— На Испытание, — поправил он.

Я переспросил:

— Испытание? Я думал... гм... меня там чему-то обучат по-быстрому, дадут какой-нить амулетик... в смысле, освященный крестик...

Он вздохнул.

— Что за язычество... Сперва будет Великое Испытание. И только если сумеешь пройти, сын мой, тебя пропустят на ступеньку выше...

— А какой процент проходящих? — спросил я.

— Меньше одного, — ответил он. — Намного меньше.

— С ума сойти, — сказал я слабо. — Это как раз для меня, я так и знал! На меня в последнее время что-то все хорошее валится. Хорошее, но тяжелое. И с большой высоты. На голову. Хорошо, как вы говорите, она у меня без пустот, литая.

Он поморщился, тревога из глаз не исчезает, чего я раньше не видел, все-таки печаль одно, а вот так смотреть на меня, как на человека, что надел петлю на шею и готовится ради шутки прыгнуть с помоста...

— Ты не защищен, сын мой, — произнес он. — А сейчас это главное.

— Совсем не защищен?

— От таких — нет.

— Господи, — сказал я с тоской, — как хорошо было быть простым зольдатом, совсем простым зольдатом... Только меч и кольчуга, этого хватало.

— Стареешь, — буркнул он.

Я охнул.

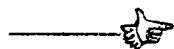
— Это я старею?

— Когда начинают вспоминать, — сказал он неумолимо, — как было хорошо в прошлом, это и есть явный признак старости. А стареть можно начинать с ранней молодости.

Я тяжело вздохнул.

— Да знаю, что чем выше взбираешься, тем опаснее, но одно дело знать, другое — на своей шкуре. Понятно, у принца охрана должна быть чуточку получше, чем у виконта...

— Да еще такого принца, — сказал он почти недобро. — Думаешь, телохранители спасут, если появится настоящий противник?.. Посланный не младшим конюхом помощника великого мага, а кем-то постарше?..

Внезапный холод прокатился по моему телу, отец Дитрих говорил не просто очень серьезно, но с печалью, словно видит, как мое баранье упрямство ведет напрямик в пропасть.

— Но, — пробормотал я, — неужели это так... серьезно?

— Это не было серьезно, — заверил он, — когда ты был бароном или даже графом. Стало серьезнее, когда в качестве гроссграфа сумел пройти Великий Барьер и вторгся в Сен-Мари, что вроде бы как заморская земля империи Генриха. И совсем уж серьезно, когда ты начал создавать некое мощное объединение.

— Отец Дитрих, — сказал я слабо, — я не создавал! Это как-то само. Думаю, Господь меня вел и направлял мою длань.

Он слабо отмахнулся.

— Да я не осуждаю, не оправдывайся заранее. Я говорю, что все пойдет прахом, когда тебя убьют.

— Если... — сказал я.

— Не «если», — возразил он, — а именно «когда». Тебя точно убьют, сын мой. Даже я вижу дыры в твоей защите! А уж те, кто обучен убивать, заметят их намного раньше.

— И что мне...

— Храм Истины, — сказал он веско. — Только там можешь получить защиту. Хотя можешь и не получить... Но, мне кажется, в тебе больше нужного церкви, чем разрушительного.

Я вздохнул.

— Отец Дитрих, разве я против? Я как раз собирался закончить с флотом и сразу же быстренько смотаться туда и пройти там посвящение или экзамен, что там в этом Храме!

— Ты не первый, — ответил он, — кто так говорит. Все откладывали и откладывали. А потом другие на-

ходили их окровавленные или вовсе обескровленные тела. А то и вовсе не находили. Мы все стараемся отодвигать такие вот дела на потом... Что ж, Господь дал нам всем право выбора!

Он перекрестил меня и вышел в коридор. Я некоторое время сидел, прислушиваясь к обрывкам разговоров, у меня уши еще те, даже эти толстые дубовые створки не помеха, если сосредоточиться, но что толку подслушивать разговоры слуг и телохранителей?

Услышать бы, что задумывают мои главные противники.

В коридоре снова голоса, мне надо либо изошренный слух приглушить, либо двери потолще, затем донесся женский возмущенный писк, я высокие звуки ловлю даже лучше низких, наконец дверь чуточку приоткрылась.

Переальд заглянул, повертел головой, не сразу отыскав меня взглядом.

— Ваше высочество...

— Женщины? — перебил я. — Гони.

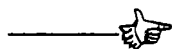
Он сказал виновато:

— Но Азагердия... говорит, что право имеет...

— Ах, — сказал я, — королева красоты... Ну да, красивые всегда имеют больше прав, чем некрасивые, а накрашенные красивые больше, чем красивые ненакрашенные.

Он понял это как разрешение, приоткрыл дверь шире и отступил, а в кабинет, почти отшвырнув телохранителя, ворвалась Азагердия, прекрасная и взволнованная, ее огненные волосы, выбившись из-под платка, почти устроили пожар.

— Что случилось? — вскрикнула она. — Почему мне только сейчас сказали?

Она остановилась передо мной, рослая в отличие от дюймовочки Розамунды, надменно-величественная, с горящим от гнева лицом, но в ярких глазах вижу настоящий страх, что со мной что-то может случиться, а у сильных людей гнев — это пламя, а не огонек свечи, а беспокойство за кого-то — ураган, что сметает препятствия.

Я взял ее руку и благодарно поцеловал пальцы.

— Спасибо.

Она спросила все еще сердито:

— За что?

— За беспокойство, — пояснил я. — Мне кажется, за меня вообще никто не беспокоится. А если и есть такое, то, скорее, человек заботится о своем положении, что после меня может пошатнуться или вовсе рухнуть.

Она фыркнула:

— Так и я тоже! Здесь мое положение несравненно выше, чем в неприметном Фезензарде. Я заинтересована в вашем здоровье и благополучии.

— Ладно-ладно, — прервал я, — не выкладывайте и остальные ваши темные секреты женской души. Я предпочту быть обманутым и предпочту верить, что вы... эта... искренне. Такие женщины вроде бы тоже бывают, если верить легендам и поэмам.

Она посмотрела в удивлении.

— А вы им верите?

— Поэмам?

— Да.

— Верю, — ответил я неожиданно искренне. — А кому еще можно верить в этом мире?.. Потому верю, что искренне заботитесь обо мне, так мне спокойнее. Это успокаивает, наполняет благодушием.

Она зыркнула насмешливо и дерзко, но в глубине ее глаз на миг промелькнуло растерянное и даже беспомощное выражение, словно обозначился некий кон-

фликт или просто амбивалентность между независимостью характера и женской чертой во всем полагаться на мужчину.

Возможно, ее долго и старательно готовили по дороге из Фезензарда в Геннегау, что с этим Ричардом нужно держаться дерзко и вызывающе, он сам такой, покорных не уважает, и если она хочет быть замеченной, то должна уметь дерзить, не переходя границы, и уметь высказывать независимость суждений и вкусов.

На самом же деле она, возможно, как раз кроткая и тихая мышка?.. Хотя вряд ли, это львица может прикинуться кроткой, а мышке труднее изображать львицу.

Сейчас у этой победительницы и королевы красоты, дочери знатного лорда, графа Кельгнера, что ведет свой род от Моргендарста, снова надменно-прекрасное лицо, полное невозмутимости и того величия, когда даже на всяких там принцев смотрят свысока, но я нарочито уставился на ее пышные груди, женщины всегда в этих случаях польщенно улыбаются или чуточку краснеют от удовольствия, однако Азагердия смотрела с тем же высокомерным равнодушием.

— Я рада, — произнесла она красивым серебристым голосом, — что у вас все в порядке и я беспокоилась зря.

— Я рад, — ответил я, — что вы рады. Вы уже подобрали наряд для дня коронации?

— Успею, — ответила она. — Я хочу помочь с нарядом леди Элинор. Она прибудет?

— Обязательно, — заверил я. — Только она прибудет в последний день перед коронацией.

— Почему?

— Много дел, — объяснил я. — Она занимается... управлением хозяйством всего Брананта. Пока герцог отсутствует, конечно...

Азагердия наклонила голову, вроде бы соглашаясь, хотя, думаю, некоторые слухи доходят и до Геннегау на-

счет того, что леди Элинор столько лет отстаивала независимость своих владений не только с помощью своего обаяния.

— Ваше высочество, — произнесла она вопросительно, — изволит ли сегодня посетить женскую половину?

— А что там может быть любопытного, — удивился я, — если главное сокровище той половины вот оно, могу даже пощупать?

— И получить по рукам, — ответила она мило. — Ваше высочество, я не щупальная.

— А-а...

— Я красивая и ценная декорация, — напомнила она с достоинством. — Меня нельзя ни мять, ни жмакать. Испортите!

— А-а, — протянул я снова, — так чего мне туда переть?

— Там мои фрейлины, — пояснила она. — Мои подруги, я их вызвала из Фезензака. Они безумно рады, что вырвались к королевскому двору. Вот их можно немножко пожать, они же фрейлины!

— Гм, — признался я, — перед такой перспективой не устою. Сегодня же загляну. Ближе к вечеру.

Она присела в церемонном поклоне и даже склонила голову, чтобы я мог без помех смотреть на ее пышную грудь и представлять, как жмакаю ее тоже.

Глава 3

Выборы короля должны состояться в ближайшие дни, лорды уже съезжаются, но не столько для того, чтобы захватить места поближе к трону, просто с нынешними дорогами нельзя точно планировать время

прибытия. Проливной дождь моментально выводит из употребления даже тропки, приходится где-то останавливаться и ждать, когда все подсохнет.

На один и тот же отрезок дороги можно потратить как неделю, так и месяц, потому самые дальние выезжают не только заблаговременно, но и с немалым запасом времени.

Я наблюдал со смотровой площадки башни, как в город прибыла группа из Ундерлендов. Герцог Ульрих здесь давно, из его владений прибыла только Иля, его супруга, но с нею такой цветник фрейлин, что наши орлы сразу воспрянули и расправили перья.

Из наиболее знатных гостей, которые не участвуют в выборах, но присутствуют на коронации, прибыл с пышной свитой король Фоссано Фердинанд Барбаросса. Рядом верхом на рослом коне едет по-мужски Алевтина, крупная и могучая, с золотыми волосами, что прямым водопадом падают на спину, а чтобы не выглядеть простоволосой, как распутница какая, ее лоб украшает великолепная диадема в виде венца, но не замыкается в кольцо, а просто красиво охватывает переднюю часть головы, возвышаясь над лбом созвездием крупных жемчужин, сапфиров и бриллиантов, красиво помещенных в гнезда из серебра.

Валькирия, мелькнуло у меня снова, настоящая спутница воина, даже чем-то похожи с Барбароссой.

Я сбежал по ступенькам, довольный и счастливый, так надо, Барбаросса остановил коня, я с ходу преклонил колено, глядя на него счастливыми глазами.

Мои лорды уязвленно забурчали, Барбаросса грузно покинул седло, подошел ко мне и, крепко сжав за плечи, поднял легко, как тряпичного человека.

— Ну, здравствуй.

— Ваше Величество, — сказал я ликующим голосом, — какое волнительное волнение меня охватывает, когда вижу вас!

— Бреешь, — сказал он великодушно. — Но хорошо бреешь. Смотри, как Алевтина довольна.

Он обнял по-отечески, я чувствовал по его словам и голосу, что и он также рад видеть меня, даже не просто рад, а что-то есть между нами родственное, словно он мой второй отец или родной дядя, опекавший с детства.

Я высвободился из его объятий, преклонил колено перед Алевтиной, что улыбнулась мне дружески и сошла на землю, наступив сперва мне на колено и крепко опершись на склоненный затылок широкой ладонью.

Барбаросса хохотнул:

— Вот злодей, какие у него манеры!.. А помню такого наглого разбойника...

Алевтина возразила:

— Он всегда был очень приличным молодым человеком!

— Ну, — ответил Барбаросса независимо, — должен же я его усть перед его людьми, как он меня постоянно...

Он захохотал, я подал руку Алевтине, она взялась крепко и спокойно, без женских ужимок, и я повел их во дворец, где уже с неделю ждут приготовленные для них покои.

В тот же день к вечеру прибыл король Найтингейл, но без женского общества. После смерти первой жены, что случилась двенадцать лет тому, так и не женился, хотя лорды и пытаются сосватать самых знатных дам как своего королевства, так и соседних.

Я тайне побаивался, что в его свите вдруг да окажется герцог Мидль с нашей прелестной женой, но

Найтингейл предпочел прибыть всего с десятком охраны и слуг.

Его разместили в том же крыле, что и Барбароссу, выделив целый этаж, а я, пошелестев с ним языком несколько минут, извинился и унесся встречать других гостей.

Последним из соседских королей прибыл Херлуф Сильвервуд в красной мантии до пола, расшитой золотыми лилиями, корона высокая, рогатая, нечто старинное и явно особо ценное, на груди золотая цепь, где наряду с драгоценностями вделаны и амулеты, слишком уж эти камешки выглядят просто.

Я приветствовал его со всей почтительностью, он обнял меня и воскликнул ликующе:

— Как это, оказывается, великолепно — оказаться на палубе морского корабля!.. И хотя путешествие было крайне коротким, но я успел ощутить его прелесть.

Я ответил с чувством:

— А как мы рады и счастливы, Ваше Величество!.. И надеюсь, наши торговые и прочие связи будут шириться и укрепляться.

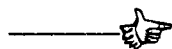
— С каждым днем ширятся, — заверил он. — Ваши громадные корабли... каравеллы, так вы их называете?.. как только впервые покидают бухту, ваши купцы тут же их фрахтуют для перевозки грузов из моей Вестготии!

— Морды хитрые, — сказал я беззлобно, — везде выгоду ищут!.. Нет чтобы дать сперва каравеллам научиться ходить в строю для отражения вражеских атак...

Он спросил опасливо:

— Собираетесь воевать на море?

— Нет, — заверил я, — как можно воевать? Война — плохо!.. Я всегда против войны, если только она не приносит выгоду... Однако надо уметь использовать преимущества не только больших кораблей, но и боевых порядков!

Его тоже разместили в том же крыле, а я побежал встречать новых гостей. Как и все рутинное, хоть и праздничное, я предпочел бы спихнуть на других, но сэр Жерар сказал настойчиво, что встречать должен я и только я, это подчеркивает мое положение хозяина и властелина, гостям напомнить это нелишне.

Я возразил, что тогда лучше бы герцог Готфрид, но сам понимал, что не получится: герцог с головой ушел в радостные хлопоты по набору новых братьев в Орден Марешаля. Правила приходится резко ужесточать, это в изгнании жизнь Ордена едва теплилась, когда собирались тайком в пещерах, но сейчас, когда Орден резко набирает мощь и пользуется поддержкой власти, кто-то придет и ради выгоды.

Я все еще разбирал бумаги насчет учреждения независимых судов для черни, это нужно подать так, что благородным лордам не стоит пачкаться разбором их жалоб, пусть простолюдины сами создают свои суды и судят друг друга. Это будет называться судами присяжных, а благородные люди должны заниматься благородным делом: учиться воинскому ремеслу и защищать некое таинственное Отечество, которого пока нет, но которое будет.

Сэр Жерар вошел и поклонился, на лице непонятное выражение, смесь торжественности с едкой иронией.

— Ваше высочество, — произнес он чопорно, — вашего внимания просят старший герольдмейстер и верховный церемониймейстер!

— Ого, — сказал я невольно. — Надо же... Что ж, просите. Только оставайтесь с нами, вдруг что подхрюкнете дельное.

— Ваше высочество!

— Или возразите вовремя, — добавил я.

— Вы меня переоцениваете, — сказал он гордо. — Возражать вам? Мне голова дороже.

Он вернулся в коридор, я слышал там голоса, затем в кабинет чинно и с достоинством вошли герольдмейстер, да не просто герольдмейстер, а главный, и верховный церемониймейстер королевского двора.

Оба высокие, худощавые, но не слишком, олицетворение того, какими должны быть мужчины в возрасте, чопорные, сдержанные, чисто выбритые, в одежде все подобрано так, начиная от материала, цвета, формы и множества украшений, что даже мне все показалось уместным.

От обоих повеяло таким аристократизмом, что я попытался скосить глаза и проверить, застегнул ли ширинку и не в глине ли мои сапоги.

Оба достались от Кейдана, но так как ничем абсолютно не интересуются, кроме формы одежды, гербов и соблюдения церемониала, то не стал их убирать. Чем меньше перемен — тем лучше. У лордов создается иллюзия, что в королевстве ничего не изменилось, а это очень важно для тех, кто собирается менять все круто, глубоко и резко.

Оба одинаково поклонились, с полным почтением, но в то же время и с таким монолитным достоинством, что многим во дворце стоило бы брать у них уроки.

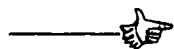
— Слушаю, — сказал я с непроницаемым лицом.

Церемониймейстер проговорил бархатным голосом:

— Ваше высочество, в связи с предстоящим событием хорошо бы, как заведено традицией, даровать вашим близким подданным некоторые вольности.

— Вольности? — воскликнул я. — Вы что, либералы? Карбонарии?.. Да я душитель вольностей, не слышали?

Церемониймейстер несколько опешил, а герольдмейстер сказал красивым звучным голосом:

— Ваше высочество, сэр Гринвуд имеет в виду символические вольности. И только для самого узкого круга.

— Что именно? — спросил я настороженно.

— Мы подготовили указ, — объяснил он, — вам нужно только вписать в него имя или даже имена, которые сочтете нужным. Вы можете даровать высочайшую привилегию кому-то из лордов обращаться к вам по имени или же сидеть в вашем присутствии.

Церемониймейстер добавил:

— Или не снимать шляпу в вашем присутствии!

Я сказал с облегчением:

— А-а-а, вот вы о чем... Да, это весьма как бы даже зело пользительно для блага страны и королевства тоже. Высшие привилегии, которые ничего не стоят, но ценятся безумно высоко!

— И являются предметом постоянной зависти, — добавил герольдмейстер скромно.

— Прекрасно, — сказал я. — Это весьма... Давайте указ!.. Та-ак, первым впишем графа Альбрехта, а также Макса... А еще им высочайшим повелением разрешаем не вскакивать, когда я захожу, чем бы они ни занимались, свиньи такие.

Церемониймейстер следил через мое плечо, как я вписываю своих сторонников, деликатно напомнил:

— А не слишком ли заметно, что вы обошли всех герцогов, включая даже Ульриха, Готфрида...

— Это для равновесия, — буркнул я. — Сам не могу к ним на «ты», против и возраст, и правила этикета, а с герцогами Меганвэйлом и Шварцкопфом и возраст, и недостаточно близкое знакомство... Зато впишем сэра Растера...

Церемониймейстер спросил еще деликатнее:

— А его... за какие заслуги?

— А он и так со мной на «ты», — объяснил я, — без всякого разрешения. Ему хоть кол на голове теши. Он же ветеран, а я новичок... как он считает.

— Тогда, может быть...

— Нет, — сказал я твердо. — Пусть незнатен и бес титульный, но преданный друг! И вообще личность. Наставник молодежи. Знаток гарпий. Легенда, можно сказать! Это я должен быть горд знакомству и общению с ним.

Оба поклонились, когда я вписал последнее имя и поставил размашистый росчерк.

— Ваше высочество...

— Погодите, — сказал я, — есть идея... Я такой, у меня их много, и все какие-то разные...

Они остановились у двери и смотрели на меня в ожидании.

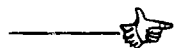
— Да, ваше высочество?

— Ага, — сказал я, — вот оно, на ходу импровизирую, разве я не чудо? Подготовьте еще один указ... даже два. В связи с тем, что Геннегау отныне является не просто столицей королевства, но столицей содружества королевств... к которому присоединились еще и Ламбертиния с Мезиной, потому повышается значение и должностных званий при королевском дворе.

Церемониймейстер вежливо наклонил голову, изящно выгнув ее еще и чуть набок.

— Ваше высочество?

— Вводятся две новые должности, — объяснил я. — Генеральный герольдмейстер и генеральный церемониймейстер! Однако, чтобы не плодить лишние сущности и в яростной и непримиримой борьбе с раздуванием штатов, повелеваю упразднить должности главного герольдмейстера и верховного церемониймейстера королевского двора. Взамен их вам разрешается набрать штат помощников.

Оба сперва ошалели, затем расцвели такой чистой радостью, что я даже позавидовал, ну что это мне все только и норовят вилы в бок, есть же люди, которым всегда хорошо.

— Ваше высочество!

— Ах, ваше высочество...

Я милостиво улыбался, когда они, сгорая от счастья, попятились и вышли, уже полные творческих планов в связи с повышением по службе.

Сэр Жерар появился почти сразу, по обыкновению мрачный и сосредоточенный, но, как мне показалось, про себя веселится хитрому ходу, когда я осчастливил двух придворных работников, дав им так вроде бы много, а на самом деле ничего, но это могут оценить только армландцы или какие-нибудь дикие скарландцы.

— Ваше высочество...

— Говори, — сказал я, — тебе тоже надо даровать право говорить без всяких этих условностей.

Он сказал испуганно:

— Ни за что! А вдруг какой вашей мудрой мысли хребет перебыть? Это же такая потеря!

— Ничего, — ответил я уверенно, — у меня их куры не клюют, и так весь мозг загажен. Чё надо?

— Герцог Ришар услышал о вашем прибытии, — сообщил он, — и уже здесь. Во дворце.

— Надо пообщаться, — сказал я со вздохом, — хотя вроде бы и не о чем, но разве всегда мы в жизни делаем то, что хочется?

— И даже не всегда то, — согласился он, — что действительно надо. Он сейчас внизу, через десять минут будет здесь, если разрешите.

— Зови, — буркнул я.

Глава 4

Ришар вошел загорелый до черноты, что так резко контрастирует с его белыми волосами, все еще густыми и толстыми, как у коня грива, прямой, как тополь, по виду очень довольный, даже счастливый.

От него настолько отчетливо пахнуло соленым воздухом океана, что я спросил с подозрением:

— Герцог... вы не пиратствовали случаем? Присядьте вот здесь, самое мягкое кресло, и не дует... так уж сильно.

Он широко заулыбался.

— Ваше высочество, был соблазн, был... Но слишком много работы в порту, да и в Тараскон все прибывают новые работники, приходится строить бараки за бараками.

Я усадил его в кресло, сел напротив и спросил, глядя в его подчеркнуто мужественное лицо, на котором шрамов больше, чем морщин:

— Но на кораблях поплавали?

Он в удивлении покрутил головой.

— Неужто заметно?

— Еще как!

— Самую малость, — сказал он с удовольствием, — от Тараскона до Вестготии и обратно. Надо же представить, как погрузим и повезем целое войско.

— И как?

Он развел руками, я быстро налил вина в чашу и сунул ему в ладонь. Он сделал глоток, бездумно и привычно, потом с удивлением посмотрел, что это такое у него в руке.

— Какое сказочное вино!.. Откуда вы только такое берете?.. А на море, дорогой друг, лично мне бывало трудно, тревожно и даже страшновато... но, с другой стороны, почему я родился и жил так далеко от океана?.. Эх... В общем, работа кипит. Местные купцы наконец

расшевелились, уже не просто фрахтуют готовые корабли, но и сами строят. Говорят, еще две бухты присмотрели, уже сами собираются закладывать целый порт на свои деньги!

— Ух ты...

Я взглядом указал ему на чашу, он кивнул и сделал еще два больших глотка.

— Чудесно... Кстати, идут слухи...

Он умолк и смотрел на меня испытующе.

— Ну-ну, — поторопил я.

Он понизил голос:

— Идут слухи, совсем близко от берегов есть секретные острова!.. И пираты там прячут награбленное, и пещеры их полны алмазов и драгоценных камней...

— Это да, — согласился я, — не счесть алмазов в каменных пещерах, не счесть жемчужин в море полуденном... Это да, пираты всегда так делают, такие места и называют островами сокровищ!.. Только карты попрятаны, потому придется обыскивать все острова, что встретим в океане.

— Сделаем, — сообщил он с энтузиазмом. — Это же так увлекательно!

Глаза его смеются, этот герой Олбени, Гастрикса, Черной Речки и еще массы мест, заканчивая Гандегсгеймом, все еще молод и даже, как мне вдруг почудилось, моложе меня, потому что я уже начинаю понимать, что надо не искать сокровища, а создавать...

Но, возможно, это не Ришар молод, а мир так юн, что другого еще не понимает? До многих истин нужно дорасти, это я их получил на халяву, открытыми в муках предыдущими поколениями.

Он допил вино, красивым жестом опустил чашу на середину стола и поднялся, не отталкиваясь руками от подлокотников.

— Не буду отнимать у вас время, ваше высочество, — произнес он почти церемонно, напоминая, что ранг у нас высок, а это значит, отдыхать нам некогда.

Я тоже поднялся, в Ришаре все еще полно неистраченной силы, как только и удастся ему так в его возрасте.

— Герцог, — напомнил я, — не пропустите выборы и коронацию!

Он засмеялся:

— В выборах участвуют только местные, а наши голоса, к сожалению, не учитываются.

— Однако новоизбранного короля, — сказал я, — как боевого соратника по Гандерсгейму вы должны поздравить если не первым, Барбаросса кого угодно отпихнет, то в числе первых.

— Для того и оставил дела в Тарасконе, — заверил он. — Ваше высочество, я буду внизу, там много старых друзей, которых не видел годы... Если понадобится, всегда к вашим услугам.

— Не упейтесь, герцог, — сказал я, постаравшись, чтобы в моем голосе прозвучала нотка зависти.

— Только я сегодня же и обратно, — предупредил он.

— А выборы? — спросил я.

— Успею, — заверил он. — Вы ж знаете, мои кони — лучшие в Армландии, да и не только... Кстати, ваше высочество, вам бы заглянуть в порт хоть одним глазом! Перемены там грандиозные. Если что не так идет, успеете поправить. Иначе потом ломать придется слишком много.

Он смотрел с ожиданием, я хотел было сказать, что при всей приоритетности флота сперва надо закончить с затянувшейся подготовкой к выборам, затем поймал за хвост мелькнувшую мысль и сказал неуверенно:

— Разве что ночью... к чему она мне? И еще... Что-то у вас еще на уме. Выкладывайте сразу.

Он заулыбался несколько смущенно.

— Да я представляю, как вы сейчас жутко заняты, потому с моей стороны будет просто неловко отнимать время своими восторгами и прямо неприличными визгами, скажу честно.

Я сказал с нажимом:

— Давайте, выкладывайте! Вы не представляете, как мне важна любая позитивная информация, когда такой бардак в городе, во дворце и даже у меня в голове!

Он перевел дыхание, на лице мелькнуло колебание, говорить или умолчать до более удобного случая, но я смотрю требовательно, и он сказал с юношеским жаром:

— Ваше высочество, вы не представляете, что я отыскал!..

Я подбодрил:

— Ну-ну, что?.. Клад с сокровищем?

— Именно, — сказал он пылко. — Такой клад, что просто и не знаю. Увидите — ахнете!

— Ну-ну, — сказал я, — показывайте. Где прячете?

— Это всего в ста милях осюда, — заверил он. — Я как-то сбился с пути и, чтоб не промахнуться, по-несся прямо на юг, а там, дескать, поскачу вдоль береговой линии.

— И что?

Он сказал с восторгом:

— К счастью, так и сделал! Господи, да там такая великолепнейшая бухта, впятеро больше тарасконской, только в нашей горло поуже, защищать легче, а там выход к воде намного шире, зато на краю руины величественного города, представляете?

— Порыться успели? — спросил я.

Он с пренебрежением отмахнулся.

— В Тарасконе такие корабли строятся, а вы мне ерунду предлагаете!.. Город, похоже, несколько раз пы-

тались отстраивать, внутри следы сравнительно свежих пожаров, это уже пираты следили, чтобы никто не смел селиться у воды... Думаю, руины пока сносить не стоит, сперва построим между ними бараки для рабочих, пусть поработают сперва плотники да каменщики, а потом и корабельщиков пришлем.

— А сама бухта?

Он понял, сказал с прежним жаром:

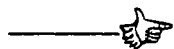
— Настолько хорошо защищена высокой горной грядой даже от ветров и бурь, не только от океанских волн, что даже и не знаю! В бухте вода будет спокойная, как в деревенском пруду!.. Все-все, ваше высочество, не смею вас задерживать!

Он откланялся и вышел, хотя, конечно, я охотнее поговорил бы с ним и о бухте, и вообще о перспективах флота. Ришар снова удивил, вот уж я не думал, что он с такой страстью увлечется морем, которого никогда раньше не видел.

Уже после заката я принял еще двух полководцев, которых нельзя не принять, учитывая несколько щекотливые отношения: стальграфа Филиппа Мансфельда и рейнграфа Чарльза Мандершайда.

И хотя они вполне вписались в бурный и стремительно развивающийся мир Сен-Мари, что уже и не Сен-Мари, а значительно шире, все же чувствую некоторую натянутость и немножечко вины. Королевство Турнедо, которое они так защищали, мною захвачено и даже как бы не существует, хотя в последнее время все чаще даю понять, что было сказано сгоряча и в пылу сражений, а так, конечно же, королевству быть, славное имя останется.

Хотя, конечно, это мои мерехлюндии, оба полководца чувствуют себя прекрасно, их везде встречают,

как героев, помня про стремительный удар пиратскому десанту во фланг, что и переломило ход сражения.

Стальграф Филипп после поклонов и уверений в преданности сказал с ходу:

— Ваше высочество, прошу вашего разрешения побывать в Вестготии!

— Разрешаю, — ответил я автоматически.

— ...и лично, — договорил он, — заключить договоры с местными ремесленниками!

— Если это целесообразно, — ответил я осторожно, — а что случилось?

— Из Вестготии, — сообщил он с некоторым неудовольствием, как мне показалось, — везут к нам на продажу доспехи из лучшей на всем континенте стали!

— Верно, — согласился я. — Вестготия обошла все северные королевства по этим параметрам.

— Даже Сен-Мари, — воскликнул он, — хотя они и рядом!

— Я бывал там, — сказал я, — и тоже позавидовал.

— Их мечи и топоры, — сообщил он, — перерубают наше оружие из простого железа так, словно у нас деревянные!

— Увы, — ответил я, — но теперь и вестготские становятся нашими?

— Да, — ответил он, — однако нам их перепродают по завышенным ценам, а я хочу попробовать прямо на месте заключить договоры с гильдиями оружейников. Это устраним посредников. Кроме того, за большие партии оружия хочу выторговать скидку.

— Понятно, — сказал я, — тогда вам нужно не мое разрешение, а соответствующие полномочия. Сэр Жерар!.. Составьте необходимые сопроводительные бумаги. Стальграф Филипп Мансфельд будет вести переговоры от нашего имени, имея в виду закупки на всю

армию. Или даже на все армии, что в целом составят в будущем единую и непобедимую. В перспективе.

Дотоле молчавший рейнграф Чарльз Мандершайд шелохнулся и сказал негромко:

— Надеюсь, в не слишком далеком.

— Хотелось бы приблизить? — просил я.

Он чуть наклонил голову, строгий и собранный, с внимательными глазами.

— Очень. Это же нечто новое... и поучаствовать в таком — великая честь и счастье для любого военачальника.

Мы повернулись к стальграфу, тот сияет, глаза ликующие, воскликнул с чувством:

— Ваше высочество! Как быстро вы решаете такие вопросы! Как в старые добрые времена...

Рейнграф взглянул на него остро и предостерегающе кашлянул, но я сказал ободряюще:

— Дорогой сэр Мансфельд, эффективность королевства проявляется лучше всего, когда вся власть сосредоточена в руках одного человека. Уверен, вам и дальше многое покажется знакомым и... близким.

Они откланялись, получив больше, чем рассчитывали, а еще и услышав такие слова, напомнившие им о крепкой руке властного Гиллеберда, при котором в стране был порядок, а военные порядок и дисциплину обожают больше всех в обществе.

Я услышал внизу по ту сторону внешней стены шум, конское ржание и громкие голоса, бросился к окну.

При свете факелов через ворота на просторы двора въезжает большая группа богато разодетых рыцарей и вельмож. Во главе рыцарь со знаменем короля Сен-Мари Его Величества Кейдана, следом трое в пышных одеждах, в центре... вот уж не думал, сам Кейдан, не к ночи будь помянут.

По бокам его ближайшие советники, я с ними уже имел дело: справа — герцог Бозмунд Фонтенийский, слева — герцог Алан де Сен-Валери, надменные, высокомерные, не слишком умные, но верные и преданные королю даже в изгнании, в то время как, например, Фридрих Рюккерт, самый приближенный Кейдана, влиятельнейший лорд, ныне входит в мой Совет Лордов, тем самым сохранив и роскошный особняк в Геннегау, и замок в землях Алых Маков.

Народ во дворе смотрит на Кейдана в растерянности, никто не решается ни крикнуть «Слава королю!», ни «Долой короля!», даже прошлое могущество впечатляет.

Кейдан с ближайшими сторонниками проехали через двор, что само по себе показательно: никто не имел права, кроме короля и двух-трех лично отмеченных герцогов, пересекать внутренний двор верхом или в повозке, все должны были оставлять их у ворот и идти пешком.

Ну хорошо же, сволочь, прошипел я зло, привыкаблучивайся напоследок. Скоро с тебя спесь собьем. И никакого острова Святой Елены не получишь!

Вообще-то он мог бы остановиться во дворце верховного лорда Джералда Бреннана, очень богатого и могущественного землевладельца, хотя тот и принес мне присягу, но, по слухам, остается сторонником легитимности, что значит поддерживает усилия Кейдана сохранить за собой трон, если без кровопролития и волнений.

В кабинет вошел слуга и двинулся вдоль стен, отточенными движениями зажигая свечи.

Кабинет сразу стал светлее и доступнее, я все старался понять, как мне вести себя, когда появились непредусмотренные моими умными планами лица,

дверь распахнулась, почти вбежал Жерар, глаза расширенные.

— Ваше высочество, — выпалил он, — вы... видели?

— Если о Кейдане, — ответил я, — то да, но лучше бы не видел.

— И что будете делать? — спросил он.

— Хотел проигнорировать, — признался я, — но это похоже на трусость или, что хуже, неуважение хозяина к гостю. Придется идти встречать.

Он охнул.

— Надо ли?

— Надо, — процедил я сквозь зубы.

Он пошел рядом, когда я вышел в коридор, вид серьезно-мрачный, шагает в ногу, но сказал невпопад:

— Чего его принесло? Как будто без него не обошлись бы!.. Все уже решено, чего его принесло?

— Боец, — ответил я. — Честно говоря, сам не ожидал. Не желает, чтобы такое важное дело решали без него, если в Сен-Мари он король... хотя бы на словах.

— Глупец, — сказал он рассерженно. — Или у него какой-то козырь в рукаве?.. Ладно, его участь вроде бы ясна, а вот с герцогом Вирландом Зальским могут быть неловкости.

Мы спускались по лестнице, немногие встречные поглядывают на меня, как показалось, с ухмылкой, несмотря на подобострастные поклоны.

— Какие? — спросил я.

Он сказал хмуро:

— Разве не в вашем присутствии жена герцога Готфрида перебежала к Вирланду? Церковь, как я слышал, так и не дала разрешения на развод и новый брак.

— Я переговорю с отцом Дитрихом, — пообещал я.

— Это не в его юрисдикции.

— Да, но его слово для папы прозвучит весомее, чем мое.

Он хмыкнул.

— Если удастся убедить самого отца Дитриха.

— Буду стараться, — заверил я.

Мы вышли из здания, Жерар тут же отступил в сторону, дескать, просто вышел подышать вечерним воздухом, а этого человека, который Ричард, он впервые видит, а я собрал волю в комок и двинулся навстречу группе новоприбывших лордов, что уже покинули седла и раздают коней слугам.

Кейдан повернулся ко мне, высокий, крупный, в стальной кирасе, что-то новое, всегда видел его только в пышных кружевах, а сейчас даже брюхо подтянулось, словно с голодухи.

Пегие волосы все так же прикрывают пухлые щеки и мелкий подбородок, глаза смотрят с презрением и неприязнью, нет даже ненависти, как раньше, а именно брезгливое презрение, словно это он все это время поднимался, а я падал.

Рядом с ним герцог Боэмунд Фонтенийский и герцог Алан де Сен Валери — ближайшие советники, за спиной держится Рено де Три, в свое время вытеснивший Вирланда Зальского из окружения короля, он считается великим магом королевства, но, надеюсь, отец Дитрих и священники это знают и разгуляться не дадут.

Боэмунд сделал шаг вперед и сказал величаво:

— Его Величество король Кейдан, властелин Барруа и Монтегю, владетельный граф Перрине и гранд Прованса, герцог Госсюйенса и князь Арраса!

Едва его раскатистый, как у церемониймейстера, голос умолк, все вперили взгляды в меня.

Я ощутил, что буду глупо выглядеть, если начну перечислять свои титулы, все равно среди них нет королевского, а это уже проигрыш, и я, учтиво улыбнувшись, сказал легко:

— Ричард Длинные Руки, но здесь меня больше знают как Ричарда Завоевателя. Называйте как вам удобнее... А теперь прошу вас в левое крыло, там уже расположились короли Барбаросса, Найтингейл, Сильвервуд...

Кейдан молчал и делал вид, что не замечает меня, а Бозмунд поклонился и ответил с явным облегчением:

— Благодарим за вашу заботу, сэр Ричард!.. Мы найдем дорогу, спасибо.

Герцог де Сен Валери добавил осторожно:

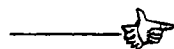
— Надеюсь, там слуги уже приготовили комнаты для отдыха.

— Все готово, — заверил я. — Но если что-то понадобится дополнительно, не стесняйтесь спрашивать. Слуги в коридоре, все ваши пожелания будут учтены.

Глава 5

Мы раскланялись со всей тщательностью, противники всегда предельно вежливы друг к другу, мой генеральный церемониймейстер вышел лично проводить Его Величество и его близких в отведенные для них покои, с ним еще двое очень важных господ, явно успел пригласить их в помощники...

Я проводил Кейдана и его лордов пытливым взглядом, сердце колотится, словно побывал в бою, напомнил себе, что это временные шероховатости, а вообще все скоро кончится. Раз уж приехали короли, то запоздавших долго ждать не будем, выборы пройдут в считанные дни, короли сердечно поздравят Готфрида, ставшего Его Величеством, и разъедутся по своим уделам, а здесь мы перевернем следующую страницу истории Сен-Мари... которую пишем так, как нужно нам.

К себе в кабинет вернулся в таком настроении, что сейчас бы вообще плюнуть на все и подняться в седло Зайчика, а там весело и бездумно помчаться солнцу и ветру навстречу, расправив могучую грудь, на коне я всегда умный, лихой, красивый, все мне по плечу, а жизнь простая и понятная...

Сэр Жерар возник на пороге, суровый и загадочный, как тень отца принца датского, смотрит как будто с упреком.

— Ну что я еще не сделал? — спросил я сердито.

— Сейчас перед входом в здание покидает седло герцог Готфрид, — проговорил он с упреком. — Неужели сыновье сердце ничего не подсказало?

— Вы и есть мое сердце, — сказал я. — Чуткое и такое трепетное, что давануть бы его как следует...

— Пригласить герцога?

— Я сам его встречу, — сказал я и торопливо выскочил в коридор. — Сыновья субординация как бы на марше.

Я только успел пройти быстро по длинному коридору, а герцог уже поднимается по лестнице навстречу, высокий, статный, с короткими серебряными волосами, а та аура силы и власти, которую он распространяет, сейчас стиснутая стенами дворца, мощно устремилась мне навстречу.

Это будет могучий король, мелькнуло у меня. Отстоять независимость Брабанта в борьбе с королевской властью — уже показатель...

Мы сошлись у края лестницы, его царственно-строгий взгляд потеплел, он с ходу крепко обнял меня, мужественно красивое аристократичное лицо дрогнуло в счастливой улыбке.

— Как я рад тебя видеть, Ричард, — сказал он тепло. — Ты возмужал, мой мальчик...

— А как я рад, — ответил я искренне.

При седой голове черные брови выглядят вызывающе молодо, глаза блестят, как у юноши. За время умиротворения Гандерстейма прибавился шрам на подбородке, загар стал темнее, да складки на щеках — резче, а так герцог ничуть не изменился.

Я повел его в кабинет, усадил в лучшее кресло, сам налил лучшего вина в серебряный кубок.

— За успешные выборы!

Он улыбнулся, кивнул, я смотрел, как он пьет, неспешно и с удовольствием, но остановился на половине, кубок медленно опустился на столешницу.

Я насторожился, а герцог произнес:

— Дорогой Ричард... Я вижу, как много ты делаешь для меня, но давай будем реалистами.

Я спросил торопливо:

— Что не так?

Он грустно улыбнулся.

— Ты затеял великое дело. Но у тебя сейчас под рукой уже не королевство, а королевства... Еще не империя...

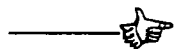
— Я не хочу империю, — сказал я твердо.

— Что ж, — сказал он, — не буду спорить, пусть это будет содружество свободных королевств, как ты называешь, но Сен-Мари оказывается на самом краю. А столица должна быть расположена так, чтобы даже окраины имели равные возможности до нее добраться.

Я покачал головой.

— Но... как?..

— Савуази, — ответил он просто. — Ничего другого не придумать. И всем королевствам, входящим в содружество или нет, проще держать там послов, чем в далеком Арндском королевстве... и нам лучше, чтобы было меньше вынюхивателей.

— Неожданная идея, — сказал я осторожно, хотя именно такой вариант и рассматриваю в последнее время.

— Сам подумай, — сказал он.

— Подумаю, — согласился я. — В самом деле, пре-
имущества есть, но есть и сложности.

Он молча кивнул, дескать, сложности везде есть, но, думаю, мы оба понимаем, какие самые сложные сложности.

Уже без остановок он допил вино, поднялся, почти такой же высокий и широкий в плечах, как и я.

— Не буду тебя отрывать от дел, — сказал он отечески, — да и мне нужно многое сделать. Увидимся!

После его ухода я напряженно размышлял, что он предложил хоть и неожиданное для большинства, но правильное решение. Да и сам он в Геннегау будет ожидаемым королем — и местный, и репутация выше крыши, и лояльность могущественного Брабанта обеспечена, а кто он для Савуази?

С другой стороны, Турнедо как раз почти в центре «объединения дружественных королевств», а в центре Турнедо — Савуази. Но Готфрид там будет совершенным чужаком, потому что все его воинские заслуги вовсе и не заслуги в глазах турненцев, ламбертинцев, мезинцев или скарляндцев с вартгенцами. Подумаешь, что-то там с варварами в освобождении какого-то неведомого Сен-Мари, а потом с теми же варварами в землях какого-то Гандерсгейма...

Сейчас Готфрид молча и очень резонно предложил, что он будет править в Сен-Мари, а я буду рулить всем содружеством королевств из Савуази...

Задумавшись, я выглянул в окно, во дворе столпотворение, мелькнула мысль выйти и помочь разобраться, но а извозчики на что, не принцево это дело, крикнул:

— Сэр Жерар!

Через минуту он вошел в кабинет.

— Ваше высочество?

— Отец Тибериус, — сказал я, — ко мне на прием не просится?

— Не замечен.

— Жаль, — сказал я, — тогда вызовем его сами.

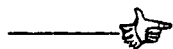
Он взглянул искоса.

— Никак в монахи надумали? Вот радости-то... Хорошо-хорошо, ради такого дела разыщем немедленно и тут же и доставим с надлежащими почестями.

— Можно без оков, — сказал я вдогонку.

Когда через пару минут дверь отворилась, я поднял голову от стола, удивляясь смутно, как это Жерар так быстро отыскал и доставил отца Тибериуса, но шаги прозвучали такие легкие и радостные, что я поспешно повернулся и хоть и охнул от неожиданности, но ощутил, что да, жизнь хороша и жить хорошо: в кабинет вошла Бабетта.

От нее идет это радостное ощущение ожидания счастья, вся налита солнцем, южным зноем, глаза хитро и задорно смотрят из-под челки, что не перестает меня удивлять нездешней модой, золотые волосы пышно падают на спину, для приличия чуть-чуть перевитые голубыми лентами, а край ликующе голубого платья чуть-чуть не достает до пола, что как-то говорит о ее ранге, но я знаю только, что длина шлейфа королевы должна быть ровно пятнадцать ярдов, старшей принцессы — десять, внучек короля — восемь, принцесс крови — семь, а всяких там герцогинь — всего четыре ярда, хотя на мой взгляд и четыре ярда плотной материи, проволаниваемые за красавицами, настолько хорошо прометут пол, что можно экономить на уборщиках мусора.

— Здравствуй, Рич, — произнесла она настолько нежным голосом, что я невольно увидел ее с разбросанными по подушке волосами в моей постели. — Что так смотришь?

Она подходила медленно, но как бы в танце, когда бедра покачиваются из стороны в сторону, в глазах приглашающий смех, а когда чуть улыбнулась, полные и спелые как черешни губы раздвинулись, открывая изумительно ровные белые зубки, блестящие, как молодые жемчужины.

— Просто люблюсь, — ответил я, — бездумно. Как дурак.

Она заулыбалась шире, аппетитные ямочки на пухлых щечках стали глубже.

Я поднялся ей навстречу, она вскинула руки и обняла меня за шею. Я поцеловал ее сочные спелые губы, такие податливые, что хочется их сожрать, она прижалась всем телом, горячим, в то же время мягким и нежным.

— Ох, Рич...

— Радость ты моя, — сказал я и поцеловал снова. — С каким заданием на этот раз?.. Если велят меня ликвидировать, чем воспользуешься?

Я отстранил ее и нежно усадил в кресло. Полная грудь едва не выбралась из глубокого выреза, дразня белоснежной кожей, неправдоподобно чистой и даже с виду такой сладкой, словно из нежнейшего крема для королевского торта.

Серединка верхней губы кокетливо приподнята, и едва Бабетта улыбнулась, жемчужные зубки снова сверкнули маняще, приглашая поцеловать ее.

Она выждала, когда я опустился в кресло напротив, легко поднялась и села мне на колени просто и непринужденно, как невинный ребенок, хотя по лицу заметно, что поняла всю гамму моих чувств, когда я ощу-

тил эту теплую сочную тяжесть, мягкую и нежную, на своих коленях.

— В самом деле, чем? — сказала она весело. — Пожалуй, зацелую до смерти. И вообще... ты же победитель, что у тебя за мысли? И не просто победитель, а особенный, что все умеет и везде успевает.

Она сама поцеловала меня, я ответил, хотя и поспешнее, обронил миролюбиво:

— Не только я. Знаю еще таких... быстрых.

— Правда?

— Да, — подтвердил я. — Думаю, они очень рискуют. Она спросила все с той же улыбкой:

— Почему?

— Любое преимущество вызывает неприязнь, — пояснил я так же легко и почесал ей обнаженный верх спины, хотя леди вроде бы не чешутся, но мы же свои, нам можно. — Вот ты спокойно смотришь на женщин, которые сильно уступают тебе по красоте и блеску, но насторожено присматриваешься к тем, кто близок к твоему уровню.

— Рич! — сказала она с возмущением.

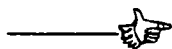
— А вот, — продолжил я тем же тоном, — если бы встретила такую, которая красивее и ярче... погоди, не дерись, я же сказал «если бы», это не значит, что такая вообще существует или может существовать...

Она сказала все еще с надутыми губами:

— Ну-ну, дальше, говори, пока не прибила.

— Так вот, — продолжил я, — ты бы возненавидела и начала бы думать, как ей устроить пакость, раз уж красоту отобрать невозможно. А наши умения в большинстве случаев отобрать можно, увы. Они чаще всего от амулетов или талисманов, так ведь? Потому всякий, у кого они есть, старается не показывать их, а свои умения применять тайком.

Она поморщилась.

— Хочешь сказать, что таких людей гораздо больше, чем знаем?

— Верно, — ответил я. — Потому не указывай пальчиком, а то я тоже укажу...

— Пальчиком?

— Ну что ты, я же воспитанный человек!

Она спросила с удивлением:

— А чем надо?

— Эх, провинция, — сказала я с сожалением. — Ладно, я бесплатно не просвещаю, такой вот я просветитель. В общем, если скажешь, что случайно тут гуляла, то я тебе, конечно же, сразу поверю.

— Я люблю тебя, Рич, — воскликнула она с энтузиазмом и звонко поцеловала меня в щеку. — Ты такой доверчивый, такой доверчивый! Такого еще поискать. Всякий раз, наверное, перед сном под кровать заглядываешь!

— Верно.

Она расхохоталась.

— Милый Рич!.. Не находишь, что мы очень похожи?

Я оглядел себя.

— Гм... Вроде бы я все еще самец. Или начинаю меняться?

— Только в сторону большей мужественности, — заверила она. — Но я говорю о том, что мы оба многое держим в себе и не раскрываем никому даже из самых-самых близких. Я — никому и ты — никому... В какой-то мере мы оба одиноки, хотя окружены друзьями и вообще-то жизнью довольны.

— Это ты довольна, — возразил я, — а я вот нет.

— Мечтаешь о новых завоеваниях? — спросила она лукаво.

— Тьфу-тьфу, — сказал я в сердцах, поплевал и сказал еще раз: — Тьфу-тьфу-тьфу!!!!.. Я мечтаю не о коли-

чественных приобретениях, а о качественном росте. Не знаю, поймет ли это женщина?

— Ах, Рич, — сказала она нежным голосом, — мне даже объяснять не нужно, как раз потому, что я женщина! Достаточно просто обнять крепко-крепко, чтобы кости затрещали и все сладко замерло внутри... и мы все понимаем!.. Мне кажется, ты так насторожен из-за этих выборов короля? А еще я догадываюсь, почему так тянешь с возможностью схватить и королевскую корону, как схватил корону принца... и натянуть себе на голову по самые уши.

— Ну-ну, — сказал я поощрительно.

— Не хочешь привлекать внимание, — сказала она мило. — Все-таки герцогов, фюрстов и даже принцев хоть пруд пруди, а короли... короли! Тебе хочется затеряться среди мелочи до поры до времени.

Я сказал оскорбленно:

— С чего бы я восхотел такую глупость? Я уникален, я подчеркиваю это всеми фибрами!

— Всеми, да не всеми, — сказала она практично. — Как только станешь королем, в императорской канцелярии тебя возьмут на учет. Начнут прикидывать, насколько важен, нужен или бесполезен. А ты желаешь избежать этого внимания.

Я переспросил:

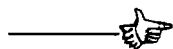
— Хочешь сказать, что пока что на меня внимания не обращают?

— Не канцелярия, — ответила она на не заданный вопрос. — Так... некоторые службы.

— Кто, оппозиция? Мятежники?

Она надула губки.

— Ну что ты так примитивно? В огромной империи множество интересов и множество разных сил. Это здесь только король и мятежники, а в империи... Нет,

ты обязательно должен побывать там! Особенно в Амберголке.

Она щебетала, попискивала от удовольствия, когда мои пальцы особенно мощно скребли ее спинку, но я именно через кончики пальцев ощутил некоторое изменение в ее нервных сетях, словно она сказала нечто очень важное, а теперь напряженно ждет ответа.

Я помедлил, это что-то новое в наших отношениях, спросил расслабленным голосом:

— А что за Амберголд?.. Имя слишком пышное...

— Так и должно быть, — ответила она с улыбочкой и сама почесала мне затылок, заглянула в глаза. — Это столица империи!.. А в ней находится самый великолепный в мире дворец, красоты и величия которого ты не можешь даже и представить.

— Империи, — проговорил я, — ишь ты... ага... а какой?

Она в изумлении округлила глаза.

— Как это какой?

— Разве там, на Юге, она одна? — спросил я. — Даже здесь их несколько, я и то слышал об империях Вильгельма, Карла... наверняка есть еще.

Она с укоризной в глазах покачала головой.

— Зачем тебе другие?.. До них даже не добраться. А самая близкая, она на той стороне океана и выходит к берегу, это империя Германа Третьего. Это совсем другой мир, милый!

Я ощутил, как во мне поднимается ликование, но усилием воли задал его еще там, на уровне сапог. Полная и горячая задница Бабетты на моих коленях, а если я иногда жопой чую лучше, чем головой, то про чувствительность женских и говорить нечего, нам с ними никогда не сравняться, я удержал лицо таким же улыбочиво-идиотским, голос мой тоже не изменился ни на терцию:

— Что, правда?

— Правда что? — спросила она чутьчку разочарованно.

— Что там интересно, — пояснил я. — И что там особенного?

Она надула губы.

— Рич, не прикидывайся. Всякому было бы интересно, а уж тебе...

— Я не всякий, — напомнил я гордо и чутьчку повел плечами, делая их пошире. — Терпеть не мог идиотов, что едут куда-то смотреть на архитектурные памятники.

Она спросила заинтересованно:

— Это что?

— Паломники, — пояснил я. — Идиоты, идут за тысячами миль, чтобы поклониться каким-то святыням, хотя каждый носит Бога в себе! Так что, еще раз, я весьма не они. У меня масса интересных дел, если ты об этом еще не слыхала.

Она улыбулась несколько принужденно.

— Но ты мог бы не только посмотреть.

— А что?

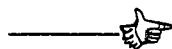
Она пояснила:

— Имею в виду не только посмотреть издали. Тебя бы впустили, ты бы пообщался с многими сановниками, знатными людьми, крупными деятелями, что вершат судьбы королевств.

— Так я и так здесь с ними общаюсь, — ответил я.

— Я имею в виду, — проговорила она, — с теми... у кого власти больше. Все-таки королевство королевству рознь.

— Да, — согласился я, — хотя особой разницы нет, большое или чуть поменьше. Нет, это неинтересно. Уж молчу, что туда добираться через океан почти полгода, плыть, борясь со штормами, морскими чудовищами и океанскими течениями.

Она спросила заинтересованно:

— Океанскими течениями?

— Ну всякими гольфстримами, — пояснил я, — пикапстримами, опельстримами... Нет, я человек серьезный. Уже с неделю. Ну, пусть меньше, но все серьезнее и серьезнее, скоро стану таким... что даже и не знаю!

Глава 6

Судя по ее горячей и плотно-тяжелой заднице, туда все еще продолжает приливать кровь, усиливая мыслительный процесс, у меня такое бывает с головой, когда череп накаляется, будто попал в огонь, а сама Бабетта в это время, продолжая механически почесывать и поглаживать меня, любая женщина обязана это уметь делать в любом состоянии, напряженно раздумывает, даже слегка покусывает губки, но это можно списать на то, что хочет мне понравиться, губы от покусывания всегда краснее и полнее, эдакая женская хитрость.

Одно дело зазвать меня в этот Амберголд без всяких обязательств с ее стороны, другое — передать официальное приглашение, что кого-то обяжет или даже свяжет.

Идеальный вариант, если бы я, как дурак, увидевший красивую погремушку, обрадовался возможности прыгнуть через океан и сразу оказаться в Амберголде, но, думаю, Бабетта и сама не думает, что я вот так сразу и о-го-го, ибо красивая погремушка вот она, у меня на коленях, ее горячая задница уже измучила меня в месте соприкосновения с противником, но я почти тверд.

Другое дело, могла не ждать такого резкого отказа. Возможно, должен колебаться, что-то выторговывать, какие-то условия приема, допуска к самому импера-

тору, аудиенции, но я всем видом показал, что ничего из этого меня не интересует, а это значит, что изначально предлагать надо больше, горячая жопа на моих коленях не поможет, я же все-таки рыцарь и стоек к соблазнам... или, если нерыцарскую правду, — трусливо-осторожен.

— Ты крепкий орешек, — сообщила она с милой улыбкой, — признаю. И что ты хочешь?

Я изумился.

— Разве не знаешь? Достроить флот, проложить железную дорогу до Савуази, Баллимины, Истанвила и дальше, дальше!.. Построить типографии, обучить грамоте как народ, а потом и вовсе простолюдинов... не всех, конечно...

Она покачала головой.

— Не увиливай, ты знаешь, о чем я.

— О чем?

— Хочешь, — спросила она сердито, — приглашения от вице-канцлера империи?.. Официального приглашения посетить столицу империи Амберголд?

Я покачал головой.

— Нет.

— Почему?

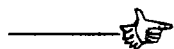
Я ответил медленно:

— Извини... я пока сам не знаю, чего хочу.

Она улыбнулась победоносно, вот они какие, мужчины, а все про женщин говорят всякое, а я еще разок ругнул себя, что еще чуть и поддался бы на провокацию и брякнул бы что-либо гордо-рыцарское, дескать, приглашений не надо, а когда восхожу, явлюсь и сам!

— Ладно, — сказала она и крепко поцеловала меня в губы. — Вижу, ты сейчас весь занят выборами, это для тебя на первом месте. Потом поговорим подробнее!

Я ощутил сожаление, когда она легко вспорхнула с моих колен и, оглянувшись через плечо, сказала с понимающей улыбкой:

— Не поднимайся, не мучай себя. Между друзьями этикет не обязателен.

И выпорхнула за дверь, а я еще долго сидел, ожидая, пока спадет сладостное ощущение ее плотного горячего зада на моих коленях, а губы перестанут чувствовать ее полные сочные губы, такие податливые и обещающие.

Похоже, ей предложили пригласить меня в империю, показать ее блеск и могущество, однако сами не желают связывать себя, особенно приглашениями от лица сильных мира сего.

Значит, интерес ко мне пока что легкий, как к варварскому вождю, что довольно быстро поднимается, организовывая вокруг себя мелких вождей, и начинает завоевания. Такие постоянно возникают то там, то здесь, даже я слышан как о императоре Карле, так и о Вильгельме Блистательном, а еще и о мелком Мунтвиге, чья слава в дальних регионах выше, чем даже у Карла.

Обычно такие создают империю в кратчайшие сроки в результате молниеносных завоеваний, однако самое позднее, когда все рассыпается, это их смерть, но у многих империи рушатся даже раньше.

Потому да, серьезные люди в империи не считают меня опасным, что весьма даже зело облегчает дыхание. А то уже временами начинаю чувствовать железную хватку на горле, слишком уж я чувствительный.

Правда, есть еще несерьезные, не имеющие особой власти, но умные и проницательные...

Распахнулась дверь, Жерар сказал слегка запыхавшимся голосом:

— Ваше высочество! Отец Тибериус схвачен и доставлен!

— Введите, — ответил я поднялся уже без особых усилий.

Отец Тибериус вошел не по-монашески быстро, собранный, четкий, глаза умные, взгляд острый и цепкий, коротко поклонился.

— Что вы делаете с людьми, ваше высочество? — спросил он с укором.

— А что я делаю?

Он кивнул в сторону захлопнувшейся за ним двери.

— Такой строгий, серьезный и даже мрачный человек, как Жерар Макдугал... начинает шутить!.. Это ваше дурное влияние.

— Это я для равновесия, — заверил я. — Когда все настолько серьезно, что остается либо взвыть... либо приколоться. Пошутить то есть. А потом и снова можно за серьезу... Садитесь, отец Тибериус, садитесь. Позвольте, налью вам вина?

Он почал головой.

— Устав нашего монастыря запрещает.

— Знаю, — ответил я. — Признаюсь по секрету, я сам вообще-то непьющий без всяких уставов. Не трезвенник, конечно, но весьма непьющий. Однако жизнь такова, что будешь белой вороной, которую выпрут из стаи, если не... Так что для таких случаев держу очень хорошее вино. Пить прекрасное красное вино, что убирает холестерин и какие-то там бляшки, не грех. Грех — пить плохое и спать с непотребными женщинами.

Он с сомнением смотрел, как я налил из серебряного кувшина в серебряную чашу, вся нечисть боится серебра и бежит прочь, осторожно взял в обе ладони, коснулся губами края.

Я видел, как выражение лица изменилось, он сделал пару глотков, остановился, вчувствуясь, и произнес с удовлетворением:

— Да, такое вино Всевышний вряд ли запрещал пить и Адаму в райском саду.

— Отец Тибериус, — сказал я, — вы самый просвещенный человек в королевстве...

Он посмотрел на меня исподлобья.

— Ваше высочество...

— Я не имею в виду знание Библии, — поправил я сам себя, — но те знатоки пусть пока отдохнут, мне нужнее знаток механики и всякого такого, что можно использовать в народном хозяйстве королей, а особенно принцев!..

Он сделал еще глоток и, не опуская чашу на стол, всмотрелся в меня очень внимательно.

— Что вы хотите на этот раз?

— Ха, — сказал я, — конечно, все и сразу! А вы как думали? Я еще тот хотетель! Но, будучи уже битым и не раз как бы вот, понимаю, что мечтать надо о местечке возле престола Всевышнего, но в реальности самому строить Царство Небесное здесь, на земле, это реальнее. Сейчас меня особенно бесит, даже взбешивает, есть такое слово?.. медленность перемещения с места на место. Наши земли растут и ширятся во все стороны, словно стая испуганных тараканов, а я еще не наладил систему, чтобы работала сама, как, к примеру, водяная или ветряная мельница!.. А когда прыгаю туды-сюды, уже сам себя перестаю уважать, это же не по-принцевьи — выполнять работу простых гончих и передателей.

— Гм, — произнес он в задумчивости, — насколько я догадываюсь по ряду признаков, у вас есть некоторые методы...

— Весьма ограниченные, — раздраженно сказал я. — Пока что я, между нами говоря, научился перемещаться... весьма быстро, только между своими кабинетами в Савуази и Геннегау, а также провожу полевые испытания насчет перемещений к эльфам... но этого мало, дорогой аббат!

Он вздохнул, покрутил головой.

— Мне даже страшно представить, ваше высочество, из какого вы королевства, если вам и такое кажется малым.

— Господь сказал, — изрек я веско, — человек должен стремиться!

Он допил вино, сказал со вздохом:

— Да, человек должен употреблять только освященное вино и спать с достойными или просто потребными женщинами, что удержит его от впадения в еще больший грех.

— Я знаю, — сказал я с нажимом, — можно создавать особые врата, через которые человеку удастся за мгновение перемещаться даже в другие королевства!

Он покачал головой.

— Нет, ваше высочество, нет!.. Такие врата создать абсолютно невозможно!

Я огляделся по сторонам, хотя мы в кабинете вдвоем, сказал, понизив голос:

— Но у меня есть сведения, что такие проходы не только существуют, но и... их можно создавать самим! Более того, их создают.

Он умолк, я видел, как морщины на лбу двигаются, пихая одна другую, наконец проговорил с некоторым сомнением:

— Вы имеете в виду работы в монастыре под началом аббата Дитера?

Я спросил обрадованно:

— Вы его знаете? Тогда мне проще объяснить...

Он кивнул, лицо стало неприязненным.

— Мы в курсе происходящего в наших монастырях. Более того, активно обмениваемся результатами. Хотя и считаем взятое направление друг у друга ошибочным. Я полагаю, аббат Дитер в погоне за немедленными результатами идет принципиально ошибочным путем,

несмотря на блестящие, но единичные и не подтвержденные пониманием результаты.

— Тоже так считаю, — согласился я, — хотя, если нет понимания процесса, я не откажусь им пользоваться... по временной лицензии. Мое отличие в том, что я все равно буду добиваться понимания сути происходящих процессов, для этого и учредил Высшую Коллегию Алхимии. Но пока, увы, ждать не могу и потому присматриваюсь к возможности... к примеру, соорудить такие вот особые врата, чтобы р-р-раз!.. и, скажем, с материка на материк!

Он охнул, откинулся на спинку кресла так резко, что едва не упал вместе с ним.

— Вы имеете в виду...

— Именно, — сказал я.

Он понизил голос до шепота:

— На материк... что за океаном?

— Именно, — повторил я.

— Но... там земли нечестивых?

— Разве мы имеем право почивать здесь, — спросил я, — в землях победившего христианства, и не принести погрязшим в грехе народам Слово Всевышнего?.. Что мы ответим на Страшном Суде, когда пророк Али спросит: а все ли мы сделали, чтобы и других вытащить из смердящего болота язычества в сверкающий мир базовых либеральных ценностей христианства и ограниченного гуманизма?

Голос мой становился трубным, я чувствовал, как раздуваюсь, словно рыба-еж, вот что делает с нами идеология, а отец Тибериус, напротив, все сжимался и съеживался, как будто нечисть какая, что и понятно, для церкви ученые — всегда нечисть, а отец Тибериус все-таки ученый, как вот Мендель или Коперник, что тоже были монахами...

Я сконфузился и умолк, не перед тем распушиваю перья, а отец Тибериус тяжело вздохнул, с сожалением посмотрел на пустую чашу. Я натужился и сотворил вина в кувшине, после чего наполнил ему чашу доверху.

Отец Тибериус в самом деле ученый, тут же, судя по его виду, заинтересовался странным кувшином, который снова полон, судя по траектории вытекающей струи и тому напряжению, с которым я его держу на вытянутой руке.

— Врата, — произнес он невесело, отпил вина, прислушался к ощущениям. — Врата... Сколько с ними связано легенд, слухов... Врата к эльфам, гномам, демонам, в ад, на дальние острова, в подземные пещеры, полные сокровищ... Но врата на материк, что за океаном? Нет, в это поверить трудно.

— Почему? — спросил я. — Если из одного королевства в другое перемещаемся за мгновение ока?

Он пожал плечами.

— Ну... в мысленном эксперименте, да, но в реальности... гм... это не только очень трудоемко, однако... гм... Вы имеете в виду что-то конкретное?

Я ответил уклончиво:

— Да так, слухи...

— Слухи, — ответил он неопределенно, — некоторую почву под собой имеют. Но только определенную и донельзя искаженную. Такое возможно в принципе... Но энергии жрет неимоверно, а перемещаться можно одному, от силы — двум. И то не часто. Нет, у нас в монастыре работают над более экономичными способами.

— И как?

Он ответил со вздохом:

— Пока еще не особенно.

— Но... ищите что-то древнее?

Он помотал головой.

— Нет, это против наших правил! Мы должны досконально понимать, как работает, почему работает, а еще иметь возможность самим создать такое же. Заслуга братьев из монастыря аббата Дитера, вы про них говорили?.. в том, что отыскиали в глубоких пещерах склад Древних, а оттуда сумели достать некие штуки и заставить их работать. Может быть, вполсилы или даже в сотую силы, но все-таки сумели, молодцы... Однако, когда кончатся эти штуки, а они, по сведениям, уже кончились, что будут делать?

— Ваш путь не только вернее, — согласился я, — но и благороднее. Хотя, конечно, он будет очень долгим.

Он ответил спокойно:

— Церковь меряет время тысячелетиями.

— Это случится раньше, — сказал я поспешно. — Значит, нигде не было случая, чтобы установили Проход на Юг?..

Он покачал головой.

— Нет.

— Но я знаю, — сказал я, — что такие есть!

— Это старые, — пояснил он, — сохранившиеся с древних времен.

— Но, — пробормотал я, — как?.. После страшных войн?

Он вздохнул, развел руками.

— Это вне нашего понимания. Но эти порталы... они появляются снова.

Я вскрикнул:

— Значит, их все-таки делают?

Он снова покачал головой.

— Нет. Мы держим такое в секрете, чтобы не волновать простой народ, а сами тщательно изучаем. Один такой появился неподалеку от одного из наших монастырей. Мы наблюдали весь процесс от самого начала. Никто его не создавал. Это было больше похоже на за-

рождение... как вот огромный дуб вырастает из крохотного желудя... на сухой земле.

— Так-так, — сказал я заинтересованно, — ничего не пропускайте!

— Этот портал появлялся мучительно долго, — ответил он. — Не по взмаху руки, как делают маги, а прорастал медленно, и... надолго останавливался. На годы!.. Мы заметили, что рост начинался снова только во время больших гроз. Однажды молния ударила в яреде от портала, и тот за минуту увеличился почти вдвое!..

— Так-так, — сказал я жадно, — что еще?

Он пожал плечами.

— Ничего. За следующий год портал подрос еще, в нем проступили некоторые странные знаки.

— Но как им пользовались? Или пользуетесь сейчас?

Он почал головой.

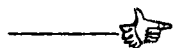
— Никак. Мы воспользоваться не смогли, как ни пытались, а с той стороны тоже... никого.

— Точно? — спросил я. — Южные маги могут мажироваться.

— Но не на территории святого монастыря, — возразил он. — Нет, об этом портале на Юге скорее всего просто не знают. Он пророс из случайно потерянного семени или из того, что выбросили как испорченное. Возможно, оно и есть испорченное. Но, ваше высочество, мы видели, как оно росло и... скажу с дрожью в душе, руки человеческие не в состоянии сотворить такое немыслимо сложное совершенство!

Он перекрестился, хотя, как я заметил, делает такое только в исключительнейших случаях, да и то, если на виду у простого народа.

— Сейчас не в состоянии, — возразил я. — А завтра руки цистерианцев способны будут творить и нечто

большее. Хорошо, отец Тибериус!.. Спасибо за ценную информацию.

Он поморщился.

— Да что в ней ценного...

— Много, — заверил я. — Нужно всего лишь выставить охрану возле существующих. И не бояться, что враги создадут сотни новых у нас прямо в столицах. Это очень важная информация.

Он подумал, кивнул.

— Да, конечно... Прекрасное у вас вино, ваше высочество!

— Возьмите с собой кувшин, — сказал я. — Дарю!

Он запротестовал:

— Нет-нет, это слишком ценный дар.

— Берите-берите, — сказал я настойчиво. — Братьев угостите. Чтобы растормозить творческое воображение.

Глава 7

Время едва ли не к полуночи, только сейчас вспомнил про обещание зайти к леди Азагердии, королеве красоты, заколебался, не поздно ли, и хотя вряд ли уже спит, но может расценить поздний визит как недвусмысленный намек на немедленную постель...

Я прошел по длинному коридору, затем широкий балкон и украшенный лентами воздушный мостик между двумя корпусами. Вообще-то не такой уж и воздушный, из добротного кирпича, но такие почему-то зовут воздушными, если снизу не сразу матушка-земля.

Как только мостик закончился, а я двинулся по расцветченному всякой женской фигней коридору, там всполошились стражи и слуги, один ринулся впереди,

влетел в ее покои, я слышал, как прокричал торопливым полусшепотом:

— Его высочество!

В холле дремлют две чистенькие служанки, обе подхватились в испуге, я хотел спросить насчет госпожи, но услышал из-за приоткрытой двери беззаботный девичий смех и веселые голоса.

Заглянув тихонько, я увидел, как королева красоты и три ее фрейлины с азартом режутся в карты. Я пытался припомнить, существуют ли здесь законы, запрещающие эти сатанинские игры, в которые люди проигрывают имущество, земли и даже титулы, а девушки тем временем азартно шлепают картами по столу и выкрикивают не всегда понятные титулы, из которых я узнал только королевские, здесь, как и везде, король червей — Карл Великий, король пик — царь Давид, Александр Македонский — король крестей, Юлий Цезарь — властелин бубен...

Насколько помню, в отношении женщин, как и водится, были серьезные разногласия, ту же даму червей называли то Юноной, то Диноной, а то и вовсе Еленой Троянской, дамой пик считали вообще всех брюнеток, только бубновой дамой, «королевой денег», единогласно считали Рахиль, так как она составила огромное богатство, обокрав своего же отца.

Азагердия первая заметила, что я вошел и наблюдаю за игрой, воскликнула с укоризной:

— Ваше высочество!.. Это нехорошо!

Я неспешно приблизился, фрейлины подхватились и присели в низком поклоне, хотя, по этикету, если вот так заняты игрой, то имеют право не вставать даже перед королем.

Азагердия вздохнула и, поднявшись, тоже присела, выставив на обозрение великолепные вторичные.

— Весьма, — сообщил я. — Весьма. Да.

Азагердия поднялась и сказала щебечуще:

— Ваше высочество, мои фрейлины. Стефания Крамерфельд, баронесса, урожденная Аллеранде, это вот Джоанна Пегнальд, виконтесса, урожденная Максмонд, и милая Мелисса Нортклиф, баронесса из замка Гилфонент...

— Весьма, — повторил я довольно. — Играете в стрип-покер?

Азагердия спросила заинтересованно:

— А что за игра?.. Какие правила?

— Ну, — протянул я, — игра как бы весьма даже и очень. Но одним женщинам в нее играть не очень интересно, если они не, нужны и мужчины... Но об этом как-нибудь в другой раз, если он подвернется. Значит, милые леди, ваша властная подруга выдернула вас из милых родовых гнездышек, чтобы забросить в эту клоаку?

Они смотрели испуганно, как птенчики на большого коршуна. У леди Стефании вид томно-беззащитный, она то и дело откидывает прелестную головку с крупными лилиями в волосах и склоняет ее к плечу, глаза смотрят жалобно и с неясным упреком, вот-вот скажет со вздохом: «Ах, вы меня губите!» — и упадет в загребущие...

Большие глаза с поволокой, нежная и мечтательная, созданная для грез о прекрасном принце в сверкающих белых доспехах, что явится на белом коне, у которого даже копыта белые, и увезет в чудесную страну сказок, какую старательно намечтала с детства.

Глаза почти полузакрыты, словно в приливе страсти, полные розовые губы приоткрыты будто для поцелуя, хотя, конечно, даже такого гадкого слова, как «страсть», не слыхала, а уж о поцелуях пока даже не ду-

мает, а томится в неясных томных мечтаниях без всяких видимых очертаний.

У леди Джоанны губы бантиком, полные и чувственные, но лицо строгое, а глаза внимательные. Глубокий вырез платья, сиськи на месте, крупные, но смотрит прямо и без улыбки, так что поднимаешь взгляд, уже смущенный, что слишком прост, а эта не те, в смысле она не они, с нею нужно почти как с человеком, хоть и женщина, да еще красивая.

Мелисса проще всех, видно сразу, веселая и милая хохотушка, с такими всегда весело и безопасно, она постоянно улыбается, а на щеках проступают умильные ямочки. На меня смотрит просто и бесхитростно, готовая хоть в карты, хоть в постель, и везде ей будет уютно, не капризная.

— Зело рад, — объявил я, — что вы тут как бы. Все есть, даже карты. И вообще... тут прэлэстно. А почему не спите? Завтра цвет лица у вас будет, разве не знаете основы бодибильдинга?

Мелисса хихикнула и ответила бойко:

— А мы вас ждали, ваше высочество!.. Все прикидывали, кого из нас потащите в постель?..

— А вы меня в карты разыграйте, — предложил я нагло.

— В карты? — спросила она в удивлении. — Это как?

— Кто проиграет, — объяснил я, — тому расплачиваться в моей постели.

— Ой, — сказала она игриво, — тогда мы все будем играть в поддавки!

— Вот и говорят, — сказал я глубокомысленно, — все женщины дуры... Правда, не все же играют в карты...

Мелисса быстро зыркнула бойкими глазенками на подруг, на Азагердию, выпалила:

— Вообще-то я как раз и проиграла!

Стефания и Джоанна посмотрели на нее в удивлении, Азагердия сердито поджала губы.

— Ну что ж, — сказал я, — тогда марш в мою койку.

Мелисса живо шагнула к двери, Азагердия сказала резко:

— Стоять!

Мелисса замерла, я в удивлении посмотрел на королеву красоты.

— Что не так?

— Она в парадном платье, — огрызнулась Азагердия. — Его одевали час, а снимать еще дольше. Идите, мы ее приготовим.

— Гм, — сказал я в задумчивости. — Адресок дать? А то попадете по дороге к веселым ребятам из ночной стражи. Они девушек в ночных рубашках обожают до потери пульса... И вас заобожают.

Азагердия сказала рассерженно, но замаскировав улыбочкой:

— Не беспокойтесь, мы справимся. Спокойной ночи, ваше высочество!

Она присела, выпроваживая меня чуть ли не в шею, словно это она тут королева, а я так, паж любопытный, и я, не споря, учтиво поклонился и пошел к двери.

Вдогонку кто-то хихикнул, но вроде бы не Мелисса. Я закрыл за собой дверь, коридор ярко освещен десятком светильников, слуги с каменными лицами застыли напротив двери в покои Азагердии, делают вид, что ничего не видят, чуть дальше вооруженная стража. Вид у всех такой, словно присматривают друг за другом, а меня вот в упор не замечают, будто я в супернезримости.

Тем же подвесным мостиком вернулся в главный корпус, у меня перед дверью тоже двое слуг, только стражей больше, начинаются еще с лестницы.

И точно так же у всех каменные морды, не замечают, словно я совершаю нечто предосудительное, ага, возвращаюсь в свои апартаменты за полночь.

Я захлопнул за собой дверь, а разоблачаться начал с перевязи, которую вяло стащил через голову, меч в ножнах привычно примостил к ложу в пределах вытянутой руки, ну что это за жизнь, вот так и начнешь завидовать простому крестьянину, который никому не нужен, никто не замышляет его убить...

Стащив сапоги, я разделся и лег поверх одеяла. Как хорошо, можно с удовольствием вспомнить, как долго боролся против отмены этой льготы, привилегии или наказания, когда целая толпа одевает утром и столько же раздевают на ночь, словно паралитика, готовя ко сну...

Дверь приоткрылась, щель не больше, чтобы просунуть легкие ножны, однако появилась женская фигура, прямая, куда там березке, свет из коридора, блеснувший только на миг, показал, что гостя в тончайшей ночной рубашке, то есть долго раздевать не придется.

Она приблизилась медленно и так плавно, что прямая лебедь по неподвижной воде пруда, грациозно вскинула руки к плечам, и рубашка соскользнула на пол.

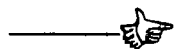
— Ваше высочество, — прозвучал ее мягкий голос, — вы разочарованы?

Я подвинулся, освобождая место, и сказал с подъемом:

— Как можно!.. Это же такая самопожертвенность, какой подвиг!.. Своей, так сказать, грудью... ага, грудью закрыть подругу... а такой грудью закрыть можно, теперь вижу.

Она присела на край, распущенные волосы падают по спине до самой поясницы, глаза влажно блестят.

— Вам не нравится?

— А что, — спросил я с недоверием, — сможешь сделать еще больше?.. Нет, ну да ладно, я человек весьма уверенный... Ложись, смотри, сколько тут места!

Она легла, вздохнула и, закрыв глаза, раздвинула ноги. Я приподнялся на локте и всмотрелся в ее бледное породистое лицо. В полупотемках выглядит почти худым, скулы блестят в дальнем свете, но щеки запали в темноту, а глазные впадины вообще кажутся пещерами.

— А чего ты решила заменить Мелиссу? — спросил я.

— Это же моя фрейлина, — ответила она. — Я за нее отвечаю.

— Здорово, — согласился я. — Ты настоящая королева... Слушай, сдвинь ноги, а то здесь сквозняки гуляют. Мне кажется, Мелисса не так уж и обрадовалась?

Она посмотрела на меня искоса.

— Она еще дурочка, — ответила после паузы. — И еще не умеет принимать решения.

— А ты как ее королева...

— Ну да, — сказала она гордо, — девочки не виноваты, что их могут использовать.

— Потому ты...

Она ответила сумрачно:

— Я сделала то, что должна была сделать!

В ее голосе прозвучала поистине дьявольская гордыня, она вздохнула, закрыла глаза и снова раздвинула ноги.

— Молодец, — согласился я. — Слушай, не торопись так. Ты так хороша, что хочу сперва налюбоваться тобой. Сдвинь ноги и повернись ко мне... Вот так. Ты очень красивая, но не просто красивая, а в тебе чувствуется порода. Сколько у вас поколений аристократов?

— Восемнадцать, — сообщила она с еще большей гордыней. — Восемнадцать поколений незапятнанной репутации!

— Здорово, — сказал я пораженно. — Это несколько столетий?.. Есть чем гордиться. И твой нынешний поступок, когда ты спасла от глумления подругу, весьма достоин всяческих похвал и восторгов и, уверен, будет вписан красными буквами... ты ведь девственница?.. в вашу родовую летопись.

— Надеюсь, — произнесла она и, снова повернувшись на спину, закрыла глаза, а еще и накрыла лицо сгибом локтя, чтобы уж совсем меня не видеть. — Надеюсь...

Я смотрел, как она снова раздвинула ноги, вздохнул, сказал с тоской:

— Ну почему девственница?.. За что меня так?.. И все должен бесплатно... погоди, убери руку с харьки. Хотя ладно, можешь не убирать. Только расслабься, я же не бить тебя собираюсь... Ты успеешь понять, когда бояться, а пока просто отдыхай...

Никогда бы не подумал раньше, что вот так в постели с красивой молодой девушкой, у которой и грудь, и бедра о-го-го, я буду думать о каравеллах и железной дороге, в то время как руки очень медленно и неторопливо делают то, чему учили в школе в старшем классе, на внеклассных занятиях, здесь ни в коем случае нельзя торопиться, иначе придется начинать все сначала, особенно когда имеешь дело с дремучими невеждами, потому за этой рутинной, что исполняется чисто механически, я урывками думал и о выборах, о коронации...

Она настолько начала вслушиваться в свои странные ощущения, абсолютно неведомые, непонятные, что уже подергивают ее тело сладкими судорогами, что забыла раздвинуть задние конечности, пришлось самому, а она даже и не заметила, дура, вот так вас и ловят...

Потом был ее легкий вскрик, но почти сразу ее тело выгнулось дугой, приподнимая меня, а я еще та

пушинка, ее руки обхватили меня и сдавили так, что я подумал еще и про огров, которых тоже нужно будет приобщить к цивилизации, они болота смогут засыпать еще быстрее, чем тролли, а уж ломать скалы в каменноломнях для них вообще забава...

Некоторое время мы лежали рядом, она продолжала дышать шумно и часто, глаза безумно вытаращены в потолок, потом сказала с отчаянием:

— Я... я согрешила!

Я сказал успокаивающе:

— Ну, это не грех. Тем более что ты шла так самоотверженно за подругу...

— Да, — прошептала она в ужасе, — но я... ощутила удовольствие!.. а это недопустимо... Это мерзкое сладострастие... Это грех!

— Какой грех, — сказал я, — Господь велел плодиться и размножаться. Ты что, против Всевышнего?

— Он велел плодиться, — ответила она страдальческим голосом, — а не сладострастничать!.. Это омерзительно... Я должна покаяться и выдержать епитимью... Как я могла, как я могла...

Я сказал смиренно, но с некоторой дьявольской гордостью:

— Не вини себя. Ты держалась достойно. Это я расшевелил в тебе ту сущность, которую Змей оставил в теле каждого человека. Это я виноват, хотя почему-то виноватым себя ну никак не могу почувствовать, хоть для тебя и стараюсь.

Она отшатнулась в ужасе и омерзении с такой силой, что чуть не свалилась на пол.

— Ты... ты сам Сатана!.. Ты орудие дьявола!.. Ты полон похоти и сладострастных гнусностей!.. Ты совратил мое тело и заставил слушаться тебя, хотя я должна была выполнять эти омерзительные обязанности смиренно

и ничего не чувствуя, кроме боли, которой Господь наказал нас за грехи Евы...

Ее страдальческий голос и враз похудевшее лицо все-таки вызвали во мне чувство вины, глаза у нее блесят во впадинах, как у загнанного зверька, мелкого, голодного и насмерть перепуганного, а скулы еще больше приподнялись, гордые, но жалобные.

— Тебя Господь любит, — сказал я мягко, — и понимает твои чувства. Но все человечество вечером ложится в постели, половина из них — с женами. И называть их всех за это грешниками... думаю, мы не так поняли Всевышнего.

— Нет, — прошептала она, — эти сладкие чувства... козни лукавого!

Я сказал нежно:

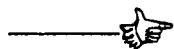
— Никогда не думал, что вот так искренне буду поддакивать женщине... Увы, ты права. От Господа у нас только душа, которую он в нас вдохнул и которую со временем заберет... Однако сейчас, пока мы в этом мире, мы не можем жить без тела! И потому мы должны сотрудничать с дьяволом, но не поддаваться ему, его целям, его желаниям, его установкам. Жизнь на земле — жизнь компромиссов...

Она повернула голову и всматривалась в меня недоверчивыми глазами. Женщины чуткие существа, а это вот, похоже, ощутило во мне еще большее неприятие дьявола, даже большее, чем у нее, но по мне видно, что я закаленный и опытный боец, весь в боевых шрамах, который и сам наносил поражения дьяволу, и если говорю, что некоторые участки пути нельзя пройти, если порознь, то, видимо, знаю, что говорю...

Она сказала дрожащим голосом:

— Но это так плохо...

Я встревожился.

— Что, в самом деле?

— В самом, — ответила она, чуть не плача. — Тело мое испытывало греховное наслаждение, а это нехорошо, это значит, я порочная, гадкая, развращенная...

— Тело, — сказал я, — это не ты, хотя тело твоё. И мы владеем телом, хотя, конечно, нам нужны здоровые тела, чтобы лучше служить Всевышнему. Мы можем, доказывая свою власть над телом, уморить себя голодом или прыгнуть со скалы, но что скажем Господу, который запретил не только самоубийство, но даже нанесение вреда телу?.. Потому будь к нему добрее. Его нужно кормить и поить, как своего любимого коня, давать отсыпаться, учить каким-то трюкам, даже иногда отпустить на случку...

Она слушала внимательно, я уже видел, что убедил, но на последних словах резко дернулась.

— Нет!

— Ну нет, — согласился я поспешно, дурак, потопился, — можно не пускать, ты права, люди могут же обходиться без сладкого?.. Иди сюда ближе, положи голову вот так, а ногу закинь мне на пузо... да не дергайся, мы же говорим о высоком, о Божественном, это же намного ценнее, чем плотские утехы...

Глава 8

Проснулся я от щебета птиц за окном, на моем плече покоится голова Азагердии, волосы в беспорядке по всей подушке, люблю это зрелище, тихонько посапывает, по моей коже бежит легкий ветерок.

Вчера чуть ли не до утра говорили о Высоком и Божественном, но все-таки я сумел втихую незаметно еще раз завести, раздражить ее нежную податливую плоть, и хотя утехами позанимались намного яростнее, но по-

том сразу же вспомнили, что мы — одухотворенные личности. Правда, поговорить на эту тему не успели, она заснула так резко, словно потеряла сознание.

Я с состраданием посмотрел на прекрасное чистое лицо, вздохнул и заснул с чувством честно выполненного долга, а сейчас проснулся так и вовсе как орел сизокрылый и начал подумывать, как бы вылезти из-под нее потихоньку, а то прижалась, вцепилась, все-таки настоящая женщина должна держаться за мужчину, особенно, гм, вот так мило и преданно даже во сне...

Тихо собрав одежду, я перебрался через внутреннюю дверь в кабинет, там напялил штаны и подумал, что Азагердия вообще-то смоемся, как только проснется, а потом долго будет стараться не попадаться на глаза.

Некоторое время работал с указами и распоряжениями, одновременно пытаюсь угадать, как там сейчас в Ламбертинии и Мезине, да и Скарлянды с Варт Генцем беспокоят, нельзя их надолго оставлять без присмотра.

И хотя для местных реалий и полгода-год — совсем недолго, но для меня пытка и неделя без новостей с мест. Дразнящая мысль выныривала снова и снова на-счет того, что нужно упорно копать в том же направлении, чтобы помимо зеркал, пентаграммы Дитера и браслета Иедумеля обрести способность передвигаться с той же скоростью, но уже в те места, где вообще нет никаких приемных станций.

А потом хорошо бы попробовать прыгнуть с того портала, что возле монастыря цистерианцев... Явно же окажусь на Юге. И там, где меня не ждут. Где вообще ничего не ждут...

Хотя, с другой стороны, если и на Юге прорастет такое же странное зернышко, но скорее всего там все порталы под неусыпным надзором. И потому эти фантазии лучше оставить... хотя и жаль.

Из окна увидел, как появился отец Дитрих, он сразу начал общаться с иерархами церкви, что прибыли из разных провинций, даже из Ундерлендов. Все оживленно обмениваются мнениями, мне показалось, что меньше всего говорят и даже думают о выборах короля, у церкви цели пограндиознее.

Оставив бумаги, я вышел в коридор, стражи замерли, я буркнул:

— Вольно, вольно... но не слишком.

Огромный двор, что всегда казался необъятным, сейчас тесноват от гостей, что не спешат по зданиям, где не удастся общаться так же вольно, одновременно высматривая в толпе новых знакомых.

Я потихоньку и смиренно приблизился к отцу Дитриху, глазки долу, поцеловал ему руку, сморщенную и дряблую, как лапа птеродактиля.

— Благословите, святой отец...

Он перекрестил, на лице сочувствие и тревога, словно я не чудо морское, а тяжелобольной, что может и не выкарабкаться.

— Господь тебе в помощь, сын мой.

— Спасибо, святой отец!

Он вздохнул.

— Как ты?

— Тружусь, — заверил я, — как во-о-от такая пчелка! И без жала. Божья пчелка. Безвредная и беззубая.

Он сказал негромко:

— Ты что-то хочешь сказать?

— По мне так видно? — спросил я.

— Мне видно, — ответил он.

— Ну, — протянул я, — если можете отойти со мной чуть в сторону, а то здесь так галдят...

Он даже не дослушал, двинулся прочь, я догнал и сказал быстро:

— Отец Дитрих, дело вроде бы пустяк, но на самом деле очень серьезное, такие пустяки приводят к лавинам. Послушайте меня очень внимательно. Далеко-далеко отсюда, в тех далеких королевствах, откуда я добрался сюда, из-за упрямства церкви по одной мелкой мелочи, даже мелочишки, произошел очень серьезнейший раскол. Да-да, в самой церкви.

Он посмотрел на меня очень строго.

— О чем ты, сын мой?

— Один король, — сказал я, — вы о нем вряд ли слышали, не получив от жены за пятнадцать лет супружеской жизни наследника, попросил церковь расторгнуть брак, чтобы он мог вступить в новый брак. Церковь ему отказала. Несколько лет он добивался у папы разрешения на развод, собирались различные комиссии и суды, но развода ему так и не дали. Тогда он в ярости заявил, что его королевство отныне выходит из-под власти папы. В его землях будет своя церковь со своими законами!

Отец Дитрих воскликнул:

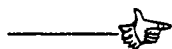
— Это невозможно! Это же... разорвать плащ Христа, что укрывает наш мир...

— Плащ был разорван, — отрубил я. — Из-за упрямства и нежелания уступить в таком пустяковом вопросе. Этот король вырвал церковь своей страны из единого пространства и объявил ее отдельной и независимой, подчиняющейся только ему, как главе государства, а не папе. После чего его церковь, конечно же, дала ему право развестись и взять новую жену.

Он вздрогнул, перекрестился.

— Разве такое мыслимо?

— Для сильных людей мыслимо все, — ответил я твердо. — Отец Дитрих, я очень хочу, чтобы у нас церковь всегда была той, какой должна быть. Сейчас мы все видим, герцогиня Изабелла ушла к Вирланду и

счастлива с ним, а герцог Готфрид счастлив с леди Элинор. Так почему же не разрешить им то, что уже создано и никому не вредит?

Он вздохнул.

— Сын мой, я понимаю твои чувства... и сам на твоей стороне! Но догмы для того и необходимы, чтобы здание стояло незыблемо. Нельзя поддаваться...

— Но церковь для людей!

— И для Великой Идеи, — напомнил он. — Если каждый мирянин начнет вытаскивать для себя песчинку, в конце концов само здание зашатается и рухнет, погребя нас под обломками. И мир вернется к дикому язычеству.

Я слушал и опускал голову. Отец Дитрих говорит все правильно, однако высокие истины бывают слишком холодными и тяжелыми, чтобы нести их везде и во всем. Человек устает, и если ему не позволить сесть и перевести дух, он сядет сам. А это будет уже неповиновение.

— Жаль, — проговорил я. — Очень жаль.

Он кивнул, лицо стало холодным и отстраненным. Я, почтительно поддерживая его под локоть, отвел обратно к группе епископов, в голове стучит предостерегающее, что мне только церковными реформами позаниматься осталось, и тогда вообще будут кранты, я сам, как пирамида из песка, рассыплюсь под первым же дождем.

Про реформы нельзя даже заикнуться, это не только сразу потерять поддержку Вселенской церкви, да еще и попасть в еретики. В лучшем случае. Про худший и думать не хочу.

Безусловно, я на стороне церкви. Безоговорочно. Но это не значит, что слепо приму все, что она говорит и делает. Одно время и молодой Лютер все принимал и

свято исполнял, пока не увидел, что... кое-что нужно исправить.

Исправил, да еще так исправил, что раскол несколько веков терзал Европу. В религиозных войнах погибло больше народу, чем во всех битвах и даже во время чумы. Германия стала первой лютеранской страной, а затем поправки Лютера перекинулись в Англию и пошли дальше-дальше, после чего страны, принявшие его протестантство, стали самыми могущественными и богатыми, а немецкие колонисты завезли протестантство и за океан, где оно стало основной религией.

Так что пойти против церкви — это не против Творца. Лютер как раз и опирался в отрицании официального католицизма на Библию, всякий раз приговаривал: «этого в Библии нет» и «в Библии есть все, что нам нужно».

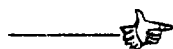
Вернувшись в кабинет, подписал еще десятка два указов, три спора между лордами умело передал в Совет по геральдике, освободил от налогов поставщиков парусины, дело хоть и доходное, но еще мало кто умеет выделять достаточно высокого качества, потому нужно поощрять, а то и выделять гранты на развитие.

Сэр Жерар время от времени докладывал о посетителях, которых нельзя не принять, уж и не представляю, сколько он уже отсеял, я принимал, жаловал, разрешал споры, наконец поглядел по сторонам, оглянулся на сэра Жерара, он все так же следит за мной, насупленный, как сыч на морозе.

— Что-то я Арчибалда Вьеннуанского не вижу, — сказал я. — Такой элегантный красавец, любимец женщин и веселья, он должен быть здесь в самой середине!

Он вздохнул, потупился.

— Ваше высочество...

— Что? — спросил я в тревоге. — Что могло случиться? Его любили все, а врагов не было. Этот баловень-аристократ просто рожден для счастья!

Он вздохнул еще тяжелее, развел руками и начал смотреть в сторону.

— Говори, — велел я. — Он жив?

— Да...

— Искалечен?

— Снаружи нет...

— Выкладывай все, — приказал я. — Ну?

Он сказал невесело:

— У него появилась... возлюбленная. Ах, если бы одна из местных красавиц!.. Наверное, он ими обьелся... В общем, она живет в озере.

— Это в каком смысле? — просил я.

— В прямом, — ответил он. — То ли на дне, то ли не совсем на дне. В общем, поднимается на его зов. Нашлись любопытные, подсмотрели, как они обнимаются по пояс в воде. Самое греховное в том, что она не просто не человек, но еще и не похожа на человека: фиолетовая, как не знаю что.

— Вы тоже видели?

Он потупился.

— Да, я хотел понять, чем смогу помочь... В общем, у нее все фиолетовое, даже волосы, лицо, руки, тело, ногти... Сам Арчибалд все хранил в тайне, но когда все выплыло наружу, только отмалчивался и уходил в сторону. Но как-то раз его приперли к стене...

— Ох, — сказал я невольно, — у него вообще-то кровь горячая.

— Вот-вот, ваше высочество. Рассвирепел, выхватил меч и заявил, что изрубит всякого, кто еще раз спросит такое.

— Нашлись? — спросил я и сам же ответил: — У нас на что-то умное днем с огнем не отыскать человека, а на дурь и глупость отбою нет.

Сэр Жерар сказал гробовым голосом:

— Спьяну вызвались двое, но в короткой схватке он не просто зарубил обоих, но изрубил в неистовом бешенстве на части. Аббат принял его покаяние и велел ночь простоять на коленях, замаливая грех смертоубийства хоть и пьяных дураков, но все же людей. Больше его не донимали вопросами, но не из боязни, а потому что у человека все-таки горе, и сволочно лезть в душу с расспросами, в которых нет ничего, кроме желания поглумиться или повеселиться. Зарубил тех двух, ну и правильно сделал. Двумя дураками на свете меньше, что Господу угодно.

Я задумался, вот пришло серьезное испытание и для всегда беспечного и веселого Арчибальда. Сумеет ли он выйти из него целым или хотя бы не слишком искалеченным, все-таки у любого из нас больше шрамов остается на сердце, чем на харе, а те невидимы миру, и человек может всем казаться благополучным...

В коридоре простучали шаги, донеслись протестующие голоса телохранителей. Жерар вышел, плотно притворив за собой, слышно было, как и он вступил в дискуссию, голоса стали громче, он вернулся и доложил угрюмо:

— Барон Торрекс Эйц, ваше высочество. С сообщением.

— Давай сюда, — велел я.

Эйц, начальник дворцовой стражи, обедневший барон, простодушный и честнейший рыцарь, служит ревностно, но на глаза старается не попадаться вовсе, ибо, по его мнению, только та охрана хороша, которую не замечают, и если решился впервые напроситься ко мне в кабинет, то явно что-то важное.

Жерар распахнул двери, Эйц вошел не один, подерживает под локоть дряхлого старца, на котором крупными буквами написано, что колдун, книжник, гадатель и вообще гонимый оккультист.

— Барон, — сказал я вопросительным тоном.

Эйц поклонился и сказал быстро:

— Ваше высочество, тысяча извинений, что отрываю от великих дел, но мне показалось, что это может быть важным.

— Слушаю вас, барон, — сказал я и кивнул Жерару, — а вы останьтесь, мы не договорили насчет Арчибальда.

Эйц повернулся к служителю оккульта.

— Говори все, что поведал мне!

Старик взглянул на меня подслеповатыми глазами и прошамкал замогильным голосом:

— Не позволяйте выбирать короля!.. Не позволяйте!..

— Уже поздно, — сказал я.

— Остановите, — сказал он стонущим голосом, — ибо в древнем пророчестве Иизеккуля сказано, что как только пятый король появится там, где уже собрались четыре, все королевство рухнет, рассыплется и пропадет навеки!..

В наступившей тишине Эйц пробормотал:

— А еще этому пророчеству три тысячи лет.

Я нахмурился, сказал рассудительным голосом:

— Если я правильно понял, то в пророчестве, которому три тысячи лет, сказано о том, что вот как только в Сен-Мари окажется одновременно пятеро королей, тут же вступит в силу некое древнее проклятие, и все, согласно его условиям, рухнет?

Жерар и барон устрешенно молчали, а оккультист сказал торжественным голосом:

— Именно!

— Напомните текст, — попросил я, — а то я как-то не совсем как бы все помню. Особенно когда впервые слышу.

Глава 9

Старик побряхтел, стараясь выпрямиться, но не получилось, однако все равно принял достаточно величавую позу и проговорил с великим достоинством и убежденностью:

— Когда луна взойдет и ветер воздует, а сова закричит нечеловеческим голосом, то явятся четверо королей, и судьба изготовится, а когда и пятый король сотворится, то все пятеро обрушат свод земной, и земля запыхает в небесном огне, и живые будут завидовать мертвым!

Я смотрел ошалело, потом спросил:

— И что... луна взойшла?..

— Сейчас день, — ответил старик с достоинством, — но она всходила вчера! И ветер стих, вы не заметили?

— А сова где-нить да кричит, — сказал я. — Да еще нечеловеческим голосом, бр-р-р.

— Вот именно! — воскликнул он скрипучим, как у засохшего дерева, голосом. — Вы сами увидели, что все совпадает, не так ли?.. Настал этот день, предсказанный еще три тысячи лет назад!..

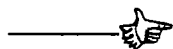
— А точно он? — спросил я.

Барон Эйц кашлянул, напомнил смущенным голосом:

— Я сперва проверил сам, прежде чем тащить его сюда.

— Что проверили?

— Старые хроники, — сказал он сумрачно, — и все летописи. Ни разу за всю историю Арндских королевств

в одном месте не собиралось пятеро королей! А у нас сейчас уже четверо.

Сэр Жерар обронил задумчиво:

— Герцог Готфрид будет пятым.

Я возразил:

— Да, но в этом случае Кейдан уже перестанет быть королем! Так что все равно четыре.

Они смотрели на меня молча, я видел по их глазам, что со мной не согласны, спросил раздраженно:

— Что?

Жерар сказал дипломатично:

— В истории немало случаев, когда в одном королевстве довольно долго существовали старый король и новый. Один взял власть, и его признали, а второй не отдавал корону.

Я фыркнул:

— Неужели пророчества учитывают такие мелкие нюансы?

— Пророчества вообще так пишутся, — ответил Жерар недовольно, — что понять бывает трудно даже понятливым, вот как вы, ваше высочество. Но это куда уж яснее, даже мой конь поймет... Пять королей!.. Да тут и троих никогда не бывало... А чтоб пять? В самом деле небо рухнет.

— Знаете, — сказал я, — вы подняли интересную философско-этическую проблему современности насчет соотношения веры и знания, опыта и озарения, практики и рерихнутости, трудолюбия и алибабщины, правды и кривды, света и тьмы, козлов и бабочек...

Они слушали внимательно, только простодушный Эйц сразу отрубился и спросил обалдело:

— Ваше высочество, а при чем тут козлы и бабочки?

— Какие бабочки? — изумился я. — Что, я так сказал?.. Ну, это я думал, наверное, о чем-то другом, у меня

так часто бывает, думаю о деле, когда с друзьями насчет вина и ледей... Наверное, именно так и создаются пророчества, когда думаешь о важном, а язык что-то молотит сам по себе... В таких случаях говорят, сами боги вещают из тела такого вот... просветленного. Потому я, как видите, не отмечаю это важное, даже эпохальное пророчество, а берусь рассмотреть его детально и скрупулезно. Так что, господа, если у вас все...

Сэр Жерар вздохнул.

— Ваше высочество, а что с ним?

Я буркнул:

— С кем это?

— Ну... вы же знаете, все как бы насчет Арчибальда.

— А я вот не знаю, — отрубил я. — Мне надо над крупными вопросами голову ломать, а вы со всякой мелочью прете.

Барон Эйц сказал с готовностью:

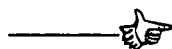
— Ваше высочество! Только прикажите, поможем и с крупными.

— Да? — спросил я с сомнением. — Ну тогда перетащите вот тот шкаф к дальней стене, а то глаза мозолит.

Барон, горя рвением, ринулся к шкафу. Я исподлобья наблюдал, как он подхватил край тяжеленного сооружения, где на полках масса толстых фолиантов в медных и латунных переплетах, попытался приподнять, не получилось, книги весят, кто бы подумал, тяжелее каменных глыб, напрягся сильнее, рожа покраснела, но оторвал край от пола и сумел передвинуть на дюйм.

— Хорошо, — сказал я одобрительно, — уже ближе...

Он надулся, морда стала багровой, приподнял край шкафа и передвинул сразу на два дюйма. До дальней стены осталось, на мой взгляд, дюймов сто. Если дотащит, скажу, что там он плохо смотрится, лучше поставить обратно. Или вообще в другой комнате... Все как в политике, когда сперва кажется, что нужно сделать вот

так, а потом видишь, что ничего подобного, а надо вернуться взад, а оттуда уже попробовать осторожно под другим углом...

Распахнулась дверь, граф Альвар заглянул, посмотрел по сторонам.

— Простите, ваше высочество, но мне показалось, здесь что-то упало...

Я махнул рукой.

— Заходи. Это барон Эйц трудится.

Он осторожно вошел, окинул быстрым взглядом сэра Жерара и дряхлого служителя оккульта, снова с удивлением уставился на барона Эйца.

— Простите, ваше высочество, если отвлек... Но что это с ним?

— Помогает мне решать крупные задачи, — сказал я.

— Ого! Да он стратег!.. И что он решает?

— Как быть с нашим Арчибальдом, — ответил я хмуро.

Жерар вздохнул, взял прорицателя под локоть и повел к двери. В тиши кабинета продолжает скрипеть надсадно передвигаемый шкаф с перлами мудрости.

Стукнула дверь, Жерар и предсказатель гибели человечества скрылись в коридоре, Альвар отвернулся от барона и посмотрел на меня внимательно и требовательно.

— И... как с ним быть?

— Не знаю, — буркнул я. — Вообще-то надо поймать ту девицу и на костер. Но для Арчибальда это будет хуже смерти... Да и он почему должен страдать?

Он печально хмыкнул.

— Если уж по правде, то и та девица из озера... гм... В общем, мы покрываем его, что не совсем правильно. Вроде бы что-то ворует. А это нехорошо.

— Еще как, — ответил я с досадой.

— Спасибо, ваше высочество!

Я поморщился.

— За что?

— За понимание, — сказал он горячо. — Это же наш Арчибальд!.. Рыцарская любовь и должна быть чистой, верной и преданной. Вот только...

Барон дотащил шкаф почти до середины, остановился на миг вытереть пот на лбу и снова принялся за титанический труд.

Я сказал недовольно:

— Вот-вот. Про подводные камешки в поэмах не упоминают?

— Там сюжеты проще, — ответил Альвар уныло. — Рыцарь влюбляется в прекрасную леди, а она отвечает ему взаимностью. Мешают же соперники и родители... Но это преодолимо.

— Именно, — сказал я с нажимом. — И даже понятно как. Однако эта фиолетовая леди... Гм...

Он посмотрел в мое нахмуренное лицо, спросил немного испуганно:

— И что... предлагаете?

— Пока ничего, — сердито ответил я. — Пока ничего... Но что-то делать надо. Церковь должна откликаться на меняющиеся обстоятельства!

Он вздрогнул, даже побледнел, посмотрел на меня с некоторым испугом.

— Ваше высочество...

— Что? — спросил я рассерженно. — Никто не смеет предъявлять такие требования церкви?.. Потому и не предъявляют, что не смеют! А кто решается, тот выигрывает... иногда.

Он опасливо промолчал, а я снова подумал о Лютере, что выступил вроде бы против церкви, как сочли церковники, но тем самым укрепил ее, повысил авторитет и влияние, обновил, сделал реальной силой...

Эйц дотащил шкаф до указанного места, повис на нем, не в силах отклеиться, видно, как крупно дрожат ноги, наконец прохрипел срывающимся голосом:

— Как хорошо, что я редко захожу в главное здание!

— Как видите, — сказал я, — трудно работать с крупными запросами. А я вот в день по сто шкафов таскаю туда-сюда, а потом оказывается — поставил не там.

Он с трудом отклеился от шкафа.

— Ваше высочество, — сказал он задыхающимся голосом, — я лучше пойду... Не в свое дело влез, понимаю. Выборы короля все-таки на какой день назначили?

— Еще не назначили, — сказал я раздраженно, — но тянуть дальше нельзя. Пусть сегодня и завтра последние прибывшие устраиваются, знакомятся, пируют, а на третий день — выборы!.. И пусть тот, кто не явится, не жалуется, что избрали без него. Так всем и объявите.

Фанфары трубили несколько раз, всякий раз из кабинета я слышал звучные крики глашатаев, что выборы короля будут через два дня, всем нужно определиться, чтобы потом не жалеть о неверном или спяну сделанном выборе.

Я еще раз переговорил с Жераром, все вроде бы под контролем, а с мелочами должны справляться сами. Устойчивое королевство устойчиво само по себе, есть в нем король или нет, потому я сказал загадочно, что отправился мыслить, а сам, укрывшись в личине незримника, пробрался на этаж выше, а там на уединенном балконе перетек в личину птеродактиля и стремительно понесся свечой в небо.

Синее небо распахнулось навстречу, сердце стучит ликующе, я мощно устремлялся ввысь...

Острая боль пронзила левое плечо с такой силой, что моя пасть сама по себе закричала противно и визгливо. Крыло повисло, меня понесло в сторону, я не удержался на восходящей струе теплого воздуха, соскользнул, перекувыркнулся, и мир замелькал перед глазами.

Замок уже не внизу, а сбоку, я изо всех сил старался удержаться, заживляя рану на ходу, однако в личине зверей это всегда получается хуже и медленнее, шарахнулся о твердое и некоторое время лежал, приходя в себя и понимая, что бдительные стражи все-таки заметили и незримника, и одна из стрел, пущенных вдогонку, успела пробить крыло.

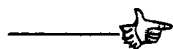
Ворота замка распахнулись, оттуда выметнулись трое всадников на дико храпящих злых конях. Двое приготовили дротики для броска, смотрят в мою сторону, я спешно поднялся на дрожащих лапах, крыло уже затянулось, хотя ого какой шрам, оттолкнулся и с силой забил перепонками по воздуху.

Они подстрелили бы снова, но я перелетел сразу небольшую гряду и пошел вниз, а когда и погоня перевалила на ту сторону, я уже несясь, суматошно хлопая крыльями, как курица, между густыми кустами, постепенно наращивая отрыв, а в конце взвился в воздух в надежде, что в этот раз не достанут.

До Тараскона недалеко, я успел только продумать систему, как мне полулегализовать вот такие исчезновения, как на горизонте показалась полоса зеленоватоголубого моря.

Как и Ришар, я шел к океану по прямой, а затем свернул и понесся вдоль береговой линии. Этот герой битвы у Черной Речки просто счастливец, через несколько минут полета я увидел огромную бухту, защищенную от моря каменистым гребнем.

Сам по себе залив представляет устье широкой реки, неглубокой и, похоже, мелководной, однако берега вы-

соки и скалисты, с одного на другой переброшен красивый мост, а дальше я с удивлением увидел высокие полуразрушенные башни старинного города, как сообщил Ришар, давно покинутого.

Он выглядит таким странно сохранившимся, я чуть было не решил, что его построили еще до Войн Магов, затем сам напомнил себе, что в последнюю войну с лица земли были сметены все строения, а это пытался отстоять свое право на выход к морю один из моих предшественников.

Узнать бы кто, я бы велел поставить ему памятник.

Над бухтой я снизился и пролетел неспешно, стараясь охватить взглядом все мелочи, в самом деле здесь тоже развернем масштабное строительство, как только окончательно ликвидируем угрозу внезапного нападения с моря.

Кораблей здесь поместится не впятеро, а вдесятеро больше, это наш задел на будущее, стратегический запас...

Еще несколько минут стремительного полета, вдали проступил и начал быстро приближаться большой город, почти утонувший в роскошной зелени.

Тараскон расположился почти рядом с бухтой, чтобы обслуживать грандиозное строительство всекоролевского значения, но это теперь так кажется, а на самом деле город был выстроен столетия тому, бухта всегда была пуста, и в ней рисковали ловить рыбу только местные рыбаки.

Я зашел против солнца, чтобы меня не увидели даже те, кто случайно поднимет голову и взглянет в небо, стремительно скользнул вниз к складам и, приземлившись между высокими кипами парусины, поспешно перетек в людскую личину и вышел с таким видом, словно вообще тут и живу.

Глава 10

Рабочие на меня не обращают внимания, я без регалий, а рубашка на мне простая, хотя и видно, что я не простая свинья, но мало ли благородных приходит поглазеть, потом издали раздался потрясенный вопль:

— Да это... никак сам Ричард?

Я оглянулся, несколько стражей смотрят в мою сторону. Один тычет пальцем, его сосед возразил с великодушным презрением здорового человека, который знает, как надо жить:

— И чего бы принцу сюда рыбу нюхать, когда во дворце только пей да баб имей?

— Я тебе говорю, Ричард! — настаивал первый.

Еще двое просто тупо смотрели в мою сторону, но ладони опустили на рукояти мечей, один торопливо перебирает амулеты.

Я помахал им рукой.

— Все верно, ты угадал, молодец!.. Где Ришар?

— Герцог? — переспросил страж. — Ваше высочество, он во-о-он там, где сейчас корабельные мастера собрались!

— Спасибо, — сказал я и поспешил в ту сторону.

Гигантский склад закончился, я вышел на край причала и охнул: с высоты это только информация, а подлинное величие ощутил только сейчас: берега огромной гавани так плотно застроены доками, что палец не просунуть. На месте будущих кораблей пока скелеты, подобные останкам доисторических динозавров, но исполинская мощь потрясает. Это настоящие морские чудовища, которых еще не знал океан, их десятки, десятки, а к ним со всех сторон Сен-Мари нескончаемым потоком везут материалы для новых кораблей...

С десяток каравелл гордо стоят в гавани уже с установленными мачтами, рабочие облепили корпуса, как

муравьи, слышится дробный стук молотков, укрывают обшивкой, осталось только палубы, а там и паруса поднимут...

На берегу у одного из кораблей группа людей в богатых одеждах, бурно беседуют, размахивая руками, явно творческие люди, вельможи ведут себя демонстративно сдержанно.

Навстречу мне заспешил тучный мужчина средних лет, но уже с серебром в голове и бороде, торопливо поклонился.

— Ваше высочество!.. Позвольте выразить наше счастье...

— Да ладно, — буркнул я, — прибыл и прибыл.

Он отмахнулся.

— Да это и впрямь ерунда, а вон то, что вы такие усовершенствования подсказали!.. Моя дочь уверяет, что вы вот-вот появитесь посмотреть, как все делается по вашим указаниям.

— Леди Крис Астон? — спросил я.

Он заулыбался польщенно:

— Вы запомнили?.. Только она не леди.

— Уже леди, — сказал я нетерпеливо. — Как тут?

Он воскликнул с восторгом:

— Ваше высочество, Крис все уши прожужжала, насколько вы сведущи в деле постройки кораблей! Она потрясена, а это, знаете ли... ни один мужчина не удостоивался ее внимания...

— Я бываю хорош, — согласился я скромно. — А где она?

— Дома, — сообщил он. — Я же здесь, вполне здоров и готов ответить вам на все вопросы. Но как мы с нею изучали те чертежи, что вы исправили... Как потом изучали все мастера, что сперва ругались, а потом признали, что да, вам сам Господь подсказывает, какие корабли строить.

Я сказал бодро:

— Так его же Слово понесем в дикие страны!.. Он заинтересован в нашем успехе.

Доски под ногами толстые, даже не гнутся, лишь чуть подрагивают, объясняя, что упираются на воздух, а не твердую землю. На берегу уже умолкли и, повернувшись к нам, ждут, почтительно склонив головы.

Растолкав их, вперед быстро вышел Ришар, в белой рубашке, изрядно перепачканной, довольный, рот до ушей.

— Ваше высочество!

— Вижу, — сказал я сварливо, — вы здесь счастливы.

— Завидовать нехорошо, — сказал он наставительно. — Даже вроде бы грех, но не уверен. И как вам такие масштабы?

— Мало, — сказал я твердо, и он пораженно охнул. — Нужно будет, вы правы, развертывать строительство и в той бухте, что вы так расписали. Не спорю, она хороша. Только с полдюжины кораблей должны барражировать в море неподалеку, пока берег не укрепитя.

Корабельные мастера переглядываются, морды довольные, кто-то кивнул помощнику, тот вытащил из мешочка чернильницу, закрывающийся пенал с набором перьев, свернутый в трубочку лист бумаги, готовясь записывать указания и вообще мудрые мысли государя.

Ришар счастливо оглядел бухту.

— Вы очень вовремя, ваше высочество.

— Что так?

— Ордоньес сейчас в море, — объяснил он, — учит ходить под парусами. Сегодня обещал показать, как нужно двигаться в боевом порядке. Здесь еще не знают, что корабли, как и люди, могут выстраиваться и наступать сообща.

Я отмахнулся.

— Посмотрим, если успеем.

Мастер Кристиан приблизился, он боится меня меньше других, все-таки дочь обрисовала меня как пылкого кораблестроителя, а не только жестокого захватывателя и железного правителя, указал на бухту.

— Ваше высочество, взгляните вон на этот корабль, что поднимает паруса...

Корабли, на мой взгляд, прекрасны даже с голыми мачтами, они похожи на спящих, когда после крепкого здорового сна неспешно, разминаясь на ходу, поднимают паруса и выйдут в море, исполненные силы и бодрости.

В бухте пока что далеко до тесноты, простор, но я вижу то, что другие не видят... а это значит, вторую бухту нужно начинать застраивать уже сейчас, буквально сегодня выделить деньги на строительство достаточного числа просторных барачных...

На мачтах появились матросы, вниз рухнули освобожденные от веревок паруса, легкий ветерок тут же начал с ленцой расправлять их, пока что обвисшие и сморщенные...

Я всмотрелся, спросил сердито:

— А что на головном парусе? Почему этот непонятный герб?

Мастер ответил торопливо:

— Герб Сен-Мари, ваше высочество! Это же мы, наше королевство...

Я приказал властно:

— Убрать!

— Ваше высочество?

— Что вам непонятно? — спросил я. — Это корабли не королевства Сен-Мари.

Все умолкли и смотрят вытаращенными глазами, даже Ричард молчит заинтересованно, тоже не понял, а мастер Кристиан пролепетал пугливо:

— Ваше высочество! А чьи тогда?

— В этих кораблях труд, — отрубил я веско, — мастеров не только Сен-Мари, но Армландии, Фоссано, Шателлена, Турнедо, Мезины и даже Ламбертини...

Он явно растерялся, наконец просиял, решив, что отыскал выход:

— Тогда распределить гербы пропорционально численности королевств? Или по другим признакам, пока что ведомым только вам, ваше высочество?

Я покачал головой.

— Нет. Я бы вообще предложил на все паруса единый герб Арндского королевства.

Он охнул.

— Простите, но...

— В старых хрониках можно порыться, — сказал я безжалостно. — Полистать древние летописи. А если и там не найдем...

Они молчали, озадаченные до крайности, только Ришар хмыкнул, pokrutil головой.

— Боюсь, это будет трудновато.

Я ответил тем же голосом государственного деятеля:

— Все решаемо.

— Но... как?

Я покосился на застывших мастеров, заколебался, говорить или нет, потом решил, что люди они взрослые, семейные, а это значит, повидали всякого, таиться особенно нечего.

— Герцог, — сказал я негромко, — мы же взрослые люди. Можно придумать стилизованный под старину красивый герб и объявить, что вот отыскали...

Ришар дернулся, даже отшатнулся, словно боится запачкаться о политика.

— Ваше высочество, — произнес он сухо и несколько высокомерно, — я полководец и рыцарь, мне такое понять трудно. Да и принять, если честно. Я бы предпочел на всех кораблях флота поднять паруса с вашим гербом,

это я понимаю! Вы наш боевой вождь, мы с вами одержали столько славных побед, мы желаем идти именно под вашим личным знаменем, сэр Ричард! Это по-мужски и по-рыцарски. Мы присягали вам лично, а не Сен-Мари.

Кристиан сказал услужливо:

— Прекрасная идея! Я закажу паруса с вашим гербом? Какой девиз напишем?

Я заколебался, все верно, очень много зависит и от устрашающего имени полководца. В старину всегда выбирали самого сильного, которому и подчиниться не стыдно, и шли за ним потому, что будут победы, богатая добыча, захваченные земли, слава, титулы...

— Девиз, — повторил я в задумчивости, — девиз... Напишем крупными буквами: «Сим победиши!»

Кристиан открыл рот, закрыл, потом просиял не только лицом, а чуть ли не весь засветился, словно на него снизошла благодать.

— Прекрасные слова, — воскликнул он с чувством. — Прекрасные!.. Это же ангел сказал языческому римскому императору, когда вручил ему крест?..

— Эпохальные слова, — подтвердил и кто-то из мастеров.

— Не ангел, — поправил Ричард, — а всего лишь Иисус Христос. И не вручил, а как бы пригрезился во сне... Хотя слова действительно... гм...

— А герб? — поинтересовался Кристиан настойчиво. — Какой из ваших гербов на все паруса, ваше высочество? Я слышал, у вас их два?

Я покачал головой.

— С такими словами любой мой герб будет выглядеть жалким, а у меня пока еще сохранились остатки рыцарской гордыни. Так что на парусах никакого герба! Ни сен-маринского, ни моего лично!

— Ваше высочество?

— Огромный красный крест на весь главный парус, — велел я. — Мы — церковь, воины Христа! Воины-крестonosцы, что готовы отдать жизни за честь и веру. Вера у нас одна, как одно и Царство, которое строим.

Они умолкли, на глазах лица у всех становились серьезными и торжественными, с небес пал золотой свет, словно благословил нашу если не победную поступь, то хотя бы стремления.

Да и с поступью тоже в порядке, мелькнула мысль. Это мне кажется, что буксую, а для всех так просто несемся стремительно, как расширяясь, так и преобразаясь. Никогда Сен-Мари за последние эпохи не выходила вот так уверенно к морю и не решалась отстаивать свое право.

Ришар первым нарушил молчание:

— Да, прекрасное решение. Частные корабли пусть ходят под гербами своих хозяев, те раздуются от гордости, а мы выступим как бы от всего христианского мира! Папа римский затанцует на престоле, всех нас в задницы поцелует за такое возвеличивание церкви.

— Не церкви, — уточнил я, — а нашей веры и наших стремлений, но, вы правы, это укрепит наши позиции в глазах церкви.

— Вы заглядываете далеко вперед, — сказал он с глубоким уважением, — и каждым словом и решением укрепляете... наши силы!

— Это нечаянно, — ответил я с неловкостью.

Он посмотрел с еще большим уважением и почти священным восторгом.

— Значит, сам Господь нашептал вам такое!.. Кстати, ваше высочество, раз уж зашел вопрос о таком... гм... достаточно далеком будущем... хотя оно ближе, чем даже мне кажется, может быть, начать вылетать из гнездышка? Пора пробовать крылышки?

— Ну-ну, герцог, — сказал я нетерпеливо, — что вы хотите предложить совсем уж наглое?

Он кивнул в сторону моря. Там вдаль виднеются две каравеллы, одна то ли стоит на якоре, то ли так умело маневрирует парусами, а вторая выписывает неуклюжие круги, как конь на длинной веревке, на мачтах видно крохотные фигурки матросов.

— Корабли выходят из бухты, — объяснил он с гордостью, — команды учатся ходить под парусами! Вчерашние простые деревенские парни. И уже есть пять экипажей из новеньких, которые чувствуют себя в море... ну, не так, как рыбы или альбатросы, но все-таки уже достаточно уверенно.

— И что? — спросил я с интересом. — Хотите куда-то послать? Нет, рано.

Он сказал со вздохом:

— Да я и сам себя постоянно бью по рукам. Однако можно сделать проще и заодно убить сразу двух зайцев.

— Каких?

Он посмотрел на корабельных мастеров, взял меня под локоть и повел вдоль берега.

Глава 11

Отойдя подальше, оглянувшись, группка мастеров на месте, разговаривают все так же бурно, хотя и посматривают в нашу сторону.

Он понизил голос и сказал таинственно:

— Мы ведь не знаем, куда тянется береговая линия? За Зубом Сатаны, разделяющим наши королевства, идет берег Вестготии, но и там пусто, пираты сносили все точно так же, как и у нас... Сейчас там хоть и робко, но начинается движение, товары свозят к берегу, но

причала нет, приходится грузить в лодки и везти так к нашим каравеллам, что тяжело и неудобно...

— Это временно, — напомнил я. — Король Херлуф Сильвервуд получил от меня заверения в помощи и защите, так что выстроит хороший порт.

Ришар внимательно посмотрел на меня.

— Наша защита... она как?

— Как обычно, — пояснил я. — Женщин и детей охраняем бесплатно, это долг рыцарей, но король должен платить. Кроме того, как вы понимаете, нам не нужен соперник на море. Ни на торговых путях, ни... вы поняли. Нужно подумать, как все сосредоточить в своих руках... во славу Господа.

— Во славу Господа, — ответил он и перекрестился. — Да, тем более мы должны пройти береговую линию Вестготии до конца и нанести на карту. И заодно посмотреть, строят ли там что-то еще, услышав про полный разгром пиратов.

— Если там подходящие бухты, — посоветовал я, — настойчиво предлагайте взять их в концессию. Это окупится. Мы должны постараться удержать преимущество, что далось нам так нелегко и дорогой ценой.

Он сказал со вздохом:

— Пиратов разбили мы своими силами, а плодами победы будут пользоваться все? Это нечестно.

— Да, — согласился я, — хорошо бы держать все выходы к морю в наших руках. Вы представляете, какие это дает возможности?

Он кивнул, ответил очень серьезно:

— Представляю. Потому и хотел бы, чтобы у вас была полная картина. Эскадра вполне в состоянии пройти вдоль береговой линии, как в одну сторону, так и в другую, и нанести все на карту.

— А не лучше, если это сделает Ордоньес?

— Уже думал об этом, — признался он. — Ордоньес, да, лучше, как и во всем. Но Ордоньеса не разорвать, здесь он нужнее! Нанести на карту смогут и другие, а вот набирать экипажи и обучать — это посложнее. Мы столько дров наломаем! А Ордоньес заранее знает, что нужно, сколько и зачем.

Я подумал, кивнул.

— Хорошо. Только даже для такого плавания нужно подготовиться особым образом. К примеру, все пеньковые якорные веревки заменить на железные. У Ордоньеса они пока что пеньковые, из-за чего я о хваленном Юге не очень высокого мнения.

Он в удивлении вскинул брови.

— Зачем?

— Дорогой герцог, — сказал я терпеливо, — а вас не удивляет, что, когда начинается шторм, все корабли дружно снимаются с якоря и спешат уйти в открытое море? Где, как говорится, и шторм страшнее, и утонуть можно?

Он признался озадаченно:

— Честно говоря, вообще о таком не знал.

— При вас бурь не было?

— Нет.

— То-то, — сказал я. — Можете спросить у Ордоньеса. Дело в том, что шторм выбрасывает на берег целые эскадры!.. Корабли разбиваются, люди гибнут, убытки невосполнимы. И все потому, что пеньковые канаты не выдерживают слишком сильного ветра, рвутся. Якоря остаются на дне, а корабли... волны выкидывают обычно на самый скалистый берег. Хотя рядом бывает песчаный... Вот такие шуточки у морского бога.

Он сказал озадаченно:

— Вот почему последнее время из Тараскона начинают прибывать железные цепи... Даже из Вестготии привезли для трех кораблей!

— Я заказал давно, — сообщил я, — они сложнее в изготовлении, зато с ними проще и в работе. И сушить не надо, а с пеньковыми это же просто ад... Увидите, не обрадуетесь.

За это время корабельные рабочие вынесли из одного здания длинный стол, установили на берегу по-выше, сами же накрыли белой скатертью. Если здесь и есть женщины, то не в строящемся порту, это потом их станет настолько много, что так и будут называть портовыми...

Ришар посмотрел на меня вопросительно, я кивнул, и он широким жестом хозяина пригласил и корабельных мастеров отобедать с нами.

Мне казалось, что раз мы в порту, то ничего, кроме рыбы, и не будет, но тарасконцы снабжают строителей даже весьма: кроме мяса, птицы и сыра, еще и всевозможная зелень, так что цинги точно не будет, и сапоги морякам жрать не придется, как постоянно приходилось им во времена Колумба.

— Хорошо, — сказал я, когда в конце подали еще и вино, — порт и строительство кораблей — это высшие государственные приоритеты, и хорошо, что тарасконцы это понимают.

Мастер Кристиан сказал со смешком:

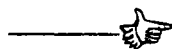
— Сэр Торкилстон следит строго, чтобы снабжение не прерывалось. Да и сами тарасконцы... им же прямая выгода не везти куда-то товары, а сбывать здесь же.

Ришар взглянул в сторону моря, встрепенулся.

— Ваше высочество, — сказал он радостным голосом, — не изволите ли насладиться зрелищем?

— Наслаждаться я люблю, — заверил я. — Это работать не очень...

— Пойдемте!

Он вывел меня на высокий край берега. Необъятный океан, уходящий в бесконечность, распахнулся перед нами во всю ширь, где в немыслимой дали небо и водная гладь соприкасаются, даже сливаются так, что в щель не проскользнет и юркая чайка.

Страшное и величественное зрелище: справа выдвинулись и пошли вдоль берега десять каравелл, все выстроившись в две линии, по пять кораблей в каждой. Волны с грозным шумом раздаются в стороны, когда сверху обрушивается тяжелый корпус, но тот величественно поднимается, стряхивая воду, а до высокой палубы настолько далеко, что народу не верится, будто это руки человеческие сотворили такую громадину.

Туго надутые паруса слегка подрагивают по краям, на мачтах развеваются флаги. Я вижу, что не только Ричард, но даже корабельные мастера застыли, потрясенные той мощью, что сотворили сами же.

Мало, мелькнуло у меня. Десяток каравелл, а еще пять в бухте, около десятка на берегу в процессе строительства... У короля Филиппа было сто тридцать кораблей и тридцать тысяч человек на борту, но его Непобедимая армада потерпела сокрушительное поражение не столько от противника, сколько от погоды: погибло шестьдесят кораблей, из них только семь — от противника.

Все они разбились о скалы, потому, пока не оснащу все корабли до единого надежными якорями с прочными железными цепями, ни один не выпущу из бухты в дальнее плавание.

И не могу сказать высокомерно, что это не принцево дело: здесь еще не понимают, что якоря на пеньковых канатах — гибель для любого корабля, особенно в сильную или долгую бурю, а значит, все — мое дело, будь оно неладно, так ли представлял себе жизнь правителя королевства?

Ришар долго стоял завороженный зрелищем, пока высокий берег на той стороне бухты и массивная сторожевая башня, толстая, словно каменная копна, не скрыли весь зарождающийся флот.

— Прекрасно? — спросил он.

— Не то слово, — ответил я и тут же добавил: — Но мало.

Он посмотрел на меня искоса, на лице удивление.

— Ну и масштабы у вас... Кстати, очень хороший строевой лес высится от Тараскона и до крепости Вертхейма, это десятки миль, а затем, за рекой и небольшой пустошью, еще один такой же прекрасный, что годится как на мачты, так и на опалубку.

Я отрубил решительно:

— Пожертвую всем этим лесом, чтобы выстроить такой флот, какого никогда не знало Сен-Мари!

Ришар хмыкнул:

— Двойная выгода, ваше высочество.

— А еще в чем?

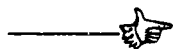
— Крестьянству, — напомнил он, — нужны новые земли под пашни!

— Тоже верно, — согласился я. — Земля должна приносить пользу. А оставлять лес только для того, чтобы там мог охотиться король с кучей придурков, — непросчитательная роскошь, когда народ голодает.

— Народ не голодает, — возразил Ришар. — Хотя, конечно, всегда можно жить богаче.

Я вздохнул, посмотрел на закатное небо. Запад уже в багровых облаках, перед наступлением сумерек они заранее сгрудились в стадо, как овцы, и затихли, приготовившись переждать короткую ночь, чтобы утром весело двинуться на новое пастбище.

— Пора, — сказал я с сожалением. — Герцог, не пропустите выборы короля.

— Как могу? — воскликнул он. — Да и обидится Готфрид, если не приду поздравить! Мы же не раз сражались в Гандерсгейме бок о бок, прикрывая друг друга. Кстати, не вижу вашего удивительного коня...

— Герцог, — сказал я с укоризной. — А если он стоит во дворе некой молодой рыбачки?

Он усмехнулся.

— Да-да, конечно. Дело молодое, ваше высочество. Желаю быстрой дороги!

Мы обнялись, я быстро пошел с причала. Конечно, герцог ни на мгновение не поверил мне, что так вот и буду шастать по молодым простолюдинкам, этим грешат простые короли, а не те, которые находят более интересным перестраивать мир.

Он и сам такой, придавать слишком большое значение женщинам — это удел простых. А что не спросил, как доберусь быстрее него, то у всех могут быть некоторые маленькие тайны, благородные люди не допытываются, дурной тон.

Глава 12

Я вернулся в Геннегау со всеми предосторожностями, не стал нагнать, приземляясь прямо на крышу или балкон дворца, уже обжегся, сел за городом и поспешил в свои палаты, пока не застала ночь.

Хоть на этот раз Жерар не стал изумляться, неожиданно увидев меня в ранее пустовавшем кабинете. Я прошел на глазах у всех через двор, затем передо мной распахнули двери в главное здание, и я своими ножками поднялся на свой этаж.

Слуги опустили люстры и зажгли свечи, а потом долго поднимали и закрепляли канаты, чем-то это на-

помнило мне крепление парусов, светильники вспыхнули ласковыми оранжевыми огнями, а за окнами сгустилась ночь.

В мой кабинет тут же явились герцоги Готфрид и Ульрих как самые знатные и наиболее влиятельные еще с тех времен, когда один владел только Брабантом, а другой — Ундерлендами.

— Через два дня! — сказал Ульрих бодро и потер руки. Глаза его поблескивали, словно в предвкушении битвы. — Хотя сегодняшний уже можно не считать...

— Они пройдут быстро, — ответил Готфрид. — Меня больше волнуют новые отделения Ордена, что начали спешно строить в Турнедо...

— А еще начнут в Ламбертини и Мезине, — пообещал я.

Он вздохнул, на лице попеременно вспыхивали то радость, то выражение крайней озабоченности.

Я крикнул громко:

— Айсватер! Вели подать вина. У нас праздник...

Из-за двери прокричали «Будет сделано», и уже через несколько минут двое слуг вбежали с серебряными кувшинами, расставили по столу серебряные чаши и наполнили вином.

— Идите, — велел я, — за своими благородными гостями я поухаживаю сам, это привилегия хозяина.

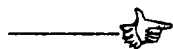
Оба герцога расположились в креслах и с удовольствием смаковали вино, так разительно отличающееся от местных сортов, а в коридоре затопали, дверь распахнулась, Айсватер просунул в щель голову.

— Ваше высочество! — крикнул он встревоженно. — Гонец! Говорит, дело крайней важности...

Я кивнул.

— Давай. Хотя важность это не срочность...

Он распахнул дверь, из коридора вбежал невысокий худой юноша, крепкий и жилистый, с темным от

солнца лицом. Он размахивал над головой свернутым в трубочку письмом с красными ленточками и сургучными печатями. Айсватер на всякий случай придерживал его сзади за пояс.

Я махнул рукой.

— Пропусти, это сотник Куньявальд из Лагардии. Я его знаю.

Куньявальд прошел в кабинет быстро, запыхавшийся, раскрасневшийся, с бурно вздымающейся грудью, но колено преклонил весьма изящно.

— Ваше высочество, — сказал он прерывающимся голосом.

— Говори, — сказал он.

Он быстро взглянул на герцога Готфрида и Ульриха.

— Сообщение от магистра Винцгау, — произнес он. — Чрезвычайно срочное и важное.

— Прекрасно, — сказал я, — давай его сюда. Оно как раз по адресу.

Готфрид протянул руку, Куньявальд беспрекословно вручил ему трубочку письма, что меня не удивило, все знают герцога не только как моего отца, но и как наиболее доверенного человека, однако, пока тот снимал печати, Куньявальд повернулся ко мне.

— Ваше высочество, — сказал он серьезным голосом, — я не знаю, что в письме, да и вам, как сказал магистр, это неважно.

— Что-что? — переспросил я в удивлении.

— Дело в том, — сказал он, понизив голос, — ввиду чрезвычайной важности магистр не счел возможным доверять нечто бумаге, которую могут перехватить.

Герцог Ульрих скептически хмыкнул, магистр помещался на секретности, спит и видит, как враги охотятся за его письмами.

Я сказал так же тихо:

— Говорите, сэр Куньявальд.

Он сделал шаг ближе и произнес едва слышно:

— Магистры всех отделений Ордена Марешаля, что разбросаны по королевствам, закончили голосование насчет кандидатуры Великого Магистра Ордена.

— Наконец-то, — сказал я. — Как распределились голоса?

— Большинством, — ответил он шепотом, но так, чтобы слышали и оба герцога, раз уж допущены. — Великим Магистром избран герцог Готфрид Брабантский.

Готфрид вскинул голову, словно получил коленом в подбородок.

— Что-что?

— Его первым, — продолжил Куньявальд, — и единственным заместителем, а также помощником — герцог Ульрих Ундерлендский. Он же одновременно назначается великим комтуром Ордена и магистром конницы. Кроме того, избран капитул из двенадцати членов в составе десяти рыцарей и двух священников. Утвержден Устав Ордена...

Я быстро зыркнул на герцогов. Оба застыли, как громом пораженные, на лицах непонимание. Они шли вместе и намеревались и дальше плечом к плечу, но только Верховным Магистром планировался Ульрих, а Готфрид — его заместителем, однако братья Ордена на тайном голосовании решили, видимо, что у герцога Готфрида авторитет выше, воинский опыт значительнее и на счету больше попыток возродить Орден, считая и ту неудавшуюся в королевстве Фоссано, которую сорвал как раз не известный никому рядовой рыцарь Ричард, его знают теперь и как сына Готфрида, и как Ричарда Завоевателя.

Магистр конницы, этот пост достался Ульриху, всегда был первым по значимости постом после Великого Магистра, и после отставки Великого Магистра

всегда уходит и магистр конницы, так что они да, все еще рядом, но это путает карты больше мне, чем им...

Ульрих сдвинулся с места, я не успел моргнуть глазом, как он крепко обнял старого друга и похлопал по спине.

— Честно говоря, — сказал он, — я и надеялся тайне на такой результат. Я больше администратор, а в первые годы становления Ордена во главе нужен именно яростный воитель, полководец!.. Поздравляю, Готфрид, заверяю тебя в своем полном послушании и абсолютной поддержке!

Он преклонил перед ним колено. Готфрид пару мгновений смотрел на него неподвижным взглядом.

— Это неожиданно, — произнес он задумчиво. — Встань, Ульрих... и давай подумаем, что нужно делать в первую очередь.

Я стиснул челюсти, в голове с грохотом застучали молоты. Гонец поклонился, отступил на пару шагов и застыл, прикинувшись тряпочкой, на которую никто не должен обращать внимание, дабы не отвлекаться от высоких государственных мыслей.

Ульрих довольно потер руки.

— Капитул избран, Устав утвержден... Готфрид, это значит, мы можем теперь набирать рыцарство во всех странах, где созданы отделения Ордена. Это же... сколько работы!

— Наконец-то, — сказал Готфрид, — хотя я не уверен, что буду лучше на этом посту, чем ты.

Ульрих нетерпеливо отмахнулся.

— Какая разница, мы все равно вместе!.. И давай начнем сразу же с назначения комтуров в каждом регионе. Это самое важное.

— Я сегодня же отбуду в Турнедо, — сказал Готфрид решительно, — чтобы лично назначить наиболее достойных и ревностных! Нет, сейчас же.

Я передохнул и проглотил ком в горле. Оба герцога смотрят друг на друга так, словно на свете уже ничего больше не существует, кроме выборов в Ордене.

— Погодите, погодите, — сказал я рассудительно. — Вы забыли, послезавтра выборы короля Сен-Мари?

Они оба оглянулись на меня, даже не обернулись, а только чуть повернули головы, в глазах безмерное удивление: какие пустяки беспокоят принца в такое великое время?

— Ваше высочество, — произнес Ульрих, — воссоздание Ордена Марешаля в таких границах и с такими полномочиями — это эпохально!

— Да, конечно, — сказал я, — но...

Ульрих решительным жестом отмел все возражения.

— Это неизмеримо важнее, — прогрохотал он с нажимом, — чем выборы короля в отдельно взятом королевстве...

— Но это Сен-Мари, — напомнил я.

Он кивнул.

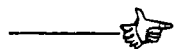
— Даже будь это наше любимое Сен-Мари. Конечно, выборы короля важны, но только не в сравнении с таким событием, уж простите...

Я стиснул челюсти, быстро прокручивая в сознании варианты возражений. Для них, понятно, возрождение Ордена Марешаля, чему отдали жизни без остатка, — важнее всего на свете, даже я понимаю, насколько это важно, однако и посадить на трон Готфрида — не менее важно, это сразу разрубит целый ряд запутанных узлов.

— Хорошо, — сказал я, — но давайте это отложим на недельку. Сперва выборы, потом Марешаль.

Готфрид вздохнул, а Ульрих проговорил мягко:

— Выборы — это только первый шаг, но без коронации любой правитель нелегитимен, незаконен и безблагодатен, потому всяк свободен от его власти. Коронацию проводят только весной...

— Можно внести изменения, — прервал я. — Это после смерти короля выдерживают год траура, а у нас обычная смена власти путем справедливых и демократических выборов, вполне как бы честных и полупрозрачных. Потому допустимы ускорение, гласность и перестройка.

Ульрих спросил с сомнением:

— А кто будет возлагать корону от имени церкви?

— Отец Дитрих, — сказал я. — Он архиепископ!

Готфрид снова промолчал, Ульрих покачал головой.

— Вообще-то должен либо папа римский, либо его уполномоченный. Правда, папа лично возлагает короны только императорам, а королям — специально присланные легаты.

— Отец Дитрих, — напомнил я, — был вызван в Рим, имел подробную беседу с папой римским, в результате которой был назначен архиепископом.

— Однако он всего лишь прелат, — возразил Ульрих. — Был бы нунцием или хотя бы протонотарием...

Герцог Готфрид сказал мрачно:

— А лучше всего, чтобы не тревожить папу и удовлетворить требования знати, — прелатом фьюкетто. Они передвигаются достаточно быстро...

— Но папа не любит их отпускать, — возразил Ульрих, — они нужны постоянно при дворе. Как минимум такую церемонию мог бы провести папский монсеньор... но опять же, это все те же апостольские протонотарии, почетные прелаты и капелланы Его Святейшества, а они все в одном экземпляре и вряд ли будут отпущены. Потому лучше подождать, когда придет человек лично от папы, дабы коронация была признана легитимной и состоявшейся даже нашими противниками.

Я вдохнул воздух и задержал его на несколько мгновений, стараясь удержать себя от волны нарастающего гнева.

— Знаете, — сказал я почти мирно, — до этого вам ничто не мешало, а сейчас вы начинаете искать зацепки, чтобы увильнуть.

Ульрих нахмурился.

— Это не уловки. Значимость Ордена настолько превосходит значимость не только власти короля, но даже самого королевства! Орден — это воплощение Божественной воли!

Тщательно скрывая раздражение, я вымученно улыбался, а чтобы не выказать, что думаю и чувствую на самом деле, поднялся и начал прохаживаться вдоль стены с развешанными мечами и щитами, опуская голову и время от времени как бы в великой задумчивости потирая лоб.

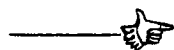
— Я понимаю важность Ордена Марешаля, — сказал я наконец, стараясь, чтобы голос звучал вдумчиво и рассудительно. — Но мы в состоянии успеть сперва завершить коронацию.

— Еще раньше нужно провести выборы, — напомнил герцог Ульрих.

— Да-да, — сказал я, — вы совершенно правы, сперва выборы, однако на это уйдет настолько мало времени, что их можно считать уже состоявшимися. Коронацию... да, она может пройти не совсем в соответствии со всеми-всеми правилами, если ее проведет архиепископ Дитрих, прелат Его Святейшества, но в данном случае... гм... учитывая удаленность и труднодоступность Сен-Мари, можно, как я полагаю, временно провести коронацию именно отцу Дитриху с тем, чтобы прибывший затем нунций или прелат фьюкетто подтвердил факт коронации или провел ее еще раз.

Готфрид сказал тяжелым голосом:

— Если поторопиться провести коронацию, лорды могут заподозрить нас в нечестной игре. Это недопустимо!..

— Ну почему нечестной, — сказал я с тоской. — Просто изменившиеся обстоятельства велят реагировать несколько иначе...

Ульрих покачал головой, а Готфрид произнес тем же громыхающе твердым голосом:

— Никакие обстоятельства не могут изменить наши принципы верности и чести.

— Полностью поддерживаю, — сказал Ульрих. — Дорогой Готфрид?

Готфрид кивнул, глядя ему в глаза.

— Я отправлюсь сейчас же.

— На ночь глядя? — спросил я.

Он коротко усмехнулся.

— Сын мой, разве ты поступаешь не так?

У меня вертелось на языке, что я моложе и сильнее, но сказать такое герцогу — смертельно оскорбить, он никогда не признает себя слабее и мечтает красиво умереть в бою или просто на полном скаку навстречу ветру.

— Знаете, — сказал я, — а перемена вашего решения никак не связана с тем бредом служителей оккульта?

Они переглянулись, герцог Ульрих спросил вежливо:

— Каким именно?

— Впервые слышу, — сказал и герцог Готфрид.

Мне показалось, что первый чуть замялся с ответом, а второй смотрит слишком прямо и твердо, словно старательно убеждает, что не врет. Скорее всего так и есть, однако пуганая ворона и муравьев боится, я смотрел на обоих и не знал, что сказать.

— Есть дурацкое предсказание, — сообщил я, — что касается выборов. Но даже если бы оно было реальным, то я знаю несколько вариантов, чтобы провести выборы и не вызвать катастрофу.

Герцог Ульрих покачал головой.

— Не слышал ни о каком предсказании.

А Готфрид шагнул ко мне, огромный и массивный, крепко обнял и сказал на ухо:

— Лучший король на свете — это ты!

Глава 13

Ночью пришла Азагердия, все такая же бледная и жертвенно покорная. Первым моим желанием было отослать ее взад, не до утех, вся кровь собралась в голове и разламывает череп, мысли такие злые и суматошные, словно у дурака какого, кто мне только и подбросил...

Она удивленно посмотрела на меня, я за столом и в одежде, даже сапоги еще не снял, прошелестела встревоженно:

— Ваше высочество, я что-то должна делать?

— Да, — ответил я. — Лечь, повернуться к стене и спать.

— Но...

— Обойдетесь, — оборвал я. — Леди, лучше спите! Для вас безопаснее. Я сейчас весьма зол. У меня сейчас совсем другие желания.

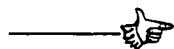
Она сказала с готовностью жертвы:

— Только скажите!

— Пойти перебить всех в Ордене Марешала, — сказал я зло, — выстроить флот и проложить железную дорогу!

— Поняла, — произнесла она торопливо. — Сплю, сплю...

Поспешно легла, отвернулась и затихла, а я даже не посмотрел на шикарную лиру зада, в черепе стучат молотки, а за металлической решеткой на окне носятся нетопыри и злорадно скалят белые зубы, в то время как глаза зловеще горят красным.

Потом зашумел дождь, но тихий и ласковый, воздух стал влажным, словно я уже плаваю по морю, я посопел, но все равно не засну, не стоит и ложиться, а только ради утех... нет, это мелкая радость плебеев.

Утром сэра Жерар не вошел, а вбежал в кабинет, нельзя встревоженный, так не похожий на всегда сдержанного, строгого и даже мрачного секретаря.

Я все еще за столом, передо мной куча подписанных бумаг, указов, распоряжений, а еще коричневые круги на столешнице от чашек кофе.

— Ваше высочество, — вскрикнул он с порога, — ваше высочество!

— Ну? — сказал я угрюмо.

— Герцог Готфрид, — сказал он, — это верно, что отбыл из Геннегау?

— И даже из Сен-Мари, — ответил я веско. — И что? Крайне важные дела заставили герцога срочно отправиться в королевство Турнедо. Крайне важные!

Жерар охнул.

— Зачем? В такое время...

— Он трудится во славу, — заявил я твердо и посмотрел на него бычьим взглядом. — И во имя. Дабы вот!

Он спросил торопливо:

— Однако как же выборы?

Дверь открылась, молчаливый Ульман пропустил в кабинет ряд высших лордов Тайного Совета, включая и новопринятых стальграфа и рейнграфа.

Я жестом поприветствовал их и сказал с гранитной твердостью:

— Не понимаю, что за беспокойство? Отъезд герцога Готфрида по важным государственным делам ничуть не нарушает наши планы. А также не мешает нашей уверенной поступи к! Более того, наш чеканный шаг вперед и дальше лишь говорит о целостности и непоколебимости нашего демократического общества с его

приверженностью к важнейшим либеральным ценностям просвещенного тоталитаризма.

Они слушают внимательно, помалкивают, только сэр Жерар на правах государственного секретаря уточнил:

— Он успеет вернуться? Или выборы пройдут без герцога Готфрида?

— Герцог уверен в нас, — отрубил я. — Он знает, что мы все проголосуем честно и только за того кандидата, который принесет мир и счастье королевству!.. Герцог не один, кстати, кто отсутствует, но это же не мешает нам делать то, что задумали?

В кабинете встревоженные лица начали светлеть, люди зашевелились, явно чувствуя облегчение, не зря приехали в такую даль, тихонько переговариваются, на меня поглядывают вроде бы с одобрением, дескать, молодец, гнет свою линию, ничто его не останавливает...

Жерар кашлянул и сказал тихонько:

— Тогда все, не будем вам мешать. Все возникшие вопросы решим сами. Ваше высочество...

— Лорды, — ответил я.

В двери неслышно проскользнула служанка с охапкой березовых поленьев, свалила их возле камина и быстро разожгла бересту и щепочки, воздух во дворце сырой, нужно поскорее просушить.

Вскоре там загудело пламя, а она, наклонившись ниже, чем необходимо, тщательно помешала горящие поленья длинной кочергой. Платье из тонкого полотна прекрасно обрисовывает вздернутые ягодицы, но я лишь скользнул взглядом и, отметив, что да, жопа хороша, так и просится в жадные мужские ладони, тут же перевел взгляд на указы, в моем случае не приходится даже бороться с вожделением, когда вот так на душе и в королевстве тревожно, даже паладину ох как легко воздерживаться, когда само воздерживается.

Это не значит, что воздерживаться тотально, а так, чтобы не увлекаться и не погрязать. Всевышнему вряд ли по душе грязные и немытые аскеты, проповедующие абсолютное презрение к телу, все-таки его создал тот же Творец, так что надо и ему уделять внимание, но, конечно, в первую очередь — душа, разум, интеллект...

Служанка оглянулась, я не реагирую, и с легким вздохом тихонько убралась, дабы не тревожить размышления крупного государственного деятеля.

Я перевел взгляд на разгоревшийся костер, языки пламени заполнили весь камин, оттуда несется тихий довольный рев, словно огонь на самом деле такой зверь, что с утробным рычанием пожирает добычу.

Система избирательной монархии, продолжала ползти неспешная мысль, хороша тем, что преемника выбирает себе сам правитель. Правда, пытаясь вспомнить, как это было в дикие времена, я вычленил три формы наследования, а могут наверняка быть больше: сеньоратная, когда наследует старейший в роду, майоратная, когда наследует сын монарха, старший на момент его смерти, и третья — по праву первородства. Отец Дитрих красиво и звучно называет это примогенитурой, это когда престол переходит сначала к нисходящему потомству в одной линии, то есть наследует старший сын, а если умер раньше отца, то его старший сын, а после прекращения допустимых престолонаследников в старшей линии к следующей по старшинству линии.

Женщины, естественно, от престолонаследия отстранены совершенно, хотя в двух дальних королевствах, по словам отца Дитриха, все же допускаются к наследованию по совершенном прекращении всех потомков мужского пола данной династии. Однако во всем остальном женщина вообще не может наследовать владения, по закону, который, как сам помню по своим

«старым книгам», ввел первый король франков Фарамонд, или, как его называли в старину, Фарамунд.

Так что король — Готфрид, а наследники — либо я, либо Родриго, но никак не Дженифер или Даниэлла, а насчет моего наследования у меня в последнее время серьезные сомнения...

Оранжевый огонь перешел в багровый, а сухой жар от камина начал вытеснять из воздуха влажность. Свет оттуда вспыхнул нестерпимо ярко, на стене напротив отпечаталась угольно-черная тень, словно сейчас ночь, а не солнечное утро.

Я моментально обернулся, поленья уже превращаются в россыпь крупных багровых углей, а оттуда медленно и грациозно поднялась багровая женская фигура, объемная, пылающая, вся в протуберанцах, а вместо глаз, ноздрей и рта пышут жаром яростно горящие оранжевые ямы.

— Ого, — сказал я, — ты подросла?

Я не ждал ответ, слишком уж что-то необычное, однако фигура колыхнулась и тихим голосом произнесла:

— Подросла?

— Когда-то, — сказал я, приободрившись, — я был знаком с огневушкой-поскакушкой.

Женщина ответила еще тише:

— Нет... я... другая.

— Чему обязан? — спросил я.

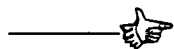
— Тебе грозит опасность, — сказала она.

Я насторожился.

— От тебя?

— Нет, — ответила она, — хозяин послал меня предупредить. Тебе нельзя сегодня ночевать во дворце.

Я даже не стал допытываться, что за хозяин, у меня уже есть кое-какие связи с магами, да и просто крепкая мужская дружба, основанная на взаимных интересах.

Она покачивалась, багровая и прекрасная, как солнечная корона, я спросил тихо:

— А как-то отбиться?

— Меня послали предупредить, — повторила она. — Тебе нельзя сегодня ночевать во дворце.

— Слово в слово, — заметил я, — у тебя бедный словарный запас или ты просто...

— Я просто считаю, — произнесла она, — тебе нужно повторять и повторять такие простые вещи.

— Ого, — сказал я, — кто-то на той стороне юморит?.. Или это сарказм? В общем, мне не отбиться, даже при том, что предупрежден, значит — вооружен?

— У тебя пока нет такого щита, — ответила она. — А раз так, то самое разумное — спрятаться.

— Когда это рыцарь поступал разумно? — возразил я. Она произнесла ровным голосом:

— Послание передано.

Ее тело начало терять протуберанцы, уменьшаться, я торопливо прокричал:

— погоди, как тебя вызвать?

Она покачала головой, продолжая уменьшаться.

— Никак...

— А кто тебя прислал?

— Хозяин...

Она опустилась в огонь, превратившись в нечто крохотное, как бабочка из пламени, я всматривался в бешено пляшущие оранжевые языки и вроде бы угадывал ее лицо и очертания фигуры то в одном месте, то в другом, но тут же убеждался, что либо она всегда там, либо мне мерещится.

Выборы завтра, сейчас из дворца исчезнуть хоть на полдня, это же все может рухнуть. Я, конечно, зря все завязал на себя, но, с другой стороны, а как иначе, если затеял такое, что большинство просто даже не понимают...

Сэр Жерар появился на пороге чопорный и бесстрастный.

— Сэр Жерар? — спросил я нетерпеливо.

— Ваше высочество!

— Что такого особенного? — спросил я.

— Леди, — провозгласил он торжественно, подражая церемониймейстеру, — Элинор!

Я невольно поднялся из-за стола, а в кабинет вошла Элинор, царственно-прекрасная, прямоспинная и невероятно высокомерная, однако заулыбалась и протянула ко мне руки.

— Ричард!

Я поспешил навстречу, она обняла по-матерински, обдав волной тонких духов, все такая же юная и цветущая, если не больше, чем ныне ее дочери Дженифер и Даниэлла.

— Я счастлив, — сказал я деревянным голосом, — меня страшило, что опоздаете... леди Элинор.

Она чарующе улыбнулась.

— Как я могу это пропустить? Герцог бы мне такое не простил...

Я пробормотал:

— Похоже, вы не знаете...

Она встревожилась, в глазах метнулся страх.

— Чего не знаю?

— Герцог был избран Верховным Магистром, — сказал я, — Ордена Марешаля...

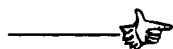
— Прекрасно...

— И отбыл срочно в Геннегау, где сейчас собрали капитул, — закончил я упавшим голосом. — Потому завтра голосование пройдет без герцога.

Она в испуге прижала ладонь ко рту.

— Но как же...

Я сказал успокаивающе:

— Леди Элинор, ваш супруг настолько щепетилен, что не желал своим присутствием заставить или даже побудить кого-то проголосовать не так, как тому бы хотелось. Он очень благороден и рыцарственен, даже слишком. В старых добрых традициях, когда все — чести и славе, а себе — ничего. Я просто рассчитываю, что он все-таки прибудет сразу после выборов. Пусть на пару дней позже. Если не сумеет, а на это похоже, то через недельку-две... Кстати, как там Дженифер?

Элинор, еще не отойдя от шокового известия, проговорила как во сне:

— Она счастлива, уже меня кое в чем обогнала... Но как же Готфрид? Может быть, мне лучше поехать за ним?

— А если разминетесь снова? — спросил я. — До Савуази путь неблизкий. Вообще-то и две недели пути, это я так, скрасил.

Она вскрикнула в отчаянии:

— Однако... что делать?

— Подождите, — посоветовал я. — Кстати, я собрал в Геннегау лучших магов, чародеев, колдунов, даже некромантов, что теперь простые или очень даже непростые алхимики. И они счастливы заниматься тем, чем занимаются. Можете полюбопытствовать...

Она вздохнула.

— Мне будет не доставать Дженни.

— Гм, — сказал я. — Знаете ли, пока располагайтесь и отдыхайте, а я что-нибудь придумаю.

Глава 14

Придумывать не пришлось, я просто реализовал идею, что давно всплывала в мозгу и начинала брыкаться так усиленно, что уже обращал на нее внимание.

Я вернулся в личные покои, куда нет доступа никому, подошел к зеркалу и с усилием представил себе комнату леди Элинор, какой видел в последний раз.

Некоторое время ничего не происходило, я расслабил тело и мозг, представил снова, отчетливее, добавил страстное желание увидеть... и через несколько секунд увидел на той стороне массивный стол с двумя подсвечниками из золота на длинных ножках, что в первый раз показались мне похожими на копья. По три толстые свечи дают ровный ясный свет, но только пламя не двигается и даже не колышется, когда я тогда якобы нечаянно взмахивал рукавами.

Не теряя времени, я взялся руками за раму, почувствовал, как по пальцам пробежало это странное ощущение... и шагнул вперед.

Поверхность чуточку сопротивлялась, будто я слишком уж напер, на мгновение перехватило дыхание, а в следующий миг чуть не выпал в комнате леди Элинор.

За окном щебечут ее ручные птицы, в шкафу громятся фолианты, ничего особенно не изменилось, только вещей стало побольше.

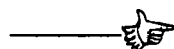
Дженифер бросает щепотки разноцветного порошка в тигель, там вспыхивают огоньки, иногда потрескивает. Дженифер время от времени довольно уверенно бормочет заклинание и делает руками с растопыренными пятернями пассы.

Я в незримости тихонько зашел на ту сторону, застыл, а когда она выкрикнула очередное заклятие, сбросил с себя личину невидимника.

Дженифер охнула, отшатнулась с выпученными глазами, а я продолжал стоять тупо и мрачно, не двигая даже бровью.

Отдышавшись от испуга, она пролепетала:

— Кто... ты?

— Демон, — ответил я загробным голосом, — которого ты вызвала.

Она снова охнула, будто для нее новость, что вот так их и вызывают, проговорила испуганно:

— А почему ты так похож... на моего брата?

— Не знаю, — ответил я. — Наверное, ты о нем помнишь.

Она храбро задумалась, сказала уже чуть смелее:

— Да... наверное... а ты... кто? И что умеешь?

— Умею? — перепросил я. — Могу, к примеру, доставить тебя в течение минуты к твоей хозяйке.

— Хозяйке?

— Леди Элинор, — пояснил я. — Так ее зовут здесь, на земле.

Дженифер пролепетала испуганно:

— А... где... ее еще знают?

— Да у нас в аду, — ответил я небрежно. — Ее там все знают! Еще как. И даже весьма уважают. Хочешь, я доставлю тебя к ней?

Она спросила испуганно:

— В ад?

— Нет, — ответил я. — Она сейчас в Геннегау разговаривает с сэром Ричардом... Ну, тот вообще зверь! Его и в аду боятся. Как только заходит, все разбегаются. А кто не спрятался, понятно... Так доставить к ним?

Она поколебалась, я видел, как страх и надежда проносятся по ее личику, а иногда и что-то хитрое, дескать, вот как они ахнут, наконец сказала отважно:

— Да!

— Тогда сперва завяжем глаза, — сказал я. — Не бойся, это для того, чтобы не сойти с ума от вида бездны, которую придется преодолеть между звездными мирами...

Она трепетала, но позволила себе завязать глаза, я поднял ее легкое тело на руки, перешел в комнату Эли-

нор, а там вызвал изображение своего кабинета в Геннегау и очень медленно переступил грань, стараясь, чтобы Дженифер ее не ощутила.

Уже в своих покоях я перешел в свой кабинет, поставил ее на ноги перед дверью и сказал строго:

— Не оборачивайся! Выйди в эту дверь, а там найдешь и леди Элинора, и Ричарда Из Ада.

Она не двигалась, пока снимал повязку, а потом взялась за ручку двери и медленно потащила на себя. Теплохранители подхватились, я прижал палец к губам, и едва Дженифер замедленно переступила порог, закрыл за нею, перебежал на цыпочках обратно в покои и вышел оттуда.

Элинора за это время вряд ли успела пересмотреть даже первую полку с фолиантами, я вошел без стука, ахнул и отшатнулся, когда она, перепуганная насмерть, с расширенными в ужасе глазами, бросилась мне навстречу:

— Ричард!.. Немедленно беги!.. Скорее, скорее!

Я крикнул:

— Что стряслось?

— Только что здесь был... было... нечто ужасное!.. Это такая мощь, такая... я чувствовала себя муравьем перед быком!.. Он искал тебя, а когда не обнаружил, ринулся по твоему следу...

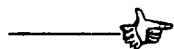
— Моему следу? — спросил я внешне беспечно, хотя сердце трепещет в ужасе. — Ну, след у меня особый...

— Ричард! — кричала она в страхе. — Беги немедленно!.. Где бы ты ни был, но он увидит, что тебя там нет, и вернется... Беги!..

— А вы...

Она закричала, злобно перекосив рот:

— Я в безопасности, ему нужен ты!.. Беги!

Я сам ощутил приближение неведомого, как те же муравьи и кузнечики чувствуют приближение страшной грозы, которая затопит их домики.

Не останавливаясь, я взбежал на самую высокую башню, стражника послал вниз за флагом, а сам быстро перетек в птеродактиля и взметнулся вверх, с такой мощью работая крыльями, что через минуту дико заломило суставы в плечах.

К счастью, никто не всадил вдогонку стрелу, как было, когда стартовал с балкона, и я понесся изо всех сил в сторону от дворца и Геннегау, а когда оглянулся, сердце стиснула ледяная рука ужаса: над дворцом повисло темное облако, словно из мириад пчел, оно опускается к земле и постепенно расползается на весь город.

Я несся куда глаза глядят, в голове ничего, кроме слепого ужаса, и лишь когда далеко впереди посреди скалистой возвышенности гордо поднялся огромный и прекрасный в своей мощи замок, очень высокий, просто невероятно, примерно три этажа сплошной камень, будто вырублен из цельной горы, выше уже с окнами в два этажа, а дальше начинается тщательно спланированный беспорядок высоких и не очень башен, толстых и совсем тонких, с острыми шпилями крыш и ровными плоскими площадками с зубчиками на окружающих барьерах, мостиками и ажурными переходами. Некоторые кажутся бессмысленными, но на самом деле где-то служат распорками, где-то растяжками, в некоторых местах даже мне, такому умному, непонятно, но явно же не просто для красоты.

Примерно на уровне шестого-седьмого этажа разбиты небольшие клумбы и даже сады на выделенных для этого площадках, еще один садик опоясывает самую толстую из башен, а выше уже хаос из шести разно-

высоких башенок, что вырастают из старой, как ветви из материнского дерева.

Аманье, мелькнуло у меня в птеродактилевой голове, родовой замок Вирланда Зальского. Когда-то моего непримиримого противника, а потом осторожно занявшего нейтральную позицию...

К крепости по прямой дороге мчится отряд из пяти всадников, над ними гордо реет стяг лорда Рудольфа Германа Лотце. Если не ошибаюсь, он сам скачет впереди на крупном буланом коне...

Я в личине незримника сел на самой высокой башне, а там, превратившись в человека, первым делом сорвал с головы шапку и швырнул через край, а сам по-нехся по лестнице, прыгая через три ступеньки.

В самом низу встретились двое, я прижался к стене, оба прошли совсем рядом, я с облегчением понял, что никто тут не носит амулет против исчезников, потому что Аманье в стороне от торговых путей, здесь никогда не жили ни короли, ни те из лордов, что ниспровергают королей, потому здесь и сами владельцы не ждут, что на них кто-то нападет.

Оказавшись на стене, я выбрал момент, сорвал с плеч плащ и бросил его на внутренний двор. Там он, ставший видимым, опустился на камни, а через минуту его заметил проходивший мимо мясник, остановился, оглядел, неспешно поднял.

Так с плащом в руках его и увидели двое стражников. Я не стал смотреть, будут делить или разыграют в кости, побежал по стене и уже по лестнице другой башни потихоньку спустился вниз и пошел к донжону.

У самой двери я быстро сбросил личину незримника, дернул на себя и вошел в прохладный холл, огромный, как зал, торжественный, с множеством статуй рыцарей вдоль стен.

На той стороне стражник вздрогнул, а я сказал величественно:

— Узнал принца Ричарда?.. Молодец. Беги позови сэра Вирланда. Мне тут нравится...

Вскоре наверху по лестнице загрохотало, Вирланд спускается достаточно быстро, хотя за это время еще больше раздался в брюхе, потяжелел, щеки подрагивают под собственной тяжестью, но взгляд все так же суров и прям.

С ним несколько рыцарей, на их лицах удивление просто безмерное, а на меня смотрят, словно не верят, что это я и есть.

Вирланд не преклонил колена и не сказал ритуальную фразу, что он в моем распоряжении, как и все в замке, что готовы умереть, но все сделают для меня, это и понятно, присягу мне он так и не принес.

— Дорогой герцог, — сказал я покровительственно-дружелюбно, — мне сообщили, что вы еще не прибыли на выборы короля Сен-Мари, я обеспокоился и решил поехать незамедлительно, чтоб лично поинтересоваться вашим здоровьем.

Он учтиво поклонился, на лице недоумение стало еще отчетливее.

— Ваше высочество, — проговорил он хорошо контролируемым голосом, — мне очень не нравятся всякого рода междоусобицы. Скажу сразу как человек военный, а не придворный лизоблюд: моя верность Его Величеству Кейдану остается непоколебимой. Однако я признаю, что вы для величия королевства сделали больше, чем Его Величество...

— Ну-ну?

Он продолжал с неудовольствием:

— Ввиду того, что голос нельзя разделить на доли, я решил просто воздержаться от голосования.

Я не стал спрашивать, какую бы долю он отдал мне, воскликнул с фальшивым восторгом:

— Герцог, на таких людях держится мир!.. Что ж, я все выяснил, можно отправляться дальше, но разрешите заметить, у вас не замок, а целый город! Мне показалось, в таком могут обитать только маги.

Он хмыкнул.

— Да, крепость хороша, только в сады воду таскать замаешься.

— Полагаю, — сказал я, — корни длинные и очень длинные... Я слышал, есть деревья, чьи корни свисают из свода в аду! Потому их плоды такие горькие и смолой пахнут.

Он нахмурился, ощутив неясный намек, но ответить не успел, подбежал один из его рыцарей, сэра Ховард Кастельван, насколько помню, прокричал то ли устрaшенно, то ли в восторге:

— Надвигается буря!.. Я таких еще не видел!

В небольшую щель окна видно темнеющее небо, где страшно и резко вспыхивают ветвистые молнии. Гром грохочет с большими интервалами, что значит, гроза еще далеко, но, судя по направлению, идет прямо к нам.

И усиливается, мелькнула тревожная мысль. Вообще-то в замке не промочит, как и громом не прибьет, но сердце что-то трусливо дергается, чувствует, что гроза какая-то непростая.

Ну да, не парило, не было никаких примет, предвещающих вот такое, я и то знаю насчет низко летающих ласточек и закрывающих все двери муравьев, так что гроза неожиданная, не природная, а это значит...

Молнии становятся все огромнее, ветвистее, как корни исполинского дерева-призрака, а гром уже не раскатывается, а грохочет резко и сильно.

Когда после вспышки почти сразу же раздался удар грома, а потом уже не удар, а сухой треск невероятной мощи, я понял, что гроза подошла к самому замку.

Мы поднялись наверх, в покои герцога на четвертом этаже, подошел еще один соратник Вильярда, помню его по битве в бухте, Глен Силендборг, врывающийся в окно ветер треплет его седые волосы, в глазах восторг.

— Здорово, — сказал он, — люблю!

— Грозу? — спросил я.

— Все мощное, — пояснил он. — Сильных людей, могучих коней, быков...

— Там внизу вроде бы балкон? — спросил я.

— Да, — ответил он, — нужно только спуститься на этаж.

— Не откажу себе в удовольствии, — сказал я.

Он воскликнул:

— Я с вами!

Пока мы все спускались, видели, как чернь мечется с испуганными воплями, животные и недалекие люди всегда страшатся грозы, как чего-то страшного и могучего, что приходит именно за ними, однако гроза в отличие от лесного пожара или землетрясения позволяет терпеливо и без потерь переждать под любым укрытием...

С балкона открылся величественный и ужасающий вид, словно присутствуем при первом дне творения: в небывало высоком, просто бездонном небе двигаются, как исполинские айсберги, чудовищные тяжелые громады иссиня-черных с пылающими недрами туч, сшибаются, до земли доносится отдаленный громовой удар, а наверху страшно вспыхивает горящий небосвод.

— Такого еще не было!

Туча медленно и как бы неохотно опускается под собственной тяжестью, молнии бьют все ближе, и Силендборг проговорил уже несколько встревоженно:

— Это уже начинает пугать...

— Молнии бьют в сторожевую башню, — заверил я. Он задрал голову и ответил медленно:

— Не бьют.

Голос его показался мне странным, я тоже задрал голову. Молнии сверкают так часто, что слепят слезающиеся глаза, но теперь и я заметил, что они как бы образуют перед замком некий уродливый забор, похожий на исполинскую рыбацкую сеть, полыхающую и вспыхивающую каждое мгновение на ином месте, так что нечего и думать, чтобы проскочить в ячейку...

Я не успел понять, почему мне пришла в голову такая мысль, как за спиной послышались торопливые шаги бегущего человека. Это оказался простой стражник, грузный и тяжелый.

Он перешел на шаг и проговорил торжественно, хоть и задыхаясь от быстрых движений:

— Милорд, с той стороны крепости забор из молний... Ох, простите, здесь то же самое!

Стоявший рядом Вирланд повернулся ко мне, в глазах беспокойство начало уступать откровенному страху.

— Это что? Какая-то западня?

— Вряд ли, — ответил я. — Любую крепость можно взять и проще.

— Тогда почему?

Кастельван пробормотал:

— И кто это затеял?.. Для этого человека, если это все еще человек, одинаково прихлопнуть пару людей, пару комаров или пару королевств...

Молнии слились в сплошной светящийся забор, потом в стену. Я ощутил, как весь замок оказался в некоем цилиндре из молний, который вершиной уходит выше облаков, а другая сторона упирается в земное ядро.

Блеск стал таким нестерпимым, что сэры Кастельван и Силендборг зажмурились, потом закрылись ру-

кавами и даже присели к полу, только Вирланд стоял прямо, как утес.

Я некоторое время крепился, затем спрятал лицо за сгибом локтя и прислушивался к злomu шипению, где словно мириады гигантских змей разъяренно требуют, чтобы им разрешили растерзать нас и разбросать по песчинке это смешное строение.

Шипение внезапно оборвалось, сквозь черноту на периферии зрения уже не блещет расплавленным серебром, а мы оказались в середине гигантского пожара.

Я осторожно сдвинул руку, взглянул, и сердце остановилось в груди. Мы не в середине пожара, все куда хуже. Мы в самом центре моря из раскаленной лавы, что почему-то держится за невидимой границей, словно наша крепость, как мелкая игрушка, помещена в стеклянную лампу.

Сэр Кастельван проговорил дрожащим голосом:

— Сэр Ричард, вы здесь?

— Можете открыть глаза, — ответил я. — Только осторожно.

За спиной послышалось «ах» и ой», а я, перегнувшись через перила, посмотрел вниз, и сердце снова на долго в смертном страхе остановилось в груди.

Глава 15

Замок стоит на вершине бесконечно длинной и тонкой, как игла из камня, скалы посреди бушующего океана расплавленной земли и металла.

Внизу текут огненные реки, оранжевые, желтые и даже белые, на берега выталкивает багровые льдины раскаленного шлака, громоздятся невысокие холмы из сгустков металла, но все это настолько далеко, что глаз отказывается воспринимать расстояние.

Белое лицо сэра Вирланда, по нему скачут красные и багровые блики.

— Мы сейчас рухнем, — прошептал он.

— По замку нельзя ходить, — подтвердил сэр Силендбург угрюмо, — и тем более бегать... Если накрепится... ничто нас не удержит.

— Всех дураков не предупредишь, — возразил я. — Народ обезумел от ужаса. Слышите вопли?

Сэр Силендбург сказал мрачно:

— А вы смотрели на небо?

Я тут же взглянул, и сердце затрепыхалось, словно попало на раскаленную сковороду. Сверху тот же океан раскаленной магмы, теперь видно, он неспешно охватывает нас и с боков, так что огромная крепость Аманье оказалась в гигантском пузыре, окруженная молниями, хотя зачем они, если мы и так словно мошка в воздушном пузырьке...

Сердце то и дело замирает в ужасе, хотя пол пока что под нами не качается и даже не подрагивает. Хотя тогда будет поздно, стоит накрепиться хоть на дюйм, вся исполинская громада замка соскользнет с этой крохотной площадки, и мы все полетим в огненное море...

Мелькнула глупая мысль превратиться в птеродактиля, однако мы по-прежнему в пузыре в толще океана раскаленной магмы, что нависает сверху, угрожает навалиться со всех сторон, а также злорадно поджидает внизу...

— Смотрите! — заорал Кастельван.

В голосе было столько дикого ужаса, что я подпрыгнул как ошпаренный и резко развернулся, готовый к бою.

Из красной клубящейся стены огня вынырнули гигантские драконы, а на каждом сидят, пригнув головы, по три фигуры, что показались мне похожими на человеческие, только головы острые, как пики.

Сэр Силендборг проговорил дрожащим голосом, что трепетал и колыхался, как осиновый лист под сильным ветром:

— Ну что вы кричите так... у меня чуть сердце не выскочило... Ну драконы, ну съедят нас, ну что такого... это ж драконы... они для того и драконы...

Первый дракон на короткий миг завис внизу перед распахнутыми воротами, все трое всадников дружно соскочили с него и пропали из виду. Дракон пролетел мимо, за ним подлетел второй, этот даже не стал останавливаться, трое наездников соскочили на ходу и тоже исчезли.

Сэр Кастельван проговорил с облегчением:

— Вроде люди... Хоть и странные весьма.

— Я бы предпочел драконов, — буркнул Вирланд. — А вы, сэр Ричард?

— С драконами общаться легче, — согласился я. — Человек слишком хитрая и злобная скотина, чтобы его чем-то пронять: жалостью, угрозами, лестью или подкупом... Хотя... гм...

Вирланд вздохнул, собрался, судя по его виду, и сказал твердо:

— Кто бы они ни были, я хозяин!.. И должен встретить их и потребовать...

Сэр Кастельван вскрикнул в ужасе:

— Потребовать?

— А что я должен сделать? — осведомился Вирланд.

Не слушая испуганных воплей обоих соратников, он развернулся и красиво пошел с балкона через зал в сторону лестницы.

Я сказал сквозь зубы:

— Нам тоже здесь не стоит оставаться, как овцам на бойне.

— Нет! — вскрикнул сэр Силендборг. — Я не страшусь вступать в бой один против десяти, но... драконы? Это не по мне.

Кастельван промолчал, но, похоже, согласен с Силендборгом. Я кивнул и пошел вслед за Вирландом. Он уже сбежал по лестнице, внизу раздаются дикие вопли, народ разбежался, однако одна из служанок, молоденькая и худенькая, то ли сдуру, то ли с перепугу сунулась в нишу, где стоит роскошная ваза с цветами, и спряталась за нею, присев на корточки.

В холл вошли двое драконьих наездников, человеческие фигуры, но в крупной оранжевой чешуе, головы сильно вытянуты вверх, а на острой макушке красные гребни, но не петушины, а даже с виду твердые, будто из металла.

Оба вошли уверенно, словно это их жилище, молча пошли через холл, но один вдруг остановился, повернулся так резко, что я не увидел самого движения: только что он смотрел на лестницу, а через неуловимую долю секунды оказался лицом к нише.

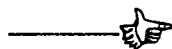
Второй повернулся так же быстро. Я увидел взмах его руки, а ваза исчезла. Не разлетелась обломками, не рассыпалась в пыль, просто ее не стало, а дрожащая служанка лишь жалобно заплакала и закрыла лицо руками.

Первый подошел к ней, грубо схватил сзади за волосы и дернул книзу, закидывая лицом вверх.

Служанка прокричала, плача:

— Только не бейте!.. Делайте, что хотите, только не бейте!

Драконид некоторое время смотрел ей в глаза, затем отпустил и, повернувшись к напарнику, качнул головой в жесте отрицания.

Тот кивнул, и они пошли к левому залу на первом этаже, а служанка продолжала всхлипывать, еще не веря в свое спасение.

Сердце мое превратилось в ком льда. Этим существам не нужны люди в замке. Как не нужен и сам замок скорее всего. Им нужен... да, они осмотрели ее так внимательно потому, что исчезник может стать незаметным, а кто-то может и вовсе измениться до неузнаваемости. И хотя я не могу превращаться в копии других людей, но они этого могут не знать. Или просто стараются не дать ни малейшего шанса скрыться.

Потому, мелькнула мысль, и такая мощь по абсолютной изоляции замка, в котором я оказался. Похоже, меня переоценивают. Или кто-то уже обламывался... точнее, кого-то я обламывал так, что вот теперь использует всю мощь.

Но мощь вообще невероятнейшая, я даже не предполагал, что такое вообще возможно. Вырвать целый участок земли, не повредив строения на нем, и перенести в такое место, откуда не сбежать!..

Таких не победить, стучало в голове. Даже не знаю, это вообще не мой уровень...

Я быстро взбежал по лестнице на второй этаж, пока дракониды проверяют людей на первом, повертел головой, прикидывая, направо или налево, а из зала выбежала женщина с распущенными волосами, бледная и трепещущая, в глазах слезы.

— Сэр Ричард! — прокричала она отчаянным голосом. — Они идут!.. Спасите меня!..

— Просто спрячьтесь, — посоветовал я быстро.

— Куда?

— Да хотя бы вон в ту нишу, — ответил я. — В залы они заглядывают в первую очередь.

Она в ужасе посмотрела через мое плечо, глаза дико расширились.

— Сзади! — вскрикнула она.

Я резко обернулся. За спиной никого, крики раздаются снизу, я начал поворачиваться к женщине, как вдруг сильная боль ожгла затылок. Там хрустнула кость, тело перекосила судорога, я смутно чувствовал толчок, затем еще один, мое безвольное тело перевалилось через перила.

Удар едва не расплющил, резкая боль пошла волнами по телу навстречу друг другу. Я выл, стонал и хрипел, стараясь поскорее вернуть контроль над телом, но сломанные кости не спешили срастаться, наконец я отполз под стену, там кое-как приподнялся и сел, привалившись спиной к стене.

Что за дура, стучало в голове, пока я опять поднимался по лестнице. От страха совсем ошалела, это, наверное, одна из гостей Вирланда? Но откуда она знает мое имя? Где-то уже видела?

Или решила принести меня в жертву этим всадникам? Трудно понять, что у женщин в голове...

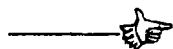
Хотя, может быть, что-то все-таки увидела? Нечто промелькнувшее настолько быстро, что сама не рассмотрела... Но зачем шарахнула со всей дури? Со страху не соображает, что делает?

Но когда столкнула вниз, то явно хотела убить...

Наверху раздался металлический лязг. Вирланд, уже облачившись в полные доспехи, но пока с поднятым забралом, с грозным топаньем спускается с верхнего этажа. Треугольный рыцарский щит за спиной, тяжелый меч держит обеими руками и злобно поглядывает по сторонам.

— Это бесполезно, — крикнул я. — Эти сволочи просто неуязвимы!

Он взглянул с высокомерием прирожденного лорда.

— А что, мне, урожденному воину, потомку героев, некогда завоевавших эти земли, смотреть, как в моем замке хозяйничают какие-то твари?

— Они неуязвимы, — повторил я. — Там на входе ваш сенешаль попытался их остановить...

— И... что?

— Один только взглянул в его сторону, — сообщил я, — и тот рухнул замертво.

Он ответил резко:

— Возможно, я успею сразить хоть одного! Зато умру с мечом в руке, защищая свои владения!

— У меня есть план, — сказал я, — как перебить их всех!

Он взглянул с надеждой.

— Говорите.

— Но сперва нужно отступить, — сказал я. — И собраться. Чтобы ударить. Больно!

Он сказал с неохотой:

— Хорошо, сэр Ричард, командуйте. Вы столько одержали блестящих побед...

— Поднимемся на этаж выше, — предложил я. — И там выработаем план.

— Вы сказали, у вас он уже есть!

— Вчерне, — пояснил я. — А мы разработаем в деталях. Чтобы ни один из них не ускользнул от нашей справедливой и неукротимой. В смысле, неотвратимой и наступающей.

Он с неохотой, но доверяя моему высочеству, вернулся со мной на этаж, потом еще на один.

Я спросил быстро:

— Есть ли какие-то тайные ходы в стенах?

Он пробормотал настороженно:

— Есть, но только один... Да и тот внизу. А там сейчас эти проклятые мародеры!.. И кроме того, сэр Ричард, а куда из замка уйти?.. Нам только драться!

— Драться будем на своих условиях, — заявил я. — Мы не должны уступать противнику преимущество только потому, что он нагло воспользовался внезапностью и незначительным перевесом в живой силе и технике! Технике исполнения, хотя она, на мой просвещенный взгляд, весьма корявая, неотработанная и неизысканная, что противоречит весьма и зело, так что это не рыцари, а как бы сказать... весьма!

Послышались шаги бегущего человека, Вирланд шагнул вперед с мечом в руке, но это оказался сэр Силендборг.

Запыхавшись, он выпалил:

— Первый этаж они осмотрели!..

— Убитых много? — спросил Вирланд.

— Только сенешаль, — ответил Силендборг с недоумением, — остальных хватают и заставляют смотреть себе в глаза! Я бы сказал, жуткое зрелище... Глаза у них, как у мерзких змей!

— И что потом? — спросил Вирланд с великим напряжением в голосе.

— Ничего, — ответил сэр Силендборг и развел руками. — Впечатление такое, что ищут кого-то. Но почему так сложно?

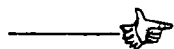
Вирланд быстро зыркнул в мою сторону, помялся и ответил нехотя:

— Видимо, кто-то умеет от них ускользать, это очевидно.

— И такие предосторожности? — воскликнул Силендборг в изумлении. — Окружили замок молниями, чтоб никто не выскочил, а потом вообще перенесли в этот ад... Даже не представляю!.. А еще этот кто-то умеет, видимо, принимать вид других людей!

— Может, — возразил я, — не умеет.

— Тогда почему?

— На всякий случай, — пояснил я. — Они принимают все меры. Возможно, уже упустили его несколько раз.

Силендборг сказал нервно:

— Тогда да, будут заглядывать в каждую норку!..

Внизу все еще раздаются жуткие душераздирающие крики и постепенно приближаются. Мое воображение рисовало картины ужасающих зверств, но Силендборг все время твердил, что ничего не происходит, нужно успокоиться и выждать, что будет дальше.

Мне очень не нравилось, что он все чаще поглядывает в мою сторону. В его глазах читается неясное пока требование выйти и сдаться, чтобы не подвергать опасности весь замок со всеми его людьми, я же рыцарь и паладин, а если я не делаю это, то должен показать, что скрываюсь не из-за трусости, а потому что придумал нечто, как всех этих сволочей разом взять и утопить.

— А если, — сказал я тихонько, — пробраться незаметно в холл, где уже проверенные?..

— И затеряться между ними? — спросил Вирланд, мгновенно все поняв.

— Да. Как они поступят?

Силендборг сказал с надеждой:

— Они могут решить, что либо тот, кого ищут, ускользнул, либо они окружили замок уже после того, как этот искомый покинул его, ощутив опасность... Есть такие, что чувствуют, когда их ищут и когда к ним приближается противник.

Вирланд буркнул угрюмо:

— Да? А если у них есть и другие варианты?

Я промолчал, мне понятно, что остальные варианты гораздо хуже, но сэр Силендборг спросил настойчиво:

— Что за варианты?

— Уничтожить всех, — отрезал Вирланд.

— Господи!

— А что, — сказал Вирланд, — даже мы на их месте так бы сделали. Ну, конечно, не среди своих, а во вражеской крепости.

Силендборг сказал тяжело:

— Боюсь, мы для них даже ниже, чем враги. А так... вроде стада баранов. Или мельче, мельче...

— И чтоб зараза не пошла дальше... — проговорил мрачно Вирланд.

— Все стадо забивают, — закончил за него Силендборг.

Я сказал с нажимом:

— Все-таки попытаюсь пробраться. Если схватят по дороге, вступлю в бой!.. И пусть узнают бой удалый, наш Ричардячий бой!..

Они подбодрились, уверенные речи всегда вселяют уверенность, какую бы глупость ни изрекали, потому политики всегда улыбаются во все сто акульих зубов и говорят вдохновенно о величии и культурном подъеме отдельно взятой нации.

Глава 16

Проскользнуть мимо драконидов не просто, их по двое на каждой стороне лестницы, а проверяют слишком многих. Я застывал, когда драконид поворачивался в эту сторону, а когда смотрел на других, делал короткий рывок и снова застывал.

Наконец выскользнул из сферы их зрения и на первом этаже, среди проверенной челяди, ощутил себя в относительной безопасности.

Сэр Силендборг и Вирланд, вдохновленные моим примером, тоже пробрались в зал на втором этаже, где

чужаки закончили проверку, но если Силендборг, подражая мне даже в гримасах, проскользнул незаметно, то Вирланду рыцарская гордость не позволила двигаться скрытно, словно простолюдину. Он пошел во весь рост, как офицер под огнем противника.

Один из остроголовых вскрикнул, обращая на него внимание соратников. Вирланд, увидев, что его заметили и его хитрый воинский маневр раскрыт, не стал бежать и прятаться среди толпы, отважно обнажил меч и встал в боевую стойку.

— Сражайтесь, — закричал он страшным голосом, — твари!

Остроголовые раздвинулись, один быстро протянул к безумцу руку. С пальцев сорвалась короткая искра, слепяще-синяя и острая даже с виду.

Вирланд моментально замер, его тело стало серым, как мне показалось, окаменело, затем гранитный цвет уступил блеску металла.

Остроголовые двинулись было дальше, но один, явно что-то почуяв, вернулся к толпе уже проверенных, всмотрелся заново, но не выделяя кого-то, а как бы охватывая всех одним взглядом.

Понимая, чем это кончится, я пригнулся и почти ползком выбрался, прячась за спинами, из зала в коридор, а потом начал пробираться наверх по лестнице.

Это просто чудеса ловкости, но удалось подняться на четвертый этаж, там за лестницей все еще прячется та самая леди, глаза перепуганные, спросила дрожащим голосом:

— Вы вернулись за мной?

— Да, — ответил я, — конечно, а как же!.. Зачем вы меня ударили?

Она охнула:

— Я? Да я и комара, что кусает меня, как вампир, не ударю...

— Тогда кто?

Она прошептала с трагически расширенными глазами:

— Не знаю... Я вообще не понимаю, что здесь творится... Как вы думаете, нам нужно вниз?

— Лучше подождем, — ответил я, — вам же там страшно!

— Ох, — прошептала она с благодарностью, — вы так много для меня делаете, сэр Ричард...

— Потому что это вы, — сообщил я. — Самая прекрасная и обворожительная, при виде которой у меня сразу... гм... наполняется кровью сердце и пульсирует возбужденно и страстно, готовое излить, даже выбрызнуть свои накопившиеся чувства!..

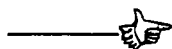
— Ах, сэр Ричард!.. Почему вы такое не говорили раньше?

— Случая не подворачивалось, — сказал я, — это сейчас, перед лицом смертельной опасности, я раскрываю вам свое сердце! Ждите здесь, я попробую пробраться вот через тот мост в ту башенку... Если не вернусь — считайте меня влюбленным в вас верно и страстно!.. Ну, а если все-таки вернусь, то, конечно, не считайте...

Она к этому времени достаточно успокоилась, чтобы оставить ее на время одну, удивительно, как легко они поддаются лживым речам, все-таки нас, мужчин, обдурить не так просто, хотя тоже не так уж и трудно... Вспомнить бы, где я ее видел, что-то с этим странное, это при моей-то памяти...

Я выскользнул тихонько в коридор, снизу плач и крики усилились. Значит, второй этаж тоже проверен, остались эти два верхних да еще башенки.

Дракониды двигаются удивительно быстро, хотя потом нередко замирают в одном положении надолго.

Как бы воспользоваться этой особенностью, но пока не представляю, хотя в этом их сила, но и слабость тоже.

Похоже, в целом они передвигаются так же, как и мы и как и все остальные существа наших размеров и веса, однако умеют на какие-то короткие моменты ускоряться, зато потом наступает соизмеримый период компенсации...

Я перебирал все способы, начиная от уйти в стену и переждать, но в стене могу находиться около минуты, не напережидаешься, могу воспользоваться браслетом Иедумэля... но щит из молний выглядит слишком серьезным, а толща раскаленной магмы, через которую надо пронестись, просто бесконечной...

Дракониды проверили этаж вниз, потом поднялись сюда, я с женщиной поднялся еще выше, на последний, но дракониды пришли следом слишком быстро.

Правда, испуганная женщина покарабкалась вверх по винтовой лестнице на башенку, а я не успел, дракониды появились просто молниеносно.

Один выбросил вперед повелительно руку. Я моментально замер, перед глазами бронзовая фигура герцога Вирланда, что-то пока не тянет стать памятником...

Убедившись, что я послушен, драконид шагнул ко мне и, чуть пригнувшись, требовательно заглянул в лицо. Я ощутил холод и страх, когда его дикие и совершенно нечеловеческие глаза впились жутким взглядом мне в зрачки. Я не только понимал, но и чувствовал, что он смотрит мне в глаза, что есть лишь мозг, выдвинутый наружу, и читает в нем, как в открытой книге, где крупные буквы и поясняющие картинки.

Мне показалось, что он смотрит целую вечность, наконец отодвинулся, жуткая панцирная морда ничего не выражает, я услышал сухой скрип, и его напарник сразу потерял ко мне всякий интерес.

Драконид, что смотрел в мое нутро, повелительно указал мне на лестницу, где несколько слуг жалко сбились в кучу в самом дальнем углу. Я тут же двинулся туда, с каждым мгновением ожидая сильнейший удар в спину, то ли выстрел, то ли разряд, то ли что-то такое, что даже не превратит меня в бронзовую статую, а вообще развеет по воздуху...

Толпа слуг чуточку раздалась, принимая лорда, в глазах страх и надежда, что вот пришел великий господин, все объяснит и успокоит, и я, сам абсолютно ничего не понимая, сказал тем голосом, каким и должен колебать воздух:

— Все, как обычно, все терпимо, не надо дергаться. Просто переждите!.. Свары между лордами вас не касаются.

Они с облегчением завздыхали, я сказал как раз то, на что все надеются, только не говорят вслух. Если эти могучие на драконах и прибыли кого-то убить, то уж точно не бедных и никому не нужных слуг...

Один из драконидов увидел приоткрытую дверь, ведущую на винтовую лестницу, что-то проскрипел напарнику и начал взбираться на башню.

Его напарник жестом велел нам идти вниз. На нижнем этаже собралась вся челядь, с верхних этажей по лестнице сбегают по одному перепуганные насмерть мужчины и плачущие женщины. Четверо драконидов, что стерегут нас, этих новых встречают лишь беглыми взглядами, а сами, я заметил, напряженно прислушиваются к тем звукам, что доносятся сверху.

Сам я не услышал ничего, кроме душераздирающих криков, воплей, проклятий, словно кто-то пытается бороться, затем донесся страшный крик ужаса и боли, такой нечеловечески страшный, что у меня кровь застыла в жилах, а крик все рос, ширился, в нем уже отчаяние,

страх, двое драконидов зашатались и рухнули на колени, но двое других бегом ринулись наверх.

Сэр Кастельван пробрался ко мне сзади, за ним и сэр Силендборг, первый спросил со страхом:

— Что это?

Сэр Силендборг ответил за меня шепотом:

— Похоже, нарвались на достойного противника.

— А кто это кричал? — спросил сэр Кастельван. — Те, кто ищет, или жертва?

— А нам это важно? — спросил Силендборг. — Пусть поубивают друг друга. Как скажете, ваше высочество?

Я покачал головой, указал взглядом в окно. Видно, как совсем близко в воздухе реют громадные и чудовищно свирепые даже с виду драконы, при виде которых я сразу вспомнил герцога Бертольда, которому обещал побывать в том мире, в котором тот когда-то сразил дракона.

Драконы один за одним садятся на площадку перед главным входом в замок, остроголовые быстро выбегают, блистая оранжевой чешуей брони, вскакивают крылатым рептилиям на загривки.

Последние двое выволокли нечто, барахтающееся в мешке из блистающих молний, тоже забросили дракону на спину, прыгнули следом.

Крылатая тварь растопырила крылья и, сильно пихнувшись лапами, так что крепость покачнулась, метнула себя в воздух.

Мы замерли, крепость наклоняется все сильнее, люди начали скользить по гладким плитам пола.

Сэр Кастельван крикнул в отчаянии:

— Ну почему...

Он охнул, отшатнулся и торопливо закрыл глаза сгибом локтя, а чудовищные молнии, резко увеличившись в размерах, наполнили воздух резким запахом озона и окружили мир.

Я ошалел от нещадного блеска, однако он оборвался почти моментально, наступила внезапная тишина, только воздух оставался режущим ноздри, но и он быстро размывался и становился нормальным.

Сэр Кастельван возопил дико:

— Все вернулось взад!.. Ура!.. Но... как?

— Неважно, — крикнул Силендборг. — Все вернулось...

Он осекся, я проследил за его взглядом. К крепости мчатся пятеро всадников, впереди на крупном буланом коне гордо скачет лорд Рудольф Герман Лотце. Рядом с ним баннероносец уверенно держит стяг с его гербом.

— Похоже, — проговорил я, — мы не опоздали к ужину.

Он воскликнул с вытаращенными глазами:

— Но... как? Мы же пробыли там целый день.

Я указал на группу скачущих к замку всадников.

— Это лорд Лотце, я не ошибся?.. Стоит спросить, что они видели.

Сэр Кастельван сказал торопливо:

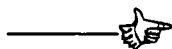
— Вы правы. Пойду встречу лично.

Он посмотрел на себя в зеркало на стене, приосанился и только сделал шаг к двери, как раздался громовой вопль:

— Где эти сволочи?.. Куда попрятались? Испугались? Я их всех порублю...

Вверху на лестнице показался герцог Вирланд Зальский, великолепный в дорогих блестящих доспехах, в одной руке меч, в другой шит с его красочным гербом и гордым девизом, забрало опущено, а сквозь щель грозно сверкают гневом глаза.

Лорд Силендборг счастливо вскрикнул, взбежал на встречу и на середине лестницы обхватил своего сюзерена и начал тискать, но через доспехи это непросто, тогда он сорвал с него шлем и вlepил звучный поцелуй.

— Дорогой друг! — воскликнул он с чувством. — Хотя мы для вас и выбрали самое лучшее место у входа в главный зал, но я готов отказаться от такого великолепного украшения... хоть и жалко, конечно...

Герцог Вирланд спросил у меня ошалело:

— Что с ним?

Силендборг вскрикнул ликующе:

— Потом объясню!.. Сперва помогу сэру Кастельвану встретить лорда Лотце!

Он умчался, а Вирланд огляделся и осведомился с высокомерием герцога, а то и принца:

— Сэр Ричард, а где эти гнусные и весьма омерзительные твари?.. Я уже присмотрел, чьи головы развешу на стене своего замка, а чьи брошу собакам. Чужим, а то мои вдруг отравятся.

— Они поняли ваши намерения, — заверил я, — и удрали.

Он воскликнул возмущенно:

— Как это?.. Без драки? Такие подлые трусы?

— Скажите, — спросил я, — что вы помните... последнее?

Он ответил злобно:

— Я увидел их, выкрикнул свой боевой клич... и что-то еще, не помню точно, поднял меч... но они куда-то пропали, затем услышал ваши голоса и спустился вот... А отчего сэр Кастельван так возликовал?

— Что вы прогнали этих тварей, — заверил я. — Кто бы не обрадовался на его месте, увидев хозяина?

Вирланд сказал с достоинством:

— Это был мой долг.

Пока Кастельван общался с Лотце и его спутниками, Вирланд вышел из здания. Сэр Лотце соскочил на землю и пошел к нему, широко улыбаясь и разводя руки для объятия.

Я вздохнул и повернулся к сэру Силендборгу.

— Боюсь, он мало что скажет.

Тот скривился и сам отправился к Лотце, но через несколько минут подошел и сказал мрачно:

— Вы правы, они ничего не увидели... Даже удивились, когда я начал спрашивать насчет грозы. Только один что-то промямлил насчет молнии, вроде бы блеснула пару раз.

— Но вы не уверены, — добавил я, — не сказал ли из вежливости, чтобы сделать вам приятное?

Он ответил упавшим голосом:

— Вот именно.

— Тогда и нам стоит, — сказал я, — как бы... спустить это на тормозах. Не отказываться, мало ли что говорят слуги, но и не подтверждать, понимаете?

Он посмотрел на меня пытливо.

— Делать вид, что всем почудилось?

— Даже слуги в это поверят сами, — заверил я. — Легче допустить такое, чем думать о такой мощи... У меня до сих пор мороз по коже! Подумать только, весь громаднейший замок вырвали из континуума...

Он насторожился, посмотрел на меня внимательно.

— Из чего-чего?

— Да это я так, — ответил я нехотя, — не мог подобрать слова, чтобы объяснить все это... когда из пространства и разом из времени... это ж какая мощь, если и вернули всех нас в ту же секунду! И даже посуда со столов не скатилась!

Он кивнул, но лицо оставалось серьезным и нахмуренным, словно пытался вспомнить, где он слышал это странное колдовское слово.

Коротко попрощавшись с Вирландом и гостями, им сейчас не до меня, я удалился в укромное местечко, а оттуда уже вылетела противная пахнущая рыбой уродливая птица, которую никто и подстрелить не захочет.

Я набрал высоту и мощно работал крыльями, стараясь стряхнуть это страшнейшее и сокрушительное унижение. Выходит, что я бегал, прятался, ползал, снова прятался, меня трясло от ужаса, но оказалось, что слишком много о себе возомнил, царь природы, такой мошкой никто не интересуется. Эти в блестящей оранжевой броне прибыли за кем-то поважнее: сбежавшим магом или волшебником, работающим без лицензии, а то и еще кем-то достаточно мощным, чтобы ищейек наделили правом абсолютной изоляции места, где удалось засечь его местонахождение.

И еще одна мысль тревожила: а не об этом ли гаде предупреждала та огненная из камина? Если так, то ищейки нечаянно спасли мою драгоценную для человечества и торжества тоталитарной демократии шкуру.

Или не совсем нечаянно? Пожалуй, если и разбежусь когда-то, то явно не сейчас.

Когда впереди вырос Геннегау, я в незримости пошел в сторону дворца, сделал круг, обостренное чувство опасности молчит, скользнул вниз, а дальше знакомый и даже натоптанный путь от смотровой площадки до своего кабинета.

Как почуяв, что принц на месте, в зале для приемов начали собираться герцоги и главные вельможи королевства. Я с тоской подумал, что все мои друзья и старые соратники разбросаны по дальним королевствам, охраняют рубежи, а я тут все еще среди чужих, где завтра выборы короля.

Сэр Жерар подошел сзади и шепнул совсем тихо:

— Только что примчался гонец. Я велел ждать в вашем кабинете.

Я встрепнулся.

— Гонец? Что-то важное.

— Говорит, очень.

— Идем немедленно. Хотя нет, стой! Отыщи мою сестру Дженифер, но не задавай никаких вопросов, ясно?.. Сразу же доставь ее к леди Элинор, если она еще не у нее.

Жерар откланялся и ушел, передо мной распахнули двери в мой кабинет. Гонец сидит на стульчике у двери, капюшон надвинут на лоб, по фигуре видно, что высокий, крепко сложен, широк в плечах, таких даже жалко использовать в качестве гонцов, видно же, что хорош и в бою, и в прыжках с крыши на крышу...

— Сэр Дарси, — сказал я. — Ну да, Дональд Дарси. Он поднялся, откинул капюшон.

— Вы очень проницательны, ваше высочество, — произнес он с великим уважением.

— Стараюсь, — ответил я настороженно.

Он огляделся.

— Вашей милой собачки, что с верблюда, что-то не видно.

— Именно, — согласился я. — Смотрит на вас из-за угла и облизывается.

Он поежился.

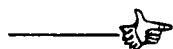
— Ваше высочество! Я к вам с очень важным донесением. Спешу предупредить, я не предал страну, как вы могли подумать, и по-прежнему верно служу королю Брандерии. Однако сведения достаточно важные, поэтому поспешил доставить их вам предельно срочно, даже не поставив в известность наши службы.

— Хорошо, — ответил я, все еще настороженно следя за его руками. — А почему это не... отклонение от государственных интересов?

— Потому что эти сведения не нанесут ущерба нашему королевству, — ответил он. — Скорее на пользу.

— Вы патриот, — буркнул я. — Ну так что там?

— Две важные новости...

— Значит, — сказал я, — одна плохая, другая еще хуже. А вы спрашиваете, с какой начинать?

Он смотрел на меня в упор, словно стараясь понять, как вот такое смогло создать могучий конгломерат из разных королевств.

— Ваше высочество, — произнес он твердо, — я не настолько изощрен. Вообще-то обе, можно сказать, лучше некуда.

Я сказал бодро:

— Так чего стоишь? Давай рассказывай громко и внятно, как Томлинсон в аду. Или сперва вина?.. Садись вот здесь, тут мягче.

Он сказал ровным голосом:

— Нет-нет, ваше высочество, я не посмею. А новости просто чудесные... Первая касается императора Карла, о котором вы велели своим людям собрать как можно больше сведений. Так вот, он после долгих и мучительных раздумий внезапно раскаялся в своих ужасных грехах, разодрал одежды на теле и удалился в монастырь, заявив, что проведет там остаток дней.

Я слушал, прибалдев, потом подумал, что подобное поведение не такое уж и редкое, многие злодеи уходили в монастыри, даже поговорка есть про черта, что под старость в монастырь пошел.

— Вот это подарок, — прошептал я тихо, чтобы не спугнуть удачу, — вот это Господь любит нас, так любит!.. Это же здорово, не надо держать в Варт Генце и Скарляндах большую армию, я их тоже заставлю работать, неча казенный хлеб зря есть да овец портить... А что за вторая новость?

Он произнес с расстановкой:

— Вторая еще важнее, ваше высочество. А хорошая или плохая, это зависит от того, кто вы есть.

— Ну-ну, давай скорей, а то лопну в нетерпении.

— Некий Мунтвиг, — сказал он, — наскоро собрав армию, вторгся в земли, что раньше занимал Карл, и с триумфом пошел захватывать его королевства!

— Мунтвиг? — переспросил я.

Он кивнул.

— Да, какой-то Мунтвиг!

Я смолчал, чувствуя, как внезапный холод прокатился по коже и начал пробираться в мышцы, а потом в кости. Тот самый Мунтвиг..

— Всех герцогов ко мне, — прорычал я лютю. — Сэр Жерар! Всех полководцев и военачальников! Быстро!.. Кто промедлит — крупно пожалеет!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	32
Глава 5	42
Глава 6	50
Глава 7	60
Глава 8	70
Глава 9	83
Глава 10	92
Глава 11	103
Глава 12	109
Глава 13	118
Глава 14	125
Глава 15	133

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1	141
Глава 2	151
Глава 3	159
Глава 4	166
Глава 5	175
Глава 6	185
Глава 7	195

Глава 8	203
Глава 9	209
Глава 10	219
Глава 11	226
Глава 12	235
Глава 13	245
Глава 14	251
Глава 15	257

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1	268
Глава 2	277
Глава 3	285
Глава 4	294
Глава 5	304
Глава 6	315
Глава 7	325
Глава 8	335
Глава 9	344
Глава 10	352
Глава 11	359
Глава 12	365
Глава 13	374
Глава 14	381
Глава 15	391
Глава 16	400

Литературно-художественное издание

БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Орловский Гай Юлий

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — ПРИНЦ-КОНСОРТ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Стариков*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *В. Фирстов*

Корректор *М. Козлова*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 09.08.2012. Формат 84×108^{1/32}.

Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 65 000 экз. (1-й завод — 39 000 экз.) Заказ № 1172.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-59068-1

9 785699 590681 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Виднов,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»

E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.

international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,**
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.

Тел. (843) 570-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 6.

Тел./факс: (044) 498-15-70/71.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (062) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ул. Бузкова, д. 2. Тел. +38 (032) 245-01-71.

Интернет-магазин: www.knigka.ua. Тел. +38 (044) 228-78-24.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksmo.kz

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.

Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601

www.bookvoed.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

ISBN 978-5-699-59068-1

9 785699 590681 >

Фич@нды

Длинные Руки —
принц-консорт

